

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

**XXVII Открытая конференция
студентов-филологов в СПбГУ**

22–27 апреля 2024 г., Санкт-Петербург

Сборник тезисов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2024

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

Полина Игоревна Кондратенко, председатель, к. филол. наук, ассистент
Кафедры немецкой филологии СПбГУ

Аглая Артёмовна Катович, сопредседатель, обучающаяся 1 курса магистратуры
СПбГУ, соруководитель секции «Литература в междисциплинарной перспективе»

Сергей Иванович Ерыкалов, секретарь, студент 4 курса СПбГУ, соруководитель
секции «Фольклор и мифология»

Артём Викторович Андреев, выпускник Кафедры математической лингвистики
СПбГУ, ООО «ОКТЕТ Лабз» (по согласованию)

Ирина Юрьевна Ганус, первый заместитель председателя Комитета по науке и
высшей школе Санкт-Петербурга (по согласованию)

Сергей Александрович Белов, к. юрид. наук, профессор Кафедры
конституционного права СПбГУ

Любовь Дмитриевна Бугаева, д. филол. наук, профессор Кафедры истории
русской литературы СПбГУ, куратор направления «Кино|Текст|Театр»

Максим Львович Кисилиер, к. филол. наук, доц. Кафедры общего языкознания
им. Л. А. Вербицкой СПбГУ, куратор направления «От классической филологии
до неоэллинистики»

Юлия Юрьевна Мариничева, к. филол. наук, ст. преп. Кафедры истории русской
литературы, куратор направления «Литература и фольклор»

Ольга Владимировна Митренина, к. филол. наук, доц. Кафедры математической
лингвистики СПбГУ, куратор направления «Общее языкознание»

Александра Витальевна Тоичкина, к. филол. наук, доцент Кафедры славянской
филологии СПбГУ, куратор направления «Славистика»

Дмитрий Наилевич Чердаков, ст. преп. Кафедры русского языка СПбГУ, куратор
направления «Русский язык»

(00 Nn) XXVII Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ, 22–27 апреля 2024 г., Санкт-Петербург: сборник тезисов.

Сборник содержит тезисы докладов, прозвучавших на XXVII Открытой конференции студентов-филологов, которая прошла в апреле 2024 г. на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Тезисы объединены в восемь направлений: «Русский язык», «Литература и фольклор», «Общее языкознание», «Славянская филология», «Романо-германская филология», «От классической филологии до неозеллинистики», «Кино|Текст|Театр» и «Будетляне». Сборник адресован прежде всего студентам и аспирантам (филологам, лингвистам, фольклористам, антропологам, культурологам, киноведам и педагогам), а также широкому кругу читателей.

Языки тезисов: русский, английский.

Тезисы докладов представлены в авторской редакции.

XXVII Open Conference for Philology Students at St. Petersburg State University, April 22–27, 2024: The Book of Abstracts.

This book contains contains abstracts of papers presented at the Open Conference for Philology Students, which was held in April 2024 at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University. The abstracts are organized under eight general thematic categories: «Russian language», «Literature and folklore», «General linguistics», «Slavonic philology», «Romanic-Germanic philology», «From Classical philology to Neo-hellenistics», «Cinema|Text|Theatre», «Budetliane». The collection is addressed primarily to undergraduate and graduate students (philologists, linguists, folklorists, anthropologists, cultural studies scholars, film scholars, and educators), as well as to a wide range of readers.

Languages of abstracts: Russian, English.

Abstracts are presented in the author's edition.

Подписано к использованию **00.00.2024**

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22

E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК.....	13
История и диалектология русского языка.....	13
Категория одушевлённости в древнерусских хождениях XII—XIV вв.....	13
Проблемы сбора и описания ангионимической лексики в русских говорах.....	14
Буду резать, буду бить, всё равно тебе голить: о лексических регионализмах Новосибирска в сфере детских игр.....	14
Лексико-семантическое поле «грех» в посланиях протопопы Сильвестра.....	15
Семантика и функционирование стереотипной формулы «бить челом» в русском языке XVI—XVII вв.....	17
Палеографические особенности следованной Псалтири Q.п.I.37.....	18
Структурные модели устойчивых предложно-падежных сочетаний в деловом и обиходном языке Московской Руси XVI—XVII вв.....	18
Антропологистика: Человек, Язык, Культура.....	20
Способы выражения семантики цели в синтаксисе детской речи.....	20
Прецедентные кинофразы: функционирование в современном публицистическом тексте. 21	
Концепт «земля» в военных произведениях В. С. Высоцкого.....	22
Концептуальный анализ метафор в российском политическом дискурсе.....	23
Особенности киргизского субстандарта русского языка (на материале законов Кыргызской Республики).....	24
Религиозный дискурс: границы понятия и способы реализации деструктивных стратегий.....	25
Скобки как маркер языковой рефлексии.....	26
Рефлексив «проще говоря» в художественных текстах XIX — середины XX века.....	27
Лексикология и стилистика русского языка.....	29
Семантика терминов быта в словарных статьях и восприятии наивного носителя на примере лексем «майка» и «футболка».....	29
«Можно» vs «возможно»: функционально-семантическое соотношение, или о конкуренции двух слов в повседневной речи.....	30
«Школьник» vs «школяр»: как старшеклассники осваивают лексическую синонимию в рамках учебной программы по русскому языку.....	31
О русских заключительных формулах вежливости в деловой переписке на фоне китайской лингвокультуры.....	32
«Уж она-то бельмеса смыслит»: антонимизирующие трансформации фразеологических единиц русского языка.....	33
«Твоё лицо да богу в уши»: о модификации устойчивых единиц в целях создания комического образа женщины в интернет-пространстве.....	33
Настоящее в прошедшем в аспекте замысла автора (на материале романа Е. Г. Водолазкина «Авиатор»).....	34
Специфика комментариев на онлайн-маркетплейсах.....	35
Репрезентация оценки в любительских рецензиях на книгу (на русском и итальянском материале).....	36
Семантика колоративов «красный» и «жёлтый» и их оттенков в романе «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова.....	37
Функционирование лексемы «дефолт» и ее производных в русской разговорной речи..	38

Набор и функции хеджей в судебных решениях (по русским корпусным данным).....	39
Русские метаоператоры лексической сложности.....	40
Семантические особенности экономической терминологии в отрасли электронной коммерции.....	41
Использование англицизмов в текстах песен современного русского рока.....	43
Грамматика и семантика русского языка.....	44
Вставные конструкции в письмах Ф. М. Достоевского к жене.....	44
Пунктуационное оформление слова «наверное» в интернет-коммуникации.....	45
Устойчивые «стихийные» конструкции в современном русском языке: экспериментальное исследование.....	46
Функциональные и грамматические особенности конструкции «это когда».....	47
Система значений аббревиатурной конструкции как семантическое поле.....	47
Модели описания сложносокращенных онимов.....	48
Аббревиатурная группа сложносокращенных прилагательных (на примере аббревиатурной группы «авто»).....	50
Аббревиатурная группа «энерго» в ономазиологическом освещении.....	51
Лексико-грамматические особенности именных коммуникем-энантонимов в русской публицистической речи.....	52
Лингвометодические основы описания и изучения русского языка как иностранного.....	54
Когнитивная структура глагола «барахтаться» в современном русском языке.....	54
Устойчивые сочетания в художественном фильме «Чебурашка» (лингводидактический аспект).....	55
Работа с фрагментом фильма «Я худею» (2018) на уроке РКИ по теме «Здоровый образ жизни».....	56
Речевая характеристика персонажа как средство создания художественного образа в русской визуальной новелле (на примере визуальной новеллы Евгения Сокарева «Зайчик»).....	56
Национально-прецедентные феномены в видеоигре «Atomic Heart».....	57
Приемы языковой игры в заголовочном тексте (на материалах газеты «Известия»).....	58
Глагольные средства выражения динамики и их арабские аналоги: поиск эквивалентности.....	59
Терминология персидской деловой коммуникации в электронной среде.....	60
Анализ употребительности русских паремий с компонентами «долг», «честь» и «совесть».....	61
Образы-эталоны, характеризующие толстого и худого человека в устойчивых сравнениях русского языка (на фоне китайского).....	61
Национально-культурная специфика фразеологизмов с наименованиями музыкальных инструментов в русском языке на фоне китайского языка (на примере фразеологизмов с компонентом «колокол»).....	62
Способы оценки лексической сложности: учебные материалы на L2.....	63
Формирование коммуникативных навыков у студентов при обучении русскому языку как иностранному посредством онлайн-инструментов.....	64
Использование игры «Путешествие по Санкт-Петербургу» на занятиях по русскому языку как иностранному: лингвометодический аспект.....	65
Об особенностях работы с синонимичными парами и рядами на уроке русского языка в китайской аудитории.....	66

Коллоквиалистика (анализ устной речи).....	68
Голосовое сообщение как новый жанр: способы ввода в интернет-переписку.....	68
Текстовая категория темы в субжанрах вебинара (бесплатный репутационный вебинар)..	69
Комические паспарту: к постановке проблемы.....	70
Брать выражения из английского — это ту мач?.....	71
Корпусное исследование передачи очереди в диалоге мужчин и женщин.....	71
Вдох / вздох как паралингвистический элемент звуковой цепи: сравнение сегментных и супraseгментных употреблений.....	72
Особенности функционирования устойчивой неоднословной единицы «без + X» в устной речи.....	73
«Ну короче»: об одном из маркеров старта в русской повседневной речи.....	74
Особенности функционирования выражения «знаешь там» в русской повседневной речи	75
ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР.....	77
Русская литература: теория, поэтика.....	77
Хронотоп как отражение внутреннего становления «нетронутых» героев в «таинственных повестях» И. С. Тургенева.....	77
Жанровая специфика стихотворений в прозе В. М. Гаршина.....	78
Стилистические особенности «Моих тысячелетий» Д. Кнута.....	79
Христианская и буддистская аксиология в творчестве И. А. Бунина.....	80
Фланёр за рулём: адаптация образа фланёра в романе «Ночные дороги» Гайто Газданова.	81
Архитектоника пространства в романе Юрия Домбровского «Хранитель древностей»..	82
Отсутствие пунктуации как минус-прием в современной русской поэзии.....	83
Русская литература: история.....	85
Рассказ О. М. Сомова «Оборотень» как полемическое высказывание.....	85
Платоновский миф и французский гермафродит: по поводу «Фраголетты» В. Г. Теплякова.....	85
Поэтика «реального» и «фантастического» в романе М. Н. Загоскина «Искуситель».....	86
Мотив музыки в «Автоматических стихах» Б. Ю. Поплавского.....	87
Почему Н. Я. Берковского изгнали из РАПП?.....	88
Фигура А. С. Пушкина в эссе и заметках В. Т. Шаламова 1950—1960-х гг.....	89
Повесть «О разбойнике, спасшемся покаянием» в составе Сводного патерика.....	90
«Почему Кирилова монастыря старцы Иосифовыхъ старцовъ не любятъ?»: посмертные чудеса минейного Жития Иосифа Волоцкого в контексте церковной полемики XVI в... 91	91
Между детским и взрослым: к вопросу о соотношении двух векторов творчества А. И. Введенского в стихотворениях для детей.....	92
Переосмысление жанровых традиций в «гимнах» В. Сосноры.....	93
Мотив немоты-говoreния в романе «Два капитана» и его инсценировке (мюзикле «Норд-Ост»).....	94
Литературная репутация Александра Морева.....	95
История зарубежных литератур.....	97
Тема разрушения старого мира в «Смерти Артура» Т. Мэлори и «Королевских идиллиях» А. Теннисона.....	97
Теодицея в драме П. Кальдерона «Поклонении кресту» сквозь призму художественной	

системы барокко XVII в.....	98
Неоготические мотивы в романе И. Уэлша «Резьба по живому».....	99
The History of Medieval Literature: Robert Henryson's Fables, Didactic Elements, and the Church.....	100
Жанровая специфика романа С. Кинга «Долгая Прогулка».....	100
Проблема определения и классификации потока сознания.....	101
Образ XIX века в литературном наследии Стендаля.....	102
Акцентный статус позиции рифмы в поэзии сэра Томаса Уайетта.....	103
Композиция и точка зрения в новелле Р. М. Рильке «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке».....	104
Мотивы изгнания в творчестве современных франкоязычных писательниц.....	105
Рекурсивный металепис в рассказе Набокова «Что как-то раз в Алеппо...».....	106
Образ Юга в творчестве Г. Гессе.....	107
Фольклор и мифология.....	109
«Всяко жили»: тема взаимоотношений мачехи и падчерицы в устных нарративах.....	109
Солдатский дневник времен Первой Мировой войны: исторический документ и репертуарный сборник ролей.....	110
Молитва по случаю в личных нарративах.....	110
Обучение кулинарии в деревне: преемственность и / или самостоятельность.....	111
Игровая лексика в воспоминаниях о детских играх в советской деревне (по полевым материалам фольклорной экспедиции СПбГУ 2023 г. в Мезенский район Архангельской области).....	112
Собирание трав в современной деревне: отношения со знанием (на примере одной деревни Архангельской области).....	113
Дети в лесу: к вопросу об освоении лесного пространства.....	114
О связи образа зооморфного корабля с мотивами оборотничества и наказания в былинных сюжетах.....	115
Женские образы в осетинском нартском эпосе.....	116
«Что тогда ребенку я скажу в ответ?»: мотив признания во внутренней речи героев жестокого романа.....	117
Образ будущего через призму ковидных интернет-анекдотов 2020—2021 гг.....	118
Мифологические основания формулы ветра в рок-поэзии.....	119
Фольклорные образы в рассказе А. С. Байетт «The Changeling» (1987).....	120
Литература в междисциплинарной перспективе.....	121
Поэтика визуального и вербального текста в авангардном плакате периода НЭПа.....	121
Категория акторности как инструмент (де-)конструирования хронотопа в поэтических телеграм-проектах.....	122
Образ женщины в современной музыкальной культуре: корпусное исследование на материале песен Анны Дзюбы.....	123
Дуализм разума и тела на материале романа Д. Трамбо «Джонни получил винтовку».....	124
Иван Елагин: поэтика, контекст, традиция.....	124
СЛАВИСТИКА.....	126
Славянская филология: языкознание и литературоведение.....	126
«Репортаж с петлёй на шее» Ю. Фучика с позиции коммуникативной стилистики.....	126
Романетто Якуба Арбеса: особенности жанра.....	126
Пословицы с компонентами-орнитонимами в чешском языке.....	127

Типология трансфера на пороговом этапе формирования русско-чешского учебного билингвизма.....	128
Лексико-семантическое поле «успех» в русском и польском языках (исторический аспект).....	129
Перевод «Повести о Гэндзи» на славянские языки.....	130
Мотив города в текстах современных польских музыкантов.....	131
Маркеры городского текста на примере романа П. Хюлле «Вайзер Давидек».....	132
Сербские пословицы с лексическими компонентами «вино» и «виноградник».....	133
Перевод и популяризация сербской литературы в российской периодике (на материалах выпусков журнала «Иностранная литература» за 1991—2023 гг.).....	134
О лексико-семантических аналогах вариантных образований в сербском и хорватском языках.....	135
Отражение исторической памяти в стихотворении «Кровавая сказка» Десанки Максимович.....	136
Славяно-германская компаративистика.....	138
Перевод иноязычных вкраплений в художественном тексте (на материале сборника рассказов Шкворецкого «Prima sezóna»).....	138
Особенности перевода пословиц и поговорок «Бабушки» Божены Немцовой на иностранные языки (русский и английский).....	139
Конструкция «хотел было... но/да» в переводах на чешский и английский языки.....	139
Пословицы-стереотипы пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» и их перевод на английский язык.....	140
Антропонимы в составе фразеологических единиц английского, французского, русского и польского языков.....	141
Концепт «смерть» в украинской и немецкой фразеологии.....	142
РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ.....	144
Лексикология (романо-германская филология).....	144
Актуализация сем прилагательных grün и nachhaltig в составе коллокаций и проблема ёмкости значения.....	144
Коллокации с лексемой nachhaltig в немецком предвыборном дискурсе (на материале партийных программ).....	145
Лексика немецкого непрофессионального ИТ-дискурса.....	147
Историческая и жанровая стилизация в либретто Рихарда Вагнера к опере «Золото Рейна».....	148
Наречия пространственной локализации по вертикали в датском языке.....	149
Сравнительно-стилистический анализ библейских фразеологических единиц в английском и русском языках.....	150
Семантика предлога «i» в современном датском языке.....	151
Грамматика (романо-германская филология).....	153
Дистрибуция форм французских относительных местоимений — косвенных дополнений при единственном числе одушевленного antecedenta.....	153
Переводоведение (романо-германская филология).....	155
Специфика передачи коммуникативного намерения в переводе экранизаций британских литературных сказок.....	155
Лингвокультурологический и коммуникативно-прагматический аспект в переводах британских художественных фильмов на русский язык.....	156
Лексико-стилистические особенности перевода субтитров с немецкого на русский язык	

(на материале сериала «Extr@ Deutsch»).....	157
Вопрос передачи многоязычия современного итальянского кинематографа при переводе на русский язык на примере фильма «Чудеса» Аличе Рорвахер.....	158
«Now» как проблема перевода.....	159
Иронический дискурс как проблема перевода художественного произведения (на материале переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на итальянский язык).....	160
Сравнение переводов реалий в произведениях А. П. Чехова с русского на английский и греческий язык.....	161
Лексико-стилистические средства создания образа лирического пейзажа (на материале «Путешествия по Гарцу» Г. Гейне и его перевода на русский язык).....	162
Дискурс и текст.....	164
Синтаксические особенности автофикциональной прозы Мэгги Нельсон.....	164
Стилевые особенности романа Джузеппе Куликкья «Все равно тебе водить» («Tutti giù per terra»).....	165
Литературные аллюзии в современном англоязычном рекламном дискурсе.....	166
Comparative Analysis of Headlines: Representation of Aboriginal Women in Australia (based on The Daily Telegraph, The Age and Australian Financial Review).....	167
ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДО НЕОЭЛЛИНИСТИКИ.....	168
Классическая филология.....	168
О двух схолиях к γυιοκόρους μελεδώνας (Hes. Op. 66).....	168
Символический язык Гераклита Эфесского.....	169
Antiphon Or. 1, 20 καὶ χειροῦργήσασα.....	170
Концепция сглаза в античности.....	170
Средневековые памятники нотариальной латыни на территории современной Португалии.....	171
Библистика.....	173
Текст «Цилиндра Кира» в свете новых фрагментов (VI в. до н.э.).....	173
Коннотация «блуждающих звезд» с обманом или заблуждением в «Протрептике» Климента Александрийского (II в.).....	173
Книга Иова в церковнославянском переводе на материале Тырновской Библии.....	174
Балканистика. Византистика. Неоэллинистика.....	176
Понтийская лира как лингвистический феномен: музыкальная терминология в языках Понта.....	176
Сравнительный обзор этнокультурных традиций греков Приазовья.....	177
Персонифицированный образ смерти в греческом и болгарском песенном фольклоре (сопоставительный аспект).....	177
Экфрасис охоты на журавлей Константина Манасси: язык и стиль.....	178
Сюрреалистические тенденции в позднем творчестве К. Кариотакиса.....	179
Художественное пространство в прозе Зиранны Затели.....	180
Переводная литература для детей в Албании 1946—1961 гг.....	181
ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.....	183
Общее языкознание.....	183
Названия ягод как лексическое средство воплощения языковой картины мира (на примере русского, английского и немецкого языков).....	183
Особенности русской музыкальной терминологии.....	184

Интерференция и переключение кодов в речи учебных билингов: опыт анализа спонтанного взаимодействия.....	185
Функции жестов в диалоге: анализ интервью.....	186
Семантика послелогога <i>gehe</i> в гуарани.....	186
Эвиденциальные стратегии в научных текстах.....	187
Особенности употребления двойственного числа в кораническом арабском языке на примере 55 суры Корана («Милостивый»).....	188
Фонетика.....	190
Распознавание акцентов и оценка произношения с помощью нейронного анализа спектрограмм.....	190
Фоносемантический анализ глаголов медленной и быстрой ходьбы русского и английского языка: сравнение.....	190
Корейско-русская фонетическая интерференция.....	191
Влияние пола на восприятие темпа речи.....	192
Восприятие интонации в синтезированной речи.....	193
Акустические проявления в голосе признаков заболевания голосового аппарата.....	194
«Меньше человекочасов — больше корпус»: автоматическое транскрибирование русской устной речи при помощи инструмента Kaldi.....	195
Анимационные фильмы на занятиях по английской фонетике.....	196
Просодические и паралингвистические признаки эмоциональной окраски, сопутствующей иронии.....	197
Фонетические характеристики речи при когнитивной нагрузке.....	198
Practical English Phonetics through the Lens of Cambridge Exams: A Preliminary Study... ..	199
Перцептивный анализ просодических коррелятов вежливости в устной русской речи.....	200
Аудиовизуальное оформление прагматического маркера «в общем».....	201
Система и норма в русской речи китайцев (на материале предложно-падежных конструкций).....	202
Просодические характеристики начала лекции и их восприятие.....	203
Эмоциональная классификация текстов методами машинного обучения с использованием лингвистических признаков.....	204
Устный и письменный текст сквозь призму выделения ключевых выражений.....	205
Распознавание речи людей, переживших сильное эмоциональное потрясение.....	206
Автоматическое распознавание английских заимствований в русской речи (на примере сферы IT).....	207
Психолингвистика.....	209
Моделирование тематической группы «Сезоны» в ментальном лексиконе русско-испанского учебного билинга при межъязыковом ассоциировании.....	209
Время в движении: восприятие пространственно-временных характеристик жестикуляции роботов детьми 4—5 лет.....	210
Заполнение пауз хезитаций в монологе-описании пожилых людей.....	211
Каждый имеет право на ошибку: самоисправления в речи учителей.....	212
Разработка материала для речевой аудиометрии у детей 7—9 лет.....	213
Достаем... эээ... двойные листочки! Паузы хезитации в речи школьных учителей.....	214
История одного чека: восприятие частотных редуцированных реализаций носителями русского языка.....	215
Компьютерная и прикладная лингвистика.....	217
Определение сходства текстов научно-популярных статей на русском языке.....	217

Суммаризация медицинских текстов с учетом автоматической разметки именованных сущностей.....	217
Сочетаемость лексики вкуса и запаха в описаниях свойств вина (методами дистрибутивно-кластерного анализа).....	218
Генерация текста по изображению на основе русскоязычных моделей.....	219
Финно-угорская филология.....	221
Экологические термины-композицы в финском языке: пути формирования.....	221
Сравнительный анализ коммуникативных стратегий в финноязычных новостных медиатекстах о природных и экологических катастрофах.....	222
Финский рекламный текст в музее: неутомимый автор или законы жанра.....	223
Формы объектного / безобъектного спряжения в венгерском языке как дейктический маркер.....	224
Персонификация в русско-финском переводе на примере перевода повести А. П. Чехова «Степь».....	225
Изображение крестьянской культуры и традиций финнов в романе А. Киви «Семеро братьев».....	225
Лексико-семантическое поле «высшее образование» в финском языке.....	226
Перевод русского инфинитива в функции побуждения на финский язык.....	228
КИНО ТЕКСТ ТЕАТР.....	229
Кино Текст.....	229
«Книжная трилогия» Р. Полански: соблазнение человеком, тайной, властью.....	229
Зелёный цвет в фильме Д. Лоури «Легенда о Зелёном рыцаре» («The Green Knight»).....	230
Дэвид Боуи. Образы в кино.....	230
Виды конформного поведения в фильме Р. В. Фассбиндера «Страх съедает душу» (1974).....	231
О поэтике фильма Джима Джармуша «Мертвец».....	232
Роман И. Немировски «Французская сюита» и его экранизация С. Дибба.....	233
Крупный план как маркер чужеродных жанровых конвенций в многокамерном ситкоме.....	234
Специфика создания визуальных образов на примере работы художницы Б. Маневич-Каплан в фильме И. Хейфица «Дама с собачкой».....	235
Советская антирелигиозная пропаганда в кинематографе: методы и особенности киноязыка.....	236
Еще раз к вопросу о сопоставлении пьесы Е. Шварца «Дракон» и фильма М. Захарова «Убить дракона».....	237
Музыкальная структура полимодального текста и её влияние на образ персонажа: три версии «Вестсайдской истории».....	238
Театр.....	239
Образы монархов в пьесе XVII в. «Темир-Аксаково действо».....	239
Система персонажей как основной принцип адаптации литературного произведения под жанр мюзикла на примере трагедии «Ромео и Джульетта» Уильяма Шекспира.....	239
История французской драмы через призму цифровых гуманитарных наук.....	240
Роль авторского текста в современном театре.....	241
БУДЕТЛЯНЕ.....	243
Будетляне. Гипотеза в филологии: научные бои.....	243
Происхождение и метаморфозы трикстера: от мифа к массовой культуре.....	243
Субкультуры и язык научно-популярной литературы.....	244

XXVII Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ

Владимир Набоков: сны романские и реальные.....	245
Плакат как знак советской идентичности в игре Atomic Heart.....	245

РУССКИЙ ЯЗЫК

История и диалектология русского языка

Категория одушевлённости в древнерусских хождениях XII—XIV вв.

Моисеева Олеся Алексеевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В памятниках древнерусской письменности количество имён, у которых проявляется категория одушевлённости, значительно различается в зависимости от времени и места написания текста и, кроме того, его жанровой принадлежности. Напр., в новгородских памятниках родительный падеж, заменивший форму старого аккузатива в случаях обозначения семантически одушевлённых объектов в прямообъектной функции, встречается довольно редко вплоть до XIV—XV вв., что связано с изначальным несовпадением номинатива и генетива в существительных м. р. *о-склонения. В текстах церковного характера можно заметить упорное и длительное сохранение форм В=И во множественном числе (в меньшей степени в единственном), что связано со стремлением сохранить вариант, представленный в переписываемом тексте.

Научная новизна настоящего исследования определяется тем, что анализ и сравнение примеров употребления имён с проявившейся категорией одушевлённости проводится на материале Хождений — памятников церковной литературы, написанных с использованием бытового, разговорного языка.

Цель доклада — охарактеризовать становление категории одушевлённости у существительных, местоимений и согласуемых с ними слов в древнерусских Хождениях различной временной отнесённости, что позволит проследить степень развития исследуемой категории в значимые для истории языка периоды. Источниками исследования послужили древнейшие списки двух рукописей (Хождение игумена Даниила — XII в., список XVII в., Хождение Стефана Новгородца — XIV в., список XVI в.), опубликованных в серии «Библиотека литературы Древней Руси». Работа с Хождением Игнатия Смольнянина (XIV в.) велась на основе текста, включённого в состав Никоновской Патриаршей летописи (XVI в.) и опубликованного в «Полном собрании русских летописей». Исследование проводилось с помощью статистического метода на базе сплошной выборки примеров.

Классификация слов происходит по таким критериям, важным для истории становления категории одушевлённости, как проявление В=Р или В=И в аппеллятивах и именах собственных, предложных и беспредложных конструкциях, местоимениях и т. д. Кроме того, учитываются род и число исследуемых слов.

Исследование показало, что в Хождении игумена Даниила частотность проявлений категории одушевлённости в онимах высокая, в то время как количество местоимений с формой В=Р практически в два раза меньше, чем с формой В=И. Показатели у имён во множественном числе с не проявившейся одушевлённостью также оказываются выше, чем у слов с формой аккузатива-генетива. В тексте, написанном Стефаном Новгородцем, количество форм В=Р практически совпадает с количеством форм старого винительного. В Хождении Игнатия Смольнянина становление категории одушевлённости можно считать близящимся к завершению, так как встречающиеся случаи с формой В=И крайне малы и не могут сравниться с числом грамматически одушевлённых имён и местоимений и согласуемых с ними слов.

Проблемы сбора и описания ангионимической лексики в русских говорах

Сагидуллина Лилия Рустамовна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В исследованиях, посвящённых соматической лексике, популярны сравнительно-сопоставительный метод (для сравнения лексики в неблизкородственных языках) и сравнительно-исторический метод (для сравнения лексики в близкородственных языках). В таких работах под соматической лексикой преимущественно понимаются наименования внешних частей тела человека, конечностей. Значительно реже встречаются работы, в которых объектом исследования являются названия внутренних органов и систем организма человека. В классификации соматической лексики по предмету наименования лексика системы кровообращения выделяется в отдельную группу и обозначается как ангионимическая [Кочеваткин, 1999].

Сложность изучения данной лексики заключается в её универсальном характере: ядерная лексика редко имеет диалектные эквиваленты. Следовательно, диалектных наименований для понятия «кровь» очень мало, самое популярное из них — *руда*. Это наименование отражает такое качество крови, как яркий красный цвет. Полевой сбор ангионимической лексики свидетельствует о том, что для носителей диалектов кровь — не столько часть системы органов, сколько жидкость, являющаяся признаком жизнедеятельности. Напр., наименование *краски* указывает на способность крови оставлять след, пачкать. Когда носитель диалекта называет сердце *серёдышем*, то стремится передать важность расположения сердца в организме. На Урале встречается глагол *разливать* в значении ‘проливать кровь’, т. е. ‘рисковать своей жизнью или убивать’.

Многие слова связаны с лексикой системы кровообращения не напрямую. Таковы названия болезней или выделений человеческого организма, которые Кочеваткин относит в отдельную группу в своей классификации. Ср., напр., *байруда* — слово, которое обозначает гной, перемешанный с грязной кровью; *бросальщик* — тот, кто занимается кровопусканием [СРНГ, 1968, вып. 3: 194]. В этом заключается ещё одна классификационная проблема, возникающая при сборе данных: значения слов, так или иначе связанные с понятием «кровь», имеют лишь косвенное отношение к кровеносной системе.

Литература:

Кочеваткин А. М. Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка: Лингвогеографический анализ: дис. ... доктора филол. наук. Саранск, 1999.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1—52. М.; Л., 1965—2021.

Буду резать, буду бить, всё равно тебе голить: о лексических регионализмах Новосибирска в сфере детских игр

Рязанова Алиса Евгеньевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В XX в. перемены в социальной и культурной среде привели к «перестройке социолингвистической системы русского языка» [Ерофеева, 2020: 598]. Её результатом стало изменение в соотношении литературного национального языка, городского просторечия и территориальных диалектов. Так, в русистике начали выделять новое

языковое образование — региолект, отличая его от традиционного диалектного членения. Роль регионального варьирования языка в настоящее время значима, однако теоретические положения, характеризующие это явление, сформированы неокончательно и пока весьма неустойчивы.

Цель доклада — выявить и описать лексические регионализмы г. Новосибирска в сфере детских игр. Мы выбрали данную группу слов, поскольку бытование лексики этой сферы в диалектной (негородской) среде более или менее исследовано, в то время как степень употребительности этих слов на тех же территориях, но в городской среде известна смутно.

Материал для исследования был собран путём опроса жителей разных регионов, анализа данных тематических интернет-форумов и словарей диалектной и региональной лексики. Удалось выявить несколько слов, использующихся для обозначения игр, их участников и игровых действий, характерных для г. Новосибирска. Таковы, напр., *голить* / *галить* 'быть ведущим в игре', *голя* / *галя* 'ведущий в игре', *зачикать* / *зачекать* 'коснуться участника игры, тем самым передав ему обязанность быть ведущим', *догоняшки* 'игра, в которой ведущий догоняет других участников игры с целью коснуться кого-то и сделать его ведущим' и др.

В докладе мы рассматриваем лексическое значение, этимологию, словообразовательные особенности, ареал использования регионализмов. Приведём конкретный пример: глагол *голить* / *галить* в «Словаре русских народных говоров» зафиксирован в значении 'водить в игре', а примеры употребления приводятся с упоминанием следующих регионов: Архангельская, Свердловская, Томская, Челябинская области, Пермский край, Урал, Сибирь [Словарь русских народных говоров, 1970: 112]. А. Е. Аникин в «Русском этимологическом словаре» выводит праславянскую форму *galiti со значением 'бросать мяч (в игре)' и считает её деноминативом от *gala 'округлый предмет' [Русский этимологический словарь, 2015: 353].

Опрос жителей различных регионов показал, что данное слово известно в восточной части России. На западе страны вместо него используют глаголы *водить*, *маяться*. Поэтому интересен путь распространения слова: этимологически восходящее к праславянской эпохе оно территориально закрепилось в восточных регионах. Не исключено, что сохранение этого значения на востоке страны вызвано контаминацией глагола с фонетически схожими неславянскими словами из области игровой терминологии, которые бытовали в этих землях. Так, М. А. Ключевая предполагает, что источником русских слов игровой семантики с корнем *гал-* является татарское, марийское, удмуртское *кала* 'город' (кон в игре) [Ключевая, 2015: 50].

Литература:

- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Т. 9. М., 2015.
Ерофеева Е. В. Региолект как континуум // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. №4. С. 596—614.
Ключевая М. А. К этимологии названия марийской игры митули // Вопросы языкознания. 2015. №4. С. 37—59.
Словарь русских народных говоров. Вып. 6. Л., 1970.

Лексико-семантическое поле «грех» в посланиях протопопа Сильвестра

Лесняк Дарья Сергеевна
студент 3 курса
Южный федеральный университет

Понятие «грех» в целом можно охарактеризовать как проступок, являющийся нарушением религиозных предписаний. В сознании людей XVI в., мыслящих исключительно религиозными категориями, концепт греха представлял из себя сложное понятие, что отражается в языке публицистики того времени. Цель нашего исследования — представить данный концепт в виде лексико-семантического поля и проанализировать контексты употребления входящих в него лексем. Материалом исследования являются два послания протопопа Сильвестра, ключевого общественного деятеля XVI в.: «Послание къ Царю Ивану Васильевичу» и «Отписка утѣшительная къ лицу неимянованному». Данные послания широко раскрывают представления Сильвестра о грехе, возмездии и взаимоотношениях Бога и человека. В докладе впервые предпринята попытка исследовать данные послания с помощью полевого метода, что определяет научную новизну нашей работы. Актуальность данной темы заключается в растущем интересе к историческому изменению концепта «греха» в целом и к личности протопопа Сильвестра в частности. Полевой метод подразумевает распределение лексики по лексико-семантическим полям на основании общности семантических функций элементов. Поле определяется как категория, подразумевающая членение некоторой языковой области на центр (ядро) и периферию; при этом возможны постепенные переходы от одних группировок к другим, частичные пересечения, общие сегменты [Попова, Стернин, 2010: 17].

В ходе исследования было установлено, что лексико-семантическое поле «грех» в языке Сильвестра представляет собой объемную систему с ядерной, приядерной и периферийной зоной, а также микрополями. Ядром поля является, собственно, лексема *грех*, а также ее синонимы *законопреступление*, *преступление* и *согрешение*.

В приядерной зоне располагаются лексемы, раскрывающие понятие греха — человеческие действия, называемые Сильвестром греховными. Это лексемы *укорять*, *злословить*, *лихоимство*, *насилование*, *наветы* и т. д.: «отъ силныхъ насилуваніе, и отъ враговъ, и отъ друговъ навѣты и оклеветание» [Голохвастов, 1874: 103].

В приядерной зоне также образуется микрополе «грешник», куда относятся лексемы, характеризующие человека как преступника перед Богом. Данные лексемы — преимущественно существительные и прилагательные: *зависть*, *лесть*, *гордость* и т. д.: «исполнены зависти и убійства, рвенія, лъсти, шепотники, клеветники, богомерски досадители, величавы, горды, обретатели злымъ» [Голохвастов, 1874: 73]. На периферии лексико-семантического поля «грех» образуется микрополе «искупление», содержащее лексемы, направленные на исправление человека: *молити*, *плакаться*, *стенание* и т. д. С данным микрополем соприкасается ещё одно: это поле «бог», описывающее Бога как праведного судью, воздающего грешникам по заслугам: *суд*, *судья*, *гнев*, *ярость* и т. д.

Таким образом, лексико-семантическое поле «грех» состоит из ядерной, приядерной и периферийных зон, содержит в себе микрополя «грешник» и «искупление», а также соприкасается с полем «бог» в периферийной зоне. Данное поле демонстрирует разнообразие лексических реализаций понятий «грех» и «грешник», подчиненный характер взаимоотношений человека и Бога, а также особенности восприятия Сильвестром образа Бога.

Литература:

- Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин Л. А.). Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. М., 2010.

Семантика и функционирование стереотипной формулы «бить челом» в русском языке XVI—XVII вв.

Лобеева Мария Сергеевна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Термин «стереотипная формула» применительно к письменным памятникам XVI—XVII вв. понимается нами как «разной степени устойчивости языковая единица, представляющая собой словосочетание, номинирующее общепринятую норму, обычай, правила поведения, житейскую ситуацию, этикетное действие и заменяющая собой развернутое информативное описание» [Зиновьева, 2023: 9].

Объектом исследования является одна из самых частотных стереотипных формул старорусского языка — полисемантическое устойчивое сочетание *бить челом*, функционирующее в разных сферах употребления: в деловом языке, в разговорной речи, в частной переписке и в дипломатических документах.

Источниками исследования послужили опубликованные выпуски «Словаря русского языка XI—XVII вв.», «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв.» и картотека этого словаря, которая хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ.

Цель исследования — провести комплексный анализ формулы *бить челом* в старорусском языке Московской Руси, заключающийся в выявлении семантики, особенностей функционирования, вариативности компонентного состава, исторической, социальной, жанровой и стилистической обусловленности в рассматриваемый период, для разработки в дальнейшем принципов описания данной стереотипной формулы в дифференцированном историческом фразеологическом словаре.

Материалы собранной картотеки позволяют выделить несколько сфер употребления формулы *бить (бивать) челом* и соответственно ряда присущих этим сферам значений в памятниках Московской Руси. Необходимо заметить, что интересующая нас формула не всегда используется только в одной чётко определённой сфере. В одном и том же значении данное устойчивое сочетание может выступать одновременно в двух и более сферах. Напр., в дипломатических документах, частно-деловых памятниках и в разговорном языке формула *бить челом* выступает в значении ‘благодарить’.

Проанализированное устойчивое выражение *бить челом* в памятниках старорусского языка представляло собой часть формуляра официально-деловых и частно-деловых документов, чаще всего челобитных разного типа (изветных, явочных и др.), а также формуляра начала и конца частных писем.

В свободном употреблении выражение представляло собой стереотипную формулу для выражения таких значений, как ‘обращаться в официальные инстанции по какому-л. вопросу’, ‘верноподданническое обращение к вышестоящим’, ‘униженно, с почтением просить о чем-л.’, ‘жаловаться, просить защиты’, ‘просить прощения, каяться’, ‘проситься на службу’.

Проанализированная формула *бить челом* допускала расширение компонентного состава для усиления экспрессии, воздействия на адресата: *бить челом со слезами*, *много бить челом*, *бить челом и плакаться*, а также для указания конкретной цели — *бить челом и извещать*. В разговорной речи формула могла использоваться эллиптически — *челом*.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI—XVII веков».

Литература:

Зиновьева Е. И. Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI—XVII веков (систематизирующий подход) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 9—26.

Палеографические особенности следованной Псалтири Q.п.I.37

Беленкова Софья Сергеевна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Псалтирь ОР Q.п.I.37 из рукописного собрания Российской национальной библиотеки является уникальной, поскольку, скорее всего, написана русским писцом на Афоне. В почерке восточнославянского писца присутствует смешение разновременных начертаний, что привело к широкому временному промежутку датировки: XII в. в «Сводном каталоге», XIII в. [Срезневский, 1877: 51] и рубеж XIII—XIV вв. [Гранстрем, 1953: 32]. Цель данного исследования — посредством палеографического и кодикологического анализа уточнить датировку. Для достижения цели были использованы палеографические таблицы И. М. Ладыженского [Ладыженский, 2021].

Рукопись представлена фрагментом из 12 листов и написана на южнославянском пергамене, что подтверждает её афонское происхождение. Так как инициалы в рукописи киноварные, старовизантийского типа, можно сдвинуть датировку до XIII века, поскольку до этого периода такая краска не использовалась. Старовизантийский орнамент в рукописях присутствует вплоть до XIV века. Кодикологический анализ, таким образом, датирует рукопись в пределах XIII—XIV вв.

В большинстве своём все графемы представлены в инновационном написании, и лишь немногие из них остаются архаичными, например омега с поднятой серединой. Помимо этого, в рукописи присутствуют южнославянские графемы зело (z) и лигатура ук (·), которые не являются характерными для древнерусского извода.

Сравнительный анализ показал, что большинство графем характеризуется инновациями, и позволил обнаружить графему *ы* с ерем, которая появляется в русских памятниках с 90-х годов XIV века. В рукописи присутствует точка в качестве знака препинания. Все эти данные позволяют сделать следующий вывод: приблизительная датировка рукописи по палеографическому анализу — конец XIII (от 1280 г.) — начало XIV века (1320 г.), то есть наша датировка соответствует датировке Е. Э. Гранстрем.

Литература:

Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей: Рукописи русские, болгарские, молдавляхийские, сербские. Л., 1953.

Ладыженский И. М. О палеографических методах датирования: краткий обзор датированных почерков второй половины XIII — первой половины XIV в. // *Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько.* М., 2021. С. 58—134.

Срезневский В. И. Древний славянский перевод псалтири. СПб., 1877.

Структурные модели устойчивых предложно-падежных сочетаний в деловом и обиходном языке Московской Руси XVI—XVII вв.

Реинер Ада Игоревна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе представлено описание продуктивных моделей образования устойчивых предложно-падежных сочетаний (УППС), зафиксированных в обиходном и деловом языке Московской Руси XVI—XVII вв. Предмет исследования — конструкции, состоящие из предлога и падежной формы знаменательного слова, характеризующиеся воспроизводимостью, единством грамматической структуры, лексического состава и семантики (*в исподе* ‘внизу’, *на век* ‘навсегда’ и т. п.).

Актуальность работы продиктована отсутствием системного исследования УППС в истории языка и необходимостью изучения таких сочетаний для уяснения их лингвистической природы, особенностей состава и функционирования. Такое исследование будет способствовать решению дискуссионного вопроса о статусе этих образований как в истории языка, так и в современном русском языке, а также об их лексикографической интерпретации.

Цель исследования — рассмотреть продуктивные структурные модели УППС и выявить их семантические особенности. В результате из «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков», его картотеки и других исторических словарей, представляющих язык этого периода, выбрано и проанализировано 620 УППС с контекстами употребления.

В количественном отношении наибольшую структурную группу представляют УППС, состоящие из предлога и существительного (88,2%), образованные по следующим моделям: 17,1% — *в (во) + N* (Acc, sing) (*в одночасье* ‘за короткое время’ и т. п.); 14,3% — *в (во) + N* (Loc, pl) (*в сердцах* ‘в состоянии гнева’ и т. п.); 10,9% — *по + N* (Dat, sing/pl) (*по правде* ‘справедливо’, *по временам* ‘иногда’ и т. п.); 10,1% — *на + N* (Acc, sing) (*на глум* ‘вызывая насмешки’ и т. п.). Остальные модели образования УППС представлены в количестве менее 10%: это сочетания разных предлогов с прилагательным (*на борзе* ‘поспешно’ и т. п.), числительным (*за один* ‘вместе’ и т. п.), местоимением (*на себе* ‘в своем сердце, душе’ и т. п.).

На образование целостного значения УППС влияет семантика предлога и основного компонента, они «выступают в новом отношении друг к другу» [Виноградов, 1972: 286]. В исследовании рассмотрена связь структурных моделей с целостным значением УППС, на которое оказывает влияние семантика предлога, разряд и семантика существительного (или другого знаменательного слова). Напр., в конструкциях *в (во) + N* (Loc, sing, pl), включающих абстрактные существительные с семантикой места или направления, сохраняется пространственное значение предлога *в (во)* (напр., *в близости* ‘рядом’, *в исподе* ‘внизу’ и т. п.), однако при сочетании с девербативами или абстрактными существительными, обозначающими чувства и состояния, образуются УППС со значением образа действия или состояния (*в отделе* ‘отдельно’, *в забвении* ‘забытый кем-л.’, *в сборе* ‘вместе’ и т. п.).

В целом исследование структурных моделей и семантических типов УППС позволяет выявить особенности формирования значения таких сочетаний, проследить процесс сложения наречий и составных предлогов в русском языке.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI—XVII веков».

Литература:

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.

Антропологвистика: Человек, Язык, Культура

Способы выражения семантики цели в синтаксисе детской речи

Рудич Виктория Юрьевна

магистрант 1 курса

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

В научной литературе встречаются лишь единичные работы о синтаксической стороне развития речи ребенка. В данном исследовании представлена попытка анализа одной из семантико-синтаксических структур языка — целевых конструкций. Цель работы — изучить, какие этапы освоения синтаксиса необходимо пройти ребенку, чтобы научиться использовать сложноподчиненные предложения цели.

Теоретическая значимость исследования заключается в рассмотрении функционально-семантического поля цели на материале детской речи. В работе представлен анализ дневниковых записей речи Жени Гвоздева, Хомы Рыко и Вари Протасовой.

Исследование было проведено с использованием следующих методов: наблюдение над языковым материалом, сопоставление, описание с элементами компонентного и контекстуального анализа, метода логико-семантической трансформации при осуществлении функционально-семантического подхода.

Проведенный анализ показал, что целевые конструкции могут появиться в речи ребенка только тогда, когда он оказывается способным построить логическую операцию: конкретные действия приводят к определенному результату, однако стоит разграничивать описание целевого действия, совершенного ребенком, и целевые конструкции, обнаруженные в языковом материале. Иногда о целенаправленном действии ребенка свидетельствует предложение, не представляющее собой целевую конструкцию.

Целенаправленность действий ребенка определяется возможностью ответа на вопрос *зачем?*, однако этот ответ может искусственно подбираться взрослым, а также быть синкретичным по своей природе. Многие единицы детских высказываний не могут быть в полной мере отнесены к конкретной части функционально-семантического поля, потому что важную роль в определении коммуникативного замысла ребенка играет речевая ситуация, рассмотрение которой не предполагается функционально-семантическим подходом.

Наличие компонента цели в действиях ребенка фиксируется в речи взрослого, описывающего действия ребенка. Так, императивы нередко комментируются с помощью союза *чтобы*. Не сопровождающиеся речью целенаправленные действия ребенка тоже комментируются взрослым посредством целевой конструкции.

В детской речи характерные черты целевой семантики наблюдаются уже в первых словах (*там*) и императивных конструкциях (*кресло отодвинь*).

Важным шагом к усвоению ядерной зоны функционально-семантического поля цели является понимание ребенком целевого назначения предметов. Далее ребенок осваивает словосочетания, содержащие зависимый целевой инфинитив, и предложения со значением модальности, начинает формулировать первые сложноподчиненные предложения (с эллипсисом союза) и только потом приходит к построению предложений с союзом *чтобы*.

Отнесение некоторых элементов детских высказываний к конкретному функционально-семантическому полю оказывается едва ли возможным по следующим причинам: детская речь эллиптическая, а особенно часто в ней оказываются пропущенными союзы, которые являются главными показателями характера отношений пропозиций; детская речь по своей природе устная, а в устной речи границы между частями сложного

предложения и отдельными предложениями стираются, так как один и тот же речевой фрагмент может быть записан и трактован по-разному.

Прецедентные кинофразы: функционирование в современном публицистическом тексте

Патрина Ксения Романовна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Прецедентные тексты являются эффективным инструментом воздействия на аудиторию, играют значительную роль в выражении авторской интенции, обогащая высказывание культурно-национальными коннотациями. Новизну исследования обеспечивает выявление семантического потенциала, сферы распространения, стилистических коннотаций конкретных прецедентных кинофраз, а также их подверженности формальной и смысловой трансформации в публицистическом тексте. Материалом для работы послужили фразы из советских кинофильмов, имеющие наибольшую популярность и находящие отражение во фразеологических и других словарях. Основным источником является «Словарь крылатых фраз российского кино» В. С. Елистратова. Прецедентные кинофразы рассматриваются в аспекте семантико-стилистического и контекстуального анализа.

Так, высказывание из кинофильма «Белое солнце пустыни» *Восток — дело тонкое* относится к числу широко востребованных прецедентных единиц. В исходном контексте употребленная главным героем кинофраза выражает идею о сложности общения с людьми других национальностей. В массовом сознании эта фраза подвергается переосмыслению и семантическому обогащению. Так, в «Словаре крылатых фраз российского кино» она определяется как ‘комментарий по поводу какой-л. трудной ситуации, проблемы, вопроса и т. п., разрешить который можно только путём тонкой дипломатии; иронично о Востоке, Азии’ [Елистратов, 2010: 65].

Анализ примеров употребления прецедентной единицы в публицистических текстах показывает, что она по большей части используется в качестве заголовка или стоит в начале высказывания. Наблюдается трансформация, выраженная заменой слова в прецедентном высказывании: *Переговоры — дело тонкое; Дипломатия — дело тонкое* и т. д. В данном случае меняется ядерный компонент предложения, который сообщает то, о чем будет идти речь в тексте. Предикативная часть *дело тонкое*, построенная с помощью инверсии, отражает уже устоявшееся в сознании носителей языка значение ‘трудный, требующий определенных знаний, навыков’, что влияет на восприятие содержания конкретного текста реципиентом, возникновение у него культурных ассоциаций.

Авторы публицистических текстов активно распространяют прецедентное высказывание *Восток — дело тонкое*, добавляя актуальную информацию о каких-либо событиях, преимущественно в сфере политики, экономики, международных отношений: «Известно, что Восток, в том числе Ближний, — дело тонкое. Но в отличие от прошлых лет форма нашего военного участия в ближневосточных процессах не чрезмерна»; «Восток, как известно, — дело тонкое, и переговоры требуют времени, сверки позиций и интересов. Надеемся, что итоги следующего раунда переговоров будут более позитивными...» и т. д. Употребление прецедентной кинофразы является средством культурной идентификации, отражает культурно-национальные знания, опыт конкретного лингвокультурного сообщества, что подтверждается вводным словом *известно* и конструкцией *как известно*.

Прецедентные кинофразы активно трансформируются носителями языка, подвергаются семантическому обогащению. В результате переосмысления компонентов исходной кинофразы появляются новые варианты ее употребления. В текстах СМИ это

отвечает требованиям публицистического стиля как одного из функциональных стилей речи.

Литература:

Елистратов В. С. Словарь крылатых фраз российского кино. М., 2010.

Концепт «земля» в военных произведениях В. С. Высоцкого

Милосердова Яна Олеговна

студент 3 курса

Государственный университет просвещения

Новизна исследования обусловлена тем, что ранее концепт «земля» не рассматривался на примере текстов военной лирики В. С. Высоцкого. И. А. Иванова отмечает, что многочисленные труды, посвящённые изучению концептов, указывают на их многоуровневую структуру и связанную с этим сложность их описания [Иванова, 2021]. Концепт «земля» как явление русской языковой картины мира представляет собой многогранное лексико-семантическое образование. Бард часто обращался к теме войны в своих произведениях, поэтому представляется интересным анализ реализации концепта именно в военной лирике.

В произведении «Братские могилы» *земля* выступает как почва, на которой отразился ужас военного боя: порох, кровь, останки: *И снова в атаку не хочется всем, / Земля — как горелая каша...* В стихотворении «Тот, который не стрелял» рассматриваемый концепт предстаёт как граница между миром живых и мёртвых: *И залп мне выдал пропуск / В ту сторону земли.* В песне «Сыновья уходят в бой» земля выступает последним пристанищем, с которым человек соединится после смерти: *Сейчас глаза мои сомкнутся, / Я крепко обнимусь с землёй.* В «Песне о погибшем лётчике» *земля* противопоставляется небу. Один лётчик погиб и остался на небе, а второй вернулся на землю. В этом случае земля находится в оппозиции с небом: верх — низ, живые — мёртвые (*Он поднялся чуть выше и сел там, / ну а я — до земли дотянул*).

В стихотворении «Мы возвращаем Землю» *земля* предстаёт уже не как мифологический образ, являющийся одним из основных в народной культуре, а как собирательный образ живого, людей, страдающих от ужаса войны: *От границы мы Землю вертели назад... Мы не меряем Землю шагами...*

«Песня о Земле» является одним из ключевых военных произведений барда. В нём *земля* живая, возникает образ земли-матери, дающей начало жизни. При описании израненной земли поэт также изображает войну как «неземное страдание» и величайшее из бедствий: *Кто сказал, что Земля умерла? / Материнства не взять у Земли / Кто сказал, что Земля не поёт / Ведь Земля — это наша душа.* Земля — почва, поверхность, планета, но также и живое существо: собирательный образ народа, образ матери-земли. Здесь концепт *земля* приобретает яркое индивидуально-авторское воплощение.

Литература:

Иванова И. А. Особенности репрезентации концепта *любовь* как культурного кода русской языковой картины мира (на материале рассказа И. А. Бунина «Первая любовь») // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора К. А. Войловой. М., 2021. С. 91—99.

Концептуальный анализ метафор в российском политическом дискурсе

Цинь Кайвэнь

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Целью исследования является анализ функционирования концептуальной метафоры в политическом дискурсе. Научная новизна работы определяется функциональным подходом к теории метафоры в контексте политической коммуникации.

В 1980 г. Г. Лакофф и М. Джонсон предложили теорию концептуальных метафор в своей книге «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон, 2004: 256], в которой подчеркивалась когнитивная ценность метафор и определялась роль метафор в процессе познания. За сорок лет, прошедших с момента создания теории, концептуальный подход к метафоре не потерял актуальности. С одной стороны, помимо собственно теоретических работ, существует большое количество исследований практической направленности, имеющих целью проверить научную обоснованность теории концептуальной метафоры и ее возможностей в кросс-лингвистическом и кросс-культурном сравнении концептуальных метафор. С другой стороны, теория концептуальной метафоры находит широкое практическое применение в сочетании с другими подходами и дисциплинами, в том числе педагогическими, экономическими и политическими. Исследованием метафоры ученые занимаются и в рамках когнитивной лингвистики, обнаруживая отличное от традиционного понимание объекта.

Так, в результате проведенного исследования были выявлены основные функции политических метафор: когнитивная, коммуникативная и дискурсивная. Эти функции отражают способность метафоры привлечь внимание аудитории к проблеме и усилить авторское воздействие.

Напр., анализ метафорической рамки русского слова *организм* (в значении ‘человеческое тело’) показал, что метафорический фрейм *организм* — это концептуализация государства, его регионов или органов управления как единого целого, подчеркивающая его неделимость, а также необходимость нормального функционирования его частей, их согласованность. Напр.: *Свою задачу и задачу правительства он видит в том, чтобы выстроить работу таким образом, «чтобы Россия была полноценно функционирующим организмом, благополучным государством, в котором хочется жить не только нашим гражданам, но в которое хочется приезжать и нашим соседям».*

В приведенном примере Россия метафорически описывается как полноценно функционирующий организм (человеческое тело), с доменом происхождения метафоры *организм* и доменом цели *Россия*. Сопоставление характеристики «жизнеспособность и функционирование» исходного домена *организм* с целевым доменом *Россия* в метафоре призвано подчеркнуть жизнеспособность государства, слаженность его работы как целого.

Таким образом, концептуальная теория метафоры часто применяется в политической сфере, а анализ способов воплощения метафоры в политическом дискурсе может помочь нам понять национальные особенности, в том числе в области политического и делового общения.

Литература:

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Особенности киргизского субстандарта русского языка (на материале законов Кыргызской Республики)

Подкорытова Екатерина Алексеевна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Русский язык на территории Кыргызской Республики обладает статусом официального. В 2000 г. принят закон «Об официальном языке Кыргызской Республики», закрепивший статус русского языка. В настоящий момент русский язык активно используется в различных сферах жизни: на русском языке ведется преподавание в школах и в большинстве университетов, законы и различные нормативные правовые акты издаются как на киргизском, так и на русском языке, русский язык используется как язык межнационального общения.

После обретения независимости Кыргызстана русский язык на рассматриваемой территории развивался в отрыве от русского языка метрополии, приобретая некоторые особенные черты, т. е. на территории КР образовался национальный вариант русского языка — киргизский субстандарт русского языка.

Термин «субстандарт» был впервые введен в 30-е гг. XX в. американским лингвистом Л. Блумфилдом. Под субстандартом лингвист понимал нелитературную форму английского языка, которая была в активном употреблении у низших слоев общества [Блумфилд, 1968: 65].

В докладе под киргизским субстандартом русского языка будет пониматься вариант русского языка с определенными особенностями, которые не характерны для русского литературного языка России. Термину «субстандарт» противопоставляется термин «стандарт» (русский литературный язык).

Русский язык на территории Кыргызской Республики уже был объектом различных исследований [Боришполец, 2014; Кузьмина, 2013]. Данные исследования главным образом направлены на изучение статуса русского языка, описание языковой политики в государстве и не затрагивают лингвистических особенностей русского языка на территории государства, что обуславливает новизну настоящего исследования.

Цель настоящего исследования — выявить и описать особенности киргизского субстандарта русского языка.

В рамках работы были проанализированы два закона Кыргызской Республики на русском языке: Конституционный закон КР от 17 июля 2023 г. № 140 «О государственном языке Кыргызской Республики», Закон КР от 19 февраля 2024 г. № 52 «О судах аксакалов». Анализ данного типа текстов позволил выявить особенности письменного русского языка на территории КР, отличающие субстандарт от стандартного русского языка законов Российской Федерации.

В процессе исследования использовались следующие методы: аналитико-описательный, включающий обзор и анализ научной литературы по теме исследования, сравнительно-сопоставительный для выявления сходств и различий в структуре и содержании законов КР и РФ, метод синтаксического и лексического анализа для обнаружения особенностей синтаксиса и лексического наполнения текстов законов.

В результате проведенного исследования удалось обнаружить, что средняя длина предложений в текстах законов КР меньше, чем в законах РФ; предложения в законах КР, как правило, не осложнены большим количеством причастных или деепричастных оборотов, однородных членов; в текстах законов встречается лексика, пришедшая в русский язык из киргизского языка.

Литература:

Блумфилд Л. Язык. М., 1968.

Боршоплец К. П. Русский язык в Центрально-Азиатском регионе // Вестник МГИМО. 2014. №2 (35). С. 63—70.

Кузьмина Т. А. Языковая политика новых независимых государств Центральноазиатского региона // Вестник КРСУ. 2013. Т. 13. №6. С. 92—96.

Религиозный дискурс: границы понятия и способы реализации деструктивных стратегий

Ласкина Дарья Игоревна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Используя функционально-стилистический подход к дискурсу, религиозный дискурс мы определяем как результат речевой деятельности, которая имеет отношение к религии. Так, религиозный текст рассматривается как целостное произведение с единством смысловой структуры, олицетворяющее речевую системность, характерную для религиозной коммуникации. Такое рассмотрение религиозного дискурса, а также использование интерпретативного подхода и лексико-семантического анализа текстов определяет новизну исследования.

Для религиозного текста, учитывая частичную секуляризацию и ослабление коммуникативных механизмов медиапространства, становятся характерными деструктивные стратегии, проявление речевой агрессии. Ниже перечислим такие деструктивные стратегии, подкрепив каждую из них соответствующим примером, полученным методом сплошной выборки из комментариев к публикации в социальной сети. Анализ языковых материалов проведен с точки зрения их перлокутивного эффекта.

Среди деструктивных стратегий выделяются следующие:

1. Создание представлений о «неполноценности» религиозной группы (*Христовы дети — просто дети коров и утонувшей мессии*);
2. Распространение информации об «исторических преступлениях» религиозной группы (*Вы своими руками разжигаете межнациональную и межрелигиозную рознь! Или вы забыли о французских революциях, когда гугеноты резали протестантов? Вижу, как вы умышленно подстрекаете мусульман на провокационные действия, сделав умалишённого профессора «национальным героем»*);
3. Распространение стереотипных представлений о криминальности религиозной группы (*Ты его видел? Какое тут расследование, какие тяжбы, он мусульманин, а значит, террорист по определению*);
4. Подчеркивание «моральных недостатков» религиозной группы (*Аллах нам завещал быть сильными и мы выдержку такую имеем, какая ни одному индусу и русскому даже во сне не снилась*).

С помощью определенного речевого инструментария автор-адресант продуцирует конфликтогенный текст, деструктивные стратегии которого трактуют «чужое» не как позицию, которую следует воспринимать в качестве непознанного и требующего внимательного и вдумчивого толерантного изучения, а в качестве неприемлемого, недостойного, враждебного и угрожающего. Такая враждебная риторика может приводить к деструкции религиозного дискурса, поскольку порождает конфликты, общую агрессивность и интолерантное отношение к религиозным группам. Важно также отметить, что описание деструктивных стратегий и их учет в методике проведения лингвистической экспертизы может облегчить теоретическую и практическую работу (например, интерпретационно-смысловой анализ) эксперта-лингвиста с религиозным текстом.

Скобки как маркер языковой рефлексии

Нообель Алёна Олеговна

студент 3 курса

Казахстанский филиал Московского государственного университета (МГУ) имени М. В. Ломоносова

После выхода статьи А. Вежбицки «Метатекст в тексте» метаязыковая рефлексия получила широкое освещение в научной литературе [Вежбицка, 1978]. В монографии И. Т. Вепревой «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху» [Вепрева, 2002] и др. ее работах представлена типология рефлексивов, маркирующих возникновение речевого напряжения.

В докладе анализ языковых примеров, взятых из интернет-дискурса, проведен на базе этой типологии.

Объектом исследования являются малоописанные в научной литературе метаязыковые функции скобок, которые можно считать пунктуационным метаоператором, имплицитно выражающим «намеки» на рефлексив [Перфильева, 2006: 90].

Скобки могут являться самостоятельным метаоператором или функционировать вместе с вербальным маркером, напр. с союзом *или* при реакции на **личностный коммуникативный критерий речевого напряжения**:

...у нас ... проживают один Камри ..., девять Мерседесов (или Мерседесок)... (Instagram).

При реакции на данный критерий эксплицируется саморегуляция речевой деятельности, проявляется стремление к выбору точного слова, что отражено и в примере со скобками. С этой целью возможно также перечисление в скобках синонимов.

Сейчас ищет эффективные средства (способы) для клининга наскальных граффити... (Telegram).

Слово *способы* является, с одной стороны, синонимом слова *средства*, с другой — помогает разграничить два возможных в данном контексте значения последнего (др. значение синонимично словам *вещество*, *орудие*). Значит, скобки маркируют реакцию на **личностный** и **деривационный** критерии. Эксплицированное разграничение смыслов одного слова относится к проявлению реакции на **деривационный коммуникативный критерий**, т. к. неразличение происходит вследствие семантической деривации.

Вероятно, скобки могут маркировать реакцию на **статистический критерий речевого напряжения**, т. е., напр., на появление нового слова: *В твиттере (X) завирусился тред...* (сайт «Правила жизни»).

Здесь новое название «Твиттера» дано в скобках, а вне скобок использовано старое, что, во-первых, проявляет концептуальное недоверие носителей русского языка к новому и непривычному, во-вторых, обеспечивает успешность коммуникации (если адресату неизвестно новое название, актуализация старого обеспечит его понимание текста).

Кроме того, отметим использование скобок для экспликации реакции на **социальный критерий речевого напряжения**.

При реализации оппозиции «свой — чужой» метаоператор *кавычки* обычно маркирует полюс «чужой» (номинации или мнения, которые не принимаются автором высказывания). Скобки же могут маркировать оба полюса, причем в них может заключаться замалчиваемая обществом номинация или мысль, которую открыто высказывает автор (часто саркастично):

Ужасный спектакль с примитивными шутками и орущим караоке... Поющая (орущая) теща, которая будит зятя уже насторожила... («Теща с сюрпризом!» / «Афиша»).

Очень смешно (нет) (YouTube).

Таким образом, можно предполагать, что скобки являются полифункциональным пунктуационным метаоператором, маркирующим рефлексив относительно статистического, личностного, деривационного (коммуникативных) и социального критериев речевого напряжения.

Литература:

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402—422.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.

Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск, 2006.

Рефлексив «проще говоря» в художественных текстах XIX — середины XX века

Волкова Аделина Наилевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В качестве теоретической основы доклада выступают научные исследования, посвященные метаязыковой рефлексии (МР) как осмыслению фактов естественного языка средствами того же естественного языка. Зачастую МР вводится в текст с помощью особых единиц (слов или словосочетаний), которые, напр., И. Т. Вепрева называет дискурсивными маркерами или метаоператорами, а М. Р. Шумарина — метаязыковыми рефлексивами. Один из них — *проще говоря*, оказавшийся в центре внимания настоящего доклада.

Рассмотрение функционирования и пропозиции рефлексива *проще говоря* в текстах художественной литературы вписывается в проблематику современных научных работ, имеющих характер антропологических исследований, что составляет актуальность настоящей работы. В докладе рассмотрена функция дисфемизации рефлексива *проще говоря* как наиболее интересная с точки зрения палитры семантических коннотаций, возникающих в контекстах, в которых он употребляется.

Ключевой лексический компонент рефлексива — наречие *просто* (со значением ‘несложно, бесхитростно’) в форме сравнительной степени *проще* — в комбинации с деепричастием *говоря*, как кажется, должен вводить контекст, представляющий упрощенное толкование какого-либо сложного или неочевидного содержания. Однако наши примеры демонстрируют разнообразие семантических вариаций метаязыковой рефлексии, мотивированных разными пропозициями.

Ср.: *До войны по Кавказскому побережью ходили еще и дилижансы. Дилижанс представлял собой громоздкую карету (проще говоря — колымагу)* (К. Г. Паустовский. «Повесть о жизни»). Приведенный контекст содержит толкование иноязычного слова *дилижанс*, т. е. метаязыковую рефлексию. Для начала приводится понятный читателю лексический аналог-синоним — *карета*, снабженный характеризующим эпитетом *громоздкая*. Далее, для того чтобы акцентировать внимание на образной характеристике этой повозки, с помощью метаоператора *проще говоря* вводится разговорное слово *колымага*, имеющее явно ироничную окраску с негативной оценочной коннотацией. Само слово *колымага*, имеет весьма показательный оттенок значения — ‘громоздкий, неуклюжий экипаж’. Так образуется синонимический ряд: *дилижанс* — *карета* — *колымага*, в котором последний синоним является не номинацией конкретного вида повозки, а характеристикой, которую можно применить по отношению к любому некомфортному виду транспорта. Таким образом, пропозиция (видимо, реальный опыт езды на дилижансе) предопределяет рефлексию автора на слово и предмет, им обозначаемый. Метаязыковой оператор *проще говоря* вводит МР, представляющую собой дисфемизированный образ предмета, названного красивым иноязычным словом *дилижанс*. Иными словами, автор подчеркивает, что новомодное, красиво названное явление на самом деле — обычная неудобная карета,

точнее — колымага. Таким образом, в данном случае *говорить проще* — означает ‘говорить образно, понятно, выразительно’.

Различные примеры с рассматриваемым рефлексивом демонстрируют другие, не менее интересные в содержательном отношении случаи реализации семантических коннотаций МР с общей функцией дисфемизации, вводимой рефлексивом *проще говоря*.

Лексикология и стилистика русского языка

Семантика терминов быта в словарных статьях и восприятии наивного носителя на примере лексем «майка» и «футболка»

Волошенкова Екатерина Дмитриевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Представленное исследование касается двух сравнительно новых для русского языка наименований предметов одежды: «майка» (первое упоминание у Н. Ф. Новикова, 1927 — Национальный корпус русского языка, далее — НКРЯ) и «футболка» (первое упоминание у В. П. Катаева, 1931—1932 — НКРЯ). Гипотеза исследования такова: лексемы «майка» и «футболка» в устной и письменной речи разговорного стиля часто смешиваются. Несмотря на то что в русском языке каждой из этих лексем соответствует собственный денотат, в речи носителей одна лексема может заменять другую. Более того, семантические признаки, которые различают в современной речи слова «майка» и «футболка», не вполне коррелируют со словарными материалами. Актуальность исследования обусловлена пониженным вниманием современной лексикографии к предметной лексике [Иомдин, 2009].

Исследование состоит из двух частей. Первая включает в себя сопоставление трактовок этих лексем в словарях (прежде всего толковых) русского языка. Вторая представляет собой анализ восприятия этих лексем носителями языка и последующее сопоставление этого восприятия со словарными дефинициями. Здесь же затронут вопрос об использовании носителями словосочетаний «майка с длинным рукавом» и «футболка с длинным рукавом». Вопрос восприятия лексем носителями языка решается двумя основными способами: анализом употребления лексем «майка» и «футболка» в примерах из НКРЯ и анализом результатов анонимного прямого опроса носителей языка. Примеры из НКРЯ, проанализированные в работе, были подобраны методом случайной выборки. Изучение и сопоставление словарных статей (Большого и Малого академических словарей, Большого толкового словаря, Большого толкового словаря существительных, словарей С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова) даёт возможность проследить изменение в словарной трактовке лексем. Так, начиная со статьи в словаре под ред. Д. Н. Ушакова [Толковый словарь, 1938: 119], где слово «майка» даётся с пометой *нов.* (новое), предмет одежды обрастает деталями: специфика ворота (*круглый или треугольный*), использование (*нижнее бельё ... иногда спортивная одежда*). Лексема «футболка» теряет помету *спорт.* (спортивное), но практически везде сохраняет указание на спорт в сфере применения (напр., *предмет спортивной одежды для верхней части тела*).

Дополнительный вопрос, возникший в ходе проведения исследования, касается употребления словосочетаний «футболка с длинным рукавом» и «майка с длинным рукавом» (более 80% респондентов слышат и / или употребляют эти выражения). При этом «футболка с длинным рукавом» употребляется чаще (согласно результатам опроса). В то же время в НКРЯ встречаются примеры употребления обоих словосочетаний.

Литература:

- Большой толковый словарь русского языка* / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
Иомдин Б. Л. Терминология быта. Поиски нормы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27—31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009. С. 127—135.
Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М., 1938.

«Можно» vs «возможно»: функционально-семантическое соотношение, или о конкуренции двух слов в повседневной речи

Загребельная Арина Сергеевна

студент I курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Объектом анализа в настоящей работе стали два модальных слова, близкие в лексико-грамматическом отношении: *можно* и *возможно*. Для слова *можно* (употребляется в качестве главного члена в безличном предложении) словари фиксируют два значения: (1) 'есть условия, возможность для осуществления чего-л.' (*можно согреться*) и (2) 'разрешается, позволительно' (*к вам можно?*) [МАС, 1982: 287]. К этой словарной характеристике близко и одно из значений слова *возможно*: (2) 'есть, имеется возможность; можно' (*ещё возможно остановить издание*) [МАС, 1981: 201]. Два других значения слова *возможно* — наречия и вводного слова — никакой конкуренции слову *можно* составить не могут. Таким образом, основу для сближения семантики этих слов составляют значения, предполагающие наличие условий, возможности сделать что-либо (*можно / возможно преодолеть трудности*), а основу для конкуренции, т. е. для ненормативных употреблений слова *возможно* — развитие у него «разрешительной» семантики, которая свойственна слову *можно* (*можно войти, но не возможно войти*). В результате интерес для исследования представляют сочетания данных слов с инфинитивом: *можно / возможно + Inf*. Цель исследования: описание функционирования рассматриваемых слов в сочетании с инфинитивом и установление сходства и различий в их семантике. Для простоты установим два критерия: (1) есть возможность, следовательно, *возможно = можно*; (2) есть разрешение, значит *возможно ≠ можно*. С этой точки зрения и рассматривается в работе корпусный материал, ср. (примеры атрибутированы с указанием корпуса «Один речевой день» (далее — ОРД) или «Национальный корпус русского языка. Подкорпус “Социальные сети”» (далее — НКРЯ СС)): 1) *за сегодняшний день возможно ж туда за... людей зарегистрировать* (ОРД) — есть возможность (нормативное употребление); 2) *по поводу этого возможно обратиться либо к ... товарищу Гилеву, потому что он с кучей конструкторов общается* (ОРД) — скорее, разрешается (ненормативное употребление); 3) *И на полубедре возможно носить ребенка с рождения* (НКРЯ СС) — скорее, разрешается (ненормативное употребление). Анализ показал, что функционально-семантическому сближению *можно* и *возможно* способствуют такие дополнительные контекстные факторы, как наличие частиц *ли / вряд ли* или обстоятельства меры и степени, ср.: 4) *Возможно ли получить вычет повторно?* (НКРЯ СС); 5) *Много нюансов, учесть которые вряд ли возможно* (НКРЯ СС); 6) *избежать хандры вполне возможно!* (НКРЯ СС); 7) *Насколько этим летом будет возможно провести свой отпуск в дальних краях?* (НКРЯ СС). Перспективным представляется также проведение лингвистического эксперимента, в котором участникам будет предложено выбрать для конструкции с инфинитивом одно из рассматриваемых слов. Результаты такого эксперимента покажут реальное соотношение этих слов в ментальном лексиконе носителя русского языка. Сделанные наблюдения могут быть важны в аспекте культуры речи, а также в практике преподавания русского языка как иностранного.

Литература:

Словарь русского языка: в 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 1. А—Й. М., 1981; Т. 2. К—О. М., 1982.

«Школьник» vs «школяр»: как старшеклассники осваивают лексическую синонимию в рамках учебной программы по русскому языку

Захарина Елизавета Васильевна

студент 1 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Исследование посвящено освоению учащимися стилистических норм на лексическом уровне. Материалом послужили примеры заданий № 24, 26 ЕГЭ по русскому языку и результаты опроса, проводившегося среди школьников 6—11 классов.

На данный момент работ, посвящённых изучению лексических норм в курсе школьной программы, не так много, хотя этот уровень языка изменяется быстрее всего и важен для освоения, так как проверка понимания стилистической окраски слов вынесена на ЕГЭ по русскому языку в задания № 24, 26. Актуальность исследования определяется необходимостью проверить соотносённость активного словарного запаса современных школьников с материалами, включёнными в задания выпускного экзамена. В рамках проведенного исследования было рассмотрено освоение лексической синонимии среди старшеклассников [Шумкина, 2013], был описан процесс пополнения словарного запаса и проведено наблюдение над изменением в употребляемой школьниками лексике [Солижонова, 2023].

Для анализа, с помощью сервиса Yandex Forms, был создан опрос, проводившийся среди учеников 6—11 классов (130 участников). Форма распространялась через социальную сеть «ВКонтакте» и мессенджер Telegram. Опрос состоял из 4 разделов: персональные данные, оценка слов с вариантами ответа «знаю/не знаю», оценка стилистической принадлежности отдельных слов, распределение слов из синонимической цепочки в зависимости от их стилистической окраски. Слова для исследования были взяты из заданий № 24, 26 ЕГЭ по русскому языку из банка данных ФИПИ и с сайта Д. Гущина «Решу ЕГЭ» [Гущин], некоторые синонимы для составления цепочек были найдены на портале «Грамота.ру».

Данные опроса обработаны и более подробно проанализированы с помощью Excel. С помощью приложения JASP проверено наличие или отсутствие корреляции различных параметров (напр., оценки по русскому языку за последнюю четверть — большой словарный запас). Сервис Yandex Forms уже на данном этапе предоставляет статистические показатели, благодаря которым можно сделать некоторые выводы.

Часто трудности при определении окраски синонимов у школьников вызывает принадлежность слова к разговорному стилю. Участники опроса либо указывали, что вообще не знают слова из разговорной лексики, либо путали разговорную с книжной (напр., неправильно определяли стилистическую окраску слова *долговязый*). Просторечные слова часто путали со стилистически нейтральными (*оступаться* в значении 'ошибаться'). Важно отметить и то, что школьники нередко обозначали слово книжного стиля как устаревшее и наоборот. Можно сделать вывод, что старшеклассники не чувствуют границы между книжной и устаревшей лексикой и не отличают слова пассивного запаса от слов активного запаса.

Литература:

Гущин Д. Д. Сдам ГИА: Решу ЕГЭ [сайт]. URL: <https://rus-ege.sdangia.ru/> (дата обращения: 08.03.2024).

Солижонова М. Ш. К. Проблемы изучения синонимии в лингвистике // Сборник материалов конференции «Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых — 2023». В 2 т. Т. 1. Архангельск, 2023. С. 712—715.

Шумкина О. Н. О работе над стилистической окраской слова в начальной школе // Вестник университета. 2013. №6. С. 320—324.

О русских заключительных формулах вежливости в деловой переписке на фоне китайской лингвокультуры

Чэнь Вэньбо

студент 4 курса

Российский университет дружбы народов

Сотрудничество Китая и России вышло на новый этап. По данным информационного агентства ТАСС, товарооборот между странами вырос на 26,3%. При налаживании деловых отношений электронная переписка становится ключевым инструментом межкультурной деловой коммуникации: «Деловое письмо — это краткий ... документ, касающийся одного вопроса ... и предназначенный для осуществления оперативного информационного обмена между предприятиями ... и их структурными подразделениями» [Кузнецов, 2018: 5]. Данное понятие распространяется и на сферу международной коммуникации, что подразумевает его уточнение согласно правилам межкультурного общения. В официальной переписке между китайскими и русскими партнерами проявляются лингвокультурологические особенности. Культуре письма, эпистолярным традициям уделяется большое внимание в нормах китайского языка. Напр., в деловом письме, в его заключительной формуле вежливости необходимо продемонстрировать исторические знания, использовать аллюзии, связанные с мифологией. Так выражается уважение к получателю. Приведем пример традиционного пожелания счастья в официальной переписке в переводе на русский язык: «Десять миль весеннего бриза поздравляют Вас с хорошими днями». Данный текст построен на основе символа счастья из китайской литературной традиции. Благодаря использованию образа «весеннего бриза» адресат не только осознает искренность пожелания отправителя, но и отмечает его знания в области традиционной китайской культуры, что способствует развитию делового сотрудничества. В заключительной формуле вежливости в русском языке часто используют предлог — часть речи, которой нет в китайском языке. Напр., предлоги есть в формулах: «Еще раз благодарю Вас (тебя) (за...). Еще раз поздравляю Вас (тебя) (с...)» [Акишина, Формановская, 2016: 19]. Носителям китайского языка сложно подбирать предлоги и соответствующие падежные формы имен, чтобы правильно выразить вежливое отношение к адресату при написании письма. По сравнению с китайскими деловыми письмами заключительная формула вежливости в официальной переписке на русском языке более краткая и прямолинейная, однако некоторые простые клише не могут быть применены в отношении китайских партнеров. Напр., заключительная формула вежливости «Искренне ваш» звучит странно для китайских адресатов. Таким образом, на материале заключительных формул вежливости в деловой переписке между носителями русского и китайского языков можно выявить лингвокультурологические особенности, которые трудно передать с помощью простых переводческих решений.

Литература:

Акишина А. А., Формановская Н. И. Этикет русского письма. М., 2016.
Кузнецов И. Н. Деловое письмо. М., 2018.

«Уж она-то бельмеса смыслит»: антонимизирующие трансформации фразеологических единиц русского языка

Сахоненко Анастасия Александровна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование посвящено описанию типов трансформаций, способных образовывать антонимичные пары для фразеологических единиц русского языка (напр., *бить баклуши* — *не бить баклуши*, *встать с ног на голову* — *встать с головы на ноги*), и ограничений на их применение.

На первом этапе проводилась работа со словарем «Фразеологизмы в русской речи» А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко [Фразеологизмы, 2001], т. к. содержащиеся в нем фразеологические единицы составляют фразеологическое ядро русского языка, а словарные статьи включают примеры трансформаций, в т. ч. антонимизирующих, которым могут подвергаться фразеологизмы. Далее речевые потенции фразеологизмов уточнялись на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и примеров из сети Интернет. Был проведен поиск, в ходе которого ко всем изучаемым фразеологизмам применялись зафиксированные в словаре и некоторые другие потенциально возможные типы трансформаций. В итоге было выделено четыре продуктивных типа антонимизирующих трансформаций: переход утвердительной формы в отрицательную, переход отрицательной формы в утвердительную, трансформации по контрасту (1), перестановка нерамочных элементов фразеологизма (2).

(1) *Но при холодной [войне] как-то еще можно жить. А при войне горячей — умираешь* [Гурченко, 1996: 290].

(2) *Поставили все с ног на голову, потом с головы на ноги, три раза ограбили, пять раз кинули, десять раз обманули — но не повесили никого* [Рубанов, 2006: 319].

Выяснилось, что существует зависимость между структурно-семантическими характеристиками фразеологизма и возможностью применения к нему тех или иных трансформаций. Так, для фразеологизмов, имеющих в своем составе финитные формы глагола и сравнительные союзы, несмотря на немногочисленные исключения, нетипичен переход утвердительной формы в отрицательную; в то же время не затруднено использование подобных фразеологизмов в контексте метаязыкового отрицания.

Результаты исследования позволяют строить обоснованные предположения относительно функционирования фразеологических единиц русского языка в общем, а также могут быть использованы для обучения русскому языку как иностранному.

Литература:

Гурченко Л. М. Аплодисменты. М, 1996.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 02.02.2024).

Рубанов А. В. Сажайте, и вырастет. СПб.; М., 2006.

Фразеологизмы в русской речи: словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. М., 2001.

«Твоё лицо да богу в уши»: о модификации устойчивых единиц в целях создания комического образа женщины в интернет-пространстве

Громова Елена Алексеевна

студент 2 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Одним из основных средств создания языковой игры является нарушение лексической сочетаемости. На данный момент работ, посвящённых использованию этого приёма для создания комического женского образа, не так много, несмотря на достаточно высокий интерес современных лингвистов к теме языковой игры. Актуальность настоящего исследования обусловлена значимостью изучения особенностей функционирования языка для достижения комического эффекта не только в литературе [Гридина, 2008], СМИ [Кириленко, Сафронова, 2013] и кино [Зыкова, 2019], но и в развлекательных медиа.

Материалом исследования послужили 23 коротких видеоролика из интернет-пространства. Для анализа было отобрано 25 примеров нарушения лексической сочетаемости как приёма языковой игры у трёх разных блогеров: В. Островского, С. Круглицкого и А. Любимовой. Выбор обусловлен уникальностью каждого образа. Так, Островский изображает женщин разных профессий старшего поколения, Круглицкий — молодую девушку в любовных отношениях, а видеоролики Любимовой являются примером того, как женщина создаёт комический образ женщины. Анализ речевого поведения блогеров позволил определить современные стереотипы в изображении женщин разного возраста и разного рода деятельности.

В ходе работы был проведён опрос с помощью «Google Forms». Респондентам было предложено привести исходную единицу для некоторых случаев нарушения лексической сочетаемости, представленных в видеороликах, напр., *семь пятниц в понедельник* или *крем для очищения личика и токсичного ротика*. На основе полученных результатов и шкалы модификации (МОДИФ) первоначально собранный материал был разделён на группы, включающие более или менее изменённые устойчивые выражения. Так, МОДИФ — *семь пятниц в понедельник*, НОРМА — *семь пятниц на неделе* было отнесено к одним из самых узнаваемых, а МОДИФ — *крем для очищения личика и токсичного ротика*, НОРМА — *вымыть / помыть рот с мылом* — к менее очевидной модификации. Было выявлено, как создаваемый образ коррелирует с речевыми характеристиками: оказалось, что чем старше изображаемый персонаж, тем сложнее языковая игра.

Литература:

- Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008.
Зыкова И. В. Языковая игра в конструировании поэтики комедийного кинодискурса // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 19. С. 205—215.
Кириленко Н. П., Сафронова Т. И. Место языковой игры в текстах современной рекламы [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10447> (дата обращения: 08.03.2024).

Настоящее в прошедшем в аспекте замысла автора (на материале романа Е. Г. Водолазкина «Авиатор»)

Куприенко Валерия Алексеевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Изучение художественного текста всегда находилось в центре внимания лингвистов. Особенности повествования художественных текстов конца XX — начала XXI вв. предполагают привлечение коммуникативного аспекта, так как роль читателя в художественной коммуникации автор — текст — читатель имеет особое значение. Начало субъектному анализу художественного текста в отечественной лингвистике было положено в трудах В. В. Виноградова [Виноградов, 1980].

В романе Водолазкина «Авиатор» повествование ведется в двух модальных планах: план воспоминаний главного героя и план актуального сюжетного повествования. Интересно, что грамматически субъект повествования в самом начале романа не явлен: *Говорил ей: в холода носи шапку, иначе отморозишь уши. Посмотри, говорил, сколько сейчас прохожих без ушей. Она соглашалась, мол, да-да, надо бы, но не носила* [Водолазкин, 2016: 11].

Формы глагола в начале романа не указывают на субъект речи. Такое начало повествования имеет концептуальное значение: герой вспоминает прошлое, не совсем понимая, что с ним происходит в настоящем сюжетного повествования и почему. Два модальных плана повествования маркированы на грамматическом уровне. Речь здесь идет о грамматике глагола. Маркером субъектного плана воспоминаний героя является употребление настоящего в прошедшем, то есть использование глаголов в настоящем времени по отношению к прошлым событиям с целью создания эффекта наглядности, погружения в повествование о прошлом.

И вот так я парю себе в церкви, проплываю над священником, машущим кадилом, — сквозь ароматный дым. Над хором — сквозь его песнопения (замедленные взмахи регента и его же гримасы на высоких нотах). Над старухой свечницею и заполнившим храм (обтекая столпы) народом, вдоль окон, за которыми заснеженная страна. Россия? У неплотно прикрытой двери зримо клубится стужа, на ручке — иней. Щель резко расширяется, в возникшем прямоугольнике — Гейгер [Водолазкин, 2016: 21].

Герой вспоминает, как ходил в церковь в детстве с бабушкой, описывает то, что видел в церкви, и свои ощущения. Читатель вместе с героем погружается в мир его воспоминаний, однако происходит возвращение в модальный план сюжетного повествования. Смена субъектных планов маркирована сменой употребления форм глагола в настоящем времени с непрямого употребления — настоящего в прошедшем — на прямое употребление в актуальном хронотопе сюжетного повествования, где герой непосредственно описывает наблюдаемое. Смена субъектных планов также маркирована пунктуационно: многоточием между высказываниями разных повествовательных модальных планов и тире, стоящем на месте физической временной паузы между открыванием двери и осознанием того, кто заходит.

Многоплановое повествование романа требует активного участия читателя в создании художественного мира произведения, который творится на глазах читателя. Читателю предлагается следить за сменой повествовательных планов, которые маркированы на модальном уровне. Усложненная художественная коммуникация предполагает активизацию сознания читателя [Падучева, 1996].

Литература:

- Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
Водолазкин Е. Г. Авиатор. М., 2016.
Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

Специфика комментариев на онлайн-маркетплейсах

Устинова Наталья Денисовна

аспирант

Государственный социально-гуманитарный университет

Особенности коммуникации в интернет-среде заключаются во 1) взаимодействии между субъектами на добровольной основе; 2) стремлении к нетипичному и ненормативному поведению; 3) эмоциональной наполненности текста [Викторова, Пантева, 2023].

Одной из особенностей коммуникации в интернете является использование комментариев, представляющих особый жанр короткого текста и часто отражающих субъективную позицию автора. Для интернет-комментария характерны нестандартизированность (для написания комментария отсутствуют шаблоны) и оценочность (человек пишет комментарий не с целью общения, а для фиксации своего мнения и отношения к приобретенному товару).

Комментарии на маркетплейсах могут реализовать различные коммуникативные стратегии, напр.:

— стратегию поддержки и соответствующие тактики — выражение позитивного мнения, благодарность, согласие, похвалу, комплимент, совет и др. (*Хороший костюм, рекомендую к покупке, доча довольна* [Маркетплейс OZON]);

— стратегию негативации и реализующие ее тактики — отрицательную оценку, оскорбление, бездоказательное обвинение, навешивание ярлыков, насмешку и др. (*Недовольна товаром, маломерит, ужс* [Маркетплейс OZON]);

— стратегию нейтрального информирования и реализующие ее тактики — мнение, совет, просьба (*Товар соответствует заявленным требованиям* [Маркетплейс OZON]).

При реализации каждой тактики авторы комментариев используют различные языковые средства — как вербальные, так и невербальные. Наиболее типичными способами выражения указанных тактик являются:

— свертывание речи;

— замена вербальных фигур зрительными (использование смайлов);

— применение сниженных и жаргонных выражений.

Комментарии, оставляемые на маркетплейсах, могут различаться в зависимости от национальной принадлежности пользователей. Напр., изучая комментарии на интернациональном маркетплейсе AliExpress, можно заметить следующее:

— комментарии немцев краткие, лаконичные и вежливые;

— комментарии русских чаще развернутые, с использованием различных оценочных суждений;

— комментарии американцев краткие, с использованием усеченных конструкций, слов, а также символов, отражающих их отношение к товару.

Комментарии на маркетплейсах нуждаются в более подробном исследовании с учетом категорий маркетплейсов и типов комментируемых товаров. Необходимо также учитывать лингвокультурные особенности комментариев.

Литература:

Викторова Е. Ю., Пантеева К. В. Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект // Жанры речи. 2023. № 1 (37). С. 66—73.

Маркетплейс OZON [сайт]. URL: <https://www.ozon.ru> (дата обращения: 08.03.2024).

Репрезентация оценки в любительских рецензиях на книгу (на русском и итальянском материале)

Польщицина Олеся Александровна

магистрант 2 курса

НГУ

Целью доклада является анализ оценки и способов её репрезентации в любительских рецензиях на книгу. Новизна заключается в интегральном подходе к изучению репрезентации оценки: в докладе проводится сравнение русского и итальянского языкового материала. Объектом исследования в нашей работе является оценка в

любительской рецензии на книгу. В качестве предмета исследования выступают средства репрезентации оценки в этом жанре. Материалом работы стали 75 русских и 75 итальянских любительских рецензий, собранных методом сплошной выборки из социальной сети любителей литературы на сайте Goodreads. Используя классификации Н. Д. Арутюновой и А. А. Алексеевой, мы выявили наиболее частотные типы оценок в данном жанре на материале двух языков. В круглых скобках указывается количество представленных единиц. В рецензиях на русском языке преобладают такие типы оценки, как **эмоциональная** (139): «Именно это нелепое...самолюбование так *раздражает*», **капаститарная**, то есть отмечающая мастерство автора, (105): «когда все физиологические подробности описываются *скрупулезно*» и **общая** (97): «Без преувеличения *очень хорошая книга*». Встречаются и **комплексные оценки** (47). Среди языковых средств репрезентации оценки на первом месте находятся слова с аксиологической семантикой (544). В выражении оценки участвуют и фразеологизмы (16): «проза Аллы Горбуновой *держится особняком*». К вспомогательным средствам мы относим ряды однородных членов (95): «до того *переживал* и *злился*», антитезу (18): «Хают стиль... И, знаете, вот всё это мне и пришлось по душе», сравнительные конструкции (11): «Я пила эту книгу, медленно, *как драгоценное, коллекционное вино*», восклицательные предложения (10): «Сколько там всего затронуто!», а также морфологические средства (4): «но на мой взгляд — *сыровато*».

В итальянском же материале, напротив, преобладают **капаститарные** оценки (131): «Agnello Hornby è una vera maestra nel rendere gusti» ‘Автор — *настоящий мастер* в создании вкусов’. В равном количестве находятся **общая** (107): «Avevo optato per *tre stelle*» ‘Я поставил *три звезды*’ и **эмоциональная** (107): «Carofiglio non mi ha deluso» ‘Произведение *меня не разочаровало*’ оценки. **Комплексные оценки** (30) встречаются в меньшем количестве, чем в русскоязычных контекстах. Среди средств репрезентации, так же как в русскоязычных рецензиях, преобладают слова с аксиологической семантикой (522). К вспомогательным средствам относятся ряды однородных членов (79): «La scrittura *asciutta e tagliente*» ‘Сухое и резкое письмо’, антитеза (17): «Tuti *scrive bene, ma non basta*» ‘Тути пишет хорошо, но недостаточно’, восклицательные (15): «Bellissimo!» ‘Прекрасно!’ и вопросительные предложения (2): «dov'è la tensione tra desideri individuali e realtà?» ‘где напряжение между индивидуальными желаниями и реальностью?’. Таким образом, русскоязычные рецензенты в первую очередь обращают внимание на вызванные книгой эмоции, используя средства выражения эмоциональной и общей оценки, в то время как италоязычные рецензенты описывают книгу с точки зрения профессионализма автора, поэтому в их текстах чаще эксплицирована капаститарная оценка.

Литература:

Алексеева А. А. Классификация аксиологических значений по основанию оценки: молодое вино в новые мехи? // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 5—15.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Семантика колоративов «красный» и «жёлтый» и их оттенков в романе «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова

Анисимова Дарья Сергеевна

студент 3 курса

ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»

Целью исследования является анализ семантики и специфики употреблений колоративов *красный* и *жёлтый* и их оттенков в романе «Герой нашего времени»

М. Ю. Лермонтова [Лермонтов, 1957]. Исследуя колоремы в творчестве автора, мы можем определить значение цветовой организации художественного текста в индивидуально-авторском стиле писателя.

Новизна работы заключается в анализе недостаточно изученных лексико-семантических полей *красный* и *жёлтый* в романе Лермонтова. Результатом исследования является количественное описание представленных лексем и характеристика их роли в идиостиле Лермонтова.

По мнению Т. М. Ашуровой, цветообозначения становятся символами, сравнениями, метафорами, демонстрирующими отношение автора к описываемому предмету или явлению [Ашурова, 2013]. Лермонтов часто обозначает красный цвет прилагательными *румяный*, *розовый* (символизирующий чистоту, нежность, красоту и юность), *пунцовый*, *огненный*, *пламенный*, *окровавленный*, *красный*, а также передает его, напр., с помощью глаголов — *побагроветь*: лицо её побагровело; *покраснеть*: *покраснел до ушей*; имён существительных — *кровь*: *кровь испорчена*; *огонь*: *любовь, как огонь*; *зарев*, *пожар*: *месяц ... как зарев* *пожара*; *закат*: *закат солнца*; *пламя*: *веяло пламенем*; *румянец*: *румянец на щеках*. Так автор описывает окружающую среду и различные эмоциональные состояния героев.

Семантика жёлтого цвета передаётся не только простыми прилагательными *жёлтый*, *золотой*, *бронзовый*, *соломенный*, сложным прилагательным *светло-жёлтый*: *в светло-жёлтых перчатках*; и кратким прилагательным *жёлт*: *я был жёлт, как померанец*; но и именами существительными, в значении которых содержится сема цвета, — *солнце*: *солнце <...> кажется жёлтым пятном*; *луч*: *лучи солнца*; *золото*: *вышивает золотом*.

Лексем, обозначающие красный и жёлтый цвета и их оттенки, употребляются при: 1) описании явлений природы и пейзажей; 2) описании предметов или деталей одежды; 3) описании внешности героев.

Общее количество употреблений лексем, обозначающих красный цвет, составляет 48 единиц, из которых большая часть представлена именами прилагательными (18 колорем) и именами существительными (17 колорем). В тексте встречается 60 лексем, прямо или косвенно относящихся к полю жёлтого цвета; их значительную часть составляют имена существительные (37 единиц).

Таким образом, колоративы передают различные внутренние состояния героев, их эмоции и красоту окружающей среды. Семантика каждого цвета является значимой, наличие цветовой гаммы способствует яркости описываемых явлений.

Литература:

- Ашурова Т. М. Колоративная лексика и роль цветообозначения в современном русском языке // Вестник института языков. 2013. №3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21133057> (дата обращения: 26.02.2024).
Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 6. Проза, письма. М.; Л., 1957. С. 202—347.

Функционирование лексемы «дефолт» и ее производных в русской разговорной речи

Емельяненко Анастасия Александровна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Целью настоящего исследования является анализ особенностей употребления слова «дефолт» и его производных в живой (повседневной) русской речи. Источниками материала

для анализа стали сеть Интернет, Национальный корпус русского языка, ряд словарей, включая словари неформальной лексики, а также результаты лингвистического опроса, проведенного среди носителей русского языка. Различные источники свидетельствуют о том, что слово «дефолт» пришло к нам из английского языка (англ. *default* 'по умолчанию') в условиях заимствования и распространения в России экономической и технической терминологии в конце XX в. Наиболее распространенные и практически всем известные его словарные значения таковы: 1) экон. 'неуплата долга, финансовая несостоятельность'; 2) 'отказ (банка, правительства) выплатить свои внешние или внутренние долги или проценты по ним' [Большой академический словарь русского языка, 2006: 64]. Однако в течение последних десятилетий функционирование этого слова вышло за рамки строго специальной лексики.

Результаты лингвистического опроса, проведенного среди носителей русского языка в возрасте от 18 до 70 лет, показали, что в современном русском языке выделяется несколько областей употребления лексемы «дефолт» и производных от нее слов (*дефолтный, по дефолту*), а также формируется ряд новых сочетаний в разговорной речи: экон. *дефолтный риск*; техн. *дефолтные настройки*; разг. *дефолтный ответ*, свидетельствующих о развитии новых значений. Это подтверждают и примеры использования данного слова в сети Интернет и доступные примеры из Национального корпуса русского языка, ср.: *дефолтный сюжет, дефолтный бирюзовый цвет, дефолтный выходной наряд*. Этимологический анализ исследуемого слова позволил сделать вывод о том, что новые значения заимствования в русском языке совпадают с семантикой лексемы в языке-источнике. Это свидетельствует о существовании активных процессов преобразования пласта заимствованной лексики. На основе выводов исследования возможно продолжение изучения вопроса о функционировании заимствований в современном русском языке. Важно также обратить внимание на актуализацию таких явлений, как калькирование, вторичное заимствование и расширение семантического потенциала в области заимствованных слов. Лексический материал настоящего исследования вполне позволяют говорить об этих явлениях.

Литература:

Большой академический словарь русского языка. Т. 5. Деньга — Жюри / Отв. ред. К. С. Горбачевич. СПб., 2006.

Набор и функции хеджей в судебных решениях (по русским корпусным данным)

Малышева Дарья Максимовна

студент 3 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В текстах на естественном языке встречаются случаи неопределенности (*vagueness*); хеджирование — один из способов ее выражения. Первым исследователем, который ввел понятие «хедж», считается Дж. Лакофф, определивший хеджи как «слова, значение которых имплицитно связано с нечеткостью, задача которых состоит в том, чтобы сделать вещи более или менее нечеткими» [Lakoff, 1973: 471]. Классификация хеджей и их функционирование были описаны в дальнейшем в большом количестве исследований, основанных на материале текстов различных типов.

Х. Васс, например, занималась изучением хеджирования в юридическом дискурсе на материале англоязычных текстов нескольких жанров [Vass, 2017]. Комплексный анализ неоднозначности и неопределенности (*vagueness*) в русскоязычном правовом дискурсе был

проведен в работе О. В. Блиновой и С. А. Белова [Блинова, Белов, 2020], где хеджирование рассматривалось как один из способов выражения языковой нечеткости (fuzziness). Тем не менее подробный качественный и количественный анализ употребления выражений, содержащих хеджи, не был проведен, что позволяет определить проблему хеджирования в русскоязычном юридическом дискурсе как неизученную и требующую более детального рассмотрения.

Целью настоящего исследования является формирование частотного списка хеджей, встречающихся в корпусе, и выявление закономерностей их функционирования в текстах решений Конституционного суда РФ.

В докладе представлен пользовательский список русскоязычных хеджей, в рамках которого они были разделены на несколько групп. К примеру, к группе адвербиальных хеджей отнесены следующие языковые выражения: *довольно, довольно-таки, достаточно, крайне, особенно, относительно, очень, почти, приблизительно, примерно, сравнительно* и др.

В результате поиска в корпусе решений Конституционного Суда РФ «ConDec» был составлен частотный список хеджей, обнаруженных в текстах. Затем каждая из подгрупп хеджей была подробно рассмотрена в отдельности, что позволило выявить зависимость частотности использования хеджей от частеречных свойств и семантических характеристик соответствующих языковых выражений.

В ходе количественного анализа рассматриваемого материала были использованы показатели абсолютной (af), относительной (ipm) и документной (df) частоты. Был также проведен подробный качественный анализ выборки из корпуса, позволяющий сделать выводы о том, что функции хеджей во многом совпадают со стратегиями хеджирования в юридическом дискурсе, описанными в исследованиях других авторов.

Работа выполнена при поддержке НИР СПбГУ «Юридико-лингвистическая неопределённость в текстах правовых актов с учётом их коммуникативных особенностей и юридических функций» (шифр проекта 103923270).

Литература:

Блинова О. В., Белов С. А. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. Вып. 4. С. 774—812.

Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol. 2. No. 4. P. 458—508.

Vass H. Lexical verb hedging in legal discourse: The case of law journal articles and Supreme Court majority and dissenting opinions // English for Specific Purposes. 2017. Vol. 48. P. 17—31.

Русские метаоператоры лексической сложности

Закирова Алия Ильгамовна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Метаоператор (метаязыковой оператор) — это «формальный показатель рефлексии говорящих» [Козлова, 2012: 9]. В докладе рассматриваются метаоператоры, которые употребляют в своей речи наивные носители русского языка, когда они характеризуют слова как сложные или непонятные.

Целью исследования служит классификация подобных метаоператоров. Материал исследования собран с опорой на «Словарь синонимов SynonymsInRows» [Словарь синонимов], Национальный корпус русского языка [НКРЯ] и статью В. З. Демьянкова

«Семантические роли и образы языка», в которой автор приводит классификацию эпитетов, использующихся наивными носителями русского языка для выражения того, насколько им понятен или непонятен смысл высказывания [Демьянков, 2000: 235]. Материал был собран методом сплошной и специализированной выборки. С помощью НКРЯ были отобраны контексты употребления метаоператоров, проанализированных в статье Демьянкова, а также их синонимов, таких как *трудный*, *сложный* и т. д., которые были найдены благодаря «Словарю синонимов SynonymsInRows».

Стоит заметить, что в статье Демьянкова приведены эпитеты, характеризующие язык. Важно указать на взаимодействие в наивной лингвистике таких понятий, как «язык», «речь» и «слово». Наивной лингвистике чуждо разграничение терминов «язык» и «речь», т. к. «обыденное сознание видит язык через призму речи» [Демьянков, 2000: 194]. Таким образом, слово для наивного носителя — основная языковая единица.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что при анализе метаязыковых суждений наивных носителей языка прежде всего стоит обращаться к метаязыковым высказываниям, содержащим термин *слово*. В связи с этим в докладе рассматриваются такие метаоператоры, как *сложное слово*, *то ещё словечко* и т. п.

В ходе исследования была получена классификация метаоператоров, которые способны характеризовать:

1. звуковой облик слова;
2. графический облик слова;
3. значение слова;
4. стилистическую окраску слова;
5. коннотацию слова;
6. частотность употребления слова.

Перспективы исследования — расширение и углубление классификации метаоператоров, а также анализ и классификация слов, представляющихся наивному носителю русского языка сложными.

Литература:

- Демьянков В. З. Семантические роли и образы языка // *Язык о языке* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2000. С. 193—271.
- Козлова Е. Е. Заимствования как объект метаязыковой рефлексии рядовых носителей русского литературного языка (начало XXI века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.02.2024).
- «Словарь синонимов SynonymsInRows» [сайт]. URL: <http://web-corpora.net/synonyms> (дата обращения: 28.02.2024).

Семантические особенности экономической терминологии в отрасли электронной коммерции

Чэнь Сяоюй

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель работы — выявление семантических изменений, происходящих под влиянием интернета в экономической терминологии, используемой в сфере электронной коммерции. Исследование проводилось на материале публицистических текстов газет «Коммерсантъ», «Вечерняя Казань» и «Ведомости». Производилось сравнение семантических особенностей

исконной и заимствованной экономической терминологии, функционирующей в отрасли электронной коммерции.

Использовались метод компонентного анализа, сопоставительный метод, метод семантического анализа, статистический метод. Научная новизна исследования заключается в том, что функционирование исконных и заимствованных элементов русской экономической терминосистемы рассмотрено в сопоставительном аспекте впервые. Актуальность работы заключается в том, что терминология электронной коммерции, которая становится в последнее время основной формой торговли, получает широкое распространение. При этом происходят изменения в семантической системе терминов. В сфере электронной коммерции сложность лексической семантики заключается в смыслообразовании в том случае, когда предметы «не истинно наличествуют». По мнению Г. Фреге, в действительности не все денотаты имеют соответствующее реальное бытие, но какие-то вещи, которые не истинно наличествуют, каким-то образом совпадают с изображением, т. е. со всяким свойством вещи связано некоторое свойство мысли [Фреге, 1987: 324—340]. Значение слов является выражением изображения денотата, основанного на соотношении свойства мысли со свойством предмета в пространстве сознания человека. В составе терминосистемы данной сферы преобладают сложные слова, словосочетания и аббревиатуры. Как правило, в момент заимствования новое слово представляет собой моносемную (однозначную) лексему, даже если этимон этого слова в языке-источнике имеет несколько значений [Маринова, 2012: 213]. С помощью анализа семантики терминов *электронная коммерция, интернет, интернет-магазин, интернет-реклама, интернет-продажа, площадка, корзина* в публицистических текстах мы приходим к следующим выводам: 1. Быстрое распространение и интеллектуализация интернета способствует динамичному и стремительному освоению терминов языком-реципиентом. 2. Одной из семантических особенностей можно назвать опредмечивание невидимых вещей с помощью значений. 3. В отрасли электронной коммерции экономическая терминология имеет следующие семантические особенности: 1) переход от смысла к значению, осуществляемый при прямом или косвенном условии, причем прямым условием является базовое сходство между реальной вещью и денотатом, а косвенным является то, что реальная вещь выступает как эталонный объект; 2) расширение значений терминов под влиянием словоупотребления в различных научных дисциплинах; 3) появление синонимии на основе полисемии слова-прототипа заимствованных слов; 4) влияние детерминологизации на устойчивость значения терминов; 5) семантическое варьирование исконно русских слов и появление новых значений у старых слов; 6) образование сложных слов и словосочетаний одного лексического класса на основе одной леммы или лексем, имеющих семантическую соотношенность между собой; 7) наличие иноязычных слов с неэкзотическим значением.

Литература:

- Маринова Е. В.* Иноязычная лексика современного русского языка. М., 2012.
Фреге Г. Мысль: логическое исследование. М., 1987.

Использование англицизмов в текстах песен современного русского рока

Четырина Глафира Сергеевна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время русский рок является одним из самых распространенных музыкальных жанров в России. Несмотря на высокую популярность хип-хоп музыки и других современных музыкальных направлений, русский рок продолжает развиваться как силами известных артистов, так и благодаря появлению новых исполнителей, которые привносят в культуру рока новые мотивы и смыслы. Во многих случаях использование заимствований, включенных в тексты песен, вызывает непонимание у слушателей и читателей, что требует специальной работы по семантизации данной лексики. Для полного и правильного восприятия текстов песен необходимо также понять особенности функционирования данных лексических единиц внутри предлагаемых авторами контекстов. В настоящее время нет системных исследований заимствований, в частности англицизмов, и их функций в текстах песен русского рока. Этим определяется научная новизна работы. Цель исследования заключается в проведении функционально-семантического анализа англицизмов и их значимости в текстах песен русского рока. В качестве материала исследования были использованы тексты песен групп «Сплин» и «Дайте танк (!)». При анализе использовались следующие методы: метод сплошной выборки, описательный метод, дистрибутивный метод, приемы стилистической характеристики, грамматической характеристики. На базе проанализированных научных работ была предложена методика изучения англицизмов в текстах песен современного русского рока, включающая пять последовательных этапов: толкование значения единицы (определение); характеристика функции лексемы в тексте; морфологическая и словообразовательная характеристика единицы (часть речи, способ образования); грамматическая характеристика единицы (сочетаемость; управление); характеристика по наличию/отсутствию эквивалента в русском языке. В результате можно констатировать, что большая часть англицизмов в песенных текстах освоена русским языком. Однако в результате анализа другой части мы пришли к выводу, что авторы текстов намеренно включают иноязычные единицы с целью ориентации на языковую моду. При соответствующем словоупотреблении реализуется интегрирующая функция, и это позволяет вызвать у читателей и слушателей определенную эстетическую реакцию. Следует также отметить оценочную функцию, создание эффекта информационной опустошенности текста и функцию создания местного колорита, обнаруженные у исследуемых единиц, что позволяет судить о желании авторов воздействовать на целевую аудиторию.

Грамматика и семантика русского языка

Вставные конструкции в письмах Ф. М. Достоевского к жене

Харева Маргарита Ильинична

студент 3 курса

Петрозаводский государственный университет

Художественное наследие Достоевского изучено во многих аспектах: лексикологии, словообразования, синтаксиса. Существуют научные исследования, посвященные идиостилю писателя, основное из них — «Корпусная модель идиостиля Достоевского» [Корпусная модель, 2021]. Эпистолярное наследие писателя остается без внимания лингвистов. Исследование посвящено вставным конструкциям в письмах Достоевского к жене. В произведениях писателя часто встречаются вставные конструкции. В. П. Ковалев считал использование вводных и вставных конструкций одной из ярких синтаксических особенностей стиля Достоевского. Вставки становятся своеобразным ключом к прочтению произведения. Современные лингвисты вслед за Ковалевым обращаются к изучению вставных конструкций в художественных произведениях Достоевского — выделим работы Д. П. Джумаевой, Т. В. Никитиной, О. А. Селеменовой. В письмах Достоевского вставные конструкции также обращают на себя внимание, поскольку являются важным элементом, дополняющим основное высказывание. В докладе рассматриваются только письма, адресованные жене — А. Г. Достоевской. Переписка включает 164 письма Достоевского и 75 писем Анны Григорьевны. В ходе работы выяснилось, что в 17 письмах вставок нет. В 147 посланиях писателя содержатся вставные конструкции. Их 947, однако данные могут измениться, потому что в ходе сравнения опубликованных писем с рукописями было выявлено, что издатели переписки правили знаки препинания, в частности исправляли скобки на запятые. Отметим, что в докладе анализируются только вставные конструкции, выделенные скобками, поскольку тире — типичный для Достоевского знак, который он часто использовал для обозначения длительной паузы, разграничения абзацев или предложений. В таком случае выявление вставной конструкции затруднено. При исследовании вставок используется четыре классификации: по структуре, по месту в предложении или тексте, по доминирующему типу информации, по связи с основным предложением. По структуре доминирующим типом становятся вставные конструкции, являющиеся частью предложения (присоединенные сочинительным или подчинительным союзом, союзным словом). Вставки встречаются чаще в середине или в конце предложения, но могут быть отдельным предложением. По доминирующему типу информации преобладают вставки уточняюще-пояснительного характера. Большая часть вставных конструкций в письмах Достоевского неконструктивного типа. Вставка может быть связана с основным предложением грамматической, лексико-грамматической или лексической связью. Встречаются случаи, когда может быть использовано два типа связи одновременно. Проведенное исследование показывает, что вставные конструкции можно считать частью идиостиля писателя.

Литература:

Корпусная модель идиостиля Достоевского / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М., 2021.

Пунктуационное оформление слова «наверное» в интернет-коммуникации

Романова Нина Гунтеровна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование посвящено выявлению факторов, влияющих на обособление вводного слова *наверное* в интернет-коммуникации. Правила, касающиеся обособления вводных слов (ВС), остаются одним из проблемных аспектов русской пунктуации и могут вызывать затруднения у пишущего [Шапиро, 1955: 301] — в первую очередь в связи с вопросом об отнесении оформляемой единицы к ВС. Не имеющее омонимов *наверное* не должно создавать такой проблемы (употребление в качестве не являющегося вводным слова в значении ‘несомненно, точно’ устаревшее), но при этом нельзя говорить о его последовательном обособлении всеми пользователями интернета. При этом интернет-дискурс может рассматриваться не только как особая сфера со специфическими языковыми нормами, но и как место проявления общеязыковых тенденций, предоставляющее пишущему большую свободу отступления от традиционных норм.

Материалом исследования послужили более 2500 употреблений *наверное* в чатах Telegram, постах VK, записях Blogspot, LiveInternet и LiveJournal, извлеченные из подкорпуса «Социальные сети» в составе НКРЯ. Исследовательская разметка, помимо обособленности *наверное*, учитывала случаи, описанные в действующих правилах русской пунктуации, а также пре-, интер- или постпозитивность употребления *наверное* относительно предложения и клаузы / оборота (противопоставление таких употреблений ВС можно найти в работах по пунктуации, интонации и семантике ВС). Полученные данные были обработаны статистическими методами.

Согласно результатам исследования, решающую роль в обособлении *наверное* играет индивидуальная пунктуационная стратегия пишущего. Второй по значимости фактор — сфера коммуникации: в примерах из источников, близких к жанру блога, отмечается тенденция к обособлению *наверное*, а в примерах из чатов Telegram, где небольшой размер сообщения снижает значимость традиционной пунктуации для восприятия текста читающим, — тенденция к необособлению. При этом в разных сообществах наблюдается разная степень следования традиционным нормам пунктуации.

В «блоговых» записях сохраняется действие некоторых тенденций, отраженных в традиционных правилах: более частотно, чем в других случаях, необособление ВС, находящегося на границе соседних клауз и относящегося ко второй из них. Подтверждается также низкая соблюдаемость правила о необособлении ВС в начале/конце выделенного запятыми оборота [Друговейко-Должанская, 2017: 133].

Было обнаружено, что обособлению *наверное* способствует положение в абсолютном конце предложения. Интересно, что сделанный З. М. Базарбаевой [Базарбаева, 1991: 142] вывод о характерности беспазуального произношения именно для постпозитивного употребления ВС не позволяет увидеть в этой тенденции проявление интонационного принципа пунктуации; возможно, более релевантной следует считать характеристику такого ВС как «добавочной мысли» [там же]. Кроме того, материал позволяет предположить, что необособление *наверное* в абсолютной постпозиции может быть связано с отнесенностью ВС не ко всей клаузе, а к ее части.

Литература:

Базарбаева З. М. Типологическое исследование интонации вводных единиц. Алма-Ата, 1991.

Друговейко-Должанская С. В. О корректировке правил пунктуационного оформления вводных конструкций (тире перед вводными словами и словосочетаниями) // #ТОТСБОРНИК: Сб. науч. тр. по материалам Тотального диктанта / Отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Новосибирск, 2017. Вып. 2. С. 132—146.
Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М., 1955.

Устойчивые «стихийные» конструкции в современном русском языке: экспериментальное исследование

Гвоздкова Мария Вячеславовна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование посвящено современному употреблению «стихийных» конструкций в русском языке (*камнем выбило окно, течением унесло лодку* и т. п.). «Стихийная» конструкция — это безличная конструкция, выражающая действие стихийной силы напрямую или посредством какого-либо орудия, грамматически оформленных при помощи творительного падежа. В нашем понимании собственно «стихийную» конструкцию отличает от других безличных конструкций то, что обязательным ее элементом является эксплицитно выраженный каузатор непроизвольного действия, или иначе — эффектор. Эффектор — это особая семантическая роль, противопоставленная агенту как разумному существу, обозначающая активный источник энергии, вызывающий изменения, но не способный контролировать ситуацию (ср. русск. *ветер сорвал крышу / ветром сорвало крышу; его убила молния / его убило молнией* и т. п.) [Плунгян, 2011: 115].

Глаголы, являясь частью «стихийной» конструкции, в силу своей семантики взаимодействуют с отдельными семантическими классами эффекторов. Можно сказать, что в семантике глагола и в семантике эффектора содержатся компоненты смысла, вместе составляющие единое целое, передающее стихийное воздействие. И. М. Некрасова пишет о том, что из семантики глагола следует семантика эффектора: «лексическое значение глагола «диктует» семантику первого актанта, включая коннотативный компонент (*обожгло кипятком, паром, жаром, плавкой, взрывом, ледяной волной воздуха...*)» [Некрасова, 2019: 131].

Целью исследования является выяснение того, существуют ли в сознании носителей языка устойчивые «стихийные» конструкции (т. е. имеется ли какая-нибудь тенденция в выборе определенного эффектора, который закрепляется за конкретным глаголом в безличном употреблении). Наряду с этим, мы пытаемся выявить наиболее частотные (явные) эффекторы в сознании носителей языка с помощью направленного ассоциативного эксперимента.

Основная часть исследования состоит в количественном анализе примеров, полученных в ходе направленного ассоциативного эксперимента и сбора материала в корпусах НКРЯ и CoCoCo. Теоретической базой нашего исследования являются работы, рассматривающие с разных теоретических позиций устройство грамматических конструкций в целом и «стихийных» конструкций в частности (работы А. Мустайоки и М. В. Копотева [Мустайоки, Копотев, 2005] и др.).

Согласно предварительным выводам в русском языке у глаголов «стихийных» конструкций можно выделить от одного до трех наиболее употребительных (прототипических) эффекторов. Кроме того, мы предполагаем, что среди «стихийных» конструкций можно обнаружить следующие коллокации — *напекло солнцем, ошпарило кипятком, ударило молнией, ударило током* и др.

Литература:

- Мустайоки А., Коптев М.* Лодку унесло ветром: условия и контексты употребления русской «стихийной» конструкции // *Russian Linguistics*. 2005. №1. С. 1—38.
- Некрасова И. М.* Семантика эффиктора в безличных оборотах ролевого типа // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. №62. С. 121—134.
- Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Функциональные и грамматические особенности конструкции «это когда»

Воробьева Екатерина Юрьевна

студент 2 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В интернет-коммуникации и повседневной речи часто используется конструкция «это когда», с помощью которой определяется значение того или иного слова. Такой способ введения дефиниции не описан в нормативных грамматических руководствах, поэтому его корректность может быть поставлена под вопрос.

В научных исследованиях конструкция «это когда» упоминается, однако ее точного грамматического описания найти не удалось. Мнения современных исследователей на этот счет расходятся, и в разных трудах это сочетание называют по-разному. В статье И. В. Высоцкой сочетание «это когда» названо условно-темпоральной моделью разговорных дефиниций [Высоцкая, 2021]. Можно ли назвать сочетание «это когда» конструкцией, сочетанием словоформ или связочным образованием? Можно предположить, что сочетание «это когда» поддается процессу грамматикализации и выступает в качестве связки (наряду с такими связками, как «вот это», «это как»). Для выявления особенностей употребления сочетания «это когда» был отобран материал в основном и устном подкорпусах, а также подкорпусе «Социальные сети» Национального корпуса русского языка. Анализ языковых примеров (всего было отобрано 42 контекста) проводился с использованием компьютерных методов. В результате были выявлены некоторые тенденции относительно левого и правого контекста исследуемой конструкции. Так, в большинстве предложений определение дается абстрактному существительному (наиболее часто: *любовь — это когда; счастье — это когда*). В отношении правого контекста закономерность не так очевидна. Непосредственно после сочетания «это когда» может находиться подлежащее, сказуемое или дополнение. Более того, особенностью отобранных предложений является переход из ментатива в нарратив, который вводится сочетанием «это когда». Это позволяет говорящему сразу перейти от темы к реме и дает возможность опустить излишние уточнения и сэкономить речевые усилия.

Литература:

- Высоцкая И. В.* Модели разговорных дефиниций: логико-грамматический аспект // *Вестник Государственного социально-гуманитарного университета*. 2021. № 2(42). С. 58—65.

Система значений абброконструкта как семантическое поле

Лашко Алина Андреевна

магистрант 1 курса

Донецкий национальный университет

Цель доклада — рассмотрение значений конструкта «авиа» в рамках тематического поля.

При анализе абброгруппы «авиа» был выделен ряд эквивалентов, т. е. лексических единиц, способных замещать сложносокращённые единицы в тексте. В данной абброгруппе используются такие типы расшифровки абброконструктов (дешифровальные стимулы), как **презентативы**, представляющие собой простые адъективы (*авиационный*), **релятивы**, реализующие значение прилагательного при помощи актантной семантики существительного (*для авиации*), **модификативы**, содержащие дополнительный ономазиологический признак (*авиакомплекс — комплекс авиационной промышленности*). Необходимо отметить, что при исследовании данной абброгруппы были выделены различные вариации адъективных трактовок абброконструкта *авиа-*: *авиационный, авиатехнический, авиапромышленный, авианосный, авиапочтовый, авиастроительный, авиатранспортный, авиамодельный* и др. Данные адъективные дешифровки вступают между собой в отношения в рамках полевой структуры.

Рассмотрим их основные типы:

1) **гетеро-гипонимия** — объединение слов, состоящих в родо-видовых отношениях соподчинения; например, *авиационный* и *авианосный*, входящие в лексико-семантическую группу «виды связанных с авиацией объектов»;

2) **гипонимия** — видо-видовое отношение, включающее семантически однородные единицы в соответствующий класс наименований; напр., *авианесущий* и *авианосный*;

3) **меронимия** — корреляция части и целого, состоящая из меронима и холонима, где мероним выражает составную часть относительно другого понятия, а холоним относится к другому понятию как целое к своей составной части; напр., *авиационный* (мероним) и *авиапромышленный* (холоним), *авиационный* (холоним) и *авиапроизводственный* (мероним), *авиационный* (холоним) и *авиамодельный* (мероним).

Определим семантику абброконструкта *авиа-* путём сопоставления презентативов и интерпретативов, чтобы понять, меняется ли значение абброконструкта в зависимости от адъективной трактовки:

1) *авиаинститут* — *авиационный институт, институт авиации* (значение: **созданный** для изучения авиации) / *авиатехнический институт, институт авиатехники* (значение: **созданный** для изучения авиатехники);

2) *авиакомплекс* — *авиационный комплекс, комплекс для авиации* (значение: **предназначенный** для авиации) / *авиапромышленный комплекс, комплекс для авиационной промышленности* (значение: **предназначенный** для авиационной промышленности);

3) *авиакружок* — *авиационный кружок, кружок любителей авиации* (значение: **объединяющий** любителей авиации) / *авиамодельный кружок, кружок авиомоделистов* (значение: **объединяющий** авиомоделистов);

4) *авиакомплекс* — *авиационный комплекс, комплекс авиации* (значение: **смоделированный** для авиации) / *авиатранспортный комплекс, комплекс авиационного транспорта* (значение: **разработанный** для авиационного транспорта).

Результат исследования показал, что значение абброконструкта зависит от типа отношений, возникающих между отдельными адъективными дешифровками, в рамках полевой структуры.

Модели описания сложносокращенных онимов

Кириченко Татьяна Андреевна

магистрант 1 курса

Донецкий национальный университет

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые сложносокращенные онимы (далее — ССО) рассматриваются как отдельный формально-ономасиологический тип аббревиатур. Цель исследования — изложить методику описания ССО.

ССО — слоговые (иногда — смешанные) аббревиатуры, которые связаны мотивационными отношениями со словосочетаниями-эргонимами и используются для обозначения единичных объектов, включая в свой состав эквиваленты не менее двух компонентов этих словосочетаний, как минимум один из которых является аббревиационным конструктом (абброконструктом), напр., *Горснаб*, *Миннауки* и т. д.

Нами были выведены модели, которые отражают принципы формирования ССО, отличные от принципов формирования сложносокращенных апеллятивов и инициальных аббревиатур, благодаря чему становится возможным предположить, что ССО — самостоятельный формально-ономасиологический тип аббревиатур. Для описания микросистемы ССО актуальным является разграничение двух подходов: диахронного (при котором устанавливаются деривационные связи между ССО и его эквивалентами) и синхронного (при котором констатируется мотивационная связь между ССО и его эквивалентами).

В ходе анализа синхронных эквивалентов, т. е. словосочетаний, которые употребляются в эквивалентных текстах как абсолютные синонимы (дублиеты) ССО, было отмечено, что гнездо эквивалентности ССО может включать в себя как официальные эквиваленты, так и интерэквиваленты (эквиваленты, которые разворачиваются на базе ССО, при этом называют не какой-либо процесс, а точно указывают на учреждение, однако не соответствуют официальному полному наименованию), и псевдоэквиваленты, т. е. эквиваленты, полученные в результате псевдоунивербализации — ситуации, когда на базе сложносокращенного слова разворачиваются вторичные словосочетания.

«Множественная эквивалентность» обуславливает необходимость в выделении диахронного подхода, который помогает установить отношения производности между ССО и его эквивалентами. Это становится возможным благодаря нескольким методикам:

1. Хронологическая: установление первичности аббревиатуры и соответствующего эквивалентного словосочетания, т. е. времени их первой фиксации. Так, словарями фиксируются всевозможные изменения в структуре официальных наименований и их ССО, при этом не фиксируются эквиваленты, полученные в результате псевдоунивербализации.

2. Ономасиологическая: установление тождественности/нетождественности ономасиологической структуры сложносокращенного слова и его эквивалента ономасиологической структуре словосочетаний с идентичным ономасиологическим базисом.

3. Квантитативная: определение баланса индексов частотности употребления аббревиатуры и словосочетания. Так, официально принятые эквиваленты имеют примерно одинаковый баланс индексов, в то время как эквиваленты, полученные путём псевдоунивербализации, резко выделяются на их уровне, поскольку их употребление ошибочно.

4. Семантическая интерпретационная: установление конкретности/размытости семантики абброконструкта и эквивалентных словосочетаний. В зависимости от возможности дефиниций свободно взаимозаменять друг друга в определении устанавливается первичность или вторичность словосочетания по отношению к ССО.

Использование синхронного и диахронного подходов позволили нам описать структуру и деривационные процессы в аббревиатурном гнезде ССО, а также определить ономасиологическую природу сокращений-онимов.

Аббревиатурная группа сложносокращённых прилагательных (на примере аббревиатурной группы «авто»)

Агаркова Мария Денисовна

студент 4 курса

Донецкий национальный университет

Доклад посвящен аббревиатурной группе (далее — АГ) сложносокращённых прилагательных (далее — ССП) «авто». Цель исследования — определение и описание АГ ССП на примере АГ «авто». Задачи: дать определение аббревиатурному прилагательному и охарактеризовать ССП АГ «авто», провести её формальный и ономаσιологический анализ. Актуальность исследования определяется тем, что ССП ранее не рассматривались как аббревиатуры. Наша работа предполагает обогащение научных представлений о словообразовательной базе языка, включая в её состав новый тип аббревиатур. Материалом исследования послужили 109 прилагательных АГ «авто», которые были отобраны из картотеки создаваемого в ДонГУ «Толково-словообразовательного словаря сложносокращённых слов русского языка». В ходе исследования были использованы методы сплошной выборки, формального и ономаσιологического анализа.

ССП-прилагательные могут выделяться как в диахронии, так и в синхронии. В диахронии мы понимаем под ССП прилагательные, возникшие на базе словосочетаний: *вибрационная шлифовальная > виброшлифовальная*. На синхронном — прилагательные, включающие в свой состав аббревиатурный конструкт и получившие в результате псевдоунивербализации в текстах дескриптивные эквиваленты (*автодорожный > автомобильный дорожный*). В АГ «авто» все адъективные аббревиатуры вторичны.

АГ определяют как «совокупность сложносокращённых слов, имеющих тождественный начальный конструкт» [Рязанова, 2020: 114]. Напр., слова *автодилерский, автодорожный, автогаражный, автозаводный* формируют АГ «авто». По количеству текстовых эквивалентов адъективные аббревиатуры АГ «авто» можно поделить на две группы:

1) имеющие один текстовый эквивалент: *автоводительский > автомобильный водительский*;

2) имеющие два текстовых эквивалента: *автогоночный > автомобильно-гоночный, автомобильный гоночный*.

Отмечаются следующие наиболее частотные формальные модели эквивалентности для АГ «авто»:

1) Прил1ед+Прил1ед=ЧоснПрил1ед+Прил1ед: *автобатальонный > автомобильный батальонный*;

2) Прил1ед+Прил1ед=ЧоснНареч1ед+Прил1ед: *автодетальный > автомобильно-детальный*.

Выделим основные ономаσιологические модели ССП группы «авто».

Узуальные эквиваленты:

1. «квалификатив + инструменталис»: *автовесовой — автомобильный весовой*;

2. «квалификатив + локатив»: *автогаражный — автомобильный гаражный*;

3. «квалификатив + дестинатив»: *автовывставочный — автомобильный выставочный*;

4. «квалификатив + каузатив»: *автоаварийный — автомобильный аварийный*;

5. «квалификатив + делибератив»: *автоновостной — автомобильный новостной*.

Окказиональные эквиваленты:

1. «квалификатив + инструменталис»: *автогенераторный — автомобильный генераторный*;

2. «квалификатив + локатив»: *автоклубный — автомобильный клубный*;

3. «кваликатив + экспериенцер»: *автолюбительский — автомобильный любительский*.

Таким образом, нами была обнаружена возможность ССП объединяться в АГ. Было дано определение ССП, АГ, а также представлены формальные и ономаσιологические модели образования ССП АГ «авто».

Литература:

Рязанова В. А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2020. № 1. С. 114—122.

Аббревиатурная группа «энерго» в ономаσιологическом освещении

Чистоклетова Анна Валериевна

студент 2 курса

Донецкий национальный университет

Цель исследования — ономаσιологический анализ компонентов аббревиатурной группы (АГ) «энерго». Материал — 136 частично сокращённых и слоговых аббревиатур, сформировавшие 408 аббревиатурных пар. Актуальность работы определяется возможностью использования полученных результатов для анализа принципов формирования смежных АГ. Ономаσιологический анализ представляет собой определение принадлежности сложносокращённых слов (ССС), входящих в АГ, к определенным ономаσιологическим классам (ОК) и ономаσιологическим моделям (ОМ). ОК — это «такая совокупность номинативов, в которой единый тип представленности знаний реализован в одном грамматическом классе единиц одинаковым структурным способом» [Блюмина, 2010: 55]. ОМ — схема «формирования номинативных единиц и их реализаций — результатов, соответственно, языковой и речевой номинации» [Дьячок, 2012: 56]. В структуре ОМ выделяются ономаσιологический признак (ОП) и ономаσιологический базис (ОБ). ОБ «формируется на основе семантики главного слова исходного словосочетания», а ОП — «на основе семантики зависимой лексемы» [Блюмина, 2010: 139]. ОБ обычно выражен той частью СССР, которая не соответствует аббревиатурной структуре и приведена в полном виде. Так, в лексеме *энергозавод* ОБ выступает слово *завод*, а ОП выражен прилагательным *энергетический*, указывающим на связь предприятия с энергетикой. Мы определяем типы ОП, опираясь на предложенные Е. А. Селивановой «аргументы диктума», выделяемые на основе семантических падежей. Ими являются «различные ориентиры бинарной коннекции уровней субъектов и предикатов» [Селиванова, 2000: 136]. Самым распространенным ОП в АГ *энерго* является кваликатив, представленный прилагательным и только указывающий на связь номинируемого объекта с тем, что обозначено данным прилагательным, например *энергостроительный — энергетический*.

Для АГ *энерго* нами были обнаружены 23 ОК, наиболее распространенными из которых являются «состояние» (*энергостроительный — энергетический*) — 21 гнездо эквивалентности, «приспособление» (*энергоагрегат — энергетический агрегат*) — 18 гнезд эквивалентности, «процесс» (*энергостроительство — строительство энергии*) и «мероприятие» (*энергореформа — реформа электроэнергетики*) — по 14 гнезд эквивалентности. Указанные ОК включают 50 ОМ, наиболее регулярными из которых являются «состояние + локатив» (*энергостроительный — строительство в энергетике*) — 58 аббревиатурных пар, «процесс + дистрибутив» (*энергораспределение — распределение энергии*) — 32 аббревиатурные пары, «мероприятие + дистрибутив» (*энергосбыт — сбыт электроэнергии*) — 29 аббревиатурных пар.

Литература:

- Блюмина О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Горловка, 2010.
- Дьячок Н. В. Типология ономаσιологических признаков // Вестник ПГУ. Филологическая серия. 2012. № 3—4. С. 55—60.
- Селиванова Е. А. Когнитивная ономаσιология. Киев, 2000.

Лексико-грамматические особенности именных коммуникем-энантонимов в русской публицистической речи

Юй Липин

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

В последнее время особый интерес лингвистов вызывают коммуникемы, которые могут совмещать в значении положительную и отрицательную оценку [Рычнева, 2020: 479]. Коммуникативные непредикативные единицы синтаксиса, отличающиеся такой особенностью, называют коммуникемами-энантонимами. Эти единицы, с одной стороны, характеризуются универсальностью, а с другой — национальной лингвоспецифичностью. Цель исследования — выявить лексико-грамматические особенности именных коммуникем-энантонимов в русской публицистической речи. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые коммуникемы-энантонимы, используемые в публицистическом стиле речи, анализируются с лексико-грамматической точки зрения.

Путем сплошной выборки коммуникем-энантонимов из «Синтаксического фразеологического словаря русского языка» [Меликян, 2019] и проверки частотности их употребления в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка было обнаружено 297 единиц, используемых в русской публицистической речи. По лексико-грамматическим характеристикам доминантного компонента русские коммуникемы-энантонимы, отобранные нами для анализа, можно разделить на пять групп: именные (20%), глагольные (25%), междометные (37%), наречные (10%) и коммуникемы-энантонимы с доминантным компонентом, выраженным частицей (8%).

Именные коммуникемы-энантонимы наиболее частотны в назывном предложении, основной компонент которого — имя существительное в форме именительного падежа, напр.: *Беда!* В предложении могут содержаться согласованные определения (прилагательные, притяжательные местоимения, порядковые числительные), усиливающие эмоциональность и экспрессивность высказывания: *Какая красота!* В состав компонентов некоторых коммуникем могут входить указательные частицы *вот, вон*: *Вот это фантастика!* Основными компонентами большей части изучаемых единиц являются абстрактные существительные, в связи с чем доминантные слова в данных коммуникемах зачастую употребляются в форме единственного числа.

30% именных коммуникем-энантонимов относятся к религиозному дискурсу, что доказывает их национальную лингвоспецифичность: *Отцы Святители!*; *Кровь Христова!*; *Бог мой!* 90% исследуемых единиц характеризуются оценочным значением. В состав компонентов коммуникем, которые выражают положительную или отрицательную оценочность, часто входят определения *ясный, известный*: *Ясное дело!*; *Известное дело!* В этом случае употребление коммуникемы может иметь иронический оттенок. *Энантисемия этикетных коммуникем отражается в формулах приветствия или прощания: Мой сердечный поклон!*

Значение исследуемых единиц не складывается из значений ее компонентов, а выражено коммуникемой в целом. Степень адекватности их понимания зависит от ситуации, контекста и интонации.

Литература:

Меликян В. Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. М., 2019.

Рычнева К. А. Лексико-грамматические особенности коммуникем немецкого языка // StudNet. 2020. № 8. С. 477—483.

Лингвометодические основы описания и изучения русского языка как иностранного

Когнитивная структура глагола «барахтаться» в современном русском языке

Борисова Екатерина Анатольевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Когнитивная структура — это теоретический конструкт, который обнаруживается посредством характеристики той или иной области знания в ее корреляции с деятельностью человека [Кравченко, 2011: 97—99]. Типичной когнитивной структурой выступает сценарий, вербализуемый глаголом. В докладе на материале контекстов Национального корпуса русского языка в свете когнитивно-дискурсивного подхода анализируется лексема *барахтаться* с целью моделирования когнитивной структуры этого глагола. Интересующая нас единица входит в лексико-семантическую группу глаголов с общим значением беспорядочного движения.

Из представленных в толковых словарях русского языка значений лексемы *барахтаться* можно вывести 4 инвариантных сценария. Внутри первых двух инвариантных сценариев могут быть выделены варианты. Так, инвариантный сценарий, соответствующий первому лексико-семантическому варианту глагола — ‘совершать беспорядочные быстрые движения всем телом, руками и ногами, стараясь освободиться’ может реализоваться в нескольких вариантных сценариях.

Вариантный сценарий I можно представить в виде схемы: Человек находится в воде → теряет дно/попадает в большие волны → беспорядочно двигается с целью выплыть/подняться → (кричит, призывая на помощь). Последний эпизод является факультативным. В данной ситуации глагол чаще всего используется в форме единственного числа.

Вариантный сценарий II может быть представлен схемой: человек находится в неудобном/тесном пространстве → не может выбраться → беспорядочно двигается с целью подняться, выбраться или спастись.

Инвариантный сценарий, соответствующий второму лексико-семантическому варианту глагола — ‘купаться, плескаться’ реализуется также в двух вариантных сценариях:

I. ‘Купаться, плескаться для получения удовольствия, наслаждения’. Схема этого варианта сценария такова: человек находится в воде → совершает быстрые движения всем телом для удовольствия, получая наслаждение.

II. ‘Купаться, плескаться при неумении плавать’. Вариантный сценарий, который обнаруживается в данной ситуации: человек находится в воде (на небольшой глубине) → совершает беспомощные беспорядочные быстрые движения всем телом без цели освободиться или выплыть.

Третий и четвертый инвариантные сценарии глагола не имеют вариантов.

III. Инвариантный сценарий: ‘физически бороться с кем-л., совершая беспорядочные движения’.

IV. Инвариантный сценарий: ‘человек в новой жизненной ситуации совершает беспорядочные движения (поступки) в разных направлениях с целью выбраться из сложившейся ситуации’.

Проведенное исследование показало, что когнитивно-дискурсивный анализ позволяет выделить ключевые параметры лексических единиц, которые лежат в основе когнитивных структур.

Литература:

Кравченко А. В. Что такое «когнитивная структура», или Об одном распространенном заблуждении // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. 9. С. 96—104.

Устойчивые сочетания в художественном фильме «Чебурашка» (лингводидактический аспект)

Золотарева Дарья Александровна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В современной науке, и в лингвистике в частности, отмечается тенденция к антропоцентрическому подходу в исследованиях. Ученые-языковеды все чаще уходят от описания чисто языковых явлений и начинают рассматривать их с т. з. связи с культурой и мировоззрением. Это изменение в научной мысли обусловило появление новых дисциплин: лингвокультурологии, социолингвистики, психолингвистики, а также послужило причиной изменений в области методики преподавания русского языка как иностранного, где в процесс обучения стала активнее включаться национально-культурная составляющая. Тема нашего доклада находится в русле данной тенденции и рассматривает национально-значимые единицы языка, употребленные в культурно значимой кинокартине. Мы остановимся на результатах исследования устойчивых сочетаний, встречающихся в фильме «Чебурашка» (2023), в функционально-семантическом и лингвострановедческом аспектах. Отметим, что использованный нами материал еще не успел стать объектом лингвистического исследования.

Актуальность исследования определяется также необходимостью подготовки материалов по устойчивым сочетаниям для их представления в иностранной аудитории. Использование художественного фильма в методике и лингводидактике обусловлено важностью обращения к устойчивым сочетаниям в естественных контекстах их употребления, что будет способствовать повышению заинтересованности обучаемых в освоении данного материала.

Материалом для исследования послужили 23 единицы, полученные в результате сплошной выборки из сценария художественного фильма (*между молотом и наковальней, терять дар речи, абырвалг, молчать как рыба* и др.), а также данные словарей и «Национального корпуса русского языка». Выбранные нами языковые единицы рассматриваются комплексно: в функционально-семантическом и лингвострановедческом аспекте, а также с позиций лингводидактики, что важно для их будущего представления в иностранной аудитории.

В процессе анализа выбранных единиц нами были использованы следующие методы и приёмы: описательный метод, метод контекстологического анализа; метод лингвострановедческого анализа; прием сплошной выборки; приём дистрибутивного анализа.

В результате для каждого фразеологизма из фильма «Чебурашка» выявлен тот минимум сведений, который необходим для его представления в учебной аудитории. Нами также предлагаются некоторые упражнения для работы с данными устойчивыми сочетаниями на занятиях по русскому языку как иностранному.

Работа с фрагментом фильма «Я худею» (2018) на уроке РКИ по теме «Здоровый образ жизни»

Нгуен Кхань Линь

магистрант 2 курса

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Доклад посвящен проблеме преподавания русского языка как иностранного с использованием современных художественных фильмов. Предметом обсуждения является использование фрагмента из фильма «Я худею» (2018) при обсуждении темы здорового образа жизни.

Аудиовизуальный метод обучения иностранным языкам был разработан во Франции в 1950-х гг. Он возник в результате совместных исследований французских и югославских ученых, которые стремились найти эффективный способ обучения взрослых французской разговорной речи [Гез, 2008]. Новый метод обучения отличался тем, что сочетал в себе звуковые и изобразительные дидактические средства. Это позволяло учащимся более полно воспринимать изучаемый материал и быстрее достигать результатов. В своей работе о теории обучения иностранным языкам Н. Д. Гальскова отмечает, что паралингвистические элементы речи, такие как жесты, мимика, позы, передают до 60% информации, содержащейся в звуковом сообщении [Гальскова, 2006].

Актуальность темы похудения подтверждается постоянным интересом молодых людей к вопросам здорового питания и активного образа жизни. Материалом для исследования послужил отрывок из фильма «Я худею», который содержит разнообразные языковые ситуации, связанные с темой здорового образа жизни. В ходе исследования был отобран фрагмент фильма, проведен анализ его содержания и используемых языковых единиц, создана система упражнений для работы с данным фрагментом в иностранной аудитории. Исследование показало, что использование фрагмента из фильма «Я худею» на уроке русского языка как иностранного значительно повышает мотивацию студентов к изучению языка. Благодаря актуальной теме студенты проявляют большой интерес к уроку и активно участвуют в обсуждении. Кроме того, аутентичный языковой материал способствует развитию их устной речи и расширению словарного запаса. В ходе обсуждения фрагмента студенты усваивают большое число слов и выражений, предназначенных для использования в разговорной практике, что способствует их быстрой адаптации к реальным коммуникативным ситуациям.

Таким образом, результаты исследования подтверждают дидактическую эффективность использования фрагментов из современных фильмов как аутентичного аудиовизуального материала при обучении русскому языку как иностранному, особенно в случае актуальности этого материала.

Литература:

Гез Н. И. История зарубежной методики преподавания иностранных. М., 2008.

Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. М., 2006.

Речевая характеристика персонажа как средство создания художественного образа в русской визуальной новелле (на примере визуальной новеллы Евгения Сокарева «Зайчик»)

Чэнь Цзин

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Визуальная новелла — жанр компьютерной игры, появившийся в Японии в 1990-х гг. В настоящее время использование визуальных новелл все еще относительно редко встречается в практике преподавания РКИ, однако «преимуществом визуальных новелл в иноязычном образовании является их универсальность» (Кузнецова, 2023: 259—260). Данная разновидность компьютерных игр оказывает положительное дидактическое воздействие на обучение иностранных студентов. В процессе чтения визуальных новелл студенты эмоционально мобилизуются и не чувствуют, что чтение — это скучно. Они вовлекаются в процесс и могут самостоятельно завершить эпизод визуального романа через виртуальный анимированный сюжет, тем самым развивается их интерес к чтению на русском языке.

Целью доклада является описание лексических и стилистических средств создания речевого портрета персонажа визуальной новеллы Евгения Сокарева «Зайчик». Эта одна из самых известных российских визуальных новелл, она популярна среди геймеров всего мира. Игра была официально переведена с русского на другие языки (включая английский и китайский).

Речевой портрет героя создается путем использования лексем, объединенных принадлежностью к лексико-тематической группе «страх». В ее составе можно выделить лексико-семантические группы (ЛСГ) со значением «животный мир» (*зверь, лиса, сова*), ЛСГ «старый дом» (*кладовка, коридор, лестница*); ЛСГ «растительный мир» (*сосна, дебри, крапива*); ЛСГ «природа» (*ветер, лунный свет, мороз*); ЛСГ «смерть» (*гроб, похороны*). Названные лексические группы слов создают атмосферу всепоглощающего страха, которым охвачен главный герой.

В структуру языковой личности персонажа включаются и стилистические приемы, используемые в некоторых монологах и диалогах, такие как сравнение, метафора, олицетворение. Напр.: «Лишь узоры ползли по стеклу, похожие на вытянутые листья крапивы»; «Всю ночь ветер скрёбся в окно когтями. Он бродил по полям и завывал голодным зверем»; «Страх окатил ледяным потоком»; «Казалось, они [тени] кричат и смеются... и спорят о чём-то... Они то подходили к кровати, то отступали». С помощью этих стилистических приемов страх героя новеллы Антона показан более ярко. Ветер сравнивается с голодным зверем, можно понять, что Антон невероятно напуган тем, что видит за окном. Различные картины природы или предметы также «очеловечиваются», что заставляет читателя еще больше проникнуться ужасом всей истории.

Таким образом, исследование лексического и стилистического потенциала визуальной новеллы представляется перспективным, поскольку данный материал может быть использован в практике преподавания РКИ.

Литература:

Кузнецова В. И. Визуальная новелла как компонент виртуальной интерактивной среды в обучении русскому языку как иностранному (РКИ) // Проблемы современного образования. 2023. №2. С. 254—261.

Национально-прецедентные феномены в видеоигре «Atomic Heart»

Китаев Ян Олегович

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Общими для всех прецедентных феноменов (далее — ПФ) являются контактоустанавливающая функция и функция диалогизации, обеспечивающие в сценарии

игры передачу предметно-логического содержания и апелляцию к оценочной, образной, экспрессивной, эмоциональной и эстетической сфере коммуникантов (участников игры). ПФ функционируют в качестве маркеров культурной идентичности и используют культурно значимые представления, связанные с объектами советской эстетики, музыкальными произведениями, именами, высказываниями, вписанными в определенные игровые стратегии.

Прецедентные артефакты в виде зданий, скульптур и предметов быта расширяют фоновую информацию в рамках истории игры. Использование многочисленных советизмов позволяет разработчикам дополнительно обозначить принадлежность виртуального мира к советскому дискурсу.

Прецедентные имена приобретают в игре динамичную игровую моделирующую функцию, подчеркивающую типологизацию и демифологизацию прототипов. Литературные имена и прецедентные тексты позволяют аккумулировать и актуализировать включенные в них смыслы, взаимодействуя с другими элементами видеоигры, выполняют функцию диалогизации, как в случае с обращением разработчиков к творчеству фантастов (и к фантастическим фильмам), подразумевая включенность видеоигры в традицию фантастических произведений.

Советские музыкальные композиции используются для большего погружения игрока в виртуальный мир, ремиксы придают динамику игровым сегментам и активно используются в рекламе продукта, привлекают внимание пользователей интернета (функция аттракции).

Тексты песен и литературных произведений служат сюжетообразующим компонентом для игровых записок или выполняют прогностическую функцию, когда используются в названиях заданий. Прецедентные высказывания в виде многочисленных цитат из кинофильмов и мультфильмов преимущественно функционируют в пародийном или юмористическом аспектах, т. е. в игровой функции. Результаты исследования можно использовать на уроках РКИ в качестве иллюстративного материала и в дополнение к содержанию занятий по теме «Прецедентные тексты».

Приемы языковой игры в заголовочном тексте (на материалах газеты «Известия»)

Хуан Чжоюэ

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель доклада — выявление специфики функционирования и тенденций развития языковой игры в газетных заголовках, описание приемов формирования языковой игры, используемых в заголовках российских СМИ. Языковая игра придает газетному заголовку яркость и информативность. Материалом исследования послужили заголовки, отобранные из выпусков газеты «Известия» за 2022 г. Следует отметить, что языковая игра впервые рассматривается на новейшем газетном материале. Приведем примеры отобранных единиц: «Счёт-то не так» (21.06.2022; ср. «Что-то не так») (фонетический прием); «Ждать у моря доходы» (29.11.2022; ср. «Ждать у моря погоды») (лексический прием); «Ковидострофа» (27.12.2022; ср. «Катастрофа») (словообразовательный прием); «С ума зайти» (05.12.2022; ср. «С ума сойти») (синтаксический прием); «Отцы и сети» (22.12.2022; ср. «Отцы и дети») (аллюзивный прием); «МИРовое время» (05.07.2022; ср. «Мировое время») (графический прием).

Приведем примеры проведенного анализа.

«На авоську надейся» (27.12.2022). В статье содержится информация о бытовых традициях, которые сохранились в современной жизни со времен СССР. Этот заголовок

образован посредством трансформации фразеологизмов. Используются сразу два фразеологизма, семантические и ассоциативные особенности которых следует рассмотреть более подробно. В первую очередь используется выражение «на авось», которое выражает необоснованные надежды, расчет на удачу. Здесь «авось» преобразовано в существительное «авоська» ('сетчатая сумка для продуктов, мелких предметов и т. п. '), которое как раз и отражает один из феноменов бытовой жизни СССР. Во-вторых, используется поговорка «на бога надейся, но сам не плошай»: она обозначает призыв отвечать за себя и свои поступки самостоятельно и не надеяться только на высшие силы. Применительно к содержанию статьи речь идет о том, что люди до сих пор используют авоськи, и эта бытовая традиция сохранилась в современной жизни.

«СО₂тношение» (12.12.2022). Приведен заголовок статьи, которая рассказывает о росте углекислого газа, а также о проблемах загрязнения окружающей среды. Здесь языковая игра построена на графическом приеме: формула углекислого газа частично похожа на русскоязычное существительное «соотношение» по форме написания и по тем символам, которые используются. Тем самым благодаря этой языковой игре в заголовок выносится ключевая проблема, которая затрагивается в статье. Употребление химической формулы в составе слова делает заголовок более выразительным и емким.

«NASA не догонит» (01.11.2022). Эта статья посвящена ситуации в организации «Роскосмос» и планам по большому количеству запусков ракет, что позволило бы России конкурировать в космической отрасли с США (и NASA). Источником языковой игры в этом примере является песня поп-группы «Тату» «Нас не догонят». При этом первый компонент — местоимение «нас» — был преобразован в наименование американского космического агентства, что отражает содержание публикации. Употребление глагола «догонять» в этом контексте отражает суть космического соперничества РФ и США.

Глагольные средства выражения динамики и их арабские аналоги: поиск эквивалентности

Крапивка Анастасия Дмитриевна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Динамика является универсальной языковой категорией. Хотя русский и арабский языки относятся к флективным, глагольные средства выражения динамики в них отличаются. В арабском языке отсутствует категория глагольного вида, что обуславливает трудности при поиске арабских эквивалентов для русских глаголов динамики.

Русские глаголы динамики существенно отличаются от их арабских аналогов. Так, глаголам динамики *ставить*, *класть*, *разместить* соответствует один арабский аналог وَضَعَ 'размещать'. Он используется по отношению и к одушевлённым, и к неодушевлённым объектам: وَضَعَ الكَأْسَ عَلَى الطَّوْلَةِ (Он *поставил* / *положил* стакан на стол); وَضَعَ وَلَدًا (Он *поставил* / *положил* / *разместил* мальчика).

Рассмотрим особенности арабских аналогов динамики в сравнении с русскими глаголами.

Сажать — *посадить* (أَجْلَسَ / جَلَسَ): 'заставлять кого-либо сесть' / 'помогать кому-либо сесть' — الْقَامُوسُ الْمَحِيطُ، 2008] جَلَسَ عَلَى الْجُلُوسِ، سَاعِدَةً عَلَى الْجُلُوسِ، جَعَلَهُ يَجْلِسُ، ср: جَلَسَ الطَّبِيبُ الْمَرِيضَ عَلَى: [سَرِيرِهِ، الْقَامُوسُ الْمَحِيطُ، 2008] — Доктор *сажал* / *посадил* больного на его кровать. В данных арабских примерах мы не можем чётко отследить особенности действия — его повторяемость или однократность; поэтому один и тот же арабский аналог может переводиться как глаголом несовершенного вида *сажать*, так и глаголом совершенного вида *посадить*.

Вешать — *повесить* (عَلَّقَ): ‘заставлять находиться в висячем положении’ — جَعَلَهُ مُعَلَّقًا [معجم الغني 2016], ср.: عَلَّقَ إِعْلَانًا عَلَى السُّبُورَةِ — Он *вешал* / *повесил* объявление на доску. Здесь мы вновь не можем точно определить характер действия (длительность или однократность), поэтому арабский глагол может переводиться сразу двумя русскими глаголами.

Садиться — *сесть* (جَلَسَ): ‘сесть из положения стоя’ — معجم [2016]، قَعَدَ [الغني]. Согласно контекстам Международного корпуса арабского языка, данный арабский глагол используется во всех случаях, где человек или животное садится из какого-либо положения: جلس الجد على حافة النهر ، وقال: - ألا ترغب بشرب الشاي ، يا صغيري ؟ — Дедушка *сел* на берегу и сказал: «Не хочешь ли ты попить чаю, дитя мое?». В предложении арабский аналог переводится глаголом *сесть*, так как в нём описываются два последовательных действия в прошлом.

Подбор арабских эквивалентов для русских глаголов динамики зависит от глагольного времени, от типа предложения (сложное / простое) и чаще всего от контекста и ситуации. Это важно учитывать при обучении русскому языку носителей арабского языка.

Литература:

Международный корпус арабского языка (المدونة اللغوية العربية الدولية). URL: <https://www.bibalex.org/ica/ar/login.aspx> (дата обращения: 28.02.2024). 2016. عبد الغني أبو العزم. معجم الغني 2008، مجد الدين الفيروز آبادي. القاموس المحيط. القاهرة: دار الحديث

Терминология персидской деловой коммуникации в электронной среде

Parvizi Elham

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Влияние современных технологий на электронную коммерцию указывает на необходимость оптимального использования терминов в деловом общении. Персидский язык воплощает в себе культурные особенности многочисленных сообществ, которые говорили или писали на нем.

В персидском лексиконе терминология эволюционирует как результат внутренней языковой динамики или как результат акта заимствования. В первом случае термины образуются в результате придания дополнительных семантических компонентов уже употребляемым словам. В некоторых случаях для этого используются — с применением различных словообразовательных средств — даже диалектные выражения.

Заимствованные термины в персидском языке интегрируются в терминологический арсенал с соблюдением закономерностей персидского языка. Они либо вводятся в обиход в неизменном виде, либо подвергаются определенным фонетическим, морфологическим или синтаксическим модификациям. Заимствования могут иметь непосредственный источник в исходном языке, но могут проникать в персидский язык и через языки-посредники.

Важность представленных терминов в электронной среде делового общения обусловлена не только языковыми аспектами, но и реалиями современного мира — развитием международной торговли в Иране и, в частности, сферой электронной торговли. Напр., термины, связанные с таможенными процессами, страхованием и оформлением товаров, отражают особенности электронных транзакций и эффективной логистики в рамках современной электронной экосистемы. В этом отношении особое внимание следует уделить тем терминологическим выражениям, которые, сохраняя традиционные характеристики, подвергаются изменениям в силу цифровой трансформации бизнес-процессов, адаптируются к новым реалиям электронной среды.

Анализ процесса формирования терминологии в персидском языке выявляет ее статус многогранного явления, в котором воплощены различные лингвистические

стратегии и подходы. Учет обозначенных тенденций и факторов важен при обучении русскому языку как иностранному носителей персидского языка.

Анализ употребительности русских паремий с компонентами «долг», «честь» и «совесть»

Лаврентьева Алёна Игоревна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе освещены результаты исследования, проведенного с целью определения степени известности / неизвестности пословиц и поговорок с компонентами «долг», «честь» и «совесть» носителям русского языка для определения объема паремий, необходимых для их дальнейшей презентации в иностранной аудитории. По нашим наблюдениям, значение целого ряда анализируемых пословиц и поговорок неизвестно многим носителям русского языка, поэтому важно провести анкетирование с целью выявления наиболее употребительных единиц. На основе результатов анкетирования нами разработаны методические рекомендации, которые можно использовать на уроках по русскому языку как иностранному.

Актуальность исследования обусловлена тем, что такие понятия, как «долг», «честь» и «совесть», являются ценностными доминантами русского сознания и влияют на формирование личности человека. Это также определяет необходимость разработки методических рекомендаций для презентации этих паремий в иностранной аудитории. В ходе работы нами были использованы следующие методы и приёмы: метод направленной выборки из словарей, описательный, сопоставительный методы, прием анкетирования, прием количественных подсчетов. Материалом для исследования послужили русские пословицы и поговорки, отобранные нами из «Большого словаря русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой, «Большого словаря русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, а также результаты анкетирования носителей русского языка.

Результаты, полученные при выявлении степени известности/неизвестности паремий с компонентами «долг», «честь» и «совесть», интерпретируются с лингвистической и лингводидактической точек зрения. Показана практическая значимость результатов проведенного исследования для организации занятий по русскому языку как иностранному, а также возможность применения полученных данных в исследованиях по психологии и социолингвистике для понимания актуального отношения общества к нравственным категориям долга, чести и совести.

Образы-эталоны, характеризующие толстого и худого человека в устойчивых сравнениях русского языка (на фоне китайского)

Сюй Икунь

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Внешность человека представляет собой один из важнейших фрагментов национального языкового сознания, входя в духовную культуру любого этноса. Внешность человека издревле является источником познания и осмысления мира: знания и наблюдения человека о себе самом переносятся на окружающую действительность. Целью доклада является лингвокультурологический анализ устойчивых сравнений (УС), которые

характеризуют комплекцию человека и представляют фрагменты русской и китайской языковой картины мира. Устойчивые сравнения эмоционально, образно и наглядно характеризуют человека: *тощий как живые мощи*. Методом сплошной выборки для данного исследования было отобрано 40 русских единиц из словаря «Устойчивые сравнения русского языка» [Лебедева, 2011] и 30 китайских единиц из «Большого словаря китайских фразеологизмов». Нами был использован комплексный подход к лингвокультурологическому анализу русских и китайских УС. Данный подход включает выделение основных признаков, значимых при описании и оценке комплекции человека в двух лингвокультурах, анализ системы образов-эталонов УС двух языков. Приведем примеры собранных единиц (в русском языке): *худой как вешалка; худой, прямой как палка; сухой как жердь; тощий как стичка; плоский, тощий как доска; сухой как скелет; тощий, высохший как мумия; худой, тощий как Кащей / Кощей Бессмертный; круглый как шар (шарик); жирный как свинья; грузный как слон; пухлый, мягкий как подушка*; в китайском языке: *骨瘦如柴* ‘худой как хворостинка’; *瘦骨嶙峋* ‘тонкий как обрывистая гора, настолько тонкий, что обнажаются даже кости’; *药店飞龙* ‘тонкий как кость дракона’; *形如枯槁* ‘тонкий как увядшая растительность’; *蜂腰猿背* ‘талия тонкая, как у осы, а спина худая, как у обезьяны’; *楚腰蛴领* ‘талия тонкая, а шея белая, как шелк’; *杨柳细腰* ‘талия тонкая как тополь и ива’; *牛高马大* ‘рослый и полный как бык и лошадь’; *虎背熊腰* ‘спина широкая как у тигра, а талия толстая как у медведя’; *胖得像大象* ‘толстый как слон’.

По нашим наблюдениям, наиболее частотные признаки комплекции человека характеризуются с помощью самых разных эталонов УС — в русском языке для раскрытия признака ‘толстый’ и ‘худой’ привлекается более 40 эталонов, в китайском — 30 эталонов. В отношении слишком толстой или слишком худой фигуры почти все характеристики (90%) отрицательно оценочны, это связано с эстетическими представлениями. Мы заметили, что эстетические представления о комплекции человека меняются в разные эпохи. В связи с этим может изменяться и значение некоторых УС.

Литература:

Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. Краснодар, 2003.

Национально-культурная специфика фразеологизмов с наименованиями музыкальных инструментов в русском языке на фоне китайского языка (на примере фразеологизмов с компонентом «колокол»)

Бай Гэ

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Представленное в докладе исследование выполнено в русле лингвокультурологии, которая является одной из наиболее активно разрабатываемых в настоящее время научных дисциплин. В сфере особого внимания лингвокультурологов находятся единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение, как и компоненты фразеологизмов (далее — ФЕ), выраженные названиями музыкальных инструментов, которые рассматриваются в данном исследовании. Эти единицы постоянно вызывают интерес исследователей и описываются на материале разных языков (см. работы

В. В. Катерминой, Е. Б. Кузьминой, И. Зыковой, Т. И. Скоробогатовой, М. Л. Ковшовой и др.).

Наиболее широко в компонентном составе русских ФЕ представлены наименования духовых инструментов (пять наименований: *труба, волынка, дуда, шарманка, флейта*), наименее — клавишных (два наименования: *гармонь, рояль*), а в компонентном составе китайских ФЕ наиболее широко представлены названия духовых и ударных инструментов (по четыре наименования: *труба, флейта, сяо, шэн* и *барабан, гонг, колокол, кимвал*), названия клавишных отсутствуют. Выбор музыкальных инструментов обусловлен различием культур и демонстрирует национальную специфику фразеологии. Наиболее специфическая в этническом отношении тематическая группа — группа струнных инструментов. В русскую фразеологию вошли названия двух национальных музыкальных инструментов: балалайки и гуслей; в китайской фразеологии получили отражение три национальных музыкальных инструмента: цинь, хуцинь и пипа. Но и одинаковые инструменты могут порождать разные ассоциации у русских и китайцев, которые находят отражение в наборе ассоциативных признаков, связанных с музыкальными компонентами фразеологизмов. В исследовании это подробно рассмотрено на примере фразеологизмов с компонентом *колокол*. Так, внешний вид колокола отразился и в русской, и в китайской фразеологии: рус. *как колокол* (об узкой, стеснённой груди); *полный, как колокол* (о полном человеке с расширяющейся книзу фигурой); *Юбка (платье), как колокол (колоколом)* (о форме юбки или платья, расширяющейся книзу). А в китайском языке при описании внешности человека «колокол» часто означает «старый»: 钟鸣漏尽 *zhōng míng lòu jìn* ('доживать остаток жизни'; 'закат жизни'; 'глубокая ночь'); 钟漏并歇 *zhōng lòu bìng xiē* ('старость, немощь'); 龙钟老态 *lóng zhōng lǎo tài* ('старый, хрупкий'; 'неспособный легко двигаться').

Таким образом, благодаря анализу фразеологизмов с компонентом *колокол* и их культурно-национальной специфики можно показать разницу русского и китайского языкового сознания.

Способы оценки лексической сложности: учебные материалы на L2

Бай Жу

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Сложность текста влияет на восприятие и понимание текста читающим (то есть на трудность текста). Подходящие по уровню владения языком материалы для чтения способствуют развитию языковых навыков, тогда как слишком простые тексты могут вызвать скуку, а чересчур сложные — снизить мотивацию [Лапошина, Лебедева, 2021]. Таким образом, оценка лексической сложности учебных материалов на L2 — актуальная задача. Расчёт читабельности (трудности для чтения) текста осуществляется на основе формул читабельности, в частности формулы Флеша-Кинкейда. Показатели читабельности тесно связаны с длиной слова и предложением. Существуют формулы, адаптированные для русского языка [Solnyshkina, Ivanov, Solovyev, 2018]. Расчёт лексического разнообразия выполняется с помощью ряда показателей, самый простой из которых — Type-Token Ratio, TTR. Это отношение уникальных слов текста (types) ко всем словам текста (tokens). Если текст содержит широкий набор уникальных (неповторяющихся) слов, то он может быть более сложным для понимания и запоминания. В настоящее время существует ряд исследований, которые гласят, что при оценке сложности текста можно опираться на следующие лексические параметры.

Наличие слова в базовом списке (лексическом минимуме). Если слово относится к основной лексике, которую студенты должны знать на определённом уровне владения, то это слово не будет относиться к трудным. Частотность слов (на основе текстовых корпусов). Часто употребляемые слова считаются более простыми, чем редкие.

Длина слова. Длина слова тоже может служить индикатором его сложности. Более короткие слова обычно считаются менее сложными для изучающих язык. Семантическая сложность слова. Слова с множеством значений, с абстрактными или переносными значениями могут считаться более сложными для понимания. Кроме того, существует анализ лексической сложности слов на основе их морфологической структуры, то есть с учётом количества морфем, наличия словообразовательных аффиксов, см., например: [Дружкин, 2016]. При анализе сложности стоит учитывать также генетические и типологические характеристики L1 в сравнении с L2. Изучение родственных или близкородственных языков требует меньше затрат.

Оценка лексической сложности полезна при выборе учебных материалов для изучения L2, может обеспечить эффективное изучение новой лексики и способствовать созданию учебных материалов, которые соответствуют языковой компетенции и потребностям учащихся.

Литература:

- Дружкин К. Ю.* Метрики удобочитаемости для русского языка: выпускная квалификационная работа магистра. М., 2016.
- Лапошина А. Н., Лебедева М. Ю.* Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному // Русистика. М., 2021. №3. С. 331—345.
- Solnyshkina M., Ivanov V., Solovyev V.* Readability Formula for Russian Texts: A Modified Version // Proceedings of the 17th Mexican International Conference on Artificial Intelligence, MICAI 2018. Part II. Guadalajara, Mexico, 2018. P. 132—145.

Формирование коммуникативных навыков у студентов при обучении русскому языку как иностранному посредством онлайн-инструментов

Лю Гуйхун

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Под коммуникативной компетентностью понимается способность выражать собственные мысли, чувства, описывать факты посредством устной и письменной речи, а также достигать эффективной коммуникации в различных сферах деятельности [Компетенции, 2019].

Для формирования коммуникативной компетентности студентов необходим отбор соответствующих методов и технологий обучения. Одним из способов обучения является использование онлайн-инструментов.

Нами было организовано анкетирование в период пандемии (2022 г.) с целью выявления проблем, с которыми сталкиваются студенты, изучающие русский язык как иностранный в Китае. 78% опрошенных отметили, что период пандемии оказал негативное воздействие на формирование их иноязычных коммуникативных навыков. Лишь 31% опрошенных отметил использование интернет-инструментов в качестве предпочтительного способа обучения. 69% опрошенных отметили, что им не понравился формат онлайн-получения в период пандемии.

Трудности, с которыми сталкиваются студенты при онлайн-обучении: недостаточно возможностей для общения на русском языке; неадекватная русскоязычная среда; неэффективные методы обучения и неинтересные виды учебной работы; отсутствие интерактивности; трудно сосредоточиться на прослушивании лекций и др. Таким образом, преподавание русского языка только с помощью онлайн-инструментов в период пандемии не оказалось эффективным. Педагоги не были готовы к масштабному переходу на онлайн-обучение.

Онлайн-инструменты в обучении должны быть органическим образом включены в смешанную модель обучения. Наиболее эффективными онлайн-инструментами являются следующие [Гавра, 2023]: платформа Core, цифровой ресурс Tilda, образовательная платформа Chaoxing, китайские системы QQ, WeChat, платформы дистанционного обучения Tencent Classroom, DingTalk. При онлайн-обучении важно использовать инструкции к выполнению заданий, мультимедийные средства, интерактивные формы работы.

Анализ проблемы формирования коммуникативных навыков позволяет утверждать, что онлайн-ресурсы обладают обширными возможностями в ее решении. Сегодня существует множество онлайн-инструментов, позволяющих качественно организовать изучение языка и обеспечить формирование коммуникативных навыков. Задача учителя заключается в грамотной организации такого процесса. При этом важно поддерживать обратную связь со студентами, учитывать трудности, с которыми они сталкиваются, и их пожелания.

Литература:

Гавра Д. П. Основы теории коммуникации. М., 2023.
Компетенции «4К»: формирование и оценка на уроке: Практические рекомендации / Авт.-сост. М. А. Пинская, А. М. Михайлова. М., 2019.

Использование игры «Путешествие по Санкт-Петербургу» на занятиях по русскому языку как иностранному: лингвометодический аспект

Смирнова Екатерина Ивановна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Ульянова Анастасия Васильевна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Игра как элемент обучения на разных ступенях образования уже долгое время является одним из перспективных направлений в педагогике. Такой метод повышает мотивацию и интерес обучаемых, увеличивает их активность на занятии. Использование игры представляется особенно актуальным при вводе страноведческой информации на занятиях РКИ, так как приоритетом многих современных студентов является погружение в историю и культуру страны изучаемого языка. Несмотря на все плюсы, подобных игр для обучения иностранцев нами обнаружено не было.

Основной целью нашей работы было создание методической разработки для проведения цикла игровых занятий по теме «Путешествие по Санкт-Петербургу» на уроках РКИ на уровне А2. При вводе страноведческой информации наиболее целесообразным представляется использование настольной игры с фишками и кубиками, так как она

знакома каждому человеку с детства и такой формат наиболее приближен к формату экскурсии.

При реализации цели нами был использован метод выборки лингвострановедческого материала, педагогического наблюдения с целью дальнейшей корректировки хода игры и заданий, а также метод моделирования не только языковых, но и соотносящихся с действительностью ситуаций. Для создания методической разработки мы опирались на ресурсы сети Интернет, официальные сайты культурных объектов и личный опыт посещения достопримечательностей.

За основу разработки была взята игра «Пешком по Петербургу» для русскоговорящих детей, содержащая в себе информацию о культурных объектах города. Мы разделили Санкт-Петербург на районы, сравнительно схожие по количеству достопримечательностей: Васильевский остров, Петроградская сторона, Невский проспект, Крестовский остров и т. д. Далее мы отобрали наиболее популярные и значимые с исторической точки зрения культурные объекты, а также места, полезные для иностранного студента. Затем мы составили карту и создали игровой маршрут. Далее нами была отображена основная информация о достопримечательностях, сделана презентация и составлены упражнения для контроля понимания и повторения пройденных тем.

Факты об объектах культуры преподносятся посредством синтеза аудирования, восприятия речи преподавателя и самостоятельного чтения вслух. Семантизация новых понятий представлена демонстрацией фото и видео, толкованием, использованием словообразовательных моделей, переводом. В урок входят задания разных типов: поиск автобуса нужного маршрута, ответно-вопросная форма диалога с преподавателем, аудирование с пропусками, отработка лексики с совмещением слова и фотографии, кроссвордами, составлением слова из букв и рассказов.

Исходя из опыта использования методической разработки, нами был выделен ряд плюсов и особенностей введения такого типа игры. К положительным аспектам можно отнести заинтересованность студентов, их вовлеченность в работу, позитивный настрой. Разработка мотивирует к посещению культурных объектов. Кроме того, данная игра может быть использована для знакомства с достопримечательностями Санкт-Петербурга при обучении в другом городе или стране. Для преподавателя использование готовой методической разработки минимизирует затраты времени и сил на подготовку занятия. К особенностям использования игры относится то, что она рассчитана минимум на 4 академических часа, поэтому целесообразно вводить ее как факультатив или электив.

Об особенностях работы с синонимичными парами и рядами на уроке русского языка в китайской аудитории

Хуан Ли

студент 4 курса

Российский университет дружбы народов

В преподавании русского языка как иностранного наблюдается усиление внимания к расширению словаря обучающихся. Словарный состав русского языка велик, у лексем много особенностей использования, развита многозначность, что усложняет учебный процесс для всех иностранных студентов [Ян Цзе, 2009: 56—68]. Впрочем, тот факт, что одному и тому же слову русского языка часто соответствует несколько разных синонимов в китайском, может не только представлять сложность, но и служить хорошим способом для расширения словарного запаса иностранцев. Трудности, с которыми сталкиваются студенты, можно решить с помощью игрового подхода к обучению. Однако в Китае до сих пор используется старый метод обучения: механическое запоминание по-прежнему

является единственным методом в работе над лексикой. Необходимы новые способы повышения эффективности занятий и стимулирования интереса учащихся.

Мы исследовали основные учебные комплексы по русскому языку для китайской аудитории, изучили характеристики лексических синонимов и провели анализ того, как использовать синонимы для расширения словарного запаса в китайской аудитории. Особое внимание мы уделили игровым методам работы с лексикой, выделили их плюсы и минусы с методической т. з. На основе проведенного анализа мы сформулировали возможные рекомендации по повышению эффективности преподавания русского языка в китайской аудитории. Учитывая, что задачи по обучению русскому языку в Китае решаются с трудом, мы предлагаем включать в образовательный процесс эффективные с методической т. з. игры. Среди заданий, напр., могут быть следующие: «решите головоломку», «найдите пару», «решите кроссворд», «подберите нужную карточку» и т. д.

Лексические игры активизируют одновременно оперативную, зрительную, слуховую и тактильную памяти учащихся [Гу Сюэ, 2014]. Это помогает закрепить новую лексику в кратковременной памяти, а при повторной работе — переместить ее в долговременную. Так происходит расширение как пассивного, так и активного словарного запаса учащихся. Таким образом, мы считаем эффективным включение лексических игр с синонимами в практику занятий по русскому языку как иностранному в китайской аудитории.

Литература:

- Гу Сюэ.* Языковые игры в современной русской прессе. Харбин, 2014.
Ян Цзе. Курс русского словарного запаса. Шанхай, 2009.

Коллоквиалистика (анализ устной речи)

Голосовое сообщение как новый жанр: способы ввода в интернет-переписку

Калиничева Юлия

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Изучение интернет-дискурса является сегодня весьма перспективным направлением лингвистики. В течение последних десятилетий активно описываются языковые особенности письменных и устно-письменных речевых жанров сети Интернет (SMS, блоги, форумы, групповые чаты, креолизованные тексты).

Несмотря на то что голосовые сообщения как один из каналов интернет-коммуникации получили массовое распространение сравнительно недавно, сегодня они активно используются пользователями. Так, через WhatsApp «ежедневно отправляется в среднем 7 миллиардов голосовых сообщений» [Блог WhatsApp, 2022], а в 2023 году «40% пользователей VK Мессенджера отправляли голосовые сообщения» [Пресс-служба ВКонтакте, 2023]. Несмотря на это, голосовые сообщения ранее не становились объектом изучения коллоквиалистики, хотя некоторые дискурсивные аспекты текстов этого жанра уже были описаны [Каминская, 2022].

Предметом анализа в настоящей работе стали 50 голосовых сообщений, предоставленных для исследования их авторами. На основе слухового анализа весь материал был расшифрован и проаннотирован (размечен) с выделением всех признаков спонтанной устной речи (хезитационные паузы, паралингвистические элементы, речевые сбои, растяжки звуков, вокализации, самокоррекция и пр.). С использованием методов дискурсивного и разговорного анализа в работе достигается цель исследования — описание способов ввода голосового сообщения в диалог. Проведенный анализ материала выявил следующие тенденции:

1) в большинстве случаев отсутствует всякое комментирование перехода на голосовое сообщение, даже в ситуации несинхронного обмена сообщениями, ср. (устная часть «переписки» дана курсивом; дискурсивная транскрипция дается по правилам корпуса «Один речевой день»; в скобках указаны дата и время записи, а также номер информанта):

— И: *вчетвером* (13.07.2023 19:39)

— И: *короче Даниил% говорит что в Гилевке будет очень мокро [вечером / и [наверно [все-таки мы / к тебе* (14.07.2023 9:30 / И2);

2) встречается ввод голосового сообщения при помощи новых этикетных форм, таких как *можно гс, прости что голосовым, сори за гс*:

— И: *можно гс запишу?* (24.03.2022 08:18)

— К: *да* (24.03.2022 08:19)

— И: *там [деньги-и / если что в этой *Ц в тумбочке которая у кровати в синем кошельке* (24.03.2022 08:22 / И1);

— И: *Маи% привет (э) прости что голосовым не совсем удобно написать *В (а) я по поводу-у / твоего предложения сегодня увидеться* (3.12.2023 13:53 / И4);

3) обращение к собеседнику является одним из самых распространенных способов старта голосового сообщения:

— И: *Вера% во-первых у вас очень красивая аватарка* (23.09.23 21:51 / 0'16" / И1);

— И: *мама я не нашла-а [пекинскую капусту / вот поэтому-у [я наверно без неё сделаю* (17.10.2023 / И3).

Перспективным представляется дальнейшее исследование голосовых сообщений как части мультимодальной коммуникации.

Литература:

Блог *WhatsApp*. Новые функции голосовых сообщений *WhatsApp*. URL: https://blog.whatsapp.com/making-voice-messages-better/?page_source=search&q (дата обращения: 28.02.2024).

Каминская А. В. Жанрово-тематическое разнообразие повседневного дискурса как проявление коммуникативных ценностей общества (на материале голосовых сообщений) // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2022, №3 (108). С. 163—172.

Пресс-служба *ВКонтакте*. Аналитика *VK* Мессенджера. URL: <https://vk.com/press/messenger-audio-research> (дата обращения: 28.02.2024).

Текстовая категория темы в субжанрах вебинара (бесплатный репутационный вебинар)

Старцева Екатерина Романовна

студент 3 курса

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Одним из значимых речевых жанров современной коммуникации является вебинар — онлайн-лекция в электронной образовательной среде. Такой формат общения и обучения привлекает внимание исследователей-лингвистов, однако многие аспекты его изучения до сих пор остаются неописанными. Вслед за М. М. Бахтиным мы определяем речевой жанр как «определенные относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин, 1953: 254]. Цель нашего доклада — установить особенности выражения темы в субжанровых разновидностях образовательного вебинара, в том числе выявить типовые тематические номинации и описать основные тематические цепочки. Категориально-текстовый подход позволяет выделить субжанровые разновидности вебинара: бесплатный репутационный, бесплатный образовательный, платный образовательный вебинары. Источниками материала послужили открытые трансляции онлайн-школ «Сотка», «Вебиум», «Стобалльный репетитор», посвященные подготовке к ЕГЭ по литературе. В работе применяется категориально-текстовый подход, материал собирался методом скрытого наблюдения. Тема текста — «существенный и необходимый признак всякого текста» [Матвеева, 1990: 22]. В исследуемом субжанре находят отражение три типовые подтемы: образовательный курс, самопрезентация спикера, предполагаемые результаты обучения. Подтема «образовательный курс» представлена различными номинациями, отражающими параметры презентуемого курса, напр.: *детские* (параметр «авторство курса»), *Литературия* (параметр «предмет курса»), *подготовка с нуля* (параметр «целевая аудитория курса»), *программа* (параметр «содержание курса»). Базовой номинацией является номинация *курс*. Разворачивая тему, спикеры часто используют эпитеты, чтобы охарактеризовать курс: *интересный, наполненный*. Использование таксономических номинаций (напр., *система подготовки*) позволяет спикерам указать, что образовательный курс является лишь частью большой системы, которую онлайн-школа готова предложить своему клиенту. Типовая подтема «самопрезентация спикера» реализуется разными способами: указанием на род деятельности спикера, характеристикой его профессионального опыта. При выражении этой подтемы используются субституты *ко мне, у которого* и таксономические номинации (*педагог*). Спикеры часто апеллируют к своему образовательному опыту, чтобы подчеркнуть компетенцию эксперта. Подтема «предполагаемые результаты» обучения представлена разнообразными номинациями: *хакнуть ЕГЭ по литературе, гигантское количество баллов, сдать на 90 плюс*. Абстрактность формулировок достигается

использованием средств выразительности, среди которых основными являются эпитеты и метафоры. Числовые указания на потенциально возможные результаты экзамена в номинациях позволяют сегментировать адресатов на «сильных» и «средних». Таким образом, категориально-текстовый анализ вебинаров доказывает обоснованность выделения бесплатного репутационного вебинара в самостоятельную субжанровую разновидность речевого жанра вебинара, а также позволяет детально описать его отличия от других субжанровых разновидностей.

Литература:

Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Работы 1940—1960 гг. М., 1996.
Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990.

Комические паспарту: к постановке проблемы

Пересыпкина Ксения Андреевна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе представлены первые результаты изучения языкового феномена, который было решено обозначить как «комические паспарту». Под этим термином понимаются лингвокультурные единицы, языковые «формулы», присутствующие в ментальном лексиконе носителей языка и активно функционирующие в повседневной речи. Их выявление и описание — цель исследования, которая обуславливает актуальность и новизну работы: выбранная оптика еще не была применена для анализа подобного материала.

Комическое паспарту — это «рамка», созданная на базе того или иного прецедентного текста, воплощающая заложенный в нем потенциал изменения и позволяющая продуцировать условно бесконечное количество конкретных реализаций.

Таким образом, можно говорить о существовании триады: прецедентный текст (напр., *Слово пацана. Кровь на асфальте; Вокруг света за восемьдесят дней*) — комическое паспарту как инвариант (напр., *X пацана. Y на асфальте; Вокруг света за X дней*) — вариант (напр., *Слово перекупа. Бензин на асфальте; Слово зимы. Снег на асфальте; Слово шофера. Следы на асфальте; Вокруг света за один день; Вокруг света за пять дней; Вокруг света за шестьдесят дней*).

Феномен комических паспарту связан с широким диапазоном явлений: прецедентным текстом, языковой игрой, анекдотом, мемом. «Рамки» возникают на пересечении двух комплексов: прецедентного (некое удвоение прецедентности, которая свойственна как тексту-источнику, так и самой «формуле») и комического (обязательность идеи несоответствия, которая лежит в основе природы комического).

Материалом исследования стал пользовательский подкорпус, составляющие для которого были извлечены методом произвольной выборки из окружающей повседневной речи.

Функционирование комических паспарту на разных уровнях (индивидуальном, парном, групповом, социальном) ярко иллюстрирует особенность разговорной речи, «для которой в высшей степени характерно стремление к использованию готовых единиц, всякого рода готовых конструкций, что объясняется автоматизмом протекания речевого акта» [Земская и др., 1981: 6].

Литература:

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Братъ выражения из английского — это ту мач?

Бородаенко Ева Евгеньевна

студент 1 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

С возрастающей популярностью английского языка как языка международной коммуникации в современной русской речи стало появляться все больше прямых заимствований из английского, зачастую необоснованных. У таких заимствованных слов или выражений может иметься несколько полных или почти полных синонимов в русском языке, которые могут использоваться в бытовой речи ощутимо чаще.

Настоящее исследование посвящено выражению *ту мач* в сравнении с рядом синонимов, а также эволюции орфографического вида данного выражения и его дальнейшей адаптации в русском языке. Это выражение является часто употребительным в современной речи, т. к. оно, в силу своего значения, хорошо подходит для использования в различных контекстах.

Источником материала для анализа стал опрос носителей русского языка, проведенный с помощью Google Forms. Анализ результатов опроса выявил, что у выражения *ту мач* существует ряд синонимов, а именно: *слишком*, *чересчур*, *излишне*. Кроме того, было выявлено отсутствие зависимости между преимущественным видом употребления выражения (в письменной речи или в устной) самими носителями и его предпочитаемым написанием. Помимо ответов респондентов, материалом для исследования выступили контексты, найденные в социальных сетях, мессенджерах (ВКонтакте, Telegram) и в Национальном корпусе русского языка. В ходе анализа частотности исследуемого выражения в представленных контекстах было выявлено, что слитное написание *тумач* является сравнительно недавним явлением в письменной речи.

Исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, тенденция к слитному написанию выражения *тумач* начала проявляться сравнительно недавно. Однако анализ использования слова *тумач* в социальных сетях и в Google Trends показал, что оно используется так же часто, как и выражение, написанное через пробел. Во-вторых, носители русского языка корректно дают определение данному выражению, приводя несколько точных синонимов к нему. При этом 66% опрошенных людей признали, что используют выражение *ту мач*.

Корпусное исследование передачи очереди в диалоге мужчин и женщин

Масленикова Александра Сергеевна

студент 2 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Являясь лингвистическим ресурсом, корпус дает сбалансированное и репрезентативное представление о языке. Корпус «Один речевой день» содержит записи естественной речи людей в условиях повседневного общения, что делает его уникальным материалом для анализа реальной речи.

Доклад посвящен способам передачи очереди в диалоге, изучаемым в рамках конверсационного анализа, а именно выявлению частотности разных способов передачи очереди, а также сравнению этого распределения среди мужчин и среди женщин. Корпусное исследование передачи очереди среди мужчин и женщин в рамках конверсационного анализа проводилось, напр., в работе «Sex Roles, Interruptions And Silences In Conversation» [Zimmerman, West, 1975], однако на материале ОРД такого исследования на сегодняшний день не существует. Благодаря метаданным, представленным в корпусе, диалоги были отсортированы по возрастным группам (от 18 до 34 лет; от 35 до 54 лет; от 55 лет и старше) и гендеру собеседников (диалоги мужчин с мужчинами, женщин с женщинами и мужчин с женщинами). На каждую «ячейку» (например, диалоги мужчин с мужчинами от 18 до 34 лет или женщин с женщинами от 55 лет) приходится минимум по три диалога. Принимая во внимание важность других социолингвистических факторов, в частности социальных ролей, и невозможность говорить об одном факторе в отрыве от другого, для того чтобы упростить анализ и повысить точность выводов, было принято решение рассматривать исключительно диалоги (т. е. разговоры, которые ведут два участника), в которых собеседники обладают симметричными социальными ролями. В ходе эмпирического исследования корпуса (как размеченных расшифровок, так и непосредственных записей устной речи), лежащего в основе конверсационного анализа, были выявлены следующие способы передачи очереди: пауза, смех, маркирование окончания мысли, смежные пары. Была подсчитана частотность использования выявленных способов передачи очереди в речи мужчин и женщин и сделаны предположения, связанные с причинами такого распределения. Случаи одновременной речи были классифицированы следующим образом: наложения, которые также обладают внутренней классификацией, и перебивания. Подсчитано процентное соотношение наложений и перебиваний среди всех коммуникантов, а также отдельно у мужчин и женщин. Было выявлено, что перебивания и наложения, как правило, исходят от мужчин.

Литература:

Zimmerman D., West C. Sex roles, interruptions and silences in conversation // Language and Sex: Difference and Dominance. Rowley, 1975. P. 105—130.

Вдох / вздох как паралингвистический элемент звуковой цепи: сравнение сегментных и супraseгментных употреблений

Мишина Валерия Игоревна

студент 3 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Отдельное направление в современных лингвистических исследованиях составляют работы по изучению устной речи и ее характерных особенностей, интерес к которым в последнее время стал заметно увеличиваться. Большое внимание уделяется различным паралингвистическим элементам (ПЭ) — невербальным компонентам высказывания, которые не только отражают физиологическое состояние говорящего, но и выполняют в устном дискурсе определенные функции [Крейдлин, 2002].

Предметом исследования стало прагматическое значение вдоха / вздоха (В/В) — паралингвистического элемента, который в коллоквиалистике описывается как разновидность неречевых элементов устной речи и «сбой» в процессе речепорождения, мешающий непрерывному воспроизведению мысли и затормаживающий высказывание [Bogdanova-Beglarian, Baeva, 2018].

Однако в устной речи данный ПЭ может реализоваться не только как отдельный (сегментный) речевой элемент, но и как супрасегментная единица, которая накладывается на ту или иную звуковую последовательность: *э-э / в деревьях например можно по... / по красной рябине узнать какая будет / зима // <со вздохом> и много ещё разных примет существует в природе* (САТ).

Научная новизна исследования состоит в сравнении функционирования супрасегментного В/В с описанными в литературе особенностями этого ПЭ [Богданова-Бегларян, 2023]. Кроме того, предполагается, что лексическая единица, одновременно с которой реализуется В/В, схожа с правым и левым «соседом» сегментного В/В.

Источником материала для анализа стали расшифровки корпуса русской повседневной речи «Один речевой день» и различных типов монологов из «Сбалансированной аннотированной текстотеки», организованные в пользовательский подкорпус.

Исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, прагматическое значение супрасегментного В/В значительно уже, чем отдельной речевой единицы. Если паузы, заполняемые В/В, выполняют функции маркера старта, маркера ввода самокоррекции, навигатора, хезитатива и рефлексива, то функции, выполняемые супрасегментным В/В, ограничиваются функциями хезитатива, рефлексива и реже — навигатора. Во-вторых, выдвинутая гипотеза не подтвердилась: В/В зачастую накладывается на различные междометия, а правым и левым «соседом» сегментного В/В чаще оказываются знаменательные части речи. Стоит также отметить, что как отдельный элемент звуковой цепи, так и супрасегментный В/В могут быть полифункциональными.

Литература:

Богданова-Бегларян Н. В. Вздох глубокий... (о функциях вздоха в спонтанном монологе) // «...Вперед и вверх по лестнице звучащей». Сб. статей к 80-летию О. Ф. Кривновой / Отв. ред. Л. М. Захаров и др. М., 2023. С. 271—280.

Крейдли Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М., 2002.

Bogdanova-Beglarian N., Baeva E. Nonverbal Elements in Everyday Russian Speech: an Attempt at Categorization // Computational Models in Language and Speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018) / A. Elizarov, N. Loukachevitch, N. I. Lobachevsky (eds.). Kazan, 2018. Vol. 2303. P. 3—13.

Особенности функционирования устойчивой неоднословной единицы «без + X» в устной речи

Козырева Полина Тимофеевна

студент 1 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Актуальность исследования определяется необходимостью описания структурных и функциональных особенностей устойчивой неоднословной единицы (УНЕ) «без + X», которая, по классификации УНЕ, относится к классу форм-идиом, но при этом имеет лексический слот (X), что характеризует исследуемую единицу как конструкцию.

Первоначальным материалом для исследования стал корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД). Идиомой в ОРД принято считать форму слова, которая за счет частоты употребления приобретает функциональную и смысловую нагрузку в повседневной коммуникации. Удалось найти всего 14 вхождений, на

основе которых получилось выделить 10 идиом, которые и вошли в исследование. Кроме того, для расширения материала был использован Национальный корпус русского языка (НКРЯ), а именно устный подкорпус и подкорпус «Социальные сети».

Целью работы было проанализировать функционирование УНЕ «без + X», поэтому нужно было обратиться к смысловой составляющей конструкций. Напр., идиомы *без палева*, *без конца*, *без продыха*, *без понятия*, *без толку* функционируют в том значении, которое зафиксировано в словарях (МАС, БТС, «Словарь воровского жаргона»). Каждая из идиом имеет свое значение («незаметно», «бесконечно», «непрерывно», «неизвестно», «напрасно»).

Однако есть и другая часть идиом, которая интересна с прагматической точки зрения, поскольку можно выделить группу, которая функционирует как выражение согласия. Сюда можно отнести идиомы *без базара*, *без вопросов*, *без проблем*. Кроме того, интерес вызывает отсутствие большинства УНЕ в словарях. В «Корпусном словаре неоднословных лексических единиц» зафиксированы как наречные и предикативные обороты *без конца* (4073), *без продыха* (*продыху*) (28) и *без толку* (*толка*) (1214). Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова обнаруживаются лишь *без конца* и *без толку*. Прагматем, выражающих согласие, в словарях нет, несмотря на их частотность в речи носителей русского языка. Исходя из контекстов устного подкорпуса НКРЯ, можно сказать, что УНЕ, функционирующие как выражение согласия, часто выступают дополнением к уже выраженному согласию: *А/ да без проблем/ конечно же/ токо тогда вам; Да/ да/ без проблем / конечно; Да/ это вообще/ без вопросов*.

«Ну короче»: об одном из маркеров старта в русской повседневной речи

Шварева Екатерина Ильинична

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Прагматические маркеры (ПМ) — это те функциональные единицы устного дискурса, которые прошли процесс прагматикализации, связанный с переходом отдельных лексем на коммуникативно-прагматический уровень языка, в результате чего они становятся сугубо прагматическими единицами [Graf, 2011: 288—289]. Различаются следующие виды ПМ: разграничительные, дейктические, ритмообразующие, маркеры самокоррекции, аппроксиматоры, заместители, ксенопоказатели, метакоммуникативы, рефлексивы, хезитативы [Богданова-Бегларян, 2021]. В центре настоящего исследования находится прагматический маркер *короче*, который в варианте *ну короче* активен в нашей речи в роли разграничительного маркера старта. Актуальность исследования заключается в том, что оно посвящено изучению ПМ, которые активно и практически бессознательно используются в повседневной речи всеми говорящими. Интересна для изучения и сама функция старта (монолога, высказывания или реплики в диалоге), т. к. начало и конец (в частности, монолога) — это самые сложные места в ходе спонтанного речепорождения [Богданова-Бегларян, 2023]. Источником материала для настоящего исследования послужили пять корпусов: основной, устный подкорпусы и подкорпус «Социальные сети» Национального корпуса русского языка, корпус повседневной русской речи «Один речевой день» и корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека». Маркер *короче* весьма полифункционален: он может быть разграничителем, хезитативом, ксенопоказателем, маркером самокоррекции или ритмообразующим [Прагматические маркеры, 2021: 247—259]. Стартовая его функция встречается как отдельно, так и в сочетании с другими, ср.: *Короче, первое впечатление: Какие-то с е*анцой. Мне нравится, остаюсь* (старт); *ну вот короче / рассказ в восьми картинках /*

значит первая картинка какая-то / паренек семитского вида поливает цветочки (старт и хезитация). Уже во втором из приведенных примеров *короче* выступает в комбинации с частицами *ну* и *вот*. Частица *ну* также обладает большим спектром функций и значений и легко встраивается в структуру любого ПМ. Частотным является совместное использование данных единиц, что отмечают и многие носители языка: *Да-да, а еще такое голосовое обязательно начинается с «ну короче», всё начинается с «ну короче»* и т. д. В работе функционирование стартового маркера *ну короче* рассматривается также в зависимости от различных аспектов: типа речи, гендера, возраста и психотипа говорящего.

Литература:

- Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021. С. 5—52.
- Богданова-Бегларян Н. В. Над кем смеетесь? Над собой смеетесь! (о смехе как реакции говорящего на собственную речевую деятельность) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 4. Проблемы фонетики. М., 2023. С. 136—148.
- Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021.
- Graf E. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Berlin, 2011.

Особенности функционирования выражения «знаешь там» в русской повседневной речи

Реут Ксения Александровна

студент 1 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Современная лингвистика активно изучает устный дискурс как неотъемлемую часть повседневного коммуникативного взаимодействия. Важное место в нем занимают прагматические маркеры (ПМ) — такие единицы устной речи, которые попали под действие процесса прагматикализации и в результате утратили свое исходное лексическое и/или грамматическое значение и приобрели прагматическое, выполняя в тексте лишь определенные функции [Богданова-Бегларян, 2021: 13]. Несмотря на целый ряд работ, посвященных конкретным ПМ (см., напр.: [Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография, 2021]), многие из них по-прежнему остаются недостаточно изученными.

В настоящей работе рассматриваются особенности функционирования выражения *знаешь там* в русской повседневной речи — как потенциального ПМ. Выражение включает в себя ПМ-метакоммуникатив *знаешь* [Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография, 2021: 177—184] и ПМ-хезитатив *там* [ПМ, 2021: 391—395]. Специального исследования комбинации этих двух маркеров пока не проводилось, тогда как наблюдения над корпусным материалом показывают, что она достаточно частотна в нашей коммуникации. Этим объясняется актуальность и научная новизна исследования. Гипотеза исследования такова: *знаешь там* — это не случайная комбинация слов. Во многих контекстах эти два прагматических маркера статистически неслучайно оказываются рядом, т. е. не исключено, что можно говорить о новой единице — прагматическом маркере *знаешь там*, который объединяет функции маркеров *знаешь* и *там*.

Источником материала для анализа стал корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день», из которого было отобрано 10 контекстов употребления комбинации *знаешь там*. Они были систематизированы и разделены на две группы:

1) единицы *знаешь* и *там* являются ПМ и образуют цельную единицу — потенциальный ПМ;

2) одна из единиц (или обе) не является ПМ.

70% употреблений оказались в первой группе. Анализ этих контекстов позволил сделать следующие выводы. В повседневной устной речи частотно употребление комбинации *знаешь там* как цельной единицы. В таких контекстах выражение выполняет функции ПМ и часто оказывается полифункциональным. Так, в контексте *вот/ знаешь так/ взять список клиентов дать их Полине/ этим клиентам/ надо сегодня/ позвонить и/ записаться на оплату/ этим клиентам надо сегодня/ позвонить/ и взять у них заказ// знаешь там/ и так далее/ вот человеку надо ставить конкретную задачу* выражение объединяет функции маркеров *знаешь* и *там* — метакоммуникативную и гезитативную, — но само реализует также функцию маркера-заместителя. Возможны структурные варианты комбинации *знаешь там* (*ну знаешь там/ ты знаешь там/ вот знаешь там*), ср.: *я вообще такая сию секунду смотрю думаю/ блин она ну там постоянно его просто пилит/ вот знаешь там вот так вот/ вот так вот*.

Перспективой настоящего исследования может стать подготовка словарной статьи «*знаешь там*» для обновленного издания словаря ПМ.

Литература:

Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021. С. 5—52.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2021.

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

Русская литература: теория, поэтика

Хронотоп как отражение внутреннего становления «нетронутых» героев в «таинственных повестях» И. С. Тургенева

Васильева Ксения Михайловна

студент 3 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В массовом сознании проза И. С. Тургенева не ассоциируется с готическим жанром. Основная причина этого кроется в том, что повести, получившие в научной среде определение «таинственные», остаются наименее изученными по сравнению с другими произведениями писателя. Наиболее репрезентативными для настоящей работы оказались повести «Клара Милич», «Призраки» и «Песнь торжествующей любви». На материале этих произведений была разработана идея, согласно которой хронотоп является отражением личностного становления так называемых нетронутых героев. Данное исследование строится на компаративистском анализе ранее упомянутых повестей. Теоретико-методологической основой выступили труды М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана и Ц. Тодорова.

Анализ хронотопа в таинственных повестях Тургенева не раз становился предметом исследования. На данный момент существует достаточное количество работ, авторы которых внесли свой вклад в изучение этой темы. Однако довольно незначительное упоминание связи хронотопа с внутренним становлением главных героев дает основание для более детального рассмотрения данной проблемы.

Прежде всего стоит сказать, что анализ хронотопа таинственных повестей был произведен в свете гипотезы о связи нетронутых героев — Якова Аратова, Валерии и рассказчика в «Призраках» — с демоническими силами. С учётом фольклорной традиции удалось обнаружить общие черты главных героев, которые и позволили сделать вывод о них как о представителях таинственного и потустороннего. К этим характеристикам относятся нетронутость, девственность героев, отсутствие собственной семьи, сиротство и отшельничество. В народной культуре указанные аспекты неразрывно связываются с трансцендентным. Эта мысль позволяет углубить понимание символики локуса «дома», который оказывается не безопасным местом, в котором можно спрятаться от злых сил, а символом ограниченности сознания героев. Кроме того, сюжетообразующим для всех трех повестей является хронотоп «порога», выход за пределы которого метафорически переосмысливается как преодоление бедности духовного мира. Появление в циклически-бытовом пространстве неведомых сил заставляет нетронутых героев покинуть собственный дом. Переступив порог, они попадают в кризисную для их внутреннего мира ситуацию. В результате этой встречи с потусторонними силами герои духовно перерождаются, неминуемо приходят к познанию самих себя, окружающего мира и его законов. Эту трансформацию переживают все три нетронутых персонажа в анализируемых повестях. Аратов познает вселенские законы, недоступные человеческому разуму, Валерия в «Песни...» оказывается способной испытать истинную стихийную любовь, а рассказчик в «Призраках» приходит к убеждению, что всемирного спокойствия и блаженства можно достигнуть только после смерти.

Жанровая специфика стихотворений в прозе В. М. Гаршина

Нестер Анна Ивановна

студент 4 курса

Белорусский государственный университет

Лирическая прозаическая миниатюра, стихотворение в прозе или лирический отрывок в прозе — в некоторой мере противоречивый жанр, окончательно сформировавшийся лишь к середине XIX в. Вслед за И. С. Тургеневым ряд стихотворений в прозе создал и В. М. Гаршин.

Цель доклада — определение жанровой идентичности избранных художественных текстов («Она была милая девушка...» (1875), «Юноша спросил у святого мудреца Джифара...» (1884), «Когда он коснулся струн смычком...» (1884)). Цель обусловила необходимость выявить специфические черты жанра, систематизировать характерные особенности лирических прозаических миниатюр, нашедших отражение в исследуемых произведениях.

Актуальность работы обусловлена недостаточной степенью разработанности темы и оригинальностью постановки проблемы. Исследований, посвященных стихотворениям в прозе Гаршина, недостаточно, при этом для полноценного представления о творческом методе писателя необходимо включать в рассмотрение максимальный объем материала. Лирические прозаические миниатюры как жанр остаются на периферии литературоведческих исследований. Еще один важный фактор, подтолкнувший нас к исследованию, — отсутствие авторской жанровой дефиниции, традиционно рассматриваемой в качестве главенствующей.

В ходе исследования применялись следующие методы: описательный метод, метод лингвостилистического анализа, сравнительно-сопоставительный метод. Лингвостилистические средства являются магистральным критерием оценки силы и оригинальности художественного текста. Аналитическое ядро работы — выявление и атрибуция вышеописанных образных средств языка.

В исследуемых произведениях широко используются анафора, полисиндетон, синтаксический параллелизм, градация, монтаж. На лексическом уровне систематически прослеживаются бинарные противопоставления ключевых концептов (жизнь — смерть, свет — тьма, творец — толпа и др.), как явные, так и имплицитные, формально и содержательно соотносимые с понятием энтимемы. Точечное целенаправленное использование суггестивных фонетических приемов, в большей степени характерных для поэтических произведений, подчеркивает синтетическую природу жанра лирической прозаической миниатюры.

На основании сопоставления анализируемых произведений с иными поэтическими и прозаическими текстами писателя в работе отстаивается и доказывается, что субъективная авторская модальность и стремление соблюсти формально-жанровый канон обусловили ряд различий в степени свободы выражения и реализации идейного мира в рамках произведений различной жанровой принадлежности. Несмотря на то, что система тропов в произведениях Гаршина характеризуется сравнительно постоянным и немногочисленным составом (эпитеты, антитезы, метафоры), лирические прозаические миниатюры автора более оригинальны и экспрессивны, чем его силлабо-тонические стихотворения. При этом, в отличие от других прозаических произведений, миниатюры, созданные автором вдохновенно, без предварительной детальной проработки сюжета и системы образов, характеризуются отсутствующей или крайне ослабленной (рудиментарной) сюжетностью, подчеркнутой эмпиричностью, целостностью производимого эффекта, преобладанием чувственно-эмоционального, импрессивного метода постижения действительности и последующего преобразования впечатлений в художественные образы и глубоким лиризмом, что всецело соотносится с жанровым определением.

Полученные результаты релевантны для дальнейших исследований.

Стилистические особенности «Моих тысячелетий» Д. Кнута

Шубин Кирилл Александрович

магистрант 1 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Доклад посвящён первому сборнику Д. Кнута «Моих тысячелетий». Эмигрантские критики отмечали косноязычие поэта, однако семантические особенности стилистики до сих пор не были проанализированы. В связи с этим целью доклада становится анализ идиолекта Кнута. Сборник «Моих тысячелетий» делится на две части. В первой доминирует высокая лексика (типа *алчба, молвой*), относящаяся к сниженной (типа *плетёнки, барыш*) как 32:11. Это связано с тем, что мира Кнута — это Палестина, включённая в рамки священного нарратива Торы. Сакральность совмещается с телесностью, что передаёт ощущение пронизанности земного вечным: «Раскинув горячие ноги, / Разверзши последнюю тайну, / Агарью-язычницей стонешь / Под грузом / Счастливым / Меня» [Кнут, 1997: 82]. Слова сниженного регистра описывают бытовую сферу человека, наполненную экзотическими предметами востока. Внимание поэта к вещам в сочетании с высокой лексикой выражает радость от бытия как такового. Божественное и мирское гармонично объединены. Во втором разделе сборника множество единиц сниженного регистра (типа *всклоченный, угробил*) сильно возрастает и почти уравнивается с количеством возвышенной лексики (типа *тать, негу*): 43:34. Палестина сменяется Парижем, и основное настроение поэтического субъекта становится меланхоличным из-за разрыва прямого контакта с вечностью и тяжести существования. В результате противопоставляется божественное и земное. Теперь разговорный стиль характеризует почти исключительно человека, часто с негативной коннотацией. Этот регистр нужен и для описания страшного мира города. Он же, хотя и стал новой реальностью, воспринимается как нечто преходящее. Этому способствует ненормативность и нестабильность сниженного регистра на контрасте с книжным и высоким. Подчас автор обращается к вульгаризмам (типа *ржёт, гнида*), необходимые субъекту для самоуничижения перед величием Бога. Но это несёт не отдаление, а приближение через смирение: «Аз есмь / Последняя гнида, / Сосущая Твое вымя» [Кнут, 1997: 93]. Самоуничижение подчёркивается и контрастом между церковнославянской формой и вульгаризмом. В возвышенной лексике возрастает количество славянизмов — это связано с прямым диалогом субъекта с Богом. Эта лексика также передаёт или религиозную экзальтацию, или точку зрения Бога. Земной мир в сборнике постоянно пересекается с вечностью, и поэт пытается её овеществить. В первой части это достигается обилием конкретных предметов и эротических сцен. Во втором разделе овеществление абстрактного проявляется на образном уровне в перенесении человеческих черт на неживые предметы, трансформации и буквализации коллокаций (коллокация *носить бремя* переворачивается в «Лежу под тобою, Господи» [Кнут, 1997: 91]), метафорике, акцентирующей телесность. Стремление передать вещественность мира проявляется и через разговорный стиль: в ненормативных формах и окказионализмах, образованных отглагольным способом, аллитерации, скоплениях согласных, разбивке слов на слоги и парцелляции. Анализ позволяет заключить, что для первого сборника характерна эксплицитная инновативная поэтика. Кнут становится в один ряд с футуристами и имажинистами, от которых позднее отходит.

Литература:

Кнут Д. Собрание сочинений в 2 т. Т. 1. Иерусалим, 1997.

Христианская и буддистская аксиология в творчестве И. А. Бунина

Лукьяненко Ульяна Алексеевна

магистрант 1 курса

Белорусский государственный университет

Целью данного исследования является выявление специфики взаимодействия и сосуществования христианской и восточной аксиологии в творчестве И. А. Бунина на примерах прозаических и поэтических текстов.

Для достижения поставленной цели используются культурно-исторический и биографический методы исследования, также привлекаются элементы целостного анализа художественного текста.

Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые рассматривается взаимодействие идей различных религий в творчестве автора. Для работы использованы материалы исследователей творчества И. А. Бунина и произведения писателя.

Идеи философии буддизма можно встретить в таких текстах, как «Богиня» (1916), «Братья» (1914), «В ночном море» (1923), «Огонь пожирающий» (1923), «Царь Царей» (1925), «Ночь (1925)», «Освобождение Толстого» (1937).

Немало идей, перекликающихся с идеями буддизма, встречается и в романе автора «Жизнь Арсеньева». С самого начала главный герой размышляет о своем существовании: «У нас нет чувства своего начала и конца. И очень жаль, что мне сказали, когда именно я родился. Если бы не сказали, я бы теперь и понятия не имел о своем возрасте, — тем более, что я еще совсем не ощущаю его бремени, — и, значит, был бы избавлен от мысли, что мне будто бы полагается лет через десять или двадцать умереть» [Бунин, 1986: 202].

Кроме того, Бунин обращается к цитированию и осмыслению библейских текстов. В стихотворении «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» (1918) он воссоздает диалог человека с Богом и апеллирует к притче о блудном сыне.

Православная духовность является одним из основных мотивов в творчестве Бунина, что связано с его искренней любовью к Родине. Через изображение христианского духа русской земли он детально воссоздает национальный характер народа. Бунинские «Антоновские яблоки» с их слиянием христианских и народных праздников, «Жизнь Арсеньева» со старинными образами и упоенным чтением молитв, «Иоанн Рыдалец» с описаниями богослужений, «Святые» с преданиями о страстотерпцах — все это воплощение национального в творчестве писателя. Иногда в одном художественном тексте переплетаются и вступают в диалог совершенно разные религиозные учения. Так, в рассказе «Ночь» лирический герой, размышляя о жизни после смерти, цитирует Книгу Екклесиаста: «В будущие дни все будет забыто. Нет памяти о прежних людях. И любовь их, и ненависть, и ревность давно исчезли...» [Бунин, 1986: 483]. И, думая над христианской истиной, он приходит к буддистской идее сансары — цепи перерождений: «Смерть! Но каждые семь лет человек перерождается, то есть незаметно умирает, незаметно возрождаясь. Значит, не раз перерождался (то есть умирал, возрождаясь) и я. Умирал — и, однако, жил, умер уже многократно — и, однако, в основе все тот же, что и прежде, да в придачу еще весь полон своим прошлым» [Бунин, 1986: 484]. Два разных мировоззрения вступают в диалог в сознании героя для поиска истины и осмысления человеческого бытия.

Аксиологический диапазон творчества И. А. Бунина — это богатый диалог разных культур и религий, переплетение и взаимодействие основных постулатов христианства и буддизма, что созвучно с неординарностью личности самого автора, его склонностью к универсализму. Благодаря этому в его текстах конструируется сложный художественный мир, привлекающий читателей своей философичностью и вариативностью интерпретаций.

Литература:

Бунин И. А. Избранная проза. Минск, 1986.

Фланёр за рулём: адаптация образа фланёра в романе «Ночные дороги» Гайто Газданова

Лубянов Георгий Константинович

студент 2 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Тип фланёра в определённой степени наследует романтической субкультуре дендизма. Газданов, для которого переключка с романтизмом не является выбивающейся деталью поэтики [Рубинс, 2017: 223], представляет персонажа, который может продолжить эту линию в XX в.

«Ночные дороги» — парижский текст, в котором многие неприглядные сцены, скрытые от дневной жизни буржуа, но привычные для натренированного глаза фланёра, реализуются перед не менее внимательным шофёром ночного такси. Протагонист Газданова опечален умирающими французской культурой и языком, единственными подлинными носителями которых для него являются алкоголик-философ Платон и бывшая «дама полусвета» Ральди, осколки декадентства, претечей которого был Бодлер.

Платон произносит легитимизирующую интертекстуальный диалог Газданова с Бодлером реплику: «Поэзии вне Бодлера не существует» [Газданов, 2009: 165]. На этом фоне существенными кажутся сходства изображаемого художественного мира в цикле «Парижские картины» и романе Газданова — окутанное ночью городское пространство, в котором персонажу-рассказчику встречаются его обитатели, претерпевающие тяготы, живущие в нищете и скрытые от дневного общества. У Бодлера этих людей запечатлевал фланёр, у Газданова они становятся попутчиками и собеседниками ночного таксиста.

В. Беньямин в работе, посвящённой Бодлеру, описывает тип фланёра следующим образом:

«Он вырабатывает формы реакции, подобающие темпу большого города. Он ловит события на лету; он может считать себя существом, близким художнику» [Беньямин, 2015: 43]. В этой скорости реакции прослеживается чёткое сходство с протагонистом «Ночных дорог», которое только усиливается тем, что описанный Беньямином фланёр является наблюдателем, сохраняющим своё инкогнито, а протагонист Газданова остаётся неназванным.

Тексты обоих авторов выстраивают художественное пространство, расколотое на две противоположные друг другу части: дневной мир достатка и буржуазного конформизма, стабильности и продолжающейся жизни и ночной мир нищеты, увядания и смерти и не вписывающихся в «приличное общество» отшельников.

Двойственность у Газданова прослеживается и в конфликте старого и нового: театра и кино, оперы и граммофона, фланирования и езды на скоростном автомобиле — технологический прогресс и изменившийся темп жизни заметно отразились в поэтике романа. XX в., сменивший долгий XIX, снял внешний аристократический флёр и выбил праздность из-под ног у фланёра, посадил его в «Ситроен» и заставил работать. Беньямин рассматривал образ фланёра у Бодлера через призму современности, Газданов — его адаптацию в новой реальности.

Литература:

Беньямин В. Бодлер. М., 2015.

Газданов Г. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. Роман. Рассказы. Документальная проза. М., 2009.

Рубинс М. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920—1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М., 2017.

Архитектоника пространства в романе Юрия Домбровского «Хранитель древностей»

Забловская Полина Валерьевна

студент 1 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Микрокосм романа «Хранитель древностей» формируется за счёт описания пространства. Читательское восприятие топоса произведения подчинено взгляду рассказчика — Зыбина. Определяющей чертой его оптики становится погружение «в себя», уход от переживания событийного ряда к интроспекции. Причину подобного сдвига можно найти в социальном контексте 1930-х гг., связанном с нарастанием политической несвободы и усилением ощущения угрозы. Нарратор Зыбин защищается от происходящего остранением и переизобретением пространство вокруг. Его восприятие мифологизировано за счёт смешения временных пластов прошлого и настоящего. Любой топос он семантически воспринимает как «музей», референцию к вечности и личной памяти. Зыбин наделяет город Верный мифологическими чертами. Орнаментальность «многоуровневых садов» и замысловатых и причудливых дворцов коррелирует с лубочным светящимся макетом города из последней главы. Конструирование топоса сада на месте городского можно связать с желанием нарратора «космизировать» «другое» по отношению к нему пространство, заполнить лакуну недостающей гармонии. Также образ сада можно связать с идеей гетеротопии, совмещающей историческое, мифологическое и бытовое пространство («Сад есть минимальная частица мира, а кроме того, мир в его тотальности» [Фуко, 2006: 200]). Зыбин большую часть времени проводит в кабинете хранителя — на чердаке, на вершине вертикального пространства, наиболее удобной для созерцания и панорамного вида сверху вниз. Горный Гигант воспринимается Зыбиным уже не абстрактно, а мифологично в связи с прямым интертекстом райского сада («...ребята из 6-й бригады играли в саду недалеко от стана и заметили большую змею. Она поднялась до первых ветвей яблони, срывала яблоки и ела» [Домбровский, 1993: 37]). В этом топосе мифообразующий лейтмотив змеи как неизведанного и чужеродного актуализируется. Раскопки и археологические находки в восприятии Зыбина также наделяют место значением проводничества между эпохами, формируют его как «музей под открытым небом». Музейный локус в романе обладает смыслообразующей функцией. По выражению Т. Л. Рыбальченко, это «ценностно значимый центр, из которого главный герой формулирует принципы существования в действительности» [Рыбальченко, 2014: 72]. Заглавный образ «хранителя древностей» ставит Зыбина в оппозицию имитационно-значимой деятельности рядовых сотрудников музея, подменяющих живое прошлое пустыми оболочками. Таким образом, пространство романа «Хранитель древностей» воспринимается как «музей» разных пластов бытия, воображаемого (на уровне мифологем и легенд) и материального (отражённого в вещном мире). Таким оно становится под влиянием нарратора, смешивающего настоящее с прошлым, природное с культурным, личностно-субъективное с вечным.

Литература:

Домбровский Ю. О. Сочинения в 6 т. Т. 4. Хранитель древностей. М., 1996.

Рыбальченко Т. Л. Образный мир художественного произведения и аспекты его анализа. Томск, 2012. С. 1—130.

Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть. М., 2006. С. 191—205.

Отсутствие пунктуации как минус-прием в современной русской поэзии

Мохаммад Мадина Исхаковна

студент 3 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Феномен отказа поэтов от пунктуации отмечается литературоведами как тенденция современной лирики [Азарова, Корчагин, Кузьмин, Плунгян и др., 2016], как характерная черта поэтики отдельных авторов [Скворцов, 2011] и как прием [Ищук, 2014]. Однако отсутствие знаков препинания как художественный прием в русской лирике не становилось предметом отдельного изучения, как, напр., авторская постановка тире в лирике М. Цветаевой или Э. Дикинсон. Цель нашего доклада — применить лотмановскую оптику и рассмотреть полное и частичное отсутствие пунктуации как минус-прием, выявить его художественные функции. Для одних авторов отсутствие знаков препинания — это характерная черта поэтики (Вс. Некрасов, А. Цветков), другие используют пунктуацию не по правилам языка, а только тогда, когда это представляется нужным. Упразднение же семантически не нагруженных знаков препинания на границе стиха актуализирует природу стиха как систему парадигматических членений — в стихах и так заложены ритм и паузы [Шапир, 2000].

Неупотребление пунктуации — это не прерогатива одного направления, оно необязательно связано с авангардом. Полное отсутствие знаков препинания характерно как для концептуалиста Вс. Некрасова, так и для более современного неомодерниста А. Цветкова. Показательно, что у обоих поэтов этот минус-прием связан с мотивом поэтической немоты — утратой поэтом дара пророка преобразовывать мир словом. Для других поэтов — метареалистов А. Драгомощенко и В. Кривулина и тяготеющего к акмеистической традиции А. Полякова — использование этого приема выборочно.

Как он функционирует? В широком смысле отсутствие пунктуации — это избегание автоматизма восприятия. Знаки препинания способствуют членению текста для облегчения его понимания, отсутствие же цветаевских «пней преткновения» делает сложным выделение цельных по смыслу отрезков. Случаи, когда на фоне отсутствия пунктуации в стихотворении появляются те или иные знаки препинания — обычно тире как наиболее выразительный знак, представляют особый интерес, так как в них пунктуация семантически нагружена. При имманентном анализе можно обнаружить, что такой слом в графике стихотворения часто оказывается изоморфным слому на другом уровне текста. Здесь могут происходить изменения в субъектной структуре — меняется точка зрения или становится слышен не проявленный ранее в стихотворении голос («TROODOS» Драгомощенко). Иногда прием является следствием метапоэтической игры («В позе плода» Кривулина) или имитацией античного синтаксиса («Европа девочка: она не слышит моря...» Полякова). Отсутствие пунктуации становится продуктивным острающим минус-приемом для постсоветской лирики, к которому обращаются приверженцы разных поэтических традиций.

Литература:

Ищук Е. Н. Авторская расстановка знаков препинания как намеренное нарушение пунктуационной нормы (на примере современной прозы и поэзии) // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. 2014. Т. 13. №9. С. 88—92.

Поэзия. Учебник / Сост. Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, Д. В. Кузьмин, В. А. Плунгян и др. М., 2016.

Скворцов А. Э. Рецепция и трансформация поэтической традиции в творчестве О. Чухонцева, А. Цветкова и С. Гандлевского: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Казань, 2011.

Шатир М. И. О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие) // Т. 6. № 14/16. М., 2000. С. 117—137.

Русская литература: история

Рассказ О. М. Сомова «Оборотень» как полемическое высказывание

Медведько Анна Дмитриевна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Традиционно все рассказы О. М. Сомова, основанные на восточнославянском фольклоре и истории, включаются исследователями в не собранный, но названный автором цикл «Были и небылицы». Однако тексты внутри него неоднородны: помимо серьёзных романтических повестей туда включаются и ироничные. Таков рассматриваемый в докладе рассказ «Оборотень» (опубликован в альманахе «Подснежник на 1829 год»), который должен включаться в литературную полемику о «классиках» и «романтиках», в которой автор противостоял П. И. Шаликову. Основанием для иронии является попытка совместить две литературные конвенции — романтическую и классицистическую. Маска-рассказчик пишет о «небывалом» оборотне по примеру писателей-романтиков, не скрывая своей интенции подражать, а в конце выводит мораль в духе басни Ломоносова: «тот, у кого нет волчьей повадки, не должен наряжаться волком». Сама эта мораль, очевидно, относится не столько к герою рассказа, случайно превратившемуся в оборотня, сколько к реальным литераторам, подобным рассказчику: им не стоит пытаться писать так, как они писать не могут. Суть насмешки повторяется О. М. Сомовым в тех же выражениях в эпиграмме на князя П. И. Шаликова, написанной тогда же, в 1828 г., («Мнимому классику»: «Не классик ты и не романтик; // Но что же ты в своих стихах?»), который, вероятно, и является объектом иронии всего рассказа «Оборотень». Это предположение подтверждается и ссылкой на басню Ломоносова в эпилоге: в «Дамском журнале» этому жанру отводилось большое место. При этом частый повод для насмешек над Шаликовым, его принадлежность к сентиментализму, в рассказе не проговаривается, хотя маска литератора-рассказчика и сохраняет в своём повествовании некоторые черты сентиментальной литературы: герои относятся к крестьянскому сословию, переживания Артёма описываются гротескно, счастья герои достигают на фоне природы в «естественной жизни». В этом рассказе, как и в эпиграмме, Шаликов причисляется Сомовым к некоторой средней категории между классиками и романтиками, что, вероятно, отражает его взгляд на сентиментализм, в котором сочетается установка на чувство, задача впечатлять и по-просветительски ясное, не конфликтное мировоззрение с отчётливым осознанием границ добра и зла. Сходные мотивы появляются и в критике О. М. Сомова того времени: в «Обзоре российской словесности за 1828 год», опубликованном в «Северных цветах», автор сетует на засилье эпигонов в литературе и говорит о противостоянии «романтиков» и «классиков».

Платоновский миф и французский гермафродит: по поводу «Фраголетты» В. Г. Теплякова

Бояринцев Михаил Валерьевич

студент 3 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В докладе прослеживаются источники стихотворения В. Г. Теплякова «Фраголетта» (1832), в первую очередь отмечается связь с одноименным романом Анри де Латуша «Fragoletta: Naples et Paris en 1799» (1827). Взяв эпиграфом цитату из стихотворения Гете «Четыре времени года» «Wärt ihr, Schwärmer, imstande, die Ideale zu fassen, // O! So verehrtet

ihre auch, wie sichs gebührt, die Natur» («Если бы вы, мечтатели, были способны постигнуть идеал, вы бы почтили, как должно, природу») [Goethe, 1828: 399], Тепляков предупредил свой текст мотивом пантеистического восхищения перед природой, являющейся внешним выражением идеального. В первых двух строфах видно использование Тепляковым отдельных сюжетных ситуаций из делатушевского романа (водные и конные прогулки героя-гермафродита с капитаном д'Отвилем); затем поэт отступает от него; способность персонажа менять внешность понимается как способность менять облик вообще: «Но кто же ты, живой цветок, // В дубраве горлицы подруга...» и т. д. [Тепляков, 2003]. Это уже не конкретное лицо, но различные способы проявления одной души; возникают шелленгианский и, шире, неоплатонический мотив Мировой Души. Далее Тепляков вдохновляется сценой из романа, в которой Камилла (гермафродит в женской ипостаси) в компании художницы Пиментале и д'Отвиля рассматривают в музее статую Поликлета. Пиментале вспоминает: «Разве Платон в "Пире" не уверяет, что человек вышел из рук Творца наделенным двойственной природой и утратил ее лишь после своего мятежа?» [Де Латуш, 2018], Тепляков распространяет это платоновское воспоминание в четвертой строфе. Несмотря на то, что в романе де Латуша гермафродит воспринимается скорее как чудовищная ошибка природы, Тепляков понимает двойственное состояние героя скорее как андрогинность в духе Платона, т. е. проявление первоначальной цельности человека; кроме того, гермафродит и андрогин трудноразличимы еще в античной традиции, так что подобное понимание легко объяснимо. Гермафродит стихотворения есть только отражение «небесного призрака», напоминание о месте, «где человек был до падения». В этом он причудливо похож на «гения» Жуковского, призванного напомнить человеку о небесной отчизне. Эта параллель не случайна, поскольку жуковскую тему гения Тепляков использует в ряде стихотворений («Благотворная Фея», «Гений», «Жестокий призрак»). Завершает он, вводя другой неоплатонический мотив нисходящей с небес красоты, являющей себя в творениях искусства («Не ты ль, кумир бесценный мой, // В то время снился Поликлесу? — // И сон пленительно-живой // Прожег своею красотой // Его сердечную завесу!»), нередкий в произведениях поздних романтиков. Сам факт, что Тепляков, по-видимому, единственный из русских поэтов своего времени, в начале 1830-х гг. откликнулся на книгу де Латуша, служит очередным подтверждением его пристального внимания к современной французской литературе и готовности к творческому взаимодействию; роман о гермафродите-природном курьезе становится для Теплякова поводом, чтобы обратиться к гетеанскому пантеистическому восхищению перед природой и к неоплатоническим концепциям души и красоты.

Литература:

Де Латуш Анри. Фраголетта, или Неаполь и Париж в 1799 году. М., 2018.

Тепляков В. Г. Книга странника. Стихотворения. Проза. Переписка. Тверь, 2003.

Goethe J. W. v. Goethe's Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand. B. 1. Stuttgart; Tübingen, 1828.

Поэтика «реального» и «фантастического» в романе М. Н. Загоскина «Искуситель»

Требухина Татьяна Сергеевна

студент 4 курса,

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматривается одно из наименее изученных произведений писателя — роман «Искуситель» (1838). Роман создан в форме мемуаров провинциального помещика

— Александра Михайловича — на склоне лет вспоминающего о событиях своей молодости, которая пришлась на конец восемнадцатого столетия. Сочинение Загоскина состоит из трех частей. В первой части, имеющей характер экспозиции, повествуется о детстве героя, его жизни в провинции до восемнадцатилетнего возраста и последующей поездке в Москву. Вторая и третья части посвящены событиям, произошедшим с героем в Москве, и тем опасностям, которым он подвергся, находясь там. В жанровом отношении роман многосоставен. В нем есть приметы романа воспитания и романа фантастического, романа нравственно-сатирического и идеологического. Цель исследования заключается в рассмотрении особенностей хронотопа этого произведения. В романе причудливо переплетается реальное и фантастическое. В «Искусителе» Загоскин избирает форму мемуаров, тем самым снимая с себя ответственность за достоверность описываемых событий. Уже эпиграф заставляет читателя задуматься над реальностью описанного в романе: «C'est un tableau de fantaisie dont tous les details sont peints d'après nature» ('Это фантастическая картина, которая во всех подробностях срисована с натуры') [Загоскин, 1989: 289]. С одной стороны, в тексте представлена Россия начала XIX в., с другой — события, связанные с фигурой барона Брокена, отсылающей нас к фантастическому роману. Прямо не определяемый как дух зла, таинственный барон наделяется несомненными inferнальными чертами. По замыслу автора фантастический образ должен восприниматься как реальность. В романе нет границы между фантастикой и реальностью, так как она разрушена вторжением в реальный мир персонажей мистико-фантастических, inferнальных. Общая философская идея связывает эти события между собой. Многосоставный в жанровом отношении, роман Загоскина позволяет сделать вывод, что писателя волновали политические, нравственные и литературные проблемы, имеющие прямое отношение и к современности.

Литература:

Загоскин М. Н. Аскольдова могила: Романы, повести. М., 1989.

Мотив музыки в «Автоматических стихах» Б. Ю. Поплавского

Куликова София Олеговна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматривается роль мотивов музыки и звука в «Автоматических стихах» Б. Ю. Поплавского. Исследование взглядов Поплавского на музыку опирается на его дневники и критические статьи, в которых прослеживается связь с работами Ф. Ницше, А. Шопенгауэра и русских символистов (А. Блока, А. Белого). Поплавскому близко представление младших символистов о музыке как о трансцендентном начале, основе бытия и всех видов искусства. Поэт заостряет внимание на проблеме взаимоотношения между музыкой и личностью, через категорию музыки ставя вопрос о принятии человеком собственной смертности. Воспринятый символизмом пифагорейский концепт музыки сфер, где гармония макрокосма пронизывает микрокосм [Ханзен-Лёве, 2003: 93—94], раскрывается в поэзии Поплавского на материале «Автоматических стихов». Музыка является элементом пространственной и временной структуры стихотворений. Музыка наполняет все измерения пространства и трансформирует его: земля наполнена дисгармоничным шумом, небесная сфера — музыкой, чаще всего несущей смерть. В соответствии с представлениями Поплавского о гибели в музыке всего частного, в стихах одушевленные звуки умирают, засыпают, падают с неба. Во временном плане особую роль играет «страшный звук», предвещающий Апокалипсис. Отдельно выделяется образ поэта (музыканта, философа, отшельника), чье творчество гармонизирует мир. Творец наделен

силой, способной одушевить неживые предметы («камень плачет навзрыд», «железо так нежно дышит») и создать новый мир, преодолев хаос и смерть. Образ творца, заточенного в подземной сфере (в преисподней, на дне океана), отсылает к образу Орфея, значимому и в произведениях русских символистов. Оппозиция звука и тишины представлена как противопоставление жизни (движения музыки) и смерти (неподвижности молчания). Таким образом, мотив музыки в сборнике амбивалентен: с одной стороны, музыка трансцендентна, являясь окном в вечность и космизирующим началом, с другой — взаимодействие поэта с мировой музыкой ставит экзистенциальный вопрос о месте человека перед лицом вечности.

Литература:

Ханзен-Лёве А. А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб., 2003.

Почему Н. Я. Берковского изгнали из РАПП?

Чернышов Александр Михайлович

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Литературная критика Н. Я. Берковского — явление в современном литературоведении неизученное. В докладе будут рассмотрены причины вступления критика, взгляды которого совпадали с позицией «перевальцев» и который нередко обнаруживал близость к формалистам (Берковский был аспирантом В. М. Жирмунского), в самую массовую организацию рассматриваемого периода — РАПП. Еще в 1926 г. в первой своей критической статье Берковский рассуждал о самовитом слове А. Белого и приводил ряд особенностей рецензируемого текста: «Не Белым написан этот портрет, а звуками первого эпитета: “деликатес” ассоциативно влечет “демитон”, “демитон” — “демонманию”» [Берковский, 1926: 7], а в конце следующего года на страницах «На литературном посту» появляется первая объемная работа критика. В докладе делается акцент на обнаружении причин, по которым рапповцы изгнали Берковского из своей группы. Критик недолго состоял в РАПП. Его последняя работа в «На литературном посту» вышла в октябре 1929 г., а затем последовал сборник избранных критических работ Берковского «Текущая литература», который получил несколько негативных откликов в 1930 г. На примере литературно-критических статей Берковского мы покажем те особенности, которые его соратникам показались вызывающими сомнения, вредительскими. Основным источником станет названный выше сборник критических работ Берковского и ряд статей автора из «На литературном посту». Для выявления причин изгнания критика из организации мы обратимся и к рецензиям на его сборник, из которых явно следует, что литератор был отлучен от группы: «Но хотя под давлением критики Фадеев и выгнал Берковского из рапповских комнат (заявление на конференции МАПП — “не надо Берковского печатать в наших журналах”), а Берковский, кажется, где-то покаялся, — мы все же должны разоблачить Берковского, а налитпостовцев предостеречь от таких союзников и друзей, которых они так долго прикрывали» [Горбачев, 1930: 144]. Тем не менее, есть ряд оснований полагать, что рапповцы «своим» Берковского не считали уже в к. 1929 г. — начале 1930 г. Обратившись к этой теме, мы выявили обособленность, парадоксальность фигуры Берковского в литературном процессе 1920—30-х гг. Отмечены особенности его критических статей, которые огородили критика от рапповского цеха, не позволили найти товарищей, с которыми бы он смотрел в одну сторону, исповедовал схожие взгляды.

Литература:

Берковский Н. О «Москве» Андрея Белого // Жизнь искусства. 1926. № 49. С. 6—7.
Горбачев Г. Критический обзор // Красная новь. 1930. № 12. С. 136—157.

Фигура А. С. Пушкина в эссе и заметках В. Т. Шаламова 1950—1960-х гг.

Катович Аглая Артемовна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен фигуре Пушкина в эссе и заметках Шаламова и вопросу о значении «пушкинской линии» в русской литературе для автора «Колымских рассказов». В последние годы активно изучаются теоретические взгляды Шаламова, в частности то, как он в своих теоретических работах (статьях, эссе, заметках) рассматривает литературный процесс и как определяет собственное место в нем. При этом проблема «Шаламов и Пушкин» не разработана достаточно и решается либо через анализ интертекстуальных связей, либо путем вольных сопоставлений биографических сюжетов двух писателей. В докладе будет сделана попытка предложить альтернативный подход к изучению фигуры Пушкина в шаламовской концепции литературного процесса. Материалом для анализа в докладе послужат эссе 1960-х гг., которые мы предлагаем условно разделить на два типа — *эссе-манифесты* и *теоретические эссе*. К первому типу относятся эссе, в которых Шаламов формулирует свои творческие принципы, пытается ответить на вопрос, каким должно быть искусство вообще и литература в частности («Таблица умножения для молодых поэтов»). Во вторую группу войдут тексты, в которых он рассматривает ту или иную теоретическую проблему и выступает скорее как ученый («О поэтической интонации», «Рифма»).

В эссе-манифестах Шаламова мы предварительно выделяем несколько основных тезисов, которые касаются роли Пушкина в литературном процессе.

1) Образец для подражания — не все творчество Пушкина вообще, а *поздние* произведения поэта. Ранний Пушкин не гений, а находится на этапе ученичества, поэтому стихи лицейского периода не должны быть включены в канон.

2) Творчество Пушкина не сплошь позитивно и жизнеутверждающе. Напротив, лучшее в нем — «не мажор, а минор».

3) Пушкин — образец «прозы поэта», пушкинские стихи не могут быть поняты в отрыве от его прозы. Как представляется, этот тезис особенно важен в контексте проблемы «Шаламов и Пушкин».

4) Приобщение к поэзии нужно начинать не с Пушкина, поскольку «Пушкин — поэт, требующий взрослого читателя, требующий личного жизненного опыта, а также читательской культуры» [Шаламов, 2013: 16]. Шаламов развивает мысль о жизненном опыте как необходимой составляющей истинного искусства в заметке «Стихи — это опыт». Максиме «Поэзия — дело молодых», актуальной для времени создания эссе (к. 1950-х — н. 1960-х гг.), Шаламов противопоставляет свою сентенцию: «Поэзия — дело седых».

В теоретических эссе Шаламова о поэзии Пушкин предстает как образец образцов. Анализ отобранного материала показывает, что если в «манифестационных» эссе Шаламов стремится к тому, чтобы поспорить с нерушимыми догматами пушкинианы (такими, как «У Пушкина не было периода ученичества», «Пушкин — автор для всех возрастов»), то в теоретических эссе он остается в русле канонического взгляда на Пушкина как на вершину русской поэзии. Шаламов много рассуждает о мастерстве Пушкина, о владении словом,

ритмом, звуковой организацией стиха в его произведениях: «Пушкин в поэзии знал все» [Шаламов, 2013: 39].

На основании анализа шаламовской эссеистики 1960-х гг. мы выдвигаем гипотезу о том, что осмысление фигуры Пушкина в этих текстах является частью концепции «новой прозы», способом осмыслить собственное творчество и определить свое место в литературном процессе, каким его понимает Шаламов.

Литература:

Шаламов В. Т. Собрание сочинений в 6 т. + т. 7, доп. Т. 5. Эссе и заметки. Записные книжки 1954—1979. М., 2013.

Повесть «О разбойнике, спасшемся покаянием» в составе Сводного патерика

Буранкова Ульяна Владимировна

студент 4 курса

Сыктывкарский государственный университет

Повесть о разбойнике, спасшемся покаянием во время правления Маврикия, широко распространена как в греческом варианте, так и в переводном на церковнославянском языке. Повесть представлена в Прологе под 17 октября (РНБ, Софийское собрание, №1329, XII—XIII вв., л. 205—206 об.). Кроме того, данная повесть содержится в разных редакциях Сводного патерика (XII—XIX вв.), в т. ч. в редакции α (XIII—XIV вв.), реконструированной И. П. Ереминым. Сводный патерик — один из переводных патериков, распространенных в славянской рукописной традиции, который является оригинальной компиляцией агиографических текстов, имеющей болгарское происхождение. Данная повесть о разбойнике была также обнаружена нами в позднем списке Сводного патерика (XVII в.) из собрания Олонецкой духовной семинарии РГБ (Ф. 212. № 31, л. 400—402 об.).

Повесть начинается с экспозиционной зарисовки деяний разбойника, с которым не смог справиться ни один воин и чьи действия наводили страх на жителей страны, делая пути непроходимыми: «Лют зѣло и не человекъ и сице въ сыи, яко и путя страны тоя не проходны сотвори. Сего множицею и многими и сильными воины яти покусившеса и не возмогоша» (л. 400).

Завязка сюжета происходит после исповеди разбойника царю «царева слова устыдѣвса, отвергъ нравъ разбойнический и въ овчюю кротость облечеса» (л. 400 — л. 400 об.). Через несколько дней разбойник заболевает и оказывается в больнице Самсона. Там он начинает чувствовать приближение смерти и обращается к Богу с молитвой, цитируя Евангелие: «яко же онѣх иже впервые надесят часть пришедшихъ», «яко же приать Петрово горкое рыдание» (л. 401). Разбойник исповедуется много часов, утирая слезы убрисом пока не умирает. В то же время врач видит во сне суд над душой разбойника: мурины с множеством книг, где описаны грехи разбойника, и два светлых юноши, взвешивающие его злые и добрые поступки.

Кульминацией рассказа является эпизод, в котором чаша весов меняет свое положение, и ангелы одним голосом восклицают: «Въистину побѣди человеколюбие владычнее» (л. 402 об.) и уносят с собой разбойника. Мурины же бегут «посрамлени».

Развязкой сюжетной линии является эпизод, в котором врач пересказывает свой сон царю, показывая убрисец, и сопоставляет спасение разбойников при кресте небесного царя и произошедшее спасение при державе Маврикия. Завершается повесть послесловием о том, что надо готовиться к смерти заранее и «не затягивать» с исповедью.

Сопоставление повести из Пролога и Сводного патерика показало, что тексты повести о разбойнике совпадают, что подтверждает сведения о том, что патериковые повести довольно часто становились источниками для Пролога. В то же время между текстами имеются разночтения: если проложный текст заканчивается словами о необходимости думать о покаянии, то послесловие в Сводном патерике, совпадая в начальных строках, далее расширено: «Обаче добро есть предварити страшныи часъ смертныи и проуготовати себе покаяниемъ, колицы бо, рци, ми внезапно восхищаются ниже слова могутъ решити, ниже прослезитися и Бога умолити. Тѣм же не ожидаемъ в час смертныи исповѣдатися и Бога умолити, но паче предваримъ лице его исповѣданиемъ» (Ф. 212. № 31, л. 402 об.).

Таким образом, повесть о покаявшемся разбойнике, представленная в составе Сводного патерика и Пролога, является текстом, весьма распространенным в древнерусской и старообрядческой традиции, обращение к которому связано с христианскими идеями покаяния и прощения.

«Почему Кирилова монастыря старцы Иосифовыхъ старцовъ не любятъ?»: посмертные чудеса минейного Жития Иосифа Волоцкого в контексте церковной полемики XVI в.

Иванов Игорь Эдуардович

магистрант 2 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Древнерусская литература сохранила два оригинальных жития преподобного Иосифа Волоцкого: минейное Житие, составленное Саввой Черным [ЧОЛДП, 1865: 4—76], и анонимное Житие [ЧОЛДП, 1865: 77—152], автором которого предположительно является сербский книжник Аникита Лев Филолог. Первый текст в большей степени соответствует официальной иосифлянкой установке на жизнеописание Иосифа Волоцкого и события, в которых игумен принял активное участие. Именно этот памятник находится в центре нашего внимания. Полемика с заволжскими старцами остро ощущалась современниками, она касалась, прежде всего, спора о монастырском землевладении и практики наказания раскаявшихся еретиков «жидовствующих». Главные причины конфликта изложены в «Письме о нелюбках» [Горский, 1851]. Конфликт Иосифа Волоцкого с архиепископом Новгородским Серапионом носит каноническо-правовой характер и связан с переходом обители под патронат великого князя Московского без церковного разрешения архиепископа. Итогом конфликта стало наложение Серапионом на Иосифо-Волоколамский монастырь интердикта и последующий церковный собор 1509 г., принявший сторону Иосифа и извергший Серапиона из архиепископского сана см. об этом: [Алексеев, 2010: 33—37]. В минейном Житии Иосифа Волоцкого церковная полемика особым образом отражается в посмертных чудесах святого. Каноничная часть агиографической жанра, обязательная и необходимая в жизнеописании святого подвижника в данном случае становится инструментом полемики. В качестве посмертного чуда выступает рассказ «О Андреѣ Квашинѣ, пореклу Невѣжа», в котором новый постриженник Волоцкой обители (в иночестве Арсений) предпочитает уйти в Кирилло-Белозерский монастырь к заволжским старцам. Попав туда, инок начинает укорять и глумиться над обителью Иосифа, сравнивая ее с монастырём Кирилла-Белозерского. Разболевшийся после этого Арсений просится обратно на Волк Ламский, где раскаивается и исцеляется. Второй эпизод отражает настроение в среде новгородского духовенства по отношению к обители Иосифа Волоцкого. Рассказ «О иереи Новгородскомъ» повествует о иноке Исае, который жил «всегда ненавидя и злословя монастырь Иосифовъ». Во время поездки в Москву с архиепископом Новгородским Исаия занемог, но отказался ехать в обитель Иосифа, мимо

которой ехал обоз архиепископа. На обратном пути больного инока посетила во сне Богородица, которая сказала ему «Иосифъ со мною» и обвинила в нелюбви к его монастырю. Исаия отправился в обитель, раскаялся и через две недели умер. Полемика отражена и в других частях Жития.

Традиционно чудеса-наказания случаются из-за неисполнения обета, неверия, греховного деяния или проступка. Специфику этих посмертных чудес можно считать новаторской, поскольку агиограф подчиняет важные черты житийного канона насущным проблемам церковно-политического противостояния. Структурный анализ таких эпизодов в контексте богословско-канонических диспутов эпохи стал целью данной работы.

Литература:

Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480—1510-х гг. СПб., 2010. С. 33—37.

Горский А. Отношения иноков Кириллова Белозерского и Иосифова Волоколамского монастырей в XVI в. // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1851. Т. 10. С. 502—527.

Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1865. Вып. 2. Приложения.

Между детским и взрослым: к вопросу о соотношении двух векторов творчества А. И. Введенского в стихотворениях для детей

Емекеев Антон Павлович

магистрант 1 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поэт-обэриут А. И. Введенский при жизни был известен прежде всего как детский писатель, в это время он смог опубликовать лишь несколько «взрослых» текстов. Впоследствии, когда в 1960-е гг., уже после смерти поэта, в литературу начинают возвращаться его «взрослые» произведения, детские стихи постепенно оказываются за пределами исследовательского внимания, и к ним складывается однозначное отношение как к «боковому, вынужденному ответвлению поэтической деятельности» Введенского.

Такое скептическое восприятие представляется чересчур категоричным, хоть и отчасти справедливым. Ключевые особенности детского творчества Введенского оказываются во многом противоположны основным положениям его «взрослой» поэзии. Тем не менее, несмотря на полярность этих двух полюсов, «детский и взрослый векторы» творчества «авторитета бессмыслицы» не остаются изолированными друг от друга, а вступают в сложные взаимодействия на разных этапах творческой эволюции «авторитета бессмыслицы» (причем преимущественно в произведениях для детей).

В период (1928—1930), который считается началом зрелого этапа творчества поэта, детская и «взрослая» поэзия развиваются параллельно, практически не соприкасаясь. Однако уже во время следующего этапа, охватывающего 4 года (с 1930 по 1934), в детской поэзии Введенского фиксируется более активное взаимодействие «взрослой» и «детской» поэтики. И если на первом этапе можно было говорить лишь о редких тематических и мотивных пересечениях, то теперь Введенский постепенно инкорпорирует ключевые для «взрослой» поэтики категории, подспудно, в смягченной форме дискредитируя школьное «понятное» восприятие действительности.

Последний «харьковский» период (1936—1941), в рамках которого поэтика Введенского приобретает «все более выраженную структурированность и большую прозрачность построения», характеризуется новым типом взаимодействия детского и взрослого векторов. С одной стороны, продолжает развиваться тенденция более активного

проникновения «взрослой» поэтики в детские тексты. Однако в то же время именно на «харьковском этапе» «детский и взрослый векторы» окончательно кристаллизуются в два противоположных мировосприятия со своими ответами на главные вопросы поэзии «авторитета бессмыслицы».

Принципиальная полярность детской и взрослой поэзии Введенского прослеживается на каждом из трех основных этапов его поэтической эволюции. И несмотря на их постепенное сближение и более тесное взаимодействие (особенно в детских стихах), остается загадкой, как антиэмоциональный «взрослый» Введенский, дискредитировавший язык, логику, детерминированное сознание человека мог в то же время писать такие веселые детские стихи, в которых наоборот учил детей языку и базовым школьным знаниям. Такой нехарактерный «витальный» взгляд поэта, как кажется, может быть объяснен далеко не только редакционной политикой журналов «Чиж» и «Еж», но и концептуально мотивирован соотношением мира детства с мотивом движения вспять. В поэтической картине Введенского движение вспять позволяет по-новому прояснить сущность явлений. Таким образом, детские стихи во многом и становятся попыткой «жить начать обратно», когда «все еще понятно», а если и не понятно, то это и не так важно, ведь радость новых знаний, первого называния предмета и существования в единстве с природой представляет ценность сама по себе.

Переосмысление жанровых традиций в «гимнах» В. Сосноры

Полякова Виктория Викторовна

магистрант 1 курса

Белорусский государственный университет

Целью исследования является выявление специфики использования жанровых традиций гимнов в стихотворениях В. Сосноры, имеющих одноименные заглавия. В работе анализируются «гимны» поэта, входящие в ранний сборник «В поисках развлечений» (1960—1962): «Гимн сарделькам», «Гимн гномам», «Гимн агентам снабженья», «Гимн зубилу».

Для достижения поставленной цели используются следующие методы исследования: культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, методика интертекстуального анализа, а также комплексного анализа художественного текста. Новизна исследования заключается в том, что впервые проведен анализ «гимнов» Сосноры, а также их интерпретация в творчестве советского поэта; рассмотрено соединение традиционных и новаторских черт этого жанра; показано влияние поэтики сатирических гимнов В. Маяковского; выявлена общая тематика стихотворений. Гимн, являясь одним из античных жанров, постоянно развивался, о чем свидетельствует появление с течением времени новых видов: религиозного, национального, революционного, сатирического гимна. Переосмысление традиционных жанров связано с тенденцией их обновления в XX в.

Соснора создает собственную линию гимнов: они характеризуются разнообразием гротескно-иронических приемов, общей целью которых является высмеивание пороков общества.

Интертекстуальные связи, используемые автором, отсылают к творческой манере Маяковского, к античным, средневековым мифам и легендам, а также к множеству явлений советской действительности. Они продолжают существующую традицию и демонстрируют включенность текстов в общелитературный процесс. Таким образом, в результате анализа избранных стихотворений Сосноры отмечается переосмысление и развитие жанровой природы гимнов: «жанр гимна, сохраняя свои формальные показатели, выполняет функции, противоположные его исторически установившимся задачам, — не воспекает, а обличает, высмеивает» [Комаров, 2009: 351].

Литература:

Комаров К. М. Специфика жанра сатирического гимна в творчестве В. Маяковского // Дергачевские чтения—2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 349—353.

Мотив немоты-говорения в романе «Два капитана» и его инсценировке (мюзикле «Норд-Ост»)

Шиян Алина Витальевна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Трагическая судьба русского мюзикла «Норд-Ост» (2001) дуэта «Иваси» (А. Иващенко и Г. Васильев), поставленного по мотивам романа В. Каверина «Два капитана» (1938—1944), создала своего рода научный вакуум вокруг спектакля. Всё, что до сих пор было сказано о спектакле, ограничивается либо критическими отзывами, либо общими словами, повторяющимися подмеченные критиками особенности без анализа (зрелищность, бродвейский масштаб и формат, маршево-романсная основа, преобразование сюжетной канвы романа). Между тем, в связи с «Норд-Остом» возникает широкое поле для исследований мюзикла и его литературной основы как культурного явления. В частности, структура инсценировки даёт возможность применения метода мотивного анализа, поскольку постановка насквозь пронизана музыкальными репризами, словесными и интонационными повторами, повторами деталей, декораций, наконец, целых сценических комплексов, что характерно для музыкального спектакля как такового [Киселёва, 2018], но рассматривается исследователями сравнительно нечасто в силу сложности проведения подобного анализа. Одним из ключевых мотивов, реализованных на разных уровнях спектакля и заложенных мотивной структурой самого романа В. Каверина, становится переосмысленный мотив говорения-немоты, организующий оба акта мюзикла и связывающий их между собой.

В докладе предпринимается попытка проследить реализацию данного лейтмотива на всех уровнях музыкальной постановки и выявить его специфику по сравнению с реализацией того же лейтмотива в литературной основе либретто.

Основные положения:

1) Мотив говорения-немоты главного героя (Сани Григорьева) появляется уже в романе В. Каверина «Два капитана», но творчески переосмысливается режиссёрами мюзикла «Норд-Ост»;

2) Мотив преодоления немоты реализуется в разных сферах жизни героя и ключевых темах, организующих время и пространство постановки по мотивам романа; оказывается тесно связан не только с нравственными ориентирами главного героя, но и с историческим (мотив личной бури и бури истории — революций 1917 г. и Гражданской войны) и культурным (повтор фрагмента стихотворения А. С. Пушкина «Зимний вечер») контекстом;

3) Во втором акте мюзикла мотив говорения-немоты развивается в двух ключах: первый связан с противостоянием главного героя антагонистам (Николаю Антоновичу и Ромашову), второй — с любовной линией (признание в любви Сани и Кати; спасающая героя во время войны сила слова любящей его женщины);

4) Мотив говорения-немоты тесно переплетается с мотивом-метафорой жизни как книги, реализованной в начальных и концевых ариях мюзикла («Прощание с Архангельском», 1 акт — «Последняя глава», 2 акт);

5) Внесение изменений в романную реализацию лейтмотива обусловлено синтетической природой жанра мюзикла.

Анализ мотива говорения-немоты в структуре мюзикла «Норд-Ост» в сопоставлении с его литературной основой (романом «Два капитана») актуален не только сам по себе, будучи ярким примером возможности разговора о музыкальной постановке как синтетическом целом при помощи методов литературоведческого анализа, но и в связи с историей спектакля и его неизвестностью широкой публике — молчание о «Норд-Осте» длится слишком долго.

Литература:

Киселёва Е. Е. Феномен театра Пьетро Метастазіо. СПб., 2018.

Литературная репутация Александра Морева

Зайцева Софья Сергеевна

студент 3 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Для авторов неподцензурной литературы Ленинграда второй половины XX в. кажется естественным существование в рамках обществ и объединений (к примеру, т. н. «поэты филологической школы» или «ахматовские сироты»). Тем не менее, значимую роль для развития второй культуры играют отдельные яркие фигуры, чье творчество не связывается с деятельностью определенных групп. Здесь в пример приведём Р. Мандельштама, А. Морева, Л. Аронзона, В. Кривулина — авторов, ставших своеобразными ориентирами для своего времени и последующих поколений. В отличие от Р. Мандельштама, Л. Аронзона и В. Кривулина ни творчество, ни факты биографии Морева (1934—1979) еще не получили освещения в научной литературе, а многие его произведения так и не были опубликованы. Вместе с тем Морев представляется заметной фигурой на литературной арене 1960—70-х: его поэтические выступления производили сильное впечатление на слушателей и не единожды находили отражение в воспоминаниях, стихи и прозаические тексты печатались в самиздатских журналах. С 1981 по 2001 гг. по инициативе А. Домашёва (близкого друга поэта) было выпущено 4 машинописных сборника «Венок другу», включающих в себя стихотворения и другие материалы, посвященные памяти Морева. В настоящем докладе мы впервые рассмотрим литературную репутацию Морева, реконструируя ее в основном при помощи анализа эго-документов эпохи. Прежде всего мы ориентируемся на мемуарные записи современников поэта — Б. Тайгина, Г. Горбовского, К. Кузьминского, Э. Шнейдермана и др., неопубликованные материалы из цифрового архива музея неконформистского искусства на Пушкинской, 10, собранные Домашёвым и включающие в себя дневниковые записи знакомых Морева по ЛИТО «Нарвская застава», газетные публикации и отзывы из редакций журналов, а также на описание личного фонда поэта, хранящегося в Рукописном отделе ИРЛИ РАН [Царькова, 2019: 215—218].

Рассматривая процесс формирования литературной репутации Морева в официальной и неофициальной среде, можно проследить не только тенденцию к мифологизации образа поэта и попытки посмертной сакрализации его фигуры, но и утверждение среди современников все более отстраненной позиции относительно его творчества. Эти тенденции связаны с личным самоопределением Морева, который намеренно не противопоставлял свое творчество официальной печати, но в то же время не

подстраивался под общепринятые представления о советском литературном каноне. Если соглашаться с утверждением, что понимание неофициальной литературы возможно только через знание логики, внутри которой она существовала, то исследование процессов формирования литературной репутации (как в официальной, так и в неофициальной среде) становится важным шагом на пути восстановления и осмысления этой логики, и, соответственно, пути развития отечественной культуры. Так, в ходе нашего исследования удается выделить факторы, определяющие модель восприятия личности и творчества Морева, которая начинает складываться на основе его публичных выступлений. Косвенно на нее влияет и репутация ЛИТО, где формируется близкий круг общения поэта. В дальнейшем образ Морева отчасти мифологизируется; в материалах 1990-х гг. (в отличие от предшествующих десятилетий) все больше начинает подчеркиваться его связь с андеграундной культурой Ленинграда.

Литература:

Царькова Т. С. Из последних поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома (фонд Александра Морева) // Русская литература. 2019. №4. С. 215—218.

История зарубежных литератур

Тема разрушения старого мира в «Смерти Артура» Т. Мэлори и «Королевских идиллиях» А. Теннисона

Саврасова Александра Денисовна

студент 3 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В Викторианскую эпоху «артуровское возрождение» как отдельное течение внутри «средневекового возрождения» во многом является заслугой Алфреда Теннисона (Tennyson, Alfred, 1809—1892) и художников-праерафаэлитов. Популярность сюжетов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола в этот период отчасти обусловлена переизданием в 1816 г. средневековой книги Томаса Мэлори «Смерть Артура» (*Le Morte d'Arthur*, XV в.) с предисловием и комментариями Р. Саути. Произведение Мэлори представляется особенно значимым, поскольку это последний из средневековых рыцарских романов, собрание всех сюжетов о короле Артуре. То, что роднит Викторианскую эпоху и эпоху Позднего Средневековья, — это ощущение переходности, предчувствие перемен. Именно эта тема актуализируется в «Смерти Артура» и «Королевских идиллиях».

На русском языке за последние годы было защищено несколько диссертаций по творчеству Теннисона, в частности, были проанализированы средневековые реминисценции в «Королевских идиллиях» [Соловьева, 2003]. Задача настоящего доклада состоит в том, чтобы рассмотреть реализацию конкретной темы в «Смерти Артура» и «Королевских идиллиях» — крушения старого рыцарского мира. Представляется, что Мэлори, сам будучи рыцарем, и Теннисон, поэт-викторианец, обращаются к ней по разным причинам.

Книга Мэлори — это «прощание с миром легенд и вымысла куртуазной поры» [Алексеев, 1984: 318]. Не только Камелот, но и рыцарство как общественный институт уходит в прошлое. Это объективный процесс в XV в. Фрагментарная композиция показывает, что герои все еще действуют в авантюрном хронотопе рыцарского романа, «устремляются в приключения как в родную стихию» [Бахтин, 1975: 188]. Несмотря на фрагментарность отдельных частей цикла, все они связаны фигурой короля Артура. Его жизнь и правление показаны от начала и до конца — в этом новаторство. Мэлори подводит итог традиции рыцарского романа — *romance*, но и делает шаг в сторону романа нового типа — *novel*, в котором есть установка на индивидуализацию. Перемены ощущаются не только на сюжетном уровне, но и в том, как построено произведение.

У Теннисона другая проблематика, поскольку на его восприятие рыцарского мира влияет средневековая и романтическая традиция, например, исторические романы У Скотта. Для поэта-викторианца рыцарство связано с этическим и эстетическим идеалом. В центре этого мира находится исключительная, гениальная личность. Король Артур предстает как идеальный рыцарь и король («the blameless King»). Существование идеала, таким образом, возможно, но снова, как и в XV в., меняется эпоха, и происходит пересмотр основных ценностей. Прежние идеалы уходят в прошлое, гений погибает вместе с созданным им миром. Эта типично романтическая проблематика осмысливается Теннисоном.

Таким образом, в обоих текстах крушение рыцарского мира показано как трагическое, но неизбежное событие. Сопоставление текстов позволяет понять, почему Мэлори и Теннисон, будучи представителями совершенно разных эпох, обращаются к сюжету о гибели королевства Артура.

Литература:

Алексеев М. П. Литература средневековой Англии и Шотландии. М., 1984.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Соловьева Е. В. Средневековые реминисценции в «Королевских идиллиях» А. Теннисона: дис. ...канд. филол. наук. М., 2003.

Теодицея в драме П. Кальдерона «Поклонении кресту» сквозь призму художественной системы барокко XVII в.

Жигала Кристина Гельдымуратовна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе представлен анализ драмы П. Кальдерона «Поклонение кресту» в рамках художественной системы барокко XVII в. Прежде всего, в анализе драмы раскрыты и описаны не только черты барокко, но и подробным образом выявлено соотношение барокко и теодицеи. В этом положении заключена цель исследования. Новизна работы заключается в том, что в ней представлены первичные изыскания о религиозном контексте испанского барокко. Особенностью исследования является попытка рассмотреть теодицею в контексте драмы П. Кальдерона «Поклонение кресту» с двух точек зрения: Г. Лейбница и И. Канта. Философская идея Г. Лейбница зиждется на примирении существования в мире зла с идеей благодати Бога, т. е. теодицея понимается в первичном и буквальном своём значении: от греч. *theos* — 'бог' и *dikē* — 'справедливость'. Бог как абсолютное начало поддерживает порядок мира на Земле, поэтому всё зло можно оправдать Божественным провидением и Божественной справедливостью. Идея же И. Канта в полемике с Г. Лейбницем истолковывает теодицею как доктринальное учение, т. е. теодицея, по И. Канту, это несогласие с Божественной справедливостью: не оправдание Бога, а спор с ним. Божественный промысел с такой точки зрения кажется устрашающим, мощным, губительным, нецелесообразным и нелогичным с точки зрения различной природы несовершенного и конечного человека и совершенного и бесконечного Бога. Таким образом, анализ теодицеи в «Поклонении кресту» основан на выявлении противоречивых образов: богооправдания (Г. В. Лейбниц) и богоборчества (И. Кант). Кроме того, в докладе представлено описание испанского барокко как стиля в литературе и искусстве конца XVI—XVII вв., где под барокко понимается широкое освоение действительности, обнажение социально-исторических противоречий, пафос гуманизма и его трагедия. Следует отметить, что барокко в Испании XVII в. представляет интерес как стиль в литературе государства закрытого в связи с социально-политической ситуацией Испании по отношению к Англии в XVII в. (англо-испанская война (1585—1604), запрет на торговлю с Испанскими Нидерландами и арест английских судов (1585), вступление Испании в Тридцатилетнюю войну (1621), т. е. анализу подвергается особенности исключительно испанского барокко. Описанные т. з. на понятие «теодицея» и черты испанского барокко представлены на примере анализа драмы П. Кальдерона «Поклонение кресту» («*La devoción de la cruz*»), которая является одной из самых характерных религиозно-философских драм барокко. В работе предпринята попытка выявить черты барокко в драме П. Кальдерона и проанализировать мировоззрение автора в рамках выбранного для исследования текста и теодицеи в понимании Г. Лейбница и И. Канта. В центре внимания исследования, прежде всего, образы Эусебио и Юлии, а также особенности языка (эмблематичность, свойственная барокко).

Неоготические мотивы в романе И. Уэлша «Резьба по живому»

Науменко Татьяна Александровна

студент 4 курса

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

Сюжет о совмещении и разграничении внутри одного человека двух личностей хорошо известен в шотландской литературе благодаря известнейшей повести Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Фантастический элемент, связанный с телесным воплощением добра и зла, в книге Уэлша отсутствует, но есть то, что позволяет нам говорить о близости этих двух произведений. А объединяет их ориентированность на готическую традицию, которую, собственно, и представлял Стивенсон, и которая в дальнейшем оказала значительное влияние на постмодернистскую литературу. В частности, М. Данахей предлагает считать «обновленной неоготической версией» произведения Стивенсона, где «мужчины испытывают схожую ярость» роман Ч. Паланика «Бойцовский клуб» [Auges, 2020: 9]. Думается, то же можно сказать и о романе Уэлша. Как для готики, так и для неоготики важным жанрообразующим элементом поэтики является особая пространственная организация, специфические пространственные мотивы. О. В. Разумовская отмечает, что топос готического романа включает в себя потайной ход или комнату, лабиринт коридоров и комнат, ведущих в подземелье, некие зловещие тайны, скрывающиеся в недрах замка, особняка, монастыря [Разумовская, 2014]. Герою требуется пройти этот многоуровневый лабиринт, в конце которого находится разгадка тайны, и одновременно с этим познать самого себя (своё происхождение, национальную идентичность или подлинный характер). В романе «Резьба по живому» таким готическим топосом представляется вся Шотландия. Каждое место, которое посещает главный герой романа Джим-Фрэнсис Бегби (будь то дом родственника, друга или промышленное здание), обособлено от других таких же зданий и либо связано с кровопролитными расправами прошлого, либо содержит «подсказку» к разгадке тайны смерти его сына Шона. Вместе с тем Шотландия выступает не только фоном для развития сюжета. Именно в Шотландии сохраняется возможность совершать кровавые расправы во имя чести рода, увидеть призраков, столкнуться с алогичными, аморальными и безнаказанными поступками. Бегби не наказывает собственного сына, поступок Майкла для него — закономерная «расплата» за ошибки молодости, выведение принципов поведения «Франко» на «новый уровень», а поэтому, с точки зрения Джима, наказывать его не за что. «Расплата» Майкла уже предопределена: *«Сын будет множить страдания, а потом или сохнет, или проведет большую часть жизни на нарах. Весь в его породе — Франко признает, что виноват в этом прежде всего отец»* [Уэлш, 2019: 124].

Итак, мы увидели, что в романе Уэлша «Резьба по живому» присутствуют самые разные мотивы, присущие неоготике. Это и пространственные мотивы (писатель расширяет топос отчужденного «замка» до пространства целого региона), и мотивы «ужасного» и «потустороннего», включающие «родовое проклятье», наличие образа «старика-призрака». По нашему мнению, обращение к неоготическим мотивам в исследуемом романе объясняется потребностью автора в рефлексии о прошлом и настоящем Шотландии, соотношении когда-то понятных ответов на важнейшие вопросы о моральных и нравственных ценностях с теми, которые дает современный мир трансгуманизма и постмодернизма.

Литература:

- Разумовская О. В. Понятие о готическом и неоготическом стиле в контексте истории литературы // Вестник РУДН. Языкознание или литературоведение. 2014. №4. С. 48—53.
Уэлш И. Резьба по живому. СПб., 2019.

The History of Medieval Literature: Robert Henryson's Fables, Didactic Elements, and the Church

Суворова Алина Васильевна

студент 4 курса

Московский педагогический государственный университет

Сальникова Полина Анатольевна

студент 4 курса

Московский педагогический государственный университет

The analysis of mediaeval works is very important for the development of world literature and the understanding of the history of foreign literature in general. For instance, it is crucial to know that religion played a significant role in mediaeval English society, and therefore Christian themes and values were raised in almost all literary works of that period. The article is devoted to didactic elements and their role in the works of English literature of the late Middle Ages. Mediaeval authors were considered enlighteners, but the aim of spreading religious morality significantly limited the subject matter and appearance of the works of that time. The purpose of this article is to determine exactly how religion limited writers in the Middle Ages and how it characterises foreign literature and shows the history of English literature in general.

One of the most famous genres in which morality was directly depicted was fables. This article analyses the works of the Scottish Chaucerian poet Robert Henryson, who was the most famous fabulist of the Middle Ages. He wrote a collection of thirteen moral fables, drawing inspiration from the Greek author Aesop. Aesop's fables are considered to be one of the longest-lived and widespread genres of ancient Greek and Roman culture [Gibbs, 2002: 4]. This fact may also serve as a noticeable limitation of the style and themes raised in the works of the analysed fabulist. Robert Henryson wrote fables in which animals possessed certain human traits and depicted the special values of the people of that society [Needler, 1991: 426—427]. The novelty of this article lies in the fact that in the Russian Academic Society, Robert Henryson's fables are not as popular and studied as, for example, the works of the Russian fabulist Ivan Krylov. The analysis of some fables from the collection showed that the ideas, themes and plot structures are rather narrowed and limited due to the peculiarities of the literary period, which helps to better learn and understand the history of Medieval literature.

Литература:

Gibbs L. Aesop's Fables. 2002.

Needler H. The Animal Fable among Other Medieval Literary Genres. Baltimore, 1991.

Жанровая специфика романа С. Кинга «Долгая Прогулка»

Коробкина Мария Евгеньевна

магистрант 2 курса

Южный федеральный университет

«Долгая прогулка» — первый оконченный роман С. Кинга. В автобиографии автор признаётся, что это лучший из его ранних текстов. В зарубежной исследовательской практике устоялось два жанровых определения романа: антиутопия и психологический хоррор. Однако, как нам представляется, такие прочтения не вполне исчерпывающи, и жанровые границы текста можно расширить, прочитав этот роман как экзистенциальную притчу о жизни и стремлении к смерти.

Среди признанных отечественной наукой образцов романов-притч — произведения Ф. Кафки («Процесс») и А. Камю («Чума»). Таким произведениям свойственна центральная философская идея, часто экзистенциального характера. Персонаж романа-притчи и ситуация, в которую он попадает, оказываются условными, универсальными, и важную роль в интерпретации произведения играет инносказательный план. Так, лейтмотивной аллегорией романа Кинга становится образ Прогулки — смертельного соревнования, воплощающего пограничную ситуацию (по К. Ясперсу). Дорога, по которой движутся сто Идущих, участников-подростков, символизирует хрупкую жизнь, которая в любой момент может прерваться.

Любопытно, что участники Прогулки не всегда могут объяснить, как попали на неё. Абсурдным предстаёт и сам отбор на соревнование: Идущие писали эссе о желании участвовать, однако его проверка не предполагала критериев, прошли даже те, кто написал бессмыслицу. Итоговый список участников определялся буквально по принципу лотереи: их фамилии наугад вытягивали из барабана. Всё это символизирует непредсказуемость судьбы и неотвратимость смерти, делает Прогулку похожей на кафкианский Процесс.

Майор или Главный (англ. Major) — не только типичный для антиутопии образ тоталитарного лидера, руководящего гибельной Прогулкой, но и фигура недоступного и беспощадного Бога-отца, принципиально важная для экзистенциальной притчи. При первой встрече с ним герой испытывает благоговение, мечтает до него дотронуться, чтобы убедиться в его существовании, что подчеркивает сакральное значение этого образа.

Недостижимость божественной фигуры глубоко раскрывается в сюжетной линии Стеббинса — внебрачного сына Главного, который участием в Прогулке стремился воссоединиться с отцом, но так и не получил от него желаемого внимания. В экзистенциальном смысле герой становится универсальным образом человека, не способного достучаться до Бога, чьё вопрошание о смысле существования не получает ответа от высших сил.

В контексте мотива божественного равнодушия и молчания стоит обратиться к оригинальной трактовке такого понятия, как Советы для участников Прогулки. В английском тексте они обозначены как *Hint* — 'намеки' или 'подсказки'. Как представляется, *Hint* является частью экзистенциального мироощущения, которым проникнут роман Кинга. Сама жизнь, аллегорически выраженная в образе Прогулки, и высшие силы, управляющие ею, не дают людям четких указаний о том, как можно оградиться от смерти, прожить дольше — весь опыт человеческой цивилизации собирается в некий набор правил, лишь подсказывающий возможные способы выживания, но не гарантирующий его.

Открытый финал сближает текст Кинга с романом образцом экзистенциальной притчи, «Процессом». Единственный выживший герой, Гаррати, игнорирует Главного, крики толпы и поздравления и движется к тёмной фигуре, мнимому сопернику, думая, что Прогулка ещё не окончена. Победа оказывается подобна Вратам, предназначенным для универсального притчевого героя, но парадоксально недоступным ему.

Проблема определения и классификации потока сознания

Беляев Кирилл Игоревич

магистрант 1 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Определение потока сознания как одной из самых ярких техник письма западного модернизма до сих пор является одной из спорных тем для исследования. Это связано с тем, что в современном литературоведении до сих пор нет специфического понимания явления, что приводит к ситуации смешения и сложностям в дифференциации потока сознания от других композиционно-речевых форм: внутреннего монолога и несобственно-прямой речи. Более того, сложность с точным определением возникает по той

причине, что писатели, творчество которых традиционно характеризуется наличием этой техники, по-разному ей пользуются. Отсюда следует необходимость не только выделения и разделения потока сознания от других типов повествования, но и классификации самого потока сознания. Так, некоторые зарубежные исследователи (М. Фридман, Э. Дюжарден, Л. Даль) занимались изучением потока сознания, а последний исследователь привел свою классификацию, выделив следующие типы:

1. Внутренний монолог, или «чистый поток сознания»;
2. Чувственное впечатление;
3. Мысль в сторону;
4. Психологический анализ [Оттенс, 2012: 97—98].

Однако мы находим эту классификацию в некоторой степени ошибочной, т. к. важно заметить, что поток сознания — это выражение всего мыслительного, чувственного и психологического процесса «собственника потока сознания» [Хоружий, 1994], которое происходит от лица самого героя, без какого-либо нахождения автора в этом потоке. Более того, поток сознания должен демонстрировать непосредственно процесс мышления персонажа изнутри, но не через анализ и обобщения от третьего лица. Также другими важными элементами потока сознания, которые выделяет Хоружий, являются:

1. Основа, или же некоторая тема, развиваемая сознанием;
2. Внешние вторжения в основу: отклик сознания на те или иные восприятия окружающего мира;
3. Внутренние деформации основы, т. е. стойкие, глубоко сидящие мотивы (воспоминания, комплексы), которые незримо присутствуют в сознании всегда и всюду и могут проявиться когда угодно и где угодно [Хоружий, 1994].

Вслед за Хоружим мы хотим подчеркнуть важность последнего элемента, который является основным для дифференциации потока сознания от других приемов и техник письма. Такие подсознательные мотивы составляют основу и глубину потока сознания. Однако стоит отметить, что важнейшей проблемой потока сознания, заключается в том, что процесс мышления не обладает исключительно вербальной формой.

Другая важная черта, которая отделяет поток вербально-образного мышления от других техник письма: четкая находимость «собственника потока» в определенных пространственно-временных границах, а также непосредственное влияние на него внешнего мира. Другими словами, нельзя говорить об употреблении автором «потока сознания» в тех случаях, когда неизвестно «расположение» персонажа в рамках художественного мира.

В нашей работе была произведена попытка представить новый термин — «поток вербально-образного мышления», — который не претендует быть окончательным, но мог бы стать поводом для дальнейшего изучения темы.

Литература:

Оттенс Г. В. «Поток сознания» как повествовательная техника художественного модернистского произведения // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. №2 (19). С. 92—99.

Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале // Литературный портал «Джеймс Джойс». URL: <http://www.james-joyce.ru/ar> (дата обращения: 02.12.2023).

Образ XIX века в литературном наследии Стендаля

Вологина Римма Николаевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Наш доклад посвящен образу XIX в. в литературном наследии Стендаля. Целью доклада является установление характеристики, которую писатель дает данной эпохе в своих произведениях. Для этого был произведен поиск в литературном наследии Стендаля суждений, отражающих его восприятие XIX в. Были проанализированы его отношение к современной ему эпохе, выраженное в размышлениях о движущей силе истории, честолюбии, моральных принципах, роли женщины в обществе и о состоянии литературы.

В литературоведении отмечается интерес Стендаля к истории, исследованиям нравов и характеров. Будучи писателем и историком, он становится еще и социологом, чтобы объяснить психологию героев в постоянно меняющемся обществе.

Основной движущей силой истории Стендаль считал энергию. Энергичностью отдельной личности объясняются различные психологические, а значит, социальные и исторические процессы. Пытаясь объяснить угасание энергии и воли во французском обществе, Стендаль обращает внимание на свойственный эпохе арривизм, порожденный промышленной революцией и наполеоновским культом честолюбия. При этом Стендаль затрудняется определить главную причину этих общественных процессов.

К важным для Стендаля переменам относится то, что Наполеон решил привить обществу строгую мораль. Стендаль считает эту новую нравственность лицемерной. Получившаяся система условностей, как он утверждал, являлась важной характеристикой эпохи. Она существенно ограничивала роль женщины — как в общественной, так и в частной жизни, что по мнению Стендаля приводило к негативным для общества последствиям.

Как писатель, Стендаль много размышлял о литературном процессе. Он уверен, что время шедевров еще не прошло, развитие литературы в XIX в. должно пойти по пути романтизма, а писать следует просто и лаконично.

В докладе делается вывод о том, что Стендаль много и плодотворно размышлял о современной ему эпохе, интересовался развитием общества, его моральной и психологической эволюцией, приводя причины и следствия данных перемен.

Акцентный статус позиции рифмы в поэзии сэра Томаса Уайетта

Зайчик Михаил Леонидович

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Поэзия Томаса Уайетта, как принято считать, отличается метрической нерегулярностью. Его основным размером был пятистопный ямб, однако четко соответствуют этому размеру не более 75% его строк, а количество слогов в строке варьируется от 8 до 12. Количество стоп также нестабильно: встречаются как четырех-, так и шестистопные строки [Duffel, 2008: 120—121].

Наиболее удачное объяснение такой вариативности предложено в [Swallow, 1950]. Уайетт был последним крупным поэтом, писавшим в рамках старой метрической традиции, восходящей к поэмам аллитерационного возрождения и допускавшей вариативность как в количестве стоп, так и в количестве безударных слогов в строке. Ориентируясь на пятистопный ямб, он позволял себе отступать от строгой схемы. Тогда ударения в значительной части поэзии Уайетта имеет смысл расставлять по правилам тонического стиха.

В свете этой теории становится неясным акцентный статус позиции рифмы. В силлабо-тоническом стихосложении обычно рифмуется последний метрически ударный слог в строке и, при наличии, безударные слоги за ним. Однако при трактовке поэзии Уайетта как тонического метрическое ударение может не падать на рифмуемые слоги.

Уже в поэзии Чосера слова французского происхождения часто имеют два варианта ударения: конечное (французское) в позиции рифмы и сдвинутое к началу внутри строки.

Такое же разграничение заметно у его последователей. После окончательного сдвига к началу слова языковых ударений в этих словах оно, вероятно, постепенно стерлось, однако французские слова по традиции продолжали активно использоваться в позиции рифмы. Мы предполагаем, что у Уайетта это ввиду невозможности в тоническом стихе метрически обусловленных ударений привело к наделению этой позиции особым акцентным статусом, что позволило ставить в нее также исконно английскую лексику, напр. *sorow* 'sɔrɔw':

«...The labors salve inressyng my sorow. <...>

Quieter of mynd and my vnquiet foo,

Fforgetter of payn, Remembrer of my woo...» [Muir, 1969: 197].

Ср. естественное ударение внутри регулярной строки:

«...To lye in sorows allways sad...» [Muir, 1969: 209].

При силлабо-тонической трактовке метрическое ударение стоит на втором слоге (*sorów*), что прямо противоречит правилам языкового ударения. При тонической трактовке возникает рифма между безударным и ударными слогами: (*sórow*: *foo* 'foe' : *woo* 'woe'). Однако в позиции рифмы они трактуются равноправно, что доказывает ее особый акцентный статус. Фонетическое выражение этого статуса остается неясным.

Показательна также значительно меньшая частотность подобных случаев в произведениях младшего современника Уайетта — Генри Говарда, графа Суррея, и у поэтов следующего поколения, писавших строгой силлабо-тоникой [Simpson, 1943]: для них такие рифмы, вероятно, уже были традицией и были возможны лишь для ограниченной группы слов.

В докладе будут собраны и классифицированы все случаи несовпадения языкового ударения с позицией рифмы в поэзии Уайетта. Кроме того, они будут сравнены по частотности с аналогичными случаями в поэзии Суррея.

Литература:

Duffel M. J. A New History of English Metre. London, 2008. Muir K., Thomson P. Collected poems of Sir Thomas Wyatt. Liverpool, 1969.

Simpson P. The Rhyming of Stressed with Unstressed Syllables in Elizabethan Verse // The Modern Language Review. 1943. Vol. 38. P. 127—129.

Swallow A. The Pentameter Lines in Skelton and Wyatt // Modern Philology. 1950. Vol. 48. P. 1—11.

Композиция и точка зрения в новелле Р. М. Рильке «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке»

Чернышова Алина Алексеевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Новелла Р. М. Рильке (1875—1926) «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке», несмотря на большую популярность в немецкоязычном культурном пространстве, довольно мало изучена в отечественном рилькеведении. В докладе предпринимается попытка исследовать структуру новеллы, опираясь на типологию точек зрения, разработанную Б. А. Успенским. В работе «Поэтика композиции» (1970) ученый предлагает рассматривать функционирование точки зрения, т. е. позиций, с которых ведется повествование, на 4-х уровнях анализа текста: в плане оценки, плане фразеологии, плане пространственно-временной характеристики и плане психологии.

Несмотря на то, что в планах психологии и оценки повествование явно ведется с позиций непосредственного участника событий, принадлежащего изображаемому миру, во многих

случаях однозначно определить субъекта восприятия не представляется возможным. Используя безличные глаголы, неопределенные и безличные местоимения и т. п., автор сознательно поддерживает ощущение коллективности субъекта. При этом круг возможных носителей точки зрения и место, которое среди них занимает корнет, остающийся тем не менее центральной фигурой повествования, постепенно изменяются. В ходе анализа двух элементов пространственной структуры новеллы — пространства дороги и пространства замка — в каждом из них была выявлена динамика «один из многих — один из двух — один» применительно к корнету как субъекту восприятия: сначала события описываются с позиций, общих для некоторого множества лиц, затем даются переживания, которые корнет разделяет с одним человеком, и, наконец, переживания строго индивидуальные, реализованные только в сознании самого корнета. Своего апогея эта постепенная индивидуализация достигает в момент смерти героя, которая в понимании Рильке становится, с одной стороны, всеобъединяющим универсальным опытом, а с другой — глубоко личным переживанием.

В немецкоязычном литературоведении представленный в новелле тип повествования определяется — по всей видимости, с опорой на типологию Ф. Штанцеля — как «в значительной степени персональный». Хотя повествование формально не доверено самому корнету, его голос так или иначе слышен почти на всем протяжении новеллы, сливаясь с голосом повествователя, что заставляет говорить о сокращении дистанции между повествователем и героем и стирании границ между реальной действительностью и ее субъективным восприятием. В докладе рассматривается, как этот принцип изображения мира реализуется в планах повествования, выделяемых Успенским: так, в плане фразеологии переход на позиции корнета осуществляется в форме непосредственно принадлежащей ему внутренней речи (реальной или реконструируемой), повествователь же обнаруживает себя на глубинном уровне ритмической организации текста, сообразуя ритмический рисунок каждой сцены с тем впечатлением, которое она должна была оставить в восприятии героя.

Таким образом, несмотря на формальную дистанцированность повествователя и героя, структура повествования в новелле характеризуется совмещением их позиций в различных планах, причем мироощущение корнета как основного субъекта восприятия, переходя от общих форм переживания действительности к индивидуальным, служит призмой, через которую преломляется повествование. Такая композиционная организация текста позволяет говорить о преобладании в нем лирического начала над эпическим.

Мотивы изгнания в творчестве современных франкоязычных писательниц

Лученко Екатерина Леонтьевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В последние годы в западноевропейской литературе возрастает интерес к эмигрантской литературе и тем произведениям, в которых писатели описывают свой опыт эмиграции, отчужденности и потери собственной культурной и языковой идентичности. С конца 80-х—90-х гг. ряд франкоязычных авторов из стран Магриба сделали судьбу мигрантов и их потомков во Франции и в Европе своей постоянной темой. Кроме того, франкоязычная литература уделяет особое внимание непреходящему вопросу сложных взаимоотношений Востока и Запада, и все более популярными становятся те авторы, которые освещают собственный опыт эмиграции из одного культурного пространства в другое, диаметрально противоположное по своей ментальности. Новизна данной работы заключается в представлении взгляда женщин-эмигранток, пишущих на французском языке

на проблему эмиграции и изгнания через их художественные тексты и определении автобиографических элементов в их прозе. Цель доклада — проследить мотив изгнания в современной французской женской прозе и выявить способы его интерпретации на примере творчества Мари Ндьей, Линды Ле, Малики Мокеддем и Шадортт Джаванн. В ходе анализа были выявлены основные особенности изображения темы изгнания у каждого из авторов. Так, например, в романе «Три сильные женщины» Мари Ндьей поднимает в своем творчестве вопрос противостояния различных культур, поиска личностной идентичности для людей в «зависшем» между культурами состоянии, где она обращается к описанию сенегальских реалий и проблемам жизни женщины. Через взгляд трех мигранток из разных социально-географических слоев Ндьей экспериментирует с полифонической демонстрацией перемещений в пространстве. Стоит также отметить воспроизводимую оппозицию «Цивилизация — Варварство», разновидность оппозиции «Свой — Чужой», характерной для колониального и постколониального дискурса. Другая франкоязычная писательница алжирского происхождения Малика Мокеддем тоже обращается и к тематике жизни женщины в патриархальном, традиционалистском обществе, и к переживанию состояния в условиях культурного пограничья, и к насущным проблемам экстремизма и терроризма в алжирском обществе. Помимо двух автобиографических эссе «Помрачение мятежников» (2003) и «Мои люди» (2005), практически все ее романы (напр., «Люди, которые идут») также наполнены автобиографическими деталями, которые подвергаются временно-пространственной и сюжетной трансформации. Главная особенность письма Малики Мокеддем — постоянное «навязчивое» возвращение персонажей с одинаковыми функциями и реальными прототипами, повторение мест и ситуаций. В работах писательницы вьетнамского происхождения Линды Ле («Клевета» (1993), «Голос», (1998)) пространство, реальное или воображаемое, открытое или замкнутое, является символом покинутости, оставленности, потери. Сюжет разворачивается в пространстве изгнания с меняющейся географией, следствием чего становятся колебания психического пространства, выраженные через фрагментарность речи. Исследование концепции изгнания в работах Шадортт Джаванн связано с темами противостояния Востока и Запада, чувства инаковости и одиночества не только в новой стране, но и в родной персидской культуре, отрицания принадлежности к какому-либо государству и нации. В результате анализа было выделено влияние автобиографических элементов на темы и художественное воплощение мотива изгнания в произведениях данных писательниц.

Рекурсивный металепис в рассказе Набокова «Что как-то раз в Алеппо...»

Прокофьев Максим Владимирович

магистрант 1 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Рассказ В. Набокова «Что как-то раз в Алеппо...» («That in Aleppo Once...», 1943) представляет собой письмо безымянного поэта к другу-писателю В. Автор послания утверждает, что его исчезнувшая жена на самом деле была фантомом, и просит В. написать об этом рассказ. Излагаемая им история настолько противоречива, что исследователи не могут сойтись в интерпретации текста. Первая группа ученых (Г. Барабтарло, М. Вуд, С. Шуман) анализирует рассказ как металитературное произведение, вторая (В. Штрандберг, А. Дрешер) — как реалистическое. Показательно, что предлагаемые реконструкции «действительного хода событий» не совпадают друг с другом.

Ни те, ни другие исследователи до сих пор не обращали внимание на сложную нарративную структуру текста. Между тем, сам рассказ предполагает именно такой анализ. Как справедливо отмечает Л. Мэддокс, от того, как будет изложена история поэта, зависит

его будущее [Maddox, 1983: 8—9]. Если воспользоваться терминами Ж. Женетта, можно сказать, что события наррации (процесса) и нарратива (его результата в виде текста) ничуть не менее важны для интерпретации рассказа, чем события его истории [Женетт, 1972: 62]. Цель доклада — оттолкнувшись от этой гипотезы, описать нарративную структуру «Что как-то раз в Алеппо...».

Текст предлагается рассмотреть как акт коммуникации между адресантом/ами и адресатом/ами. На позицию адресанта претендуют сразу два действующих лица: безымянный поэт, сочинивший письмо, и В., превративший его в свой рассказ. При этом персонаж В. — русского писателя-эмигранта, в 1940 г. перебравшегося из Европы в Америку и перешедшего на английский язык — явно отсылает к самому Набокову. Введение авторского «представителя» заставляет нас учитывать еще и уровень фактического бытования рассказа. Получается, один и тот же текст задействован в трех коммуникативных актах: он выступает то как письмо поэта, то как рассказ В., то как рассказ Набокова.

Отношения между тремя адресантами осложнены переходящим статусом автора. Хотя безымянный поэт начинает с того, что просит В. написать о нем рассказ, — то есть выражает желание стать персонажем, — его письмо само по себе уже является рассказом: В. подчеркивает этот парадокс, не внося в текст ни одного изменения. Таким образом, поэт претендует на положение автора, собственного создателя, которое позволило бы ему определять свое будущее. Если бы герою удалось нарушить нарративные уровни, мы бы сказали, что это пример классического металеписа [Женетт, 1972: 244]. Но В., у которого поэт хочет отобрать статус автора, оказывается лишь «представителем» истинного демиурга: он принадлежит фиктивному миру и не властен над ним. Только Набоков может управлять судьбами персонажей — и именно он, вопреки просьбе поэта, ставит в качестве заглавия стих из «Отелло», означающий, что поэт, подобно герою Шекспира, должен совершить самоубийство.

Делается вывод о том, что в рассказе «Что как-то раз в Алеппо...» Набоков разработал особую нарративную фигуру, которую можно назвать рекурсивным металеписом. Она становится возможной благодаря введению набоковского «представителя», который подменяет настоящего автора и сбивает с толку главного героя, стремящегося к классическому металепису.

Литература:

Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. Т. 2. М., 1998.

Maddox L. Nabokov's Novels in English. Athens, 1983.

Образ Юга в творчестве Г. Гессе

Кобызева Анастасия Юрьевна

магистрант 2 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Наравне с философской категорией Востока в художественном мире Г. Гессе представлена категория Юга. Большое значение для её формирования имеет итальянская проблематика, широко представленная в романах и малой прозе писателя. Включающий в себя итальянскую образность, «Юг» Гессе представляет собой ещё более сложный собирательный концепт, разомкнутый географически и метафизически. Таким образом, **целью** данного исследования является анализ роли образа Юга в прозе Гессе. **Новизна** исследования заключается в расширении итальянской темы в творчестве Гессе и в обращении к новой, южной «координате», практически не представленной в отечественной и зарубежной критике.

В ходе работы было проанализировано несколько произведений: романы «Петер Каменцинд» (1903) и «Нарцисс и Златоуст» (1930) и рассказ «Последнее лето Клингзора» (1919). Итальянский элемент присутствует в них на уровне топонимики, образности и системы персонажей. Петер Каменцинд открывает «две Италии»: северную (в Милане) и южную (в Генуе, Флоренции и Ассизи). Примечательно, что «южная» Италия открывается герою не на реальном, «географическом» юге страны, а в более южных её регионах, представляющих своего рода «анти-север». Чем южнее оказывается Петер, тем более Италия приобретает вид «экзистенциального пространства» [Lévy, 2011: 102]: в Генуе он постигает любовь, наблюдая движение моря, во Флоренции — сакральную красоту средневекового города, в Ассизи — духовную свободу.

В «Нарциссе и Златоусте» путь Златоуста также направлен на юг, но наиболее «южной» точкой в произведении оказывается Рим. Туда мечтает попасть один из второстепенных героев романа — юноша Роберт. Кроме того, мотив странствия представлен в истории старого каштана, семена которого принёс в монастырь Мариабронн паломник из Рима: «иноземное» дерево становится пунктом соединения двух культур — романской и германской.

В «Последнем лете Клингзора» проблематика синтеза культур расширяется. Этому способствует введение особого топоса — Швейцарии, страны, изначально сосредотачивающей в себе несколько культур. Важнейшим эпизодом является прогулка Клингзора по Карено — италоязычному кантону, когда художник последовательно проходит через пространство разных культур. «Юг» представлен «сарацинской» Италией, затем он смещается в Африку, после чего в единый идейный ряд встают страны Востока: Индия и Япония («Hier sind sie. Willkommen, Indien! Willkommen, Afrika! Willkommen, Japan!» [Hesse, 1956: 32]). Швейцария, являющаяся географическим «Севером» по отношению к Африке и Италии, становится метафизическим «Югом», в котором сконцентрированы три части света одновременно. Этот «Юг» имеет немало общего с «миром бессмертных» из романа «Степной волк» (1927). На «Юге» Клингзора элементы универсума подвижны: герой слышит ответ от «звезды и луны, дерева и горы» [Hesse, 1956: 39]. В этом же эпизоде появляются образы Гёте и улыбающегося Моцарта: «Goethe saß da», «Mozart lächelte» [Hesse, 1956: 44].

В прозе Гессе образ Юга, берущий начало из образа Италии, универсален географически и метафизически. В его семантике одинаково важны как противопоставление «Севера» «Югу», так и их взаимодействие, ведущее к синтезу не только разных культур, но и всех элементов Бытия.

Литература:

Hesse H. Klingsors letzter Sommer: Erzählung. Wiesbaden, 1956.

Lévy B. Voyage et littérature: l'Italie de Hermann Hesse // Le Globe. Revue genevoise de géographie. 2011. Vol. 151. №. 1. P. 93—113.

Фольклор и мифология

«Всяко жили»: тема взаимоотношений мачехи и падчерицы в устных нарративах

Замятина Софья Дмитриевна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В ходе фольклорно-антропологических экспедиций 2022—2023 гг. в деревне Лешуконского района Архангельской области мы общались с женщинами 1950—1994 гг. рождения, которые или воспитывали детей мужа от первого брака (т. е. рождённых другой женщиной), или сами росли с мачехой. Мы заметили, что запечатленная в рассказах наших собеседниц картина взаимоотношений мачехи и падчерицы отличается от того, что мы с раннего детства встречаем в сказках. Как известно, в сказках мачеха оскорбляет, угнетает, желает неродной дочери зла и даже смерти — степень опасности, которую она представляет для падчерицы, варьируется, но никогда не равняется нулю. В то же время сюжеты, в которых мачеха — добрая женщина, которая заботится о неродных детях подобно матери, в сказках не встречаются вовсе, хотя имеют место в биографиях наших собеседниц. В фокусе нашего исследовательского интереса находится тема взаимоотношений мачехи и падчерицы в современных устных нарративах. Собранные нами интервью стали основным материалом исследования, в качестве дополнительного материала были привлечены интервью из Архангельской коллекции Фольклорного архива СПбГУ. Несмотря на то, что в большинстве отобранных нами нарративов конфликт между мачехой и падчерицей эксплицируется, его можно охарактеризовать, скорее, как слабовыраженный, если сравнить с разворачивающимся в сказках. В устных рассказах образу неродной матери часто присущи строгость, холодность, своенравность, нередко ей приписывается связь с потусторонним миром. Мы считаем, что такое восприятие мачехи связано с её инаковостью, вызванной переходом в семью из другого рода. Зачастую этот переход оказывается нерегламентированным (повторные браки в деревне обычно не регистрируются официально) и неполным: отцовско-дочерние отношения и отношения между вступающими в брак мужчиной и женщиной выстраиваются автономно, что препятствует появлению крепкой связи между мачехой и падчерицей.

Возникший семейный конфликт проявляется в способах номинации участниц этого конфликта. В случае если отношения материнско-дочернего типа не выстроены (это часто бывает, когда дочь от первого брака уже подросток), падчерица нередко использует остраненную формулировку *вторая жена отца*. Своего рода топосом в нарративе о мачехе является противопоставление ей матери. Во время интервью мы слышали словосочетания *неродная мать* и *неродная дочь* даже чаще, чем номинации *мачеха* и *падчерица*, при этом, кажется, от того, насколько отношения женщин напоминают отношения родных матери и дочери, зависит то, как скоро информантка уточняет, что связь некровная. Слово *мачеха* чаще всего возникает в разговоре благодаря интервьюеру, который употребил его в своем вопросе. Низкая популярность этой номинации среди наших собеседников, вероятно, связана с тем, что для данной лексемы очень характерны негативные коннотации [Бенвенист, 1995: 179], что затрудняет использование ее в исключительно описательных целях.

Литература:

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Солдатский дневник времен Первой Мировой войны: исторический документ и репертуарный сборник ролей

Блещавенко Анна Евгеньевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Настоящий доклад посвящен описанию записной книжки, принадлежавшей мещанину из города Мезень М. Ф. Калинину, которую он вел как дневник с 1914 по 1917 гг. Материалы дневниковых записей являются ценными источниками для изучения повседневной жизни Русского Севера, а также позволяют увидеть исторические события глазами их участника, в частности — начало Первой Мировой войны глазами рядового солдата 294-го Березинского полка. В записной книжке содержится информация о проходах мобилизованного в действующую армию, о пребывании солдата на фронте, о занимаемых им должностях, об участии в наступательной операции и об отступлении, а также встречаются тексты фольклорных жанров (песня, частушка, анекдот). Для Калинина ведение дневника стало доступным во фронтовых условиях способом справиться с переживанием разлуки с семьей и неопределенностью, которая наступила в его жизни с началом войны.

Результатом предпринятого нами анализа записной книжки стало выявление двух различных стилей повествования: лирического и хроникального. На первых страницах дневника, содержащих некоторые биографические сведения, вырисовывается образ Калинина — заботливого и любящего мужа, отца двух детей, работника, ответственно относящегося к занимаемой должности, которому приходится расставаться с родными и хозяйством на неопределенный срок. Эти страницы очень эмоциональны, полны рефлексии и переживаний о будущем, плохих предчувствий, опасений о возможном невозвращении домой, волнении о потере занимаемой должности. Однако после отправления в действующую армию и утраты последней связи с привычным домашним миром стиль письма резко меняется. Он, за редким исключением, лишается эмоциональной окраски, в письме практически исчезает личное отношение к происходящему вокруг, есть только фактографическое летописное описание фронтовой жизни. Калинин полностью погружается в военный быт и все реже вспоминает семью, его внимание полностью переключается на события настоящего, не думает о будущем и не вспоминает прошлого. Таким образом, постепенно дневник перестает выполнять свою первоначальную терапевтическую функцию и превращается в записную книжку, в которой ведется учет расходов, записываются услышанные песни и анекдоты, хозяйственные рецепты и карточные игры, и лишь иногда туда попадают случаи из жизни.

Молитва по случаю в личных нарративах

Морозикова Ярослава Сергеевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Во время экспедиции в июле 2023 г. в деревне Вожгора Архангельской области мы записали несколько интервью, в которых наши собеседники рассказывали личные истории об опыте переживания сложных (как правило, негативных) жизненных обстоятельств. При этом они произносили определённые тексты, по форме и по содержанию которые можно отнести к заговорам. Сами же информанты, имея в своем опыте обращения и к заговорам, все-таки настаивали на том, что в определенных случаях речь идет именно о молитвах. Так, информант А. Ф. рассказал о том, как молитва жены помогла избавиться от «стресса» и

бессонницы, при этом он использовал следующие выражения: «на молитве наговорёно», «наговаривали молитвами на воду».

В докладе мы называем такие молитвы молитвами «по случаю», чтобы подчеркнуть, что они призваны помочь в конкретной ситуации и используются исключительно в ней. Напр., одна собеседница рассказала, что обращается к определенной молитве, когда нужно «снять испуг», другая — когда нужно защитить дом от грозы или огородить себя от сглаза. Иными словами, молитва по случаю связана с конкретным событием в жизни и выполняет функцию защиты, предотвращения беды или изменения уже случившейся негативной ситуации. К использованию такой молитвы чаще всего подталкивает собственный или чужой травмирующий опыт. В таких молитвах важен текст, точные слова, которые передаются от родственников или знакомых. Кроме того, собеседники подчеркивали, что молитвы по случаю часто сопровождаются определенными действиями, которые должны помочь привести к желаемому результату (напр., произнося молитву, нужно умыться в ручье, облить себя водой в бане, похлестать себя прутьями и т. д.). Можно сказать, что так человек «опредмечивает» свою просьбу и «вступает в диалог с сферой сакрального», соединяя окказиональную обрядность и молитву [Филичева, 2006].

В исследовании были использованы записи как 2023 г., сделанные в деревне Вожгора, так и более ранние записи Лешуконского собрания Фольклорного архива СПбГУ.

Литература:

Филичева О. Н. Записки для Ксении Блаженной: позиция церковнослужителей и народный обычай // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / Под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб., 2006. С. 171—183.

Обучение кулинарии в деревне: преемственность и / или самостоятельность

Рязанова Алиса Евгеньевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Во время фольклорной экспедиции филологического факультета СПбГУ 2023 г. мы общались с жителями деревни Вожгора Лешуконского района Архангельской области на тему местных кулинарных навыков и привычек. Особый интерес вызывало то, как происходит процесс передачи навыков и знаний в этой области от одного поколения к другому, как обучают детей приготовлению пищи. Однако, задавая вопросы на эту тему, мы часто слышали в ответ, что готовить никто не учил: родители оставляли что-то из приготовленных ими же блюд и уходили на работу. Дети же должны были лишь разогреть пищу или вовсе справиться с решением поиска пропитания самостоятельно. Судя по воспоминаниям наших собеседников, старшие в доме большую часть дня проводили на работе или занимались домашним хозяйством, поэтому времени обучать детей кулинарным навыкам, рассказывать, что делать с продуктами, не было. При этом подростки со временем овладевали навыками топки печи, приготовления пищи, включая выпечку хлеба, шанег и пирогов.

Цель исследования — выявить, как в деревенской среде в детском возрасте приобретались кулинарные знания и навыки. На основе данных, собранных во время экспедиции, и материалов из фольклорного архива СПбГУ мы предполагаем, что умение готовить пищу относится к метису, под которым мы вслед за Дж. Скоттом будем понимать «множество практических навыков и приобретенных сведений в связи с постоянно изменяющимся природным и человеческим окружением» [Скотт, 2005: 498]. Обычно

навыки этого типа получают через наблюдение и практику. Так, напр., дети учатся косить: оказываясь вместе со взрослыми на сенокосе, они получают орудия труда в соответствии со своим ростом и физической силой и, повторяя за старшими, постепенно становятся полноценными участниками процесса. Важно, что «авторитет и обучающийся» работают вместе [Мариничева, 2017: 86]. Несмотря на то, что наши собеседники говорят о том, что готовить их никто не учил, они же позже вспоминают и о том, как вместе с мамой или бабушкой делали сковородники и шаньги, как в 1990-е, в «плохие годы», вместе со старшими пекли хлеб, который было невозможно купить. Доклад посвящён анализу стратегий обучения навыкам кулинарии в деревне в разное время.

Литература:

Мариничева Ю. Ю. Техники тела, согласованность и память // Первичные знаки / Назначенная реальность. СПб., 2017. С. 86—87.
Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения человеческой жизни. М., 2005.

Игровая лексика в воспоминаниях о детских играх в советской деревне (по полевым материалам фольклорной экспедиции СПбГУ 2023 г. в Мезенский район Архангельской области)

Закирова Алия Ильгамовна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе представлен подробный анализ детских игр. Материал был собран в ходе полевого исследования во время фольклорной экспедиции СПбГУ в селе Долгощелье Архангельской области в июле 2023 г. Для написания работы были использованы интервью, видео- и фотоматериалы из Электронного архива «Российская повседневность». Возраст и пол информантов различны: это и мужчины, и женщины от 1937 до 1954 гг. рождения, вспоминающие о своём детстве.

В докладе представлено подробное описание таких коллективных детских игр, как «Сало», «Рынья», «Кытьи», «Чикалки», «Десять палочек» и др. Рассматриваются принципы и правила игр. Описывая правила одной игры, информанты чаще всего приводят отличающиеся варианты, которые мы постарались учесть.

Большая часть доклада посвящена анализу игровой лексики. В работе описывается этимология таких игровых терминов, как *клекать мяч*, *накопить руки*, *сало* и т. д. Выдвигается гипотеза, что игровая терминология не только помогает понять сюжет игры, но открывает, какие качества тренируются в игре, какие ментальные категории тренируются, какие ценности формируются в жизни игроков.

Вспоминая о своём детстве, взрослые не «переводят» игровую лексику на понятный собирателям язык, но используют для объяснения её в вернакулярной огласовке, что может сигнализировать о существовании определённых ментальных категорий, для выражения которых в языке не существует более подходящих слов.

Уделяется внимание рассмотрению половозрастных стереотипов, связанных с играми. Существуют «парничьи игры», такие как «Кытьи», «Чикалки», игра «В войнушку» и стрельба из рогаток. Наравне с ними практиковались игры, в которых участвовали в основном девочки: так, девочки «Гоняли чижка», «Катали колесо», играли в «Рыню». Удалось записать единственный случай, когда девочка принимала участие в играх для мальчиков, информант, вспоминая эту девочку, характеризует её следующим образом: «Такая была делана на мужскую руку». Также интересно проследить, до какого возраста

дети могли участвовать в играх. Информант вспоминает: «В школе, дак 10, 11, 12, 13, 14 лет. А если мы ещё в каникулы играли, когда с педучилища приезжали, то пока, наверное, малы были, глупы были, наверное, 15, 16, а потом взрослые-то в рынью-то не играли уже, это только дети».

Информанты рассказывают, как самостоятельно изготавливали инвентарь для игр с сороковых до шестидесятых годов прошлого века. В т. ч. они вспоминают, как делали мячи из тряпок или кожи, из дерева вырезали гранаты и ружья для игры «В войнушку». Записаны забавные случаи из жизни информантов, которыми они делились, вспоминая об играх своего детства. В воспоминаниях взрослых эмоциональная составляющая занимает важное место. Также в докладе приведены тексты считалок, показано, как участники игры «тянули жребий», чтобы распределить роли между собой, выстроить очерёдность.

Игры — важная составляющая детства. В процессе игры дети учатся распределять социальные роли, взаимодействовать друг с другом, соблюдать правила и принимать победы и поражения. Особенно интересен ретроспективный взгляд, позволяющий рассмотреть феномен детства через воспоминания взрослого.

Собирание трав в современной деревне: отношения со знанием (на примере одной деревни Архангельской области)

Мовчан Людмила Андреевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Работа посвящена рассмотрению практики собирания лечебных трав в современной севернорусской деревне. Работа актуальна по той причине, что употребление трав в лекарственных целях до сих пор находит широкое применение и распространено даже среди городского населения. В деревнях же этот интерес еще более интенсивный, т. к. доступ к собиранию трав ничем не ограничен. Наши собеседники с удовольствием водили нас в места, где собирают лечебные травы, делились рецептами и показывали заметки с описаниями лечебных свойств разных растений из журналов и газет. Нас заинтересовали не только эти аспекты, но и сам процесс сбора лечебных растений как специфический способ взаимодействия людей, обладающих знаниями о травах. В работах по медицинской антропологии, где так или иначе затрагивается тема целебных растений, внимание уделяется только описанию свойств трав, условиям их сбора, особым ритуалам, сопровождающих процесс или предшествующих ему, разного рода поверьям о травах и т. д. Но как мне представляется, важен и другой аспект, а именно отношение носителей традиции к этому специальному знанию: насколько оно доступно, готовы ли люди делиться этим знанием, откуда жители деревни получают информацию о свойствах растений, их сборе и рецептах лекарств. В основе исследования лежит материал, собранный в фольклорных экспедициях в Архангельской области: прежде всего, интервью с местными жителями и фотографии (травы, места хранения трав, источники информации о растениях и т. д.). Кроме того, в настоящей работе мы опираемся на труды А. Б. Ипполитовой: «Русские рукописные травники XVII—XVIII веков: исследование фольклора и этноботаники» [Ипполитова, 2008] и «Ритуалы сбора растений в русских рукописных травниках XVIII века» [Ипполитова, 2004]. Мы также попытались сопоставить отношение к знанию у собирателей грибов и ягод (исследование этого социального явления было представлено в магистерской диссертации А. А. Коноваленко [Коноваленко, 2019]) и собирателей трав. Нас интересовало, является ли практика собирания лечебных трав отличной от практики сбора грибов и ягод. Так, напр., «грибные» места местные жители предпочитают скрывать, а места сбора растений иногда оказываются прямо в самом центре деревни.

Результатом исследования стало описание практики сбора трав как особого способа социального взаимодействия жителей современной деревни. Мы рассмотрели несколько аспектов: эффективность растений, источники рецептов лекарств из растений и сами рецепты, способ передачи знания о травах и отношение к этому знанию.

Литература:

Ипполитова А. Б. Ритуалы сбора растений в русских рукописных травниках XVIII века // Летняя школа по формальным методам в фольклористике. М., 2004. URL: https://ruthenia.ru/folklore/ls04_ippolitova1.htm (дата обращения: 29.02.2024).

Ипполитова А. Б. Русские рукописные травники XVII—XVIII веков: исследование фольклора и этноботаники / Отв. ред. А. Л. Топорков. М., 2008.

Коноваленко А. А. Топика леса в современных деревенских рассказах: выпускная квалификационная работа (бакалавриат). СПб., 2019.

Дети в лесу: к вопросу об освоении лесного пространства

Журавлева Полина Сергеевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В ходе архивной фольклорной практики СПбГУ 2023 г. я работала с интервью, записанными в деревне Вожгора Лешуконского района Архангельской области. Две информантки (1954 и 1942 гг. рождения) рассказывали о взаимоотношениях детей и леса как чужого, опасного и «пограничного» пространства, при посещении которого нужно соблюдать определенную систему правил и запретов. В связи с этим интересным представилось изучить этапы освоения ребенком леса. Материалом изучения стали и архивные записи, сделанные в Лешуконском районе, соответствующие теме исследования. Сначала ребенок воспринимает лес как опасное пространство, за «краем» «теплого дома-защиты» [Осорина, 2011]. Постепенно лес начинает восприниматься как интересное пространство, в котором можно прятаться, строить шалаши, собирать грибы и ягоды: «“Ужасные” места постепенно начинают переходить в разряд “страшно интересных”. Туда отправляются уже не просто переживать, а исследовать, т.е. целенаправленно их познавать» [Осорина, 2011]. Анализ интервью показал, что освоение пространства леса происходит поэтапно.

Первым этапом можно назвать период от рождения ребенка до трехлетнего возраста. В колыбельных песнях лес, с одной стороны, выступает как опасное пространство (лесные животные представляются ребенку страшными существами, встречу с которыми можно избежать, лишь оставшись с матерью в доме). С другой стороны, в колыбельных встречается сюжет, в котором уже подросший ребенок ходит в лес собирать грибы или ягоды, на охоту: «“Тема вырастет большой... В лес по ягоды пойдет... Много ягод наберет, всем по горсточке дает. Всем по гор-сто-чке, по щепе-то-чке. Ну а папу да маму, дак уж больше всех. А мне, дак меньше всех”». На следующем этапе — с 3 до 6 лет — на ребенка оказывают влияние волшебные сказки, в которых лес продолжает быть таинственным и опасным пространством, но при этом усваиваются некоторые тактики поведения в нем, законы, по которым функционирует это пространство. «Лес в сказке и лес, в котором собирают грибы — разные пространства, вызывающие разные чувства и нарративизирующие разный опыт», однако «они могут пересекаться, и от реальных опасностей (дикие животные, потеря ориентиров) люди защищаются символическими действиями (специальными словами, дарами, переодеванием)» [Коноваленко, 2019: 29].

С 6 лет взрослые обучают ребенка пользоваться благами леса: собирать грибы и ягоды с помощью разных тактик: они могут оставлять сладости на пеньке «от лисы», всячески поощрять интерес ребенка к лесу.

После 12 лет ребенок начинает ходить в лес без сопровождения старших, ещё раньше начинает строить там шалаши вместе с ровесниками. Таким образом, происходит постепенное включение леса как пространства в жизнь человека, формирование особых правил взаимодействия с ним.

Литература:

- Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб. 2011.
Коноваленко А. А. Топика леса в современных деревенских рассказах: выпускная квалификационная работа (бакалавриат). СПб. СПбГУ, 2019.

О связи образа зооморфного корабля с мотивами оборотничества и наказания в былинных сюжетах

Ерыкалов Сергей Иванович

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Описания кораблей — распространенный прием в эпических темах в корпусе былин Русского Севера. Многие сюжеты этого жанра содержат эпизоды, повествующие о перемещении героя водным путем: новгородский купец Садко на судне перевозит товары; путь Василия Буслаева в Иерусалим пролегает по воде; Соловей Будимирович, Василий Окулович, Идолище и некоторые другие былинные персонажи сами или через посредство подданных отправляются свататься на богатых кораблях. Однако пристальное внимание исследователей занимали те тексты, в которых образ судна был составлен из множества зооморфных деталей, отчего сам корабль часто уподоблялся зверю. В отечественной фольклористике за подобным образом закрепилось название «Сокол-корабль», заимствованное из сюжета «Илья Муромец на Соколе-корабле».

В данной работе на материале сборников былин, записанных на Русском Севере, проведен структурно-семантический анализ тех сюжетов, для которых появление эпической темы «описание зооморфного корабля» (она же — «Сокол-корабль») не является частотной. Как правило, данная эпическая тема напрямую связана со свадебной семантикой в регионах близких к Белому морю (в сюжетах «Соловей Будимирович», «Садко», «Царь Соломан и Василий Окулович») или с повествованием о героических подвигах на территории распространения культуры казаков (жанровые и сюжетные вариации «Илья Муромца на Соколе-корабле»). Соответствующие мотивы отсутствуют в сюжетах о «Настасье Никуличне», «Данило Борисовиче» и «Поездке Василия Буслаева в Иерусалим». Герои данных текстов умирают внезапно и зачастую не от человеческих рук, многие из них отличаются способностью к оборотничеству и наделены магическим знанием — эти факты сюжета оказываются связаны с мотивом наказания за нарушение проговариваемых и негласных запретов и законов эпического мира. «Чудесная» гибель персонажа — кульминационный момент данных сюжетов, эксплицирующий семантику зооморфного корабля как атрибута героя, чьи поступки/модели поведения создают дисгармонию в эпическом мире, вынужденном карать нарушителей.

Целью данного исследования является дополнение уже существующего в отечественной фольклористике представления об исследуемой эпической теме через изучение реализации эпической темы зооморфного корабля в условиях несвойственного ей сюжетного окружения.

Методология анализа опирается на структурно-семантический подход, принципы которого сформулированы С. Ю. Неклюдовым в статье «Семантика фольклорного текста и «знание традиции»» [Неклюдов, 2005]. Нами проведены формульный и мотивный анализы эпических текстов, а их результаты сопоставлены с материалами прочих фольклорных жанров (духовные стихи, сказки, заговоры) и этнографическими данными. Результатом стало обнаружение регулярных семантических связей между текстами разных жанров, которые объединены общим формульным выражением.

Проблема различий в поэтике фольклорных текстов разных жанров решается нами через обращение к понятию «знание традиции», которое ввел Неклюдов в уже названной нами статье. Данный термин он определял как совокупность «памяти текста», «знания говорящего», «знания слушающего», «культурно-языковой картины мира» и «мифопоэтической модели мира определенного жанра» [Неклюдов, 2005: 36—39].

Литература:

Неклюдов С. Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 2005. Вып. 8. С. 22—41.

Женские образы в осетинском нартском эпосе

Цховребова Диана Эдуардовна

студент 3 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Нартский эпос осетин — собрание сказаний о воинах, соединяющий в себе иранские и кавказские сюжеты и мотивы. Несмотря на обилие героев-мужчин в легендах есть и выдающиеся женщины. Попытки изучить их были как у В. И. Абаева («Нартовский эпос осетин») и Ж. Дюмезиля («Осетинский эпос и мифология»), так и у других исследователей, таких как Н. К. Мамиева («Сатана в осетинском нартском эпосе»). Тем не менее ещё никто не пытался классифицировать все встречающиеся в сказаниях женские образы и проанализировать их религиозные и исторические прототипы.

Цель доклада — определить архетипы героинь нартских сказаний и установить их роль в эпическом мире. Для исследования были использованы такие методы как компаративный анализ и классификация. В ходе работы мы смогли разделить все женские образы на воительниц, невест, богинь и проводящих инициацию героя.

К первым можно отнести дочь Даргавсара и Алымбега из одноимённых сказаний. Они обладают всеми атрибутами истинного нарта — оружием, конём, страстью к подвигам и второй половиной. Первая собирает войско, состоящее только из девушек, чтобы отомстить великанам за погубленную деревню. Причём они «по-мужски сражаются с врагами» [Нарты, 1957: 35]. Это сказание может указывать на социальный строй иранских кочевых племён, в которых женщины могли воевать наравне с мужчинами [Абаев, 1990: 160]. Дочь Алымбега же повторяет типичный путь славы: от несчастливой ребёнка до именитого героя, проходя особую инициацию через подвиги. Так, девочка, узнав о грозящей беде, взяла оружие отца и отправилась спасти семью, подобно таким героям как Тотрадз или Саууай.

Другой тип — богини. В нартском эпосе есть только одна женщина, в образе которой отчетливо можно проследить отголоски сакральной фигуры, — это Шатана. Она — мать-прародительница нартов, которая присутствует в сказаниях почти о каждом богатыре. Олицетворение мудрости и женского коварства, Шатана — абсолютный авторитет, мнение которой никем не оспаривается. Её значимость можно оценить по таким сказаниям, как «Рождение Шатаны», где она появляется на свет вместе с сакраментальными для нарта

вещами — конём и собакой, а также «Как появилось пиво», в котором женщина дарует людям священный напиток.

Следующий образ — невесты. Они — цель нарта в его подвигах. Особенностью таких героинь является принадлежность к особому роду — божественному или почетному, что подчёркивает их недоступность и желанность. Как правило, бывают достаточно придирчивы и задают герою задания, которые тот обязан выполнить. Как, например, Акола в сказании «Симд нартов», отправляющая Батрадза на бой с великаном, после победы над которым, он сможет на ней жениться.

Если невесты — это цель богатыря, то героини, проводящие инициацию — его путь к ней. Такими могут выступать ведьмы (*кьулбадаг-ус*) или их дочери. Они наставляют или карают героя за провинности, заставляя того измениться. Так, в сказании «Шкура чёрной лисицы» сияющая колдунья наказывает Уырзмага за невоспитанность, благодаря чему он приобретает новые черты характера.

Литература:

Абаев В. И. Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.

Нарты: эпос осетинского народа / Отв. ред. В. И. Абаев. М., 1957.

Сказания о нартах. Осетинский эпос / Пер. с осет. Ю. Либединского. Цхинвали, 1981.

«Что тогда ребенку я скажу в ответ?»: мотив признания во внутренней речи героев жестокого романа

Соболева Екатерина Алексеевна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В литературе, посвященной признанию как явлению бытовой речи, признание определяется как «вынужденное, неохотное действие» и как действие, совершать которое трудно [Шаронов, 2019: 310]. Тем самым исследователи указывают на сему «преодоления препятствия» в глаголе *признаваться*. В попытках разобраться, что это за препятствие и почему оно возникает, мы обратились к традиционным фольклорным жанрам. В качестве объекта был выбран жанр жестокого романа, а признание рассматривалось нами как мотив в сюжетах произведений этого жанра. Жестокий романс предлагает репрезентацию признания, сконструированную особым образом. Признание в этом жанре пропеваётся «здесь и сейчас» в виде прямой или несобственно-прямой речи героев. При более внимательном рассмотрении выяснилось, что на уровне сюжета речь эта часто представляет собой внутренние диалоги. Перед нами признания, которые героям хотелось бы услышать или которые необходимо произнести самим. Другими словами, жестокий романс репрезентирует не столько само признание, сколько внутренние переживания этого события. В жестоком романсе воображается состояние, связанное с невозможностью коммуникации с одним из персонажей (возлюбленным, отцом ребенка, возлюбленной и т. д.) на темы разрыва отношений, беременностей вне брака и пр.

В рамках данного исследования мы сосредоточили свое внимание на случаях возникновения в жестоком романсе внутренней речи. Современные исследователи, филологи и психологи, сходятся на том, что функция внутренних диалогов заключается в «программировании внешних действий, компенсации урона и дефектности реального существования» [Арутюнова, 1981: 364]. Однако в жестоком романсе редки примеры, где такая компенсация проходит успешно. Гораздо чаще признания, произнесенное вслух или

про себя, только подталкивают героя к решению о самоубийстве или выводу о тщетности и несправедливости жизни.

Материалом для настоящего исследования послужил сборник романсов, составленный С. Б. Адоньевой и Н. М. Герасимовой [Современная баллада и жестокий романс, 1996].

Цель данной работы — описать конвенции реализации мотива признания в жанре жестокого романса. После проведенного мотивного анализа было обнаружено, что мотив признания часто реализуется в поэтике жестокого романса в модусе автокоммуникации. Мотив признания, встроенный в сюжет жестокого романса через прием внутренней речи, не приводит к компенсаторным эффектам, свойственным обычной разговорной речи. Специфической конвенцией жанра является то, что признание в жестоком романсе достаточно часто оказывается воображаемым, но последствия его воплощены в действиях персонажей и последствия эти драматичны.

Литература:

Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Том 40. 1981. № 4. С. 356—360.

Современная баллада и жестокий романс / Сост. С. Б. Адоньева, Н. М. Герасимова. СПб., 1996.

Шаронов И. А. Вводные слова как маркеры и модификаторы речевых актов: бытовые признания // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. №20. С. 309—323.

Образ будущего через призму ковидных интернет-анекдотов 2020—2021 гг.

Кулюкин Лев Александрович

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

2020 г. вошёл в историю как первый год коронавирусной эпохи. Фольклор очень быстро, практически мгновенно начал реагировать на происходящие события: на новости в СМИ, на введение масок, социальной дистанции, ограничений, карантина и т. д. Особенно интересной нам представляется реакция на пандемию интернет-анекдота как одного из самых продуктивных жанров современного фольклора. О ковидном анекдоте (и, в частности, о ковидном интернет-анекдоте) было написано немало работ. Учёные рассматривали этот жанр в контексте юмора катастрофы, карнавальной культуры и сетевого фольклора, с точки зрения философии, социологии и коммуникации, классифицировали анекдоты по степени напряжённости и по темам, исследовали динамику формирования сюжетов, сравнивали ковидные анекдоты разных стран. Однако тема образа будущего, отражённого в коронавирусных анекдотах, либо совершенно не рассматривалась, либо рассматривалась очень поверхностно. Исследователями, хотя бы отчасти затрагивавшими эту тему, отмечался лишь пессимистический взгляд на дальнейшее развитие событий и на будущее в целом. Однако, как показывают наши наблюдения, в действительности образ будущего в ковидных интернет-анекдотах предстаёт очень неоднозначным. Наряду с пессимистическими взглядами часто встречаются и занимают значительное место также взгляды оптимистические. Кроме того, по нашему мнению, интерес представляет и отдалённость изображаемого будущего, которая также неодинакова и колеблется от нескольких месяцев до нескольких лет. Таким образом, нами было выделено два критерия (критерий настроения и критерий хронологической дистанции), по которым мы

рассматриваем образ будущего в ковидных интернет-анекдотах в контексте юмора катастрофы и эпидемического фольклора. В исследовании выявляется связь этих двух критериев и динамика их взаимодействия. Исследование проводилось на материале ковидных интернет-анекдотов 2020—2021 гг., которые были собраны нескольких группах социальной сети ВКонтакте.

Мифологические основания формулы ветра в рок-поэзии

Рогатнева Варвара Алексеевна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Целью нашей работы является поиск связи литературных формул рок-поэзии и традиционных фольклорных формул, а именно тех тропов, в которых встречается лексема «ветер». Нас интересует, каковы фольклорные истоки образов, возникающих в авторском тексте рок-исполнителя. Чтобы определить семантический «потенциал», накопленный традиционным фольклором, мы рассмотрим ветер как персонажа и ветер как формулу в различных фольклорных жанрах (заговорах, мифологических рассказах, сказках, приметах и мантических ритуалах).

Этнолингвистический словарь «Славянские древности» отмечает, что ветер «в народных представлениях персонифицируется или наделяется свойствами демонического существования», при этом «причины появления ветра связываются с общеславянскими представлениями о ветре как о местонахождении душ и демонов» [Славянские древности, 1995: 357].

В жанрах русского фольклора ветер может появиться как одно из действующих лиц (зачастую в качестве волшебного помощника, реже — как главный герой) или как магическая сила, которая может подчиняться воле колдуна и в то время может помогать людям. Усиление ветра перед появлением некоей демонической сущности является общим местом сказок и мифологических рассказов: «Тут поднялся буйный ветер, королевна испугалась: "Сейчас, — говорит, — мой змей прилетит!"» [Народные русские сказки, 1984: 243]; «И вдруг, конь-то у них — кони же это чувствуют всё, нечистую силу они очень чувствуют. <...> Захрапел, заскакал, вообще, дедушка его еле держит... И поднялся такой ветер — деревья аж гнутся!» [ФА СПбГУ: Mez19-24].

Формула «буйный ветер» возникает в сказках в ситуации испытания героини и обращения её за помощью к силам и духам. В сказке на сюжет «Лягушка-царевна» (402 АТ) героиня «схватила ножницы, изрезала всё полотно на мелкие лоскутки, потом отворила окно, бросила их на ветер и сказала: "Буйные ветры! Разнесите лоскуточки и сшейте свёкору рубашку"» [Народные русские сказки, 1985: 263]

Таким образом, роль ветра изменяется от сюжета к сюжету и от жанра к жанру, её семантику невозможно определить однозначно в категории «добрый/злой» или «помощник/вредитель». Как знак демонического мира, ветер аккумулирует в себе амбивалентный потенциал. Функции его непостоянны: «Уроки, прикосы, людские наговоры. С ветру пришли — на ветер подите, с человека пришли — на человека подите» [ФА СПбГУ: Mez20-407].

Одной из задач нашего исследования будет очертить область многозначной семантики ветра в разных фольклорных жанрах и контекстах.

Литература:

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 1. М., 1984.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 3. М., 1985.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т.1. М., 1995.

Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного Университета (ФА СПбГУ).

Фольклорные образы в рассказе А. С. Байетт «The Changeling» (1987)

Кукреш Вероника Александровна

студент 2 курса

Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики»

В своем докладе я собираюсь рассмотреть, какие фольклорные образы использует Антония Сьюзен Байетт в рассказе «The Changeling» (1987; вышел в составе сборника «Sugar and Other stories»), в каких именно ситуациях они встречаются, а также предположить, зачем писательница включила фольклорные элементы в рассказ, который большинством исследователей воспринимается как реалистичный, какие функции они выполняют. Несмотря на то, что произведения Байетт привлекают внимание фольклористов, чаще всего ученые обращают внимание на ее романы («Possession: A Romance» (1990), «The Children's Book» (2009), «Ragnarök: The End of the Gods» (2011)), в то время как малая проза писательницы остается не исследованной, хотя и содержит фольклорные мотивы. Американская исследовательница Сьюзан Мари Кьеда, которая занимается анализом фольклорных образов в романе Байетт «Possession: A Romance», пишет: «Byatt contributes to a metamorphosis of the fairy tale genre through a reappropriation of individual tales and characters» [Kieda, 2015: 5]. Я считаю, что именно с фольклорным жанром сказок Байетт работает чаще всего, в том числе в своих на первый взгляд реалистичных рассказах. Посредством сравнения описания и функционирования фольклорных образов в текстах народных сказок и рассказе «The Changeling», а также анализа их прагматики в настоящем исследовании, я прихожу к выводу, что писательница использует фольклор в нескольких целях. Во-первых, они помогают автору через понятные и знакомые большинству людей образы рассказывать собственные мысли и продвигать идеи. Особенно часто фольклорные образы используются в ситуациях, когда описываются табуированные явления и темы, такие как страх, одиночество, сиротство, т. к. через «нереальное» и имеющее временную дистанцию о таких темах говорить проще. Во-вторых, использование фольклорных образов в литературе помогает сохранить традиционной культуре и развить из нее новую, «неклассическую» фольклорную традицию, сформированную несколько иначе, но все еще необходимую для того, чтобы человек мог относиться к определенной культуре, понимать себя как часть общности и через эту культуру взаимодействовать с миром.

Литература:

Kieda S. M. Metafiction, Fairy Tale, and Female Desire in AS Byatt's Possession: A Romance. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/theses/771/> (дата обращения: 29.02.2024).

Литература в междисциплинарной перспективе

Поэтика визуального и вербального текста в авангардном плакате периода НЭПа

Ильина Наталья Дмитриевна

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Период новой экономической политики был благоприятным для деятелей искусства. К этому моменту был разработан «язык» плаката, который ёмко передавал идеи и смыслы. Молодая советская страна и ее экономический подъем вдохновляли молодых плакатистов на применение новаторских технологий для создания запоминающейся графики в сочетании с языком, который оставался вербальным знаком и одновременно проникал, и тесно закреплялся в графическом коде плаката. Цель доклада — рассмотреть и выяснить, как форма плаката передает содержание. Исследование уделяет особое внимание креолизации текста и «обытовлению» авангардных эстетик в рамках агитационной рекламы в данный период культурного развития СССР. Выделяется ряд ярких отличий плакатов периода НЭПа от периода Гражданской войны: во-первых, 1920-ые считаются этапом расцвета авангардных течений первой волны, именно в плакатном искусстве до конца 1920-ых сохраняется тенденция к экспериментальным стилям: можно отметить техники кубофутуризма, (советского) конструктивизма, сюрреализма, дадаизма и прочие. Во-вторых, плакатное искусство ориентировано на массовую аудиторию. Авангардные плакаты создавались для широкого круга людей, поэтому авторы старались использовать простые и понятные имагинативные образы и легко запоминающиеся слоганы, вписывая авангардный визуальный код в облик города. В рамках авангардной эстетики вербальный код применяется в графическом пространстве плаката как обрамление фигур, заполнение словами и фразами тех или иных объектов, что повышает коэффициент креолизации текста. Визуальный код плакатов в сравнении с Гражданской войной стал сложнее за счет авангардных стилей, но более символичным. Показательным является плакат «Митинг детей» художника Алексея Комарова 1923 г. Сюрреалистичное изображение большого митинга примерно годовалых малышей с растяжками, на которых написаны совершенно взрослые и осмысленные лозунги и требования «Мы требуем!», «Акушерок, а не бабок», «Чистого воздуха и света», «Здоровых родителей», «Груды матери», «Сухих и чистых пеленок», и на заднем плане возникает лишь одно наивное и детское требование «Защиты от мух». Митинг, растяжки, лозунги — элементы семиотического поля взрослого гражданина Советского Союза. Намеренный сюрреалистичный сюжет, представление детей как равноправных членов общества, таких же, как взрослые, — стратегия, помогающая взглянуть на проблемы воспитания детей с другой стороны. Этот феномен в плакатном искусстве можно назвать «Советские дети». Они становились символом будущего, носителями идей просвещения и прогресса. Таким образом, одними из главных приемов визуальной поэтики авангарда стали фотомонтаж и коллаж, которые позволяли с помощью перемещения и изменения фотографий и текста создавать новые картины, эффектно подчеркивая особенности рекламируемого товара или различные социальные послания. Киноплакат, являясь продолжением дореволюционных афиш, впитывает авангардные направления в стиле, вербальный код используется в двух направлениях — информативном и как часть графического кода за счёт креолизации словесного сообщения. В пространстве плаката вербальный текст сильно проникает в графическое изображение, сплетается с ним и создает некое неделимое единство.

Категория акторности как инструмент (де-)конструирования хронотопа в поэтических телеграм-проектах

Остряков Егор Александрович

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

На первый взгляд тексты лейтенанта Пидоренко В. П. напоминают образцы поэтического постмодернизма, существующие, с одной стороны, в контексте очередного поворота к переосмыслению иронии как приема, с другой — в не-классическом для литературы пространстве Telegram-канала, что, в отличие от привычных бумажных публикаций, предполагает сосуществование с другими каналами и проявляется в актуализации текущей культурной и политической повестки в текстах. Это проблематизирует возможность обеспечить их тематическое единство и ставит перед автором задачу сконструировать устойчивую пространственно-темпоральную основу (хронотоп), которая понимается нами как стабильная, зафиксированная в культуре модель опыта, играющая роль ценностного ориентира и закладывающая основу функционирования внутритекстовых элементов [Толочин, 2002].

Композиционно-жанровая ограниченность, фигура говорящего, интенциональность позволяют рассматривать корпус поэтических текстов Пидоренко В. П. как цельнооформленное поэтическое высказывание [Бахтин, 1996]. С функционально-семиотических позиций прагматический потенциал такого высказывания заключается в потребности переосмыслить проблемные модели опыта (фреймы) [Толочин, 2002]. Актуализация таких моделей происходит за счёт включения в текст повторяющихся вербальных маркеров.

С помощью частотного анализа было исследовано 8738 постов, которые, пройдя основные этапы подготовки данных, с помощью функции частотного распределения были систематизированы и сведены к числу наиболее часто употребляемых маркеров, имеющих отношение к основным акторам и образам исходного поэтического текста. Собранные программным методом статистические данные позволили уточнить наиболее типичные функциональные контексты основных акторов и предположить их особую роль в актуализации вербальных ценностных моделей в рамках поэтики проекта Пидоренко В. П.

Очевидно, выделение маркеров вне контекста не способно раскрыть их содержательности, а главное, уточнить роль акторов в формировании смысловой структуры проекта. Результаты частотного анализа позволили сократить и ограничить пласт рассматриваемых материалов, а использование функционально-семиотического анализа — более детально раскрыть фреймовую структуру поэтических текстов. Так, имя актора, включенное в процесс переосмысления ценностных парадигм, становится маркером той или иной вербальной ситуации и принимает непосредственное участие в обеспечении семантического единства проекта.

В результате работы выявлено, как в ситуации, когда тематическая разрозненность текстов проблематизирует возможность когерентности поэтического проекта, была обеспечена связность его элементов. В итоге эта роль отводится в первую очередь акторам, которые на начальном этапе наделяются устойчивыми типами контекстов, а в дальнейшем функционируют одновременно как имя собственное и как имя нарицательное, выполняя не столько сюжетобразующую функцию, сколько функцию актуализации стабильных моделей опыта.

Литература:

Толочин И. В. Монолог и речевая деятельность // *Архипова Л. В., Емельянова О. В., Варшавская А. И.* Риторика монолога. СПб., 2002. С. 212—222.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // *Бахтин М. М.* Собр. соч. в 7 т. Т. 5. Работы 1940—1960 гг. М., 1996. С. 159—206.

Образ женщины в современной музыкальной культуре: корпусное исследование на материале песен Анны Дзюбы

Наумова Виолетта Владимировна

студент 2 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Понятие «образа» или «имиджа» не является новым и обширно описано лингвистами разных направленностей. Так, о многогранности понятия и различной структуре образов говорит У. Митчелл в работе «Что такое образ?» [Mitchell, 1984]. Согласно Митчеллу, работая с текстом, мы имеем дело со «словесным образом» (пер. мой — прим. В. Н.), включающим в себя как знаковую, так и семантическую составляющую. Представляется, что интерпретация Митчеллом понятия «образ» является достаточно точной, чтобы использовать ее в анализе. В докладе пойдет речь о проблематике понятия «образ», а именно о его языковой, литературоведческой и социокультурной составляющих. Для определения дифференциальных лингвистических признаков, которые концептуализируют образ современной женщины, был составлен пользовательский корпус, проведена частеречная разметка и сформированы частотные списки лемм, словоформ и частей речи. Материалом исследования стали 20 текстов А. Дзюбы, написанные в период с 2021 по 2023 г. В качестве целевого корпуса (тексты, сравниваемые с исследуемым корпусом) были выбраны 20 текстов дуэта Artik&Asti, в котором Дзюба состояла по 2021 г. При компьютерном анализе исследуемого целевого корпуса (собственно песен Дзюбы) с помощью программы MyStem были получены частотные словари. Если при субъективном «литературоведческом» анализе текста может показаться, что лирическая героиня сольных песен Дзюбы обретает независимость от своего партнера, то частотные словари опровергают это. Так, частотный словарь лемм и словоформ остается в семантическом поле романтических отношений («любовь» (абс. частота — 28), «ночь» (абс. частота — 24), «сердце» (абс. частота — 22), «ломка» (абс. частота — 16), «чувство» (абс. частота — 15), а все тексты так или иначе говорят о внешнем конфликте с романтическим партнером, а не о внутренних трансформациях. Тем не менее, некоторые изменения образ женщины все-таки претерпевает, что мы видим при сравнении целевого корпуса с референтным (корпус песен дуэта Artik&Asti) в программе AntConc. Так, местоимение «она» употребляется в сольных текстах Дзюбы в 7 раз больше, чем в текстах дуэта. Кроме того, более ключевым словом по сравнению с референтным корпусом является словоформа «злее», что все-таки показывает трансформацию героини по сравнению с тем, какой она была в дуэте. Фокус героини всегда находился на мужском персонаже, в то время как ее чувства оставались незамеченными: она была «девочкой», а вне дуэта стала женщиной. Независимость женщины в песнях Анны Асти подтверждает и то, что словоформа «мы» употребляется почти в 3 раза меньше, чем в корпусе песен Artik&Asti. Она сменяется самой употребляемой леммой в песнях Анны Асти «я», число вхождений которой составляет 320. Образ современной русской женщины, безусловно, претерпевает изменения в дискурсе современных песен. Лирическая героиня все еще существует в семантическом поле отношений, но она не обретает безусловную независимость от мужского пола. Так, в одних песнях образ женщины представлен влюбленной, в других — роковой, а в третьих — страдающей.

Литература:

Mitchell W. J. T. What Is an Image? // New Literary History. 1984. №3. P. 503—537. URL: <https://doi.org/10.2307/468718> (дата обращения: 09.02.2024).

Дуализм разума и тела на материале романа Д. Трамбо «Джонни получил винтовку»

Остякова Наталья Владимировна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Военный опыт — это, прежде всего, телесный опыт, переживает ли его человек физически или нет, так как на войне всегда страданиям подвергаются мыслящие и чувствующие тела мужчин и женщин. Преобразование человеческого тела служит внушительной метафорой переживания обществом военного опыта. Анализ через философскую призму помогает наиболее полно осмыслить антивоенный роман Далтона Трамбо «Джонни получил винтовку» в контексте телесности.

Герой романа, Джо Бонэма, после подрыва на пехотной мине во время Первой мировой войны лишился практически всех органов чувств — зрения, слуха, обоняния, вкуса, и все, что у него осталось, — это помутненное сознание и осязание. Все аспекты его существа — время, пространство, свобода и даже воспоминания — оказываются ограничены возможностями собственного тела героя.

На примере главного героя рассматривается взаимодействие различных типов тела и сознания. С древних времен философы размышляют над парадоксом, получившим название «дуализм разума и тела», согласно которому человек представляет собой интерактивную совокупность разума и тела, и в то же время является единым целым. Настоящее исследование философско-эстетических категорий разума и тела производится на основе работ М. Фуко, Р. Декарта, М. Мерло-Понти и других. В данном философском контексте рассматривается ситуация главного героя романа Трамбо, чье тело является «клеткой» для разума, который оказывается в ловушке деградировавшего тела. С одной стороны, Джо — лишь ментальная сущность, тем не менее, ему все еще доступно осязание, что позволяет герою смириться с новыми ограничениями и заново учиться использовать свой разум и тело как единое целое.

Одной мыслительной субстанции оказывается недостаточно: разуму требуется тело, чтобы передавать свои мысли и тем самым завершать себя. Для участия в полном спектре человеческого опыта человеку необходимы и тело, и разум.

Трагический образ главного героя, чья свобода и ментальная независимость ограничиваются его телесным присутствием в мире, служит политической и психологической метафорой хищничества войны.

Уцелевшее изуродованное тело Джо становится знаком, угрожающим ниспровергнуть традиционную риторику, мобилизующую массы на борьбу за честь, демократию, гуманность. Данный вид анализа помогает наиболее полно осмыслить роман в контексте телесности, а также выделить в нем функции, которые выполняет тело и телесность для достижения авторских дискурсивных задач.

Иван Елагин: поэтика, контекст, традиция

Бельская Вера Дмитриевна

магистрант 1 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Иван Елагин (1918—1987) — ключевой автор второй волны русской эмиграции: еще при жизни публикации его стихотворений сопровождались многочисленными критическими заметками в периодике русского зарубежья, например, в «Новом журнале» и «Новом русском слове». Его стихотворения во многом автобиографичны, одна из центральных тем — воспоминания об опыте переживания травмы: смерть его отца (поэта-футуриста - Венедикта Марта), жизнь в осажденном Киеве в начале Второй мировой войны, эмиграция (пребывание в многочисленных лагерях для перемещенных лиц на территории Германии) и, наконец, — тоска по Родине, которая сопровождала поэзию Елагина всю его последующую жизнь.

Стоит отметить, что в немногочисленных научных работах, посвященных поэзии Елагина, рассмотрены лишь отдельные особенности поэтики автора, поэтому новизна исследования заключается в совмещении различных методов: культурно-исторического, биографического и ряда подходов из социологии: «memory studies» и «trauma studies», из которых взяты ключевые понятия. Таким образом, цель исследования — выявить стратегию репрезентации темы травмы и памяти Елагиным и определить место его стихотворений в литературной традиции. Материалом исследования выступает последний поэтический сборник Елагина — «Курган» (1987), составленный автором из ранее опубликованных стихотворений, репрезентирующих трагические события как в жизни поэта, так и в истории СССР в целом.

Результатом исследования стало выявление особенностей поэтики Елагина, таких как: постоянная оппозиция «своего» и «чужого» (за счет местоимений они / мы); использование разговорной речи при описании травмирующих событий («нынче без уема / у него разгул», «гуртом везли заключенных»); обращение к жанру сатиры; повторяемость образов, связанных со сталинскими репрессиями («элементов ненадежных», «черные автомобили», «изъято», «гражданин задержан», «Враг народа», «культом личности») и дорогой; топонимов, обозначающих места расположения исправительно-трудовых лагерей («Сибирь», «Нарым», «Колыма», «Воркута», «Магадан»).

К перспективам дальнейшего исследования стоит отнести, во-первых, обращение к более ранним стихотворениям Елагина, посвященных опыту переживания травмы, во-вторых, рассмотрение круга авторов (как эмигрантов первой волны, так и диссидентов, например, А. Галича), которые могли повлиять на поэтику Елагина.

Литература:

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

Елагин И. В. Курган. Франкфурт-на-Майне, 1987.

Елагин И. В. Полное собрание стихотворений: в 2 т. М., 1998.

СЛАВИСТИКА

Славянская филология: языкознание и литературоведение

«Репортаж с петлёй на шее» Ю. Фучика с позиции коммуникативной стилистики

Партолина Виктория Витальевна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

XX в. был периодом значительных политических, социальных и культурных трансформаций в Чехословакии. В это время страна столкнулась с нацистской оккупацией, формированием коммунистического режима и последующей советской интервенцией. Вершиной творчества Ю. Фучика, писателя и публициста Чехословакии, считается «Репортаж с петлёй на шее», который был написан в стенах тюрьмы немецких фашистов. В произведении автор пытается зафиксировать ужасы и несправедливость, которые происходили в то страшное время, тем самым создать документальный дневник. Именно поэтому это произведение мы предлагаем рассмотреть с позиции коммуникативной стилистики.

Коммуникативная стилистика — сравнительно новая область функциональной стилистики, которая рассматривает текст с «коммуникативно-деятельной точки зрения, с учетом того, как текст устроен и ориентирован на адресата, как он действует, "работает" в процессе познавательной деятельности читателя, как разные авторы организуют эту деятельность средствами текста и его особой организации» [Болотнова, 2009: 58]. Напр., при помощи коммуникативной стилистики мы можем рассмотреть текст и его «речевую организацию с точки зрения ее соотносительности с конкретным содержанием текста, авторской интенцией и коммуникативно-прагматическим эффектом», т. е. автор, написав текст (художественный или публицистический), ожидает, что он повлияет на адресата: даст новую информацию или создаст возможности для катарсиса, а получатель, в свою очередь, сможет проявить эмоции [Там же]. Для понимания этого учёные используют опросы, анкеты, эксперименты и иные способы сбора информации.

Безусловно, коммуникативная стилистика обращает внимание на жанр текста, ситуацию написания и его прочтения адресатом. Также коммуникативная стилистика делает акцент на идиостиль автора, т. е. приёмы, характерные именно для этого писателя.

Новизна исследовательской работы заключается в том, что тексты чешского автора будут изучены с позиции коммуникативной стилистики, которая подразумевает анализ стиля авторов, жанровой принадлежности текстов, а также место автора в произведении.

Исследование публицистики этого периода помогает понять, какие идеи и темы были актуальными для общества, как писатели и журналисты реагировали на события и как влияли на общественное мнение.

Литература:

Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. М., 2009.

Романетто Якуба Арбеса: особенности жанра

Ушакова Валерия Владимировна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Жанр готического или «черного» романа, возникший в эпоху предромантизма, сохраняет любовь читателей и мировую популярность и сегодня. В чешскую национальную литературу готический роман проникает еще в период позднего гуманизма. В дальнейшем он получает развитие в эпоху романтизма в творчестве писателей Карела Гинека Махи, Яна Индриха Марека, Прокопа Хохлоушка и Якуба Арбеса, создателя жанра романетто.

Романетто — это прозаический жанр среднего объема, унаследовавший черты как «черного» романа, так и классического детектива Эдгара По и научной фантастики Жюль Верна. Целью данного исследования является определение специфики и уникальности жанра романетто, а также предпосылки возникновения, последующая судьба и наследие жанра в чешской литературе. Особое внимание в докладе уделяется произведениям «Святой Ксаверий» (1873), «Распятая» (1876) и «Мозг Ньютона» (1877), в которых поэтика жанра романетто получила наибольшую выразительность. Для достижения поставленной цели мы прибегали к сравнительно-сопоставительному, нарративному и биографическому методам. Таким образом, мы установили, что романетто не только унаследовало многие черты классического черного романа (место действия, атмосфера ужаса и мистическая тайна), которые модернизируются и адаптируются в произведениях писателя под реалии Чехии, но и отличается глубоким психологизмом и содержит в себе наукоподобные элементы, тем самым отражает тенденции литературы XIX в. Позже традицию «маленьких» романов в чешской литературе продолжили Юлиус Зейер и Йиржи Карасек, а в XX в. — Карел Матей Чапек-Ход [Национальные коды в европейской литературе, 2020: 183]. На данный момент жанр романетто остаётся малоизученным в отечественном и зарубежном литературоведении, однако произведения Якуба Арбеса получают в современности всё большее внимание, что подтверждается появлением новых изданий и переводов, напр., перевод Йозефа Крала романетто «Мозг Ньютона» на английский язык, изданный в 2021 г.; рост популярности жанра ужаса в литературе только повышает научный интерес к классикам готической литературы в мире.

Литература:

Национальные коды в европейской литературе XIX—XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации / Отв. ред. Т. А. Шарыпина. Н. Новгород, 2020.

Пословицы с компонентами-орнитонимами в чешском языке

Касаткина Юлия Валериевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Пословицы являются центром языковой картины мира человека, т. к. сосредотачивают в себе культурное наследие и многовековую историю как всего человечества, так и отдельных народов. Птица — один из наиболее популярных фольклорно-мифологических образов, который занимает отдельное место в славянской культуре, что находит своё отражение в пословичной картине мира. Цель доклада — выявление семантики и структуры активных чешских пословиц, содержащих в себе компоненты-орнитонимы. Новизна доклада обусловлена тем, что исследований, посвященных изучению места орнитонимов в пословичной картине мира чешского народа, ранее не проводилось.

Материалом исследования послужили чешские пословицы, отобранные по принципу сплошной выборки из словарей «Чешские пословицы: Текущее состояние на конец 20 в.» («Česká přísloví: Soudobý stav konce 20 Století») [Bittnerová, Schindler, 2003] и «Восточнославянские пословицы и поговорки с точки зрения чешского языка» («Východoslovanská přísloví a pořekadla v pohledu od češtiny») [Mrhačová, 2017]. В ходе анализа было выявлено, что наиболее частотными орнитонимами, которые встречаются в чешских пословицах, являются *vrána, slepice, husa, vrabec, sokol, kohout, sova, holub, páv, orel*. Отдельные лексемы можно объединить в группы «домашние / одомашненные» (*slepice, husa, kohout, holub*) и «хищные» (*sokol, sova, orel*) на основе тех образов, которые они определяют. Также в исследуемых пословицах представлены орнитонимы, конкретизирующие название птиц по возрастному и половому признакам. Это лексема *kuře*, указывающая на возраст птицы, и лексемы *kohout* и *slepice*, обозначающие самку и самца данного вида.

Исследуемые названия птиц определяют конкретный или метафорический образ и иллюстрируют различные типы отношений внутри пословиц. Напр., орнитонимы, указывающие на возраст птиц, в чешских пословицах находятся в отношениях противопоставления: *Kuře chce být chytřejší než stará slepice*. Таким образом, данные лексические особенности находят отражение в семантике исследуемых пословиц.

Литература:

Bittnerová D., Schindler F. Česká přísloví: Soudobý stav konce 20 století. Praha, 2003. Mrhačová E. Východoslovanská přísloví a pořekadla v pohledu od češtiny. Ostrava, 2017.

Типология трансфера на пороговом этапе формирования русско-чешского учебного билингвизма

Пушкова Анастасия Сергеевна

магистрант 1 курса

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В последние десятилетия возрастает интерес к исследованию билингвизма, что обусловлено увеличением количества межъязыковых контактов. В связи с этим лингвисты активно изучают процесс овладения иностранным языком. Исследования факторов негативного взаимовлияния норм родной и усваиваемой языковой системы оказываются все более актуальными, поскольку их результаты позволяют упростить изучение второго языка в учебных условиях. Проблемой настоящего доклада выступает получение дедуктивной типологии случаев меж- и внутриязыкового трансфера на пороговом этапе овладения чешским языком. Согласно Т. Одлину, трансфер — это совокупность факторов, при которых родная или какая-либо предшествующая изученная языковая система оказывает влияние на процесс усвоения нового языка [Odlin, 2001: 499]. Научная новизна доклада состоит в том, что в нем впервые предлагается развернутая поуровневая типология случаев меж- и внутриязыкового трансфера в речи билингвов, изучающих L2 на пороговом уровне. Цель доклада — представление типологии случаев меж- и внутриязыкового трансфера и установление частот встречаемости выделенных типов переноса в устных спонтанных текстах продолжающих билингвов. Материалом исследования выступили 5 записей диалогической и 10 записей монологической речи от 13 студентов, обучающихся на разных факультетах ПГНИУ и овладевающих L2 на пороговом этапе. Общее время звучания записей составило 1 час 13 минут 09 секунд. Методы предварительной обработки материала включали слуховой анализ (для получения транскриптов записей), методы анализа материала включали контрастивный анализ (для разработки дедуктивной

типологии трансфера на уровне А2), дистрибутивный анализ (для установления несоответствия сочетаемости лексических единиц) и семантический анализ (для выявления «лишних» или полностью неверных сем). Элементы количественного анализа применялись при подсчете частот встречаемости выделенных типов переноса. В результате исследования была разработана дедуктивная типология случаев меж- и внутриязыкового трансфера. Межъязыковой трансфер отмечали, когда ошибочно выбранная единица / конструкция приносилась из парадигмы родного (русского) языка билингов, случаи реализации нецелевых единиц в рамках усваиваемого языка относили к внутриязыковым. Таким образом, на пороговом этапе овладения чешской языковой системой были выявлены следующие типы меж- (далее — МЯ) и внутриязыкового (далее — ВЯ) трансфера: фонетический трансфер (МЯ: *v Permu* вм. *v Pérmu*, *spanělský* вм. *španělský*; ВЯ: *nežeje* вм. *nežije*, *protóže* вм. *prótože*), трансфер морфем (МЯ: *rublej* вм. *rublů*, *lístik* вм. *lístek*, *kupat se* вм. *koupat se*; ВЯ: *zpěváci* вм. *zpěváků*, *blízku* вм. *blízko*, *přadiš* вм. *poradiš*), значения (МЯ: *byt je velká* вм. *byt je velký*, *mluvit* вм. *řít*; ВЯ: *na Permu státní universitě* вм. *na Permské státní univerzitě*, *pohledávku* вм. *dluhy*), лексем (МЯ: *pogoda* вм. *počasí*; ВЯ: *k známkam* вм. *za známými*), синтаксической конструкции (МЯ: *měl práci* вм. *měl jsem práci*; ВЯ: *dům nachází* вм. *dům se nachází*).

Литература:

Odlin T. Language transfer and substrates // Concise encyclopedia of sociolinguistics / R. Mesthrie (ed.). Oxford, 2001. P. 499—503.

Лексико-семантическое поле «успех» в русском и польском языках (исторический аспект)

Килина Мария Юрьевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В русском языке понятие «успех» обозначается соответствующей лексемой, которая входит в состав обширного словообразовательного гнезда: *успеть* — *успех* — *успешный* — *успешно* и т. д. [Тихонов, 1996: 514—515]. В. В. Виноградов отмечал, что к корню *-сп-* восходят также семантические группы лексем *спеть* и *спешить*. Все эти слова образованы от праславянского глагола **spěti*, к которому восходят и польские существительные *spiech* (*śpiech*), *pośpiech* и др. В современном польском языке для обозначения понятия «успех» используется не лексема с общеславянским корнем, а латинское заимствование — *sukces*. Цель работы — проанализировать лингвистические средства и способы формирования представления об успехе в русском и польском языках. Новизна исследования состоит в выявлении национально-специфических особенностей выражения представления об успехе в русском и польском языках. Материалом послужили сведения, извлеченные из словарей (толковых, этимологических и др.) русского и польского языков, а также художественные и публицистические тексты. При работе со словарным материалом использовались методы дефиниционного, этимологического и компонентного анализа. При исследовании примеров употребления языковых единиц использовались методы функционально-семантического и контекстуального анализа.

Теоретическую базу работы составили исследования, посвященные понятию успеха и его лексико-семантическому полю. В статье В. В. Виноградова «Спеть, успеть, успех» рассматривается процесс распада лексического гнезда *спеть, успеть, успех, спешить* и т. д. на самостоятельные семантические группы. А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев в монографии «Константы и переменные русской языковой картины мира»

описывают изменение содержания понятия успех, анализируют представление об успешном человеке на материале русского языка. К. Сковронек в работе «Polski sukces sukcesu w świetle opracowań leksykograficznych i literatury popularnopsychologicznej» сопоставляет определения успеха как психологического понятия и дефиниции соответствующей лексемы в толковых словарях. Анализ теоретической литературы, а также статей из толковых словарей показал, что семантические группы *успех*, *спеть*, *спешить* в русском и польском языках когда-то составляли одно лексическое гнездо, поэтому семы движения и времени выделялись в значениях всех слов, в т. ч. в значении слова *успех* / *spiech* (*śpiech*). В польском языке в настоящее время функционируют лексемы с корнем *-spiech-* (*-śpiech-*), но все они имеют значение ‘спешить, торопиться’. Значение ‘успех’ репрезентирует польская лексема *sukces*, значение ‘спеть’ — лексема *dojrzeć*. Данные польских толковых словарей позволяют приблизительно определить время исчезновения существительного *spiech* и распространения существительного *sukces* — XVI в. В качестве одного из возможных объяснений вытеснения славянской формы в польском языке мы рассматриваем экстралингвистический фактор — подписание Брестской унии в 1596 г., способствовавшее распространению католической веры, что привело к усилению влияния латыни на польский язык.

Литература:

Виноградов В. В. Спеть, успеть, успех // Интернет-портал «Этимология и история слов русского языка». URL: https://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=spet_uspet_uspeh&vol=1 (дата обращения: 20.01.2024).

Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка: пособие для учащихся. М., 1996.

Перевод «Повести о Гэндзи» на славянские языки

Ёсими Саэ

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются переводы шедевра японской классической литературы — романа «Повесть о Гэндзи» — на славянские языки. Чем меньше число изучающих тот или иной язык в Японии, тем меньше информации о переводах с японского на данный язык, и трудно сказать, что ситуация с переводом и восприятием романа «Повесть о Гэндзи» за рубежом полностью изучена. В этом и заключается значимость данного исследования.

«Повесть о Гэндзи» — это длинная японская повесть, написанная на старояпонском языке в 1008 г. Автор повести Мурасаки Сикибу была писательницей и поэтессой. В своем произведении она представила японское аристократическое общество эпохи Хэйан через главного героя Хикару Гэндзи. Произведение состоит из 54 глав. В этой повести также содержится 795 стихотворений «вака».

Переводы «Повести о Гэндзи» начались с частичного перевода на английский язык, выполненного Суэмацу Кэнто в конце XIX в. Только после полного перевода на английский язык Артура Уэйли, опубликованного в 1925 г., это произведение приобрело статус произведения мировой литературы. «Повесть о Гэндзи» признана во всем мире как репрезентативное произведение классической японской литературы. Причина этого, как отмечается, «с одной стороны, в его универсальности, выходящей за рамки культурных сфер, а с другой — в том, что оно воспринимается как нечто японское и экзотическое» [Alokai, 2010: 127]. Произведение было написано в Японии более 1000 лет назад, однако оно пронизано идеями, которые актуальны и сегодня. В славянских странах на данный момент это произведение переведено на русский, украинский, чешский, польский,

сербский, словенский и хорватский языки. На русском языке сначала был опубликован частичный перевод Николая Конрада с современного японского. Полный перевод на русский язык, выполненный непосредственно со старояпонского языка Татьяной Делюсиной, был опубликован в 1991—1993 гг. Когда после распада Советского Союза вырос спрос на издания на украинском языке, был опубликован украинский перевод, за основу которого был взят русский перевод.

Также существуют полный чешский перевод с современного японского и частичный польский перевод, который был экспериментально опубликован в одной диссертации. На сербский, словенский и хорватский языки есть частичные переводы, все переведены с европейских языков. В качестве источников использовались английский перевод Артура Уэйли, немецкий перевод и английский перевод Эдварда Сайденстикера.

Таким образом, ситуация с переводом и изучением «Повести о Гэндзи» в каждой славянской стране сильно различалась. Это отразилось и на выборе источников для перевода. В качестве перспективы для дальнейшего исследования было бы интересно рассмотреть, как различия в культуре славяноязычных стран и Японии влияют на перевод классической литературы, а также рассмотреть особенности перевода на каждом языке и то, как «Повесть о Гэндзи» переводится и воспринимается в славянских странах.

Литература:

Judit A. Zu den Übersetzungen und zur Rezeption des Genji monogatari in deutschsprachigen Ländern. Kyōto, 2010.

Мотив города в текстах современных польских музыкантов

Куимов Иван Ильич

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Современное пространство обитания человека, в своей большей степени, сконцентрировано вокруг городов. Они, в отличие от естественных, нетронутых человеком территорий, формируют собой функциональное, антропоцентрическое пространство, концентрирующее в своих границах всё необходимое для существования общества в современном его понятии. Именно здесь производятся экономические, политические, социальные и культурные изменения, впоследствии распространяющиеся по остальным территориям.

Феномен города безусловно находит отражение в различных культурных дисциплинах. В рамках доклада будут представлены результаты исследования, объектом которого являются тексты современных музыкальных композиций на польском языке, а предметом — отражение городских мотивов в них.

Проблема «городского» в художественных текстах не является новой. За всё время существования самих городов и литературы, было проведено большое количество исследований на тему отражения городского пространства как такового или конкретного города, мест, на страницах произведений. К данному вопросу обращались как отечественные литературоведы: в частности, одно из самых известных — исследование «петербургского» текста В. Н. Топорова, не только определяющего его наличие, но и производящего определённое декодирование его признаков и структуризацию в работе «Петербургский текст русской литературы» [Топоров, 2003]; так и польские: напр., в статье Ю. Табашевской [Tabaszewska, 2011], посвящённой городским мотивам в текстах музыкантов XX в., в работе А. Копрыш [Koprysz, 2017], изучающей обратное влияние литературы на видоизменение пространства и дальнейшее отражение этого в текстах.

В наши дни сами авторы произведений, в том числе и музыканты, продолжают обращаться к топонимам, определённым локальным событиям, образу города. Целью исследования, раскрываемого в рамках доклада, является анализ этих проявлений: насколько современные проявления соотносятся с классическим пониманием «городского текста» в литературе; как определённые, нетипичные формы и элементы повседневной жизни модифицируют текст, проникают в его структуру; как городское пространство изменяется под влиянием исторических событий и вместе с тем изменяет смысловое наполнение текстов о нём.

В рамках доклада будет представлен результат анализа текстов произведений современных польских музыкальных групп, опубликованных в XXI в. и являющихся популярными (на основе публикаций музыкальных критиков, национальных наград и рейтингов стриминговых платформ) среди польской аудитории. Итоги исследования позволят уточнить определение актуальной интерпретации понятия «городского текста» и влияние современных изменений пространства на его литературное восприятие.

Литература:

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.

Koprysz A. Literatura w przestrzeni miasta // *Białostockie Studia Literaturoznawcze*. 2017. №10. С. 273—288.

Tabaszewska J. Przestrzeń w literaturze. Zmiany w jej obrazowaniu na przykładzie poezji Bolesława Leśmiana, Juliana Przybosa i Stanisława Barańczaka // *INTERLINIE. Interdyscyplinarne Czasopismo Internetowe*. 2011. Т. 2. №1. С. 76—83.

Маркеры городского текста на примере романа П. Хюлле «Вайзер Давидек»

Шишканова Нина Константиновна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматривается роман польского автора Павла Хюлле «Вайзер Давидек» с т. з. городского текста. Приводится определение локального текста как категории городского пространства, в которой само пространство, персонажи городской истории, всевозможные изменения в определённый момент времени наделяются определёнными смыслами и оценками, присущими той или иной культуре.

Отталкиваясь от этого определения, нами был проведен анализ гданьского городского текста. Посредством анализа художественного текста были выделены основные маркеры городского текста: упоминание конкретных топонимов (река Стрижа, пляж в Елиткове и др.), маршруты героев, погода (ужасная духота в июле), состояние природы («рыбный суп» вместо воды) и окружающего мира в целом, а также образы-символы (напр., море, лес или комета, от которой «ничего хорошего ожидать не приходится»). Также был выдвинут тезис, что выбор места действия романа зачастую обусловлен факторами культурной ценности города, что в случае с Гданьском подтверждается его многовековой и запутанной историей и особым отношением поляков к нему.

Новизна доклада заключается в том, что в нем рассматриваются маркеры городского текста в отношении именно романа Хюлле «Вайзер Давидек», что позволяет достигнуть цели работы, которая заключается в рассмотрении одного из городских текстов польской культуры и выявлении его особенностей. Материалом является переведенный на русский язык роман Хюлле «Вайзер Давидек» [Хюлле, 2003].

Источниками для доклада стали также статьи, которые посвящены понятию «городской текст», введенному В. Н. Топоровым в 1973 г. [Топоров, 2003: 368—369]; роману Хюлле и истории Гданьска. Основным методом исследования является анализ, помимо которого также использовались описательный и сопоставительный методы. Результатом исследования является выполненный анализ гданьского городского текста, что позволяет выдвинуть вариант типологии маркеров городского текста и в дальнейшем развить ее с опорой на другие локальные тексты.

Литература:

Топоров В. Н. Петербургские тексты и петербургские мифы (Заметки из серии) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 368—400.
Хюлле П. Вайзер Давидек. СПб., 2003.

Сербские пословицы с лексическими компонентами «вино» и «виноградник»

Винихина Маргарита Михайловна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

На территории современной Сербии виноград и, соответственно, само искусство виноделия распространены ещё со времён Римской империи. Благодаря широкому спектру применения это растение и продукты из него являются важной частью традиционной сербской культуры, что, естественно, отражается, в частности, во фразеологии и паремиологии. Виноград как растение и вино как напиток стали частью повседневности сербского народа и его менталитета. Территория, на которой произрастает виноград — виноградник — в национальном подсознании всегда считалась магической, защищённой от нечистой силы. Несомненно, эти представления закрепились и в языке в качестве устойчивых единиц и фольклоре.

Однако, лингвистических исследований понятий «вино» на материале славянских языков немного, в отличие, напр., от романских языков. Цель настоящего доклада заключается в том, чтобы сделать обзор, проиллюстрировать и проанализировать, как лексико-семантическое поле «вино» и связанное с ним понятие «виноградник» отражены в сербских пословицах, и как эти пословицы, в свою очередь, отражают картину мира сербского народа.

Основным источником для исследования послужил словарь Вука Караджича, изданный в 1849 г., в который он включил богатейшее по своему количеству и значимости для культурологии собрание пословиц и поговорок. Методом сплошной выборки нами было отобрано и проанализировано некоторое количество самых иллюстративных для нашей темы пословиц.

В результате анализа отобранного нами пословичного материала можно сделать вывод о неоднозначном отношении сербского народа к вину. С одной стороны, положительный факт: вино — это обязательный атрибут повседневной жизни, оно поддерживает в трудные минуты и дарит веселье в праздничные дни, с другой — отрицательный: его употребление сверх меры ведет к негативным последствиям. Однако, в пословицах с компонентом «виноградник» труд по выращиванию винограда представлен как очень тяжёлый, при котором необходимо затратить много сил и времени, а также рискованный, поскольку результат этого труда неизвестен, хотя любой результат, очевидно, стоит усилий, и человек будет вознаграждён за свои старания.

Литература:

Караџић Вук. Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи. Беч, 1849.

Оташевић Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Београд, 2012.

Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1962.

Толстой И. И. Сербохрватско-русский словарь. Москва, 1970.

Перевод и популяризация сербской литературы в российской периодике (на материалах выпусков журнала «Иностранная литература» за 1991—2023 гг.)

Игнатъев Дмитрий Юрьевич

магистрант 2 курса

Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова

Перевод — одна из ключевых форм генетико-контактных связей между национальными литературами [Дюришин, 1979]. П. М. Топер утверждал, что переведенное произведение представляет научный интерес в т. ч. и как объект принимающей культуры: его анализ зачастую позволяет глубже понять литературные тенденции своей страны [Топер, 2000].

Цель данного исследования — выявление основных принципов популяризации сербской литературы в журнале «Иностранная литература» в постсоветский период (с 1991 по 2023 гг.). Новизна работы определяется тем, что в ней впервые подробно анализируется специфика отбора и представления читателям переводов произведений сербских писателей в одном из крупнейших российском литературном периодическом издании.

В качестве теоретической базы исследования были использованы классические компаративистские труды Д. Дюришина, П. М. Топера, а также статьи А. Г. Шешкен. Материалом для практического изучения стали выпуски ежемесячного журнала «Иностранная литература», поскольку задача этого издания — первым знакомить читателей с переводами новых произведений зарубежных авторов. В рамках исследования были систематизированы переводы сербских произведений (1991—2023 гг.) и проанализированы особенности отбора текстов для публикации, а также идейно-тематическое содержание критических статей, которые презентовали сербских авторов аудитории издания.

В результате исследования было выявлено, что в номерах журнала этого периода прослеживается устойчивый интерес к сербскому постмодернизму. Его лидер Милорад Павич стал самым публикуемым сербским автором в журнале за всю его историю (12 произведений). При этом редакция «Иностранной литературы» активно популяризовала и творчество наследников постмодернистской традиции Павича — его жены Ясины Михайлович и Горана Петровича.

На фоне запроса на постмодернизм на страницах журнала были напечатаны произведения писателей-экспериментаторов, которые являются предшественниками Павича, — Данило Киша, Боры Чосича, Борислава Пекича, Радослава Братича и др. Публикация этих авторов в журнале в постсоветский период, с одной стороны, стала возможной из-за отхода российской литературы от эстетики соцреализма. С другой стороны, влияние оказала либерализация общественно-политической жизни в России: Д. Киш и Б. Пекич активно выступали против социализма.

Традиция сербской реалистической литературы представлена в журнале произведениями Момо Капора — автора, который прошел творческую эволюцию от молодежной беллетристики до серьезной документальной и исторической прозы о югославском кризисе 1990-х гг.

Среди переводов сербской литературы в журнале долгое время доминировала художественная проза. Составить впечатление о национальной лирике (Владимир Ягличич, Здравко Кецман), драме (Александр Попович), эссеистике (Вида Огненович), документалистике (Иво Андрич) можно было только по единичным текстам. Но в ноябре 2015 г. редакция «Иностранной литературы» издала спецвыпуск, посвященный Сербии. Этот номер фактически является антологией произведений современных сербских авторов (Горан Петрович, Давид Албахари, Драган Великич, Стеван Раичкович, Иван В. Лалич и др.), в нем широко представлены национальные тексты разных жанров и родов литературы.

Литература:

Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979.

Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2000.

О лексико-семантических аналогах вариантных образований в сербском и хорватском языках

Быченко Алина Алексеевна

аспирант

Военный Университет Министерства Обороны Российской Федерации

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить и описать аналогии вариантных образований сербского и хорватского языков на лексико-семантическом уровне с учетом социально-исторических условий их формирования, поскольку характер литературных языков сербов и хорватов во многом определяется особенностями их исторического развития и функционирования в неоднородной этнокультурной среде под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Материалом исследования послужили параллельные тексты статей сербских и хорватских интернет-порталов, а также толковые словари сербского и хорватского языков. Автор использовал системно-функциональный подход к изучаемым объектам и применил такие методы, как: сравнительно-сопоставительный анализ параллельных текстов и контекстуальный анализ текстов.

Результаты исследования показали, что этнолингвокультурные расхождения в элементах языковых структур между сербским и хорватским литературными языками проявляются на всех языковых уровнях, однако наиболее ярко различия проявляются преимущественно на лексическом уровне, поскольку именно лексика представляет собой наиболее богатую и разнообразную подсистему языка.

На лексико-семантическом и частично морфологическом уровнях выделяются два основных вида эквивалентных или вариантных противопоставлений лексических единиц:

— лексические единицы, обнаруживающие полные или частичные расхождения в плане содержания при общности в плане выражения (*лексико-семантические дивергенты*);

— лексические единицы, обнаруживающие полные или частичные расхождения в плане выражения при общности в плане содержания (*лексико-семантические аналогии*). Как дивергенты, так и аналогии могут быть односторонними и двусторонними.

В данной работе мы подробно рассмотрим некоторые двусторонние аналогии на лексико-семантическом уровне, которые относятся к общеупотребительной лексике.

Так, напр., лексическая единица, которую можно перевести на русский язык как 'ножницы', представлена в сербском толковом словаре как *маказе* [Речник српскога језика 2011: 656], а в хорватском как *škare* [Veliki rječnik hrvatskoga standardnog jezika 2015: 1519]. Очевидно, что вариативные единицы имеют расхождение в плане выражения, однако в плане содержания совпадают. Рассмотрим пример употребления двустороннего аналога *маказе* и

škare в сербских и хорватских СМИ: «За ovaj posao bile su im potrebne *маказе*, фломастери, бојице, лепак...» [Политика] (срп). «Trogodišnjak tijekom noći od roditelja tražio *škare*, oni se šokirali kad su shvatili zašto ih je trebao.» [Večernji list] (hrv).

Многие сербские лингвисты рассматривают хорватский язык как региональную разновидность сербского языка. Хорватские же лингвисты рассматривают сербский и хорватский литературный язык как отдельные, самостоятельные языки. Для большинства хорватов хорватский язык автономен по отношению к сербскому. Но все же и одни и другие признают штокавскую диалектную основу литературных языков сербов и хорватов.

Литература:

Речник српскога језика. Нови Сад, 2011.

Veliki rječnik hrvatskoga standardnog jezika. Zagreb, 2015.

Политика. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/426944/Y-сусрет-ускршњим-празницима> (дата обращения: 25.01.2024).

Večernji

list.

URL:

<https://www.vecernji.hr/vijesti/trogodisnjak-tijekom-noci-od-roditelja-trazio-skare-oni-se-sokirali-kad-su-shvatili-zasto-ih-je-trebao-1734788> (дата обращения: 25.01.2024).

Отражение исторической памяти в стихотворении «Кровавая сказка»

Десанки Максимович

Швецова Анастасия Максимовна

магистрант 1 курса

Белорусский государственный университет

Исследование представляет собой глубокий литературоведческий анализ творчества Десанки Максимович, выдающейся сербской поэтессы XX в. Отмечается её вклад в развитие национальной и мировой литературной традиции. Новизна исследования заключается в мультиаспектном анализе творчества Максимович, отдельное внимание уделяется патриотическим, историческим и национальным мотивам, которые особенно ярко представлены в её стихотворении «Кровавая сказка». Целью настоящего исследования является осмысление того, как через художественную палитру творчества поэтессы проецируются темы национальной идентичности и исторической памяти сербского народа, вследствие чего эти понятия приобретают новые смыслы и интерпретации.

Материалом для данного исследования послужили поэтические произведения Десанки Максимович, в частности, её наиболее известное стихотворение «Кровавая сказка» и его перевод на русский язык, реализованный русским писателем, публицистом и литературоведом Юрием Михайловичем Лощицем.

В качестве источников использовались публикации литературных критиков, сборники переводов и исторические документы, относящиеся к периоду Второй Мировой войны в Сербии. Методы исследования представляли собой литературный анализ, позволяющий глубоко проникнуть в интертекстуальное содержание и стилистические особенности произведения, а также культурно-исторический подход, акцентирующий внимание на социокультурном контексте времени.

Исследование показало, что творчество Десанки Максимович играет значимую роль в формировании и сохранении национальной идентичности сербского народа. Стихотворение «Кровавая сказка», основанное на реальных событиях убийства невинного населения в Крагуеваце в 1941 г., выступает ярким примером использования литературы как средства сохранения коллективной памяти о трагедиях прошлого. Работа Максимович оказывает влияние не только на сербскую, но и на мировую культурную парадигму,

демонстрируя то, как литература может служить инструментом мощного эмоционального воздействия.

Славяно-германская компаративистика

Перевод иноязычных вкраплений в художественном тексте (на материале сборника рассказов Шкворецкого «Prima sezóna»)

Федорова Дарья Сергеевна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются аспекты, связанные с переводом иноязычных вкраплений, встречающихся в сборнике рассказов Йозефа Шкворецкого (Josef Škvorecký) «Сезон что надо» (чеш. «Prima sezóna») с чешского языка на русский. В работе, в первую очередь, используется перевод, выполненный О. В. Акбулатовой, а также учитывается перевод В. А. Каменской.

В исследовании представлен краткий обзор современных исследований, касающихся классификации иноязычных вкраплений, встречающихся в художественных текстах, а также рассмотрены способы перевода таких единиц с т. з. их функциональной адекватности.

Шкворецкий, эмигрировавший сначала в США, а затем в Канаду в 1968 г., как и большинство чешских писателей-эмигрантов первой волны, продолжает творчество на родном чешском языке, но иногда лексический запас его произведений расширяется с помощью иноязычных вкраплений. Иноязычные вкрапления в тексте Шкворецкого можно разделить на несколько тематических групп: 1) имена собственные (марки магазинов, названия ресторанов, песен и т. д); 2) иноязычные цитаты из других реально существующих произведений искусства; 3) единичные заимствования; 4) полностью иноязычные реплики персонажей, необходимые для передачи их национальной принадлежности. В 2001 г. вышел сборник работ чешских писателей, составителем и переводчиком которого была Виктория Каменская. В этом сборнике был впервые опубликован перевод первой главы из книги «Prima sezóna». В 2008 г. вышел полный перевод книги, выполненный Ольгой Акбулатовой. Как отмечают исследователи, создавая перевод, Акбулатова опиралась на перевод Каменской, но между двумя переводами существуют значительные отличия, которые и исследуются в докладе. В докладе анализируются методы передачи иноязычных вкраплений в переводе на русский язык с т. з. сохранения художественного замысла автора. Напр., Акбулатова при работе с иноязычными вкраплениями чаще всего сохраняет оригинальное иноязычное слово или реплику, вынося при этом перевод в сноску. В то же время переводчица прибегает к транскрипции или применяет различные синтаксические трансформации для адекватной передачи вкрапления (напр., «Но он был проходимец — Ein Helunke» ср. с «Ale byl to lump. Ein Helunke»). Общепринятые, вероятно, знакомые русскому читателю культурные явления, такие как названия песен и цитаты из них, Акбулатова не переводит, оставляя их оригинальное написание.

Литература:

Škvorecký Josef. Prima sezóna: text o nejdůležitějších věcech života. Kanada, 1975.
Шкворецкий Й. Сезон что надо. СПб., 2008.

Особенности перевода пословиц и поговорок «Бабушки» Божены Немцовой на иностранные языки (русский и английский)

Плакидина Елизавета Сергеевна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются стилистические аспекты, касающиеся перевода произведения Божены Немцовой (Božena Němcová) «Бабушка» («Babička») с чешского языка на английский (пер. выполнен Frances Gregor) и русский языки (пер. выполнен Э. Г. Петровской).

Внимание автора уделено фразеологии, особенно пристально рассматриваются пословицы и поговорки, характерные для чешской культуры и способствующие лучшему пониманию образа мыслей, характера и духа народа. Интерес представляют также их эквиваленты для языков перевода. Помимо сопоставления фразеологических единиц славянских языков (чешского и русского), привлекается также и материал одного из языков германской ветви (английский), что актуально для дальнейших исследований в области сравнительного языкознания. Более того, в докладе представлен анализ сохранения идейно-художественного замысла автора и адекватности восприятия рассмотренных языковых явлений при переводе с чешского языка на английский и русский языки, их воздействие на реципиента. Для реализации вышесказанного в работе будут представлены сведения об основных существующих способах перевода паремиологического фонда языка, об использовании этих методов в условиях конкретного контекста непосредственно при переводе указанного произведения.

Таким образом, исследование, проведенное в рамках доклада (сравнение пословиц и поговорок трех различных народов), дает возможность увидеть сходства и различия системы языковых средств, что, в свою очередь, содействует лучшему пониманию замысла всего произведения. В результате работы будут выявлены не только явные сходства пословиц и фразеологических единиц, но и различия, характерные для трех представленных культур, что одновременно представляет большую сложность и вызывает повышенный интерес как переводчика, так и исследователя.

Литература:

Němcová Božena Babička. Praha, 1855.

Немцова Б. Бабушка. Прага. 1871.

Nemec B. The Grandmother. Chicago, 1891.

Конструкция «хотел было... но/да» в переводах на чешский и английский языки

Аткарский Егор Васильевич

студент 2 курса

Московский государственный лингвистический университет

В современном русском языке существует конструкция «хотел было сделать, но/да не сделал», которая интересна тем, что, в отличие от более распространённого «хотел сделать, но не сделал», обозначающего действие в прошлом, она выражает крайнюю степень готовности совершить какое-либо действие, прерываемое в последний момент, или обозначает такое действие в прошлом, которое отстоит от настоящего момента на меньший промежуток, чем выражаемое второй упомянутой конструкцией. В данной работе нами

было рассмотрено, каким образом эта конструкция передаётся на разные языки, а именно: на чешский и английский. Нами установлены особенности перевода данной конструкции, связанные с различными языковыми средствами и прослежены возможные переводческие стратегии. Конструкция являет собой пример деграмматикализации: в старославянском и древнерусском языках существовало давнопрошедшее время (плюсквамперфект), которое образовывалось при помощи спрягаемой формы глагола «быть» в аористе или имперфекте и «элевым» причастием смыслового глагола. Пример употребления конструкции «хотел было... но/да...»: *Завхоз хотел было возразить и даже открыл рот, но ничего не сказал и принялся записывать* (И. А. Ильф, Е. П. Петров. «Широкий размах»; пример взят из Национального корпуса русского языка). В ходе работы был проведен сравнительный анализ художественных текстов на русском, чешском и английском, в ходе которого нами были отобраны эквивалентные конструкции, использованные для передачи русского «хотел было... но/да...». После проделанной нами работы можно сделать следующие выводы: во-первых, в проанализированной выборке прослеживается тенденция: русский перевод стремится обособиться от конструкций английского языка. Переводчики чаще передают смысл более естественными для русского языка конструкциями, в то время как чешский перевод старается быть ближе к оригиналу (если переводится английский текст). Во-вторых, становится видно, что английский перевод разнообразнее чешского по лексическим конструкциям, т. к. в нём отсутствует устойчивое выражение «хотел было... но/да...», поэтому его можно передать разными глаголами. Чешский язык по грамматической и лексической структуре схож с русским, что объясняется близким родством языков. Причём как в чешском языке, так и в английском не используются формы плюсквамперфекта, значение передается в основном лексическими средствами. С т. з. грамматики можно сделать следующее замечание: продолжительность ситуации (*хотел было*) в чешском языке выражается глаголами несовершенного вида (*chtěl*), в английском — конструкциями, требующими после себя форму герундия. Причём в русском и чешском языках это значение реализуется в модальном глаголе, а в английском — в смысловом. Однако в английском языке продолжительность не всегда выражается грамматически (конструкции, которые требуют после себя полную форму инфинитива). В-третьих, интересно подчеркнуть, что для выражения противительного союза «но» и в английском, и в чешском переводах кроме эквивалентных *but* и *ale* используются слова *when*, *když* («когда, если»). В целом нами не было обнаружено дополнительных оттенков значений в чешском и английском языках при передаче конструкции «хотел было... но/да».

Литература:

Сичинава Д. В. Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с было по корпусным данным // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 362—396.

Пословицы-стереотипы пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» и их перевод на английский язык

Столярова Екатерина Сергеевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что в ходе исследования применены методы компаративного и дескриптивного анализа русских пословиц из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» [Грибоедов, 1987] и их передача в британском художественном переводе сэра Б. Пареса в 1925 г. [Griboyedov, 2017]. В ходе сопоставления исходного текста (на русском языке) и текста перевода (на английском языке) будут

рассмотрены способы перевода, а именно эквивалентный и описательный, а также будет уделено внимание непереводаемости отдельных паремиологических и фразеологических единиц вследствие отсутствия похожих понятий и явлений в обоих языках. В качестве анализируемого материала будут взяты следующие пять пословиц из исходного текста и текста перевода: *Счастливые часов не наблюдают* [Грибоедов, 1987: 58] — *Who notes, in happiness, how time is flying* [Griboyedov, 2017: 28], *Грех не беда, молва не хороша* [Грибоедов, 1987: 63] — *It's not the doing wrong; it's what they say that matters* [Griboyedov, 2017: 38], *И дым Отечества нам сладок и приятен* [Грибоедов, 1987: 69] — *Even your country's smoke, how sweet it is, how homely* [Griboyedov, 2017: 50], *Служить бы рад, прислуживаться тошно* [Грибоедов, 1987: 76] — *To serve — all right; servility — disgusting* [Griboyedov, 2017: 62] и *Свежо приданье, а верится с трудом* [Грибоедов, 1987: 77] — *'Tis hard to credit now, though fresh is its renown* [Griboyedov, 2017: 64]. В результате выполненной работы будут подробно описаны рассмотренные в исследовании способы перевода и даны рекомендации в соответствии с выводами для продолжения изучения поставленного вопроса в стилистическом и паремиологическом аспекте. Теоретическая база настоящей работы опирается на труды А. В. Федорова, заложившего основы теории художественного перевода в СССР [Федоров, 2002], и Г. Л. Пермякова, который впервые ввел в научный лексикон понятие «паремиологический минимум» [Пермяков, 1988].

Литература:

- Грибоедов А. С. Сочинения в стихах. Л., 1987.
Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988.
Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб., 2002.
Griboyedov A. Woe from wit. Montpelier, 2017.

Антропонимы в составе фразеологических единиц английского, французского, русского и польского языков

Абрамкина Александра Сергеевна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Целью данного исследования является анализ происхождения фразеологических единиц с компонентом-антропонимом в английском, французском, русском и польском языках. Актуальность темы обусловлена тем, что наличие общности во фразеологии разных языков помогает носителям различных культур лучше понять друг друга, а изучение фразеологических единиц, уникальных для определенной культуры может помочь лучше понять историю и традиции данного народа. Источниками материалов послужили следующие словари: «Англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина [Кунин, 2007], «Новый большой французско-русский фразеологический словарь» под редакцией В. Г. Гака [Гак, 2006], «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко и Л. И. Степановой [Бирих и др., 1998] и «Польско-русский фразеологический словарь» К. М. Гюлумянц [Гюлумянц, 2004]. В ходе исследования были отобраны фразеологические единицы с антропонимом, которых оказалось менее сотни в каждом словаре, общий объем которых включает несколько тысяч выражений. Далее было рассмотрено происхождение этих фразеологизмов и выявлено, что наиболее часто источником антропонимов во фразеологии является Библия и такие фразеологизмы как, напр., *Ноев ковчег* присутствуют во всех рассматриваемых языках. Также общими для разных языков являются некоторые фразеологизмы, восходящие к античной мифологии, напр., *Ахиллесова пята* и к именам реальных личностей, хотя

некоторые выражения основаны на не вполне достоверных представлениях о них. Нет точных сведений, произнес ли Цезарь фразу, похожую на *И ты, Брут!*, или не успел сказать вообще ничего. Источником данного выражения в английском языке в форме *Et tu, Brutus!*, некорректной для латыни, является пьеса Шекспира «Юлий Цезарь», откуда эта фраза распространилась и в другие языки [Бирих, 1998].

Таким образом, в случае с прецедентными текстами и именами присутствуют как фразеологизмы, характерные для данного языка, так и укрепившиеся заимствования из зарубежной культуры. Напр., Варфоломеевская ночь из истории Франции, стала символом массового избиения не только во французском, но и в русском языке. Подобное влияние более заметно со стороны западных языков на славянские. Во французском языке также встречаются фразеологизмы, образовавшиеся из рифмованного сленга, в которых имя само по себе не несет смысловой нагрузки, напр., *Ça colle, Anatole!* означает ‘все в порядке’. Имя Анатолий создает видимость обращения в рифму с началом фразы, даже если на самом деле собеседника зовут иначе. В русском языке рифмовка более характерна для пословиц и поговорок, и присутствие имен в некоторых фразеологизмах, на первый взгляд, немотивированное, объясняется тем, что данное выражение образовано от сокращения изначальной фразы, напр., *Затвердила сорока Якова (одно про всякого)* [Бирих, 1998].

Таким образом, хотя большее количество фразеологизмов с компонентом антропонимом происходят из Библии и являются общими для разных языков, можно найти также случаи заимствования прецедентных имен из одного языка в другой.

Литература:

- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.
Гак В. Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М., 2006.
Гюлюмянц К. М. Польско-русский фразеологический словарь: в 2 т. Т. 1. А—М. Минск., 2004.
Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 2007.

Концепт «смерть» в украинской и немецкой фразеологии

Левченко София Ивановна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Понятие «смерть» рассматривается в научных и ненаучных сферах деятельности человека на протяжении многих веков. В речи человека смерть отображается как отдельное явление и как результат жизнедеятельности живых существ, что маркируется использованием фразеологизмов. Цель доклада — проанализировать фразеологизмы с компонентом «смерть» и обозначающие «смерть» в украинском и немецком языках. Материалом исследования послужили фразеологические единицы, отобранные методом сплошной выборки из фразеологических словарей украинского и немецкого языка. Актуальность обусловлена повышенным интересом к антропологическим исследованиям, в частности к изучению концепта «смерть» на уровне вербальной репрезентации и в рамках межкультурных связей. Выяснено, что смерть в биологическом понимании рассматривается как прекращение жизнедеятельности, исчезновение жизненных признаков в организме, умирание клеток, постепенное угасание жизненных сил человека или другого живого существа. Биологическая смерть может быть вызвана рядом причин, среди которых следующие: болезнь — *облягти на смертній постелі*, опасная ситуация — *життя обірвалося (перервалося)*, насилие — *обіrvatи життя чие / vom Leben zum Tode bringen*, а также может иметь неполное проявление, описываемое как смертельная угроза жизни —

коло смерті ходити. Фразеологизмы, обозначающие биологическую смерть, составляют больше 60% от общего количества зафиксированных единиц. Смерть рассматривается не только как биологическое явление, т. к. вера и культура людей аккумулируются в наивных абстрактных образах, что позволяет рассмотреть смерть в рамках лингвокультурологического аспекта. Появляется возможность рассмотреть смерть не с точки зрения исчезновения тела, как это рассматривает биология, а с точки зрения новой «жизни» после смерти, описания этого находим в религиозных и философских трудах. Напр., фразеологическая единица *іти в далеку дорогу*, где смерть воспринимается не как конец, а как процесс, который является неким продолжением жизни (т. к. компонент «дорога» ассоциируется именно с жизнью), а в единице *розлука з душею* отображается христианское верование в наличии души и сепарировании души с телом во время смерти. Смерть рассматривается и в качестве мифологического существа, в частности, во фразеологизмах зафиксировано описание внешнего вида смерти — *смерть стоїть з косою за плечима*. Также зафиксирована явная персонификация смерти, а именно наделение возможностью совершать действия подобно живому существу, напр., *смерть занесла гостру косу, забула смерть, смерть заглядає*. Философия рассматривает смерть как вечный вопрос о бытии, конце жизненного пути, осмыслении смерти как необратимого явления, что отражается в единицах *спати вічним сном, вічний спокій*. Фразеологизмов данной группы насчитывается меньше 40% от общего количества зафиксированных единиц. Подводя итоги, можно констатировать, что в сознании людей смерть воспринимается не только как биологическое явление. Смерть объясняется также через призму философии, религии, мифологии, что вербально отражается в устойчивых словосочетаниях.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Лексикология (романо-германская филология)

Актуализация сем прилагательных *grün* и *nachhaltig* в составе коллокаций и проблема ёмкости значения

Хахалева Татьяна Владимировна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель исследования состоит в анализе актуализации семного состава прилагательных *grün* и *nachhaltig* в различных типах коллокаций, а также в освещении проблемы ёмкости значения. Анализ выполнен на материале 43 статей про экологию и устойчивое развитие с привлечением метода словарных дефиниций. Источник статей — мультилингвальный портал deutschland.de. **Новизна** исследования заключается в изучении лексического функционирования прилагательных *grün* и *nachhaltig* как составных элементов коллокаций в дискурсе устойчивого развития. Концепт зелёного цвета как часть цельновоспроизводимых единиц уже исследовался, однако объектом исследования выступили фразеологизмы, и акцент был сделан на способности цвета отражать характерные черты мировосприятия [Зольникова, 2009: 92]. В ходе исследования выявлено, что в дискурсе устойчивого развития в прилагательном *grün* наиболее часто актуализируются семы «зелёный цвет», «экологичные технологические решения», «концепты, связанные с экологией». Явно наблюдается дополнительная актуализация семы «зелёный цвет» в группе предметных метафор, для которых на первый план выходит сема «концепты, связанные с экологией», напр., *grünes Band* ‘зелёный пояс’ и *grüne Brücke* ‘зелёный мост’. Словосочетания в данных примерах обозначают образы, которые сознание легко визуализирует. Менее ярко рассматриваемая сема реализуется при ведущей семе «экологичные технологические решения», для которых так же, как и для первой группы, характерна предметность: *grüner Stahl* ‘экологически чистая сталь’, *grüner Wasserstoff* ‘зелёный водород’. Наименее заметно основное значение прилагательного *grün* реализуется при актуализации семы «концепты, связанные с экологией», однако гораздо меньшая активность этой семы обуславливается тем, что в основе коллокаций лежат абстрактные и чувственно не воспринимаемые понятия: *grüne Zukunft* ‘зелёное будущее’, *grüne Wende* ‘зелёный поворот’. Кроме того, выявлен особый случай, совмещающий два возможных варианта толкования — *grünes (Green) Sofa* ‘зелёный диван’. Для прилагательного *nachhaltig* вычленение сем не может быть произведено так же легко, как для прилагательного *grün*. В случае с *nachhaltig* мы имеем дело с ёмкостью значения — явлением, при котором в слове содержится такое множество сторон, что к нему трудно даже подобрать объяснение внутри исходного языка [Павлова, Светозарова, 2015: 90]. Данная особенность осложняется и тем, что к разнообразию сторон часто добавляется эмоциональная окраска, что определяет функционирование прилагательного *nachhaltig* как лозунгового слова, способного вместить в себя полноценную политическую программу [Schröter, 2015: 396]. Таким образом, нам удалось осветить особенности актуализации сем прилагательных *grün* и *nachhaltig*: различную степень реализации основного значения цвета в случае прилагательного *grün* и одновременность реализации множества четко не выделяемых сем у прилагательного *nachhaltig*, являющуюся следствием ёмкости значения.

Литература:

Зольникова Ю. В. Цветообозначения во фразеологической картине мира немецкого и русского языков // Вестник ЧелГУ. 2009. №30. С. 88—93.

Павлова А. В., Светозарова Н. Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода. СПб., 2015.

Schröter M. Besondere Wörter III: Schlagwörter in der öffentlich-politischen Auseinandersetzung. *Handbuch Wort und Wortschatz*. Berlin; München; Boston, 2015.

Коллокации с лексемой *nachhaltig* в немецком предвыборном дискурсе (на материале партийных программ)

Сеничева Мария Тимофеевна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Лингвистические особенности предвыборной коммуникации исследуются в работах М. Венгелера (2021), М. Кранерт (2021), К. Кук (2021), К. Шписс (2021), И. Е. Езан (2022) и др. Одним из ракурсов исследования является функционирование ключевых слов, содержащихся в письменных текстах, созданных в период предвыборных кампаний.

Материалом данного исследования послужили предвыборные программы правящих политических партий Германии ХДС/ХСС (CDU/CSU), СдПГ (SPD), Зелёные (Die Grünen) и СвПД (FDP) за 2021 г.

Цель исследования заключается в определении и характеристике частотных коллокаций с лексемой *nachhaltig* и контекстов её употребления в рамках немецкого предвыборного партийного дискурса. Корпус анализируемых текстов, сравнительный анализ коллокаций ключевого слова *nachhaltig*, а также использование многоуровневой методики лингводискурсивного анализа DIMEAN составляют научную новизну данного исследования. В работе применяется дискурсивно-аналитическая методология, метод корпусного анализа с помощью инструментов автоматической обработки текстовых данных AntConc, а также метод контекстуально-семантического анализа.

Лексема *nachhaltig* кодифицирована в словаре DWDS в общем значении *lange nachwirkend, andauernd, stark* (рус. 'оказывающий длительное воздействие, продолжительный, сильный') [DWDS]. Следует отметить, что лексема *nachhaltig* кодифицирована в словаре Duden и др. [Езан и др., 2023: 82]. В исследованных предвыборных программах лексема *nachhaltig* актуализируется в нескольких значениях и выступает в роли ключевого слова. Напр., в ряде работ лексема *nachhaltig* исследуется как ключевое слово в программах консервативной партии ХДС/ХСС и либеральной партии СвДП [Езан, 2022: 381—382], результаты лингвистических наблюдений свидетельствуют об актуальности данной тематики в политическом дискурсе Германии.

В результате проведенного исследования были установлены частотные коллокации и сферы их контекстуализации в проанализированных текстах партийных программ. Так, в предвыборной программе Зелёных лексема *nachhaltig* встречается преимущественно в контекстах, связанных со сферой образования, экономики и социальной политики. В партийной программе ХДС/ХСС частотными коллокациями являются сочетания лексемы *nachhaltig* со следующими лексемами: *Wachstum* 'рост', *Entwicklung* 'развитие', *Landwirtschaft* 'сельское хозяйство', *Mobilität* 'мобильность' и др.

Изучение данного типа текста является перспективным, поскольку позволяет сделать общие выводы о динамике общественно-политического развития и социально-политических проблемах, которые отражаются через использование лексем, тематически относящихся к вокабуляру устойчивого развития.

Литература:

Езан И. Е. Лексико-семантические особенности предвыборного партийного дискурса Германии (на примере немецких партий ХДС/ХСС и СвДП) // Тезисы 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. СПб., 2022. С. 381—382.

DWDS. URL: [https://www.dwds.de/wb/nachhaltig#:~:text=nachhaltig%20Adj.,%2C%20nachtr%C3%A4glich%20verhalten'%20\(16. \(дата обращения: 04.09.2023\)\).](https://www.dwds.de/wb/nachhaltig#:~:text=nachhaltig%20Adj.,%2C%20nachtr%C3%A4glich%20verhalten'%20(16. (дата обращения: 04.09.2023)).)

Jesan I., Kovtunova E., Sadovskaya E. Nachhaltigkeit in Media Crisis Discourses // Literature, Language and Computing. Russian Contribution / P. Eismont (eds.). Singapore, 2023. P. 81—82.

Немецкие коллокации в лексикографии и их лингводидактический потенциал

Петровская Елизавета Андреевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Вопрос сочетаемости лексических единиц и роли лексикализованных сочетаний в структуре языка стал активно изучаться зарубежными и отечественными лингвистами еще с середины XX в. Тем не менее, феномен коллокаций в немецком языке все еще остается не до конца изученным, даже само определение термина трактуется лингвистами по-разному.

Целью доклада является изучение фиксации коллокаций немецкого языка в современных словарях, а также их лингводидактического потенциала в аспекте преподавания немецкого языка как иностранного. Новизна заключается в том, что явление коллокаций и их типология будут рассматриваться не только с точки зрения лексикографии, но и с точки зрения лингводидактики; кроме того, коллокации в лексикографии мало изучены на материале немецкого языка.

В ходе работы проанализированы подходы к изучению данного явления в лингвистике, а также рассмотрены существующие лексикографические источники по данному вопросу. Отдельное внимание уделяется словарям коллокаций, напр., «Wörterbuch der Kollokationen im Deutschen» Уве Квастхоффа и корпусам, анализируются особенности построения этих словарей и корпусов. Так, напр., было выявлено, что в упомянутом словаре коллокации классифицированы как по синтаксическому, так и по семантическим признакам: все словосочетания сгруппированы по ключевому компоненту, т. е. разделены на группы, где основным компонентом является или существительное (*alkoholfrei* + *Bier*), или глагол (*gänzlich* + *vergessen*), или прилагательное (*hundertprozentig* + *sicher*), при этом внутри каждой коллокационной группы сохраняется в том числе и семантический порядок группировки. Напр., учитывается ход времени для коллокаций со словом *Denkmal*: *errichten* — *enthüllen* — *anschauen* — *sanieren* — *zerstören* ('памятник: возвести — открыть — осмотреть — отреставрировать — разрушить').

Во второй части доклада анализируются коллокации как единицы вокабуляра в контексте преподавания немецкого языка как иностранного. Важной задачей стало исследование потенциала лексикографических источников для лучшего обретения учащимися лексической компетенции при обучении. Были рассмотрены как отечественные учебники немецкого языка («Wunderkinder», «Horizonte»), так и немецкие («Sicher», «Motive»), а также специальные издания от издательства «Hueber» для обучения вокабуляру. Чаще всего лексической единицей выступает отдельное слово. Напр., при разговоре о частях тела встречаются единицы *das Ohr*; *das Haar* 'ухо, волос(ы)', тогда как изучение этих слов в коллокациях (*das Haar kämmen* 'причесывать волосы') повысило бы результативность освоения лексической, коммуникативной и др. компетенций. Используются методы словарных дефиниций, дистрибутивного анализа, компонентного анализа, формализации, логического сопоставления, а также трансформационный метод.

Результаты анализа показывают: несмотря на то что феномен коллокаций и сочетаемости слов находит не очень широкое отражение в современной лексикографии немецкого языка, словари, включая специальные словари коллокаций, обладают большим лингводидактическим потенциалом. Для наглядности результатов исследования были разработаны некоторые упражнения в дополнение к существующим учебникам с уклоном на обучение сочетаемости.

Лексика немецкого непрофессионального ИТ-дискурса

Самигуллина Элина Ильдаровна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Интернет служит не только источником информации, но и одним из самых распространённых и доступных способов опосредованной коммуникации. Одним из популярных жанров интернет-дискурса является форум. К исследованию данного жанра неоднократно обращались как зарубежные, так и отечественные учёные (А. А. Селютин, М. О. Семенов, М. Л. Аранго, Л. П. Санчес).

Существует множество ИТ-форумов, на которых начинающие программисты могут активно взаимодействовать со специалистами, задавать вопросы и делиться опытом. Форум можно определить следующим образом: 1) представляет собой самостоятельный веб-сайт или раздел сайта для общения, разделенного на определенные темы, каждая из которых представлена на главной странице, 2) является полилогическим жанром, не имеющим временных рамок, 3) предполагает общение в асинхронной форме, 4) включает графический способ общения [Селютин, 2008].

Целью настоящего исследования является изучение лексики современных ИТ-текстов, ориентированных не только на профессиональную аудиторию, но и на любителей. Новизна обусловлена быстрым развитием интернет-коммуникации и дефицитом исследований, посвященных изучению лексических особенностей коммуникации неспециалистов в данной сфере. Материалом исследования являются такие блоги, как *html*, *gutefrage*, *computerhilfen* и др. При анализе языкового материала использовались метод сплошной выборки и контекстуально-семантический анализ.

Программисты-любители, как и любая другая социально-профессиональная группа, имеют свой стиль общения, свою индивидуальную культуру и свой язык. В рамках данного исследования форум рассматривается как общение начинающих профессионалов и любителей друг с другом или с теми, к кому они обращаются за профессиональной помощью.

Лексическая составляющая анализируемого непрофессионального ИТ-дискурса неоднородна. Он характеризуется использованием специальных лексических единиц из различных пластов: терминов, профессионализмов, а также разговорных выражений. Наблюдается значительное количество заимствованных лексем и аббревиатур, что упрощает общение на форумах. Данному дискурсу свойственна также экономия языка. Участники форумов употребляют более короткие варианты выражений, напр., вместо словосочетания *sich aufhängen* 'зависать' отдаётся предпочтение слову *spinnen* 'тормозить', вместо выражения *eine Auslieferung für Software oder Daten, um Fehler zu beheben* 'программа для удаления ошибок' используют одно слово *Patch* 'патч', что не препятствует пониманию смысла высказывания. Диалогичная и письменная форма коммуникации объясняет широкое применение графических изображений для выражения эмоций, использование ников при обращении друг к другу, отсутствие пунктуации, что обусловлено прежде всего экономией времени. Помимо специальной терминологии (*globale Variable*, *Hosting*, *V-Server*), язык ИТ-форумов включает в себя сокращения (*Progr.*, *Infos*, *CO*),

пиктограммы или символы (:-, -_-), метафоры (*Baum, abstürzen*), и англицизмы (*downloaden, einen breakdown machen*). Таким образом, выявленные лексические единицы свидетельствуют о периферийном положении ИТ-форумов в структуре профессионального ИТ-дискурса и заслуживают дальнейшего изучения.

Литература:

Селютин А. А. Форум как жанр виртуального общения // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 9. С. 121—124.

Историческая и жанровая стилизация в либретто Рихарда Вагнера к опере «Золото Рейна»

Гаврилюк Мария Александровна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Наследие композитора Рихарда Вагнера изучено с различных сторон: известны источники, на которые Вагнер опирался при работе над оперными либретто, исследованы сюжеты и символы в текстах, проанализированы партитуры вагнеровской драмы. Однако наблюдается практически полное отсутствие языковедческих исследований, центром внимания которых стал бы язык Вагнера и стиль его оперных либретто — в чем и состоит новизна настоящего исследования.

При создании текста либретто композитор обращался к германскому эпосу и переосмыслил немецкое культурное наследие, что должно было найти отражение в языке либретто, например, в форме стилизации; под стилизацией мы понимаем «подражание манере повествования, стилю речи и т. п., типичным для какого-л. жанра, социальной среды, эпохи и т. п.», при этом стилизация может быть жанровой и исторической [Ахманова, 2004: 454]. Цель доклада состоит в том, чтобы выделить языковые средства исторической и жанровой стилизации текста либретто Рихарда Вагнера к опере «Золото Рейна». Материалом для работы послужил полный текст либретто, проанализированный с точки зрения исторической стилистики посредством семантико-стилистического анализа и стилостатистического метода.

Анализ показал, что основным способом исторической стилизации текста является лексика; выделим следующие ее категории:

1. Лексика, значительно устаревшая к моменту написания либретто: *Nicker* в обращении Альбериха к девам Рейна (вероятнее всего, это средненижнегерманская лексема *nicker / necker*), *Wag* ‘движущийся поток воды’ — лексема употребляется в старогерманском эпосе, до XVII в. сохранялась в диалектах, и пр.

2. Лексика, устаревшая до XIX в., но вновь вошедшая в состав немецкого литературного языка в XIX в. благодаря интересу к национальному прошлому: *Minne* ‘любовь’, *hehr* ‘славный’, *Gemahl* ‘супруг’ и пр.

3. Диалектные лексемы и формы: *Geck* ‘дурак’ (нижнесаксонский диалект), *hieher* — ‘сюда’ (швейцарский диалект) и т. д.

4. Устаревшие грамматические формы — *dem Manne, dem Truge; brächten, frügen, hülfte* и т. д.

К средствам выражения жанровой стилизации отнесем парные сочетания, которые играли важную роль в устной поэтической традиции [Burger, 2001: 34]; в тексте либретто выделим несколько групп парных сочетаний:

1. Устоявшиеся парные сочетания: *Haus und Herd, Nacht und Nebel* и пр.

2. Парные сочетания, входящие в состав устойчивых выражений, но используемые в либретто в ином виде: *Ruh' und Rast* (субстантивация глаголов в устоявшемся сочетании *ruhen und rasten*) и пр.

3. Авторские парные сочетания, которые не являются устоявшимися, но по структурным признакам соответствуют им и, вероятнее всего, были намеренно введены в текст для усиления стилизации: *Wandel und Wechsel, Wehr und Wall*.

На синтаксическом уровне используются конструкции с препозитивным генетивом: *des Goldes Schlaf, meines FreiERS Pracht, der Minne Macht* и пр. В качестве средства исторической стилизации частотны дативные конструкции: *...entstand dir die ragende Burg, ...ich mir von aussen gewinne die Welt...*

Итак, Вагнер активно использует языковые средства для создания обеих форм стилизации, при этом стилизация затрагивает все уровни языка.

Литература:

Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.

Burger H. Paarformeln und Paarformen des Deutschen «revisited» — unter historischem Aspekt // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии. С. 31—57.

Наречия пространственной локализации по вертикали в датском языке

Оболашвили Алиса Левановна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Объектом исследования являются наречия пространственной локализации по вертикали в датском языке, а именно динамические наречия *op* 'наверх', *ned* 'вниз' и стативные наречия *oppe* 'наверху' и *nede* 'внизу' [Hansen, Heltoft, 2011]. Материалом исследования послужили 644 примера использования терминов пространственной локализации «op» (417 единиц), «ned» (202), «oppe» (13), «nede» (12), отобранных методом сплошной выборки в детективном романе Л. Тайлс «Pigerne fra Englandsbåden» («Девушки с английского парома»). Целью исследования был анализ наречий пространственной локализации по вертикали, их классификация и выявление особенностей их функционирования в современном датском языке. Актуальность темы обусловлена тем, что наречия данного типа часто встречаются в датском языке и вызывают проблемы при переводе и в понимании, поскольку не всегда могут быть переданы в русском. Они отражают особое восприятие пространства носителями датского языка на разных уровнях: при выполнении бытовых действий, описании микро- и макрогеографии. Классификация уровней использования данных наречий была построена на основе классификации А. Н. Ливановой [Ливанова, 1999]. В ходе исследования были также выявлены особые случаи употребления данных наречий: при метафорическом восприятии иерархии как вертикальной оси, при описании временных отношений, и т. д.

Как показывает данное исследование, наиболее частотным является использование динамических предельных наречий. Намного реже встречаются стативные наречия. Также было отмечено, что неопредельные динамические наречия оказались наименее частотными, а контексты их употребления — не такими разнообразными, как других видов пространственных наречий.

Литература:

Ливанова А. Н. О некоторых вторичных функциях терминов пространственной локализации по вертикали (На материале норвежского языка) // Скандинавская филология (Philologica Scandinavica). Вып. 6. СПб., 1999. С. 80—92.

Hansen E. Grammatik over det Danske Sprog. В. II. København, 2011.

Сравнительно-стилистический анализ библейских фразеологических единиц в английском и русском языках

Андреева Анна Сергеевна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Библейские фразеологические единицы (БФЕ) — это фразеологизмы, источником которых послужила Библия. Они могут представлять собой как точную цитату, так и обобщенный образ. В научной литературе существует несколько определений БФЕ, различающихся широтой понимания данного термина, однако в настоящем исследовании мы будем определять библеизмы как различные языковые единицы от слова до предложения и включать в их состав библейские фразеологизмы — устойчивые образования, варьирующиеся по структуре от словосочетания до предложения. Таким образом, библеизм представляет собой более широкое понятие, чем библейский фразеологизм. Эти пласты лексики пересекаются и влияют друг на друга, но не являются идентичными.

Целью данного исследования является составление корпуса английских БФЕ и их русских соответствий, отобранных методом сплошной выборки из лексикографических источников, а также сравнительный анализ данных ФЕ в аспекте функционально-стилистической маркированности в количественном и качественном отношении. При передаче БФЕ на русский язык в публицистических и художественных текстах нередко возникает ситуация, когда русское соответствие английской БФЕ имеет выраженную функционально-оценочную коннотацию и за счет этого содержащий ее фрагмент текста становится в переводе более экспрессивным, что некоторым образом нарушает стилистическую эквивалентность перевода. Нередко стилистическая маркированность связана с наличием лексического или грамматического архаизма (реже — историзма) в составе БФЕ. В связи с этим представляется актуальным изучить различия между английскими и русскими БФЕ в сравнительно-сопоставительном аспекте. В ходе работы были рассмотрены источники БФЕ в английском и русском языках, закономерности развития и современное состояние фразеологизмов, генетически связанных с Библией. Корпус исследования, составляющий 24 английских и 36 русских БФЕ, был разделен на три группы. В первую группу вошли 4 английских БФЕ, представленных стилистически не маркированным вариантом, которые имеют от двух до пяти соответствий в русском языке — с современной и архаичной лексикой в своем составе. В качестве примера можно привести пару *faith without works is dead* 'вера без дел мертва / вера без дел мертва есть'. Вторую группу составляют 4 БФЕ, где устаревшие компоненты встречаются и в английском, и в русском языках, напр., *physician, heal thyself* 'врачу, исцелися сам'. Третью и самую многочисленную группу составляют 16 пар БФЕ, где архаичный компонент присутствует только в русском соответствии. К ним относится пара *it is all shrouded in darkness* 'темна вода в облаках'.

Таким образом, проведенный анализ показал, что русские БФЕ действительно намного чаще имеют выраженную стилистическую маркированность по сравнению с английскими и за счет этого придают тексту торжественный пафос, а также могут выступать как прямая, явная отсылка к Библии. На разнице регистров современной русской

речи и архаичных церковно-славянских компонентов также может строиться прием стилистического слома. БФЕ английского языка выделяются из пласта общелитературной лексики в гораздо меньшей степени за счет большей близости современного английского языка к языку классической Библии короля Иакова, а также благодаря наличию многочисленных современных переводов, актуальность которых не подлежит сомнению.

Семантика предлога «i» в современном датском языке

Соломаха Слава Дмитриевна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен анализу семантики предлога *i* и выявлению семантических особенностей данного предлога в современном датском языке (на материале романа Сары Блэдэль «*De glemte piger*» («Забытые»)).

Актуальность темы обусловлена частотностью предлога *i*, который является самым частотным предлогом в датском языке. Кроме того, несмотря на большую роль, которую предлоги играют в датском языке, относящемся к аналитическому типу, тема семантики предлогов разработана мало. Поэтому в процессе исследования мы опирались на работы, посвященные грамматике датского языка в целом [Allan и др., 2004; Galberg Jacobsen, Skyum-Nielsen, 2007].

Материалом данного исследования послужили 1596 примеров использования предлога *i*, которые были отобраны методом сплошной выборки в тексте романа Сары Блэдэль «*De glemte piger*» («Забытые»). В работе также использовались следующие методы научного исследования: метод количественного подсчета, метод обобщения, метод классификации, семантический анализ. Анализ полученного материала проводился в рамках когнитивного подхода.

В ходе исследования значения предлога *i* были разделены на группы, соответствующие классификации Р. Золя Кристенсена и Л. Кристенсен, в рамках которой выделяется 3 типа значений предлога: пространственные (*spatiale*), временные (*temporale*) и иные / абстрактные (*andre / abstrakte*) [Zola Christensen, Christensen, 2005: 148].

Были выявлены семантические особенности каждого типа значений предлога *i*. Кроме того, проведенный анализ продемонстрировал частотность употребления предлога *i* в каждом из его значений: самым частотным оказалось пространственное значение предлога *i* (58,1% в рамках выборки данного исследования). Наиболее редко употребляющимся значением предлога *i* являются его временные значения (9,5%). Абстрактные значения составляют 32,4% в рамках данной выборки.

В исследовании была выведена модель «референт находится внутри ограниченного внутреннего пространства релятума», описывающая пространственное значение предлога *i*. Проанализированные примеры употреблений данного предлога в тексте романа продемонстрировали, что большинство значений предлога *i* можно объяснить с помощью локативных отношений между объектами. С помощью данной модели оказалось возможным объяснить все временные значения предлога *i*. Также, используя данную модель, оказалось возможным объяснить часть абстрактных значений предлога. Был сделан вывод, что пространственное значение является ядерным значением предлога *i*.

Литература:

Allan R., Holmes Ph., Lundskaer-Nielsen T. Danish: A Comprehensive Grammar. London; New York, 2004.

Galberg Jacobsen H., Skyum-Nielsen P. Dansk sprog. En grundbog. Schönberg, 2007.

Zola Christensen R., Christensen L. Dansk Grammatik. Denmark, 2005.

Грамматика (романо-германская филология)

Дистрибуция форм французских относительных местоимений — косвенных дополнений при единственном числе одушевленного антецедента

Ренко Екатерина Александровна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Большинство употреблений простых форм относительных местоимений современного французского языка не дифференцируются по одушевленности / неодушевленности антецедента. Только *qui* с предлогом в функции косвенного дополнения закрепляется за антецедентом именем лица и конкурирует в этой позиции со сложными формами (предлог + *lequel*), которые не проявляют избирательности и могут употребляться с любым антецедентом. Современные грамматические справочники не формулируют определенных критериев дифференциации форм относительных местоимений в функции косвенного объекта при одушевленном антецеденте, отдавая в большинстве случаев предпочтение *qui* с предлогом [Wagner, Pinchon, 1973]. Как показывает анализ языкового материала, наиболее четко и однозначно тенденции в употреблении форм проявляются в контекстах с антецедентом единственного числа, что определило ракурс настоящего исследования.

Было проанализировано 317 языковых примеров с относительными местоимениями косвенными дополнениями, заменяющими имя лица в единственном числе. В подавляющем большинстве случаев используется *qui* с предлогом (297 против 20 примеров с использованием *lequel / laquelle* с предлогом). Основные лексико-грамматические группы антецедентов единственного числа, описывающие лицо: имена собственные; имена нарицательные, называющие лицо; субстантивированные прилагательные, называющие лицо по его признаку; собирательные существительные со значением группы лиц; неопределенные и отрицательные местоимения; ударные формы личных местоимений; лексические средства, выделяющие лицо из группы подобных; указательные местоимения. В некоторых лексико-грамматических контекстах встречается только *qui* с предлогом. Речь идет об относительных придаточных с антецедентом, выраженным неопределенным или отрицательным местоимением (*quelqu'un; personne*), простой формой указательного местоимения (*celui / celle*). Однако в ряде контекстов возможно чередование простой и сложной форм. К таким контекстам относятся антецеденты имена собственные, имена нарицательные, называющие лицо, ударные формы личных местоимений и некоторые другие. Напр.: *Officier de tout premier ordre et à qui le plus bel avenir doit être réservé* — типичное употребление простой формы с антецедентом-именем нарицательным, называющим лицо. *Sa vie s'était arrêtée le jour où il avait vu cette femme, [...], avec laquelle il n'avait même pas échangé une parole* — сложная форма с антецедентом того же типа в сочетании с указательным детерминативом антецедента приобретает выделительное значение. *Pauvre Marie à laquelle manque le bon sens d'Apollinaire qui passait pour un écervelé et qui ne l'était pas* — вероятно, сложная форма заменяет *qui* с предлогом при антецеденте-имени собственном из-за присутствия в ближайшем правом контексте повторяющегося *qui* в функции подлежащего, облегчая, таким образом, восприятие информации декодирующим.

Таким образом, анализ языкового материала показал, что в современном языке в функции косвенного дополнения при одушевленном антецеденте единственного числа преимущественно используется *qui* с предлогом. Сложные формы единственного числа

тяготеют к неодушевленному antecedенту. Случаи их использования для обозначения имени лица единичны и обусловлены специфическими особенностями синтаксиса или стилистики высказывания.

Литература:

Wagner R.-L., Pinchon J. Grammaire du français classique et moderne. Paris, 1973.

Переводоведение (романо-германская филология)

Специфика передачи коммуникативного намерения в переводе экранизаций британских литературных сказок

Сидорова Людмила Игоревна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Известно, что создание перевода предполагает взаимодействие переводчика не только с рабочими языками, но и с культурой и психологией носителей этих языков. Так, задача любого переводчика — создать равноценный оригиналу текст, а значит, не просто подобрать эквиваленты для отдельных языковых единиц, но и с помощью средств другого языка передать замысел автора и заложенную в текст интенцию.

Цель данного исследования — проанализировать прагматические и лингвокультурологические особенности передачи коммуникативного намерения героев мультипликационных сериалов, созданных на основе литературных сказок британских писателей, в переводе с английского на русский язык. Новизна работы определяется тем, что ранее подобный анализ на материале экранизаций британских литературных сказок анималистического жанра не проводился.

Итак, методом сплошной выборки был собран языковой материал из мультипликационных сериалов — «The Adventures of Paddington Bear» («Новые приключения медвежонка Паддингтона», 1997—2000), «The Adventures of Paddington» («Приключения Паддингтона», 2001), «The Wind In The Willows» («Ветер в ивах», 1984—1988), «The World of Peter Rabbit and Friends» («Питер Пуш», 1992—1995), «The Enchanted World of Brambly Hedge» («Ежевичная поляна», 1996—2000). Собранные высказывания были проанализированы с точки зрения прагматики и компонентного состава, а затем был проведён сопоставительный анализ способов передачи коммуникативного намерения в высказываниях на языке оригинала и на языке перевода. Классификация языкового материала производилась на основе классификации речевых воздействий, разработанной Л. Л. Фёдоровой [Фёдорова, 1991: 48—50]. Корпус для исследования представлен волеизъявлениями и оценочными и эмоциональными речевыми воздействиями, поскольку именно эти речевые воздействия оказались наиболее частотны в исследуемых мультипликационных сериалах.

Анализ отобранного материала проводился на грамматическом и лексическом уровнях языка с целью установить, какими средствами переводчик передаёт коммуникативное намерение говорящего, какие переводческие трансформации проводит и градуирует ли иллокутивную силу высказывания или оставляет её на прежнем уровне. Рассмотрим один из примеров.

Very brave of you, Mr Brown! — 'И вы его не испугались, мистер Браун?' Данное высказывание относится к положительному оценочному речевому воздействию, и это — похвала, одобрение. Для сохранения коммуникативного намерения говорящего переводчик проводит ряд трансформаций. Так, на грамматическом уровне происходит частеречная замена прилагательного *brave* на глагол *испугаться* и, соответственно, меняется синтаксическая структура высказывания, при этом коммуникативное намерение говорящего сохраняется, а иллокутивная сила переводного высказывания эквивалентна иллокутивной силе оригинального высказывания. Такие трансформации обусловлены особенностями русской лингвокультуры — в частности, характерным для неё коммуникативным пессимизмом (в переводе наблюдается отрицание).

Подобным образом анализируются все собранные высказывания, что позволяет выделить наиболее употребляемые переводческие трансформации: среди лексических

трансформаций наиболее частотны замены, среди грамматических — синтаксическое уподобление и частеречные замены.

Литература:

Фёдорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. №6. С. 46—50.

Лингвокультурологический и коммуникативно-прагматический аспект в переводах британских художественных фильмов на русский язык

Волкова Елена Сергеевна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Целью данного исследования является рассмотрение лингвокультурного и коммуникативно-прагматического компонента в кинотексте в аспекте их передачи в кинопереводе, в частности, исследование переводческих решений для решения данной проблемы при переводе британских художественных фильмов на русский язык.

Материалом исследования послужил фильм «Беззаботная» (англ. *Happy-Go-Lucky*), социальная комедия британского режиссёра Майка Ли, вышедшая в 2008 г., а именно сценарий и сценарий фильма на английском языке и перевод студии Diva Universal.

На основе трудов П. Ньюмарка и Ю. Гумен была построена собственная классификация культурных реалий для рассмотрения и анализа найденных в кинофильме примеров, в которую вошли следующие типы реалий: слова, обозначающие предметные реалии; слова, описывающие ситуативные реалии; любая безэквивалентная лексика, включая «фоновую лексику»; интертекстуализмы; эталоны, стереотипы; символы, архетипы и мифологемы, закрепленные в ключевых для данной лингвокультуры словах; фразеология и паремиология; метафоры, образы; национально-специфичное в стилистическом оформлении речи; своеобразие речевого поведения и этикета.

В качестве примера рассмотрим следующую ситуацию из анализируемого фильма: *Does anyone want any toast? — Yeah. — Yes please. — With marmalade, two slices. — Yeah, I know, cut on the diagonal. — Yeah. No crust* ('Кто хочет тосты? — Два кусочка с мармеладом. — Порезанные по диагонали. — Без корочек'). Здесь продемонстрировано искажение культурной реалии, а именно элемента традиционного британского завтрака: тосты с джемом ошибочно переведены как тосты «с мармеладом».

Другой пример использования культурно-специфического понятия наблюдается в данном диалоге: *Poppy: Fantastic. What she want to do there? / Heather: Sociology. / Poppy: Lovely. / Heather: I hope she'll take a gap year. Travel.* ('Здорово. Какая специальность? — Социология. — Ей бы отдохнуть, попутешествовать'). В данной ситуации понятие *gap year*, свойственное только зарубежной культуре, передается как «отдохнуть, попутешествовать», т. е. переводчик из-за отсутствия эквивалента прибегает к описательному переводу.

В коммуникативно-прагматическом аспекте была рассмотрена фразеология, а именно передача идиоматических выражений при кинопереводе. В ходе проведенного исследования обнаружилось, что существует три основных способа их перевода: опущение — самый частотный метод, т. к. экранное время ограничивает возможности перевода (105 единиц), описательный перевод, также распространённый метод (80 единиц) и подбор эквивалента (15 единиц) — метод встречается редко, но является наиболее удачным вариантом с т. з. передачи культуры страны исходного языка. В итоге мы пришли к выводу, что при переводе фильмов рассмотрение лингвокультурного и

коммуникативно-прагматического аспекта необходимо для реализации лучшего понимания иностранных культур и повышения качества самого перевода. Однако стоит заметить, что переводчику не всегда удается подобрать удачный вариант перевода, что может привести к искажению инокультурных реалий. С другой стороны, как показал анализ, нередко видеоряд помогал улучшить восприятие и компенсировал неточности перевода реалий.

Лексико-стилистические особенности перевода субтитров с немецкого на русский язык (на материале сериала «Extr@ Deutsch»)

Горюнова Ульяна Михайловна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Целью данного исследования является изучение специфики перевода субтитров в языковой паре немецкий—русский с фокусом на лексико-стилистические особенности. Актуальность темы обусловлена появлением всё большего количества аудиовизуального материала на иностранном языке, потребителями которого становятся не только носители языка оригинального произведения, но и представители других стран, а также люди, изучающие иностранные языки, которые часто обращаются к видеоматериалам с субтитрами, в связи с чем резко возрастает необходимость качественного перевода данного вида материалов. Новизна нашего исследования заключается в выявлении особенностей лексического состава обучающего сериала с точки зрения лингвистики и перевода. В ходе исследования использовались такие методы, как сопоставительный и описательный методы, метод контекстуального анализа и др.

В качестве материала для исследования был выбран обучающий сериал «Extr@ Deutsch», в котором было выделено семь групп лексики: нейтральная лексика, разговорная лексика, формулы речевого этикета, коммуникемы, фразеологизмы, заимствования и реалии. В ходе исследования было установлено, к каким трансформациям обращался переводчик при переводе каждой группы лексики в отдельности. В группе нейтральной лексики была выделена подгруппа ситуативной лексики, поскольку обучающий сериал в первую очередь направлен на ознакомление обучающихся с лексикой, которая будет полезна в разных повседневных ситуациях (покупка в магазине, поиск работы, поездка в отпуск и др.). В результате проведённого исследования мы пришли к выводу о том, что главную сложность при переводе аудиовизуальных материалов представляет собой их поликодовый характер, т. е. аудиовизуальные материалы представляют собой синтез вербальных и невербальных компонентов, из которых и складываются смыслы, которые должны быть переданы переводчиком при помощи средств языка перевода, поэтому перевод текста (аудиоряда) в отрыве от кадра недопустим. В ходе исследования были выявлены фактические ошибки при переводе, указывающие на то, что переводчик не всегда придерживался вышеприведенного правила, а также были предложены альтернативные варианты перевода. Поскольку главным недостатком субтитров является их ограниченный во времени и пространстве характер, переводчику необходимо владеть навыком компрессии, для чего он должен уметь работать с переводческими трансформациями. При рассмотрении переводческих трансформаций, задействованных в переводе, было обнаружено, что во многих случаях они были использованы переводчиком в тех случаях, когда необходимо было сократить исходный текст для его адаптации к требованиям, предъявляемым к субтитрам. Чаще всего с этой целью были использованы такие виды трансформаций, как модуляция, конкретизация и лексическое опущение. В ходе исследования также подтвердилась гипотеза о том, что перевод субтитров в высокой степени зависит от контекста (в нашем случае — от видеоряда), что и позволило

переводчику прибегнуть ко всем перечисленным видам трансформаций для сокращения перевода.

Вопрос передачи многоязычия современного итальянского кинематографа при переводе на русский язык на примере фильма «Чудеса» Аличе Рорвахер

Дизер Диана Сергеевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Преодолев кризис последних десятилетий XX в., итальянский кинематограф современности активно развивается. Одной из центральных фигур среди молодых итальянских режиссеров является Аличе Рорвахер, второму фильму которой, «Чудеса» (2014), и посвящен доклад.

Итальянские фильмы пользуются популярностью у кинозрителей по всему миру и регулярно выходят в официальный прокат, что влечет за собой необходимость перевода и адаптации итальянской речи. Один из представляющих сложности аспектов перевода итальянских фильмов — это перевод многоязычия и многодиалектальности, с чем и связана актуальность исследования.

Цель работы составляет выявление специфики феномена киноперевода, анализ различных его видов с точки зрения обращения с многоязычием в фильме, а также определение вида перевода, наиболее точно отображающего нюансы речи персонажей для более полной передачи оригинальной идеи. В ходе работы проводилось сопоставление оригинала и двух переводов итальянского фильма «Чудеса», выполненных посредством закадрового перевода и субтитрирования. В качестве теоретической базы исследования использовались работы, посвященные русскоязычной традиции киноперевода [Горшкова, 2006], а также языковому многообразию в кинематографе Италии, где еще с XX в. было распространено явление *polyglot cinema* [Wahl, 2005]. Оригинальная версия фильма «Чудеса» также является примером подобного многоязычия, ведь при анализе речи персонажей мы встречаем три языка (итальянский, немецкий и французский), а также диалектальную вариативность внутри основного языка (стандартный итальянский и диалект). Подобное лингвистическое разнообразие объясняется географическим расположением (действие разворачивается в Тоскане) и национальностью героев фильма (итальянцы и немцы). Как оказалось, исследуемый фильм не был переведен с помощью наиболее затратного и сложного метода — дублирования. Вместо этого зрителю доступен вариант с закадровым переводом, при котором любая иностранная речь вне зависимости от языка переводится на русский. В связи с этим теряется значительная часть смысла некоторых диалогов и монологов, построенных на непонимании одного из коммуникантов той или иной реплики.

Второй вид киноперевода, субтитрирование, позволяет зрителю слышать оригинальную речь и более ясно, нежели при закадровом переводе, различать язык диалогов. Однако в данном случае при субтитрировании, как и при закадровом переводе, перевод на русский производится без указания на язык, на котором идет разговор в оригинале. Таким образом, для зрителя, не владеющего данными иностранными языками, смысл так или иначе будет искажен.

Можно сделать вывод, что с точки зрения точности передачи многоязычия субтитрирование оказывается более подходящим методом, но и в нем существуют недочеты, не позволяющие в полной мере понять авторский замысел. Так, в проанализированных переводах языковое многообразие не может быть считано широким кругом зрителей.

Следует отметить, что и наличие дубляжа не гарантирует полноценную передачу многоязычия, т. к. за переводной речью не слышится оригинал. Однако в русскоязычной традиции используется дублирование вкупе с субтитрованием для перевода речи не на основном языке фильма. Именно такой подход мог бы быть наиболее корректным решением проблемы передачи многоязычия.

Литература:

Wahl C. Discovering a genre: the polyglot film // *Cinemascope* 1. P. 1—8.
Горшкова И. Е. Перевод в кино. Иркутск, 2006.

«Now» как проблема перевода

Петренко Анастасия Олеговна

аспирант

University of Cambridge

Концептуализация настоящего времени играет важную роль в восприятии мира человеком и в классификаций знаний. Благодаря выделению настоящего момента становится возможным осознание прошлых событий, а также планирование будущего. Самым распространенным лексическим способом выражения настоящего в английском языке является наречие «now», которое передается на русский язык с помощью наречий «теперь» или «сейчас». Научная новизна исследования заключается не только в комплексном изучении семантической структуры вышеперечисленных наречий в английском и русском языках, но и в проведении сопоставительного анализа на основе параллельных текстов с целью установления различий между лексемами и определения оптимальных способов перевода «now» на русский язык. Соответственно, цель доклада — выявить основные различия значений наречий «теперь» и «сейчас», а также установить критерии их соответствия английскому наречию «now» в переводе на русский язык.

В качестве материала исследования было выбрано 100 примеров параллельных текстов на английском и русском языках на основе базы данных Национального корпуса русского языка, 50% из которых представляют «now» в переводе с помощью наречия «теперь», в то время как остальные 50% — с помощью наречия «сейчас». Для анализа материала использовались семантический, когнитивный, контекстуальный, дискурсивный и прагматический методы.

В ходе первого этапа исследования были установлены следующие семантические отличия наречий «теперь» и «сейчас»: «теперь» представляет более широкий промежуток времени, подчеркивающий контраст между настоящим и прошлым, а также в большинстве случаев обладает отрицательной коннотацией. В то время как «сейчас» тесно связано с настоящим моментом и текущим положением дел, не подразумевает контраста с событиями в прошлом и не характеризуется определенной коннотацией.

В результате дальнейшего анализа и сопоставления способов перевода наречия «now» на русский язык были выявлены следующие тенденции:

1. В 98% случаев перевод «now» с помощью лексемы «теперь» был оправдан и подчеркивал изменившееся положение дел по сравнению с прошлым: *And now that we know what we did wrong, I'm encouraging us to do it right the next time.* — *И теперь, зная, где именно мы ошиблись, я призываю сделать все правильно в следующий раз.* Единственным отклонением в 2% был перевод словосочетания «*for now*» ('на данный момент'), семантика которого предполагает связь только с настоящим моментом и не соответствует диапазону значения «теперь»;

2. В 34% примерах интерпретации «now» в качестве «сейчас» были отмечены нарушения грамматических правил русского языка и доказана релевантность

альтернативного перевода — при помощи наречия «теперь». Напр.: *So we're all public health professionals now, what do you think...?* — *Все мы сейчас профессионалы в вопросе здравоохранения.*

Таким образом, установлено, что семантическое значение наречий «сейчас» и «теперь» играет ключевую роль при определении переводческого соответствия для английского наречия «now» и подтверждает необходимость в четком разграничении данных лексем и принципов их использования.

Иронический дискурс как проблема перевода художественного произведения (на материале переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на итальянский язык)

Герасева Александра Евгеньевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель исследования — выявить степени эквивалентности перевода иронических отрывков и рассмотреть возможности адекватной передачи иронического дискурса в переводных текстах. Материалом анализа становятся роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и два его перевода, выполненные В. Дриздо и К. Гардзонио. Новизна исследования обусловлена тем, что работ, посвященных изучению переводов романа «Мастер и Маргарита» с точки зрения способов передачи авторской иронии на другие языки крайне мало, в особенности — на итальянский; актуальность же заключается в том, что произведение Булгакова не теряет своей «современности» в мировой литературе, поэтому существует необходимость рассмотрения специфики его перевода, в особенности такого сложного аспекта, как перевод иронии. В настоящей работе рассматривается иронический дискурс как «нарратив, облакающий в насмешливые формы скрываемую истину» [Александрова, 2009: 8], дается определение единицы «ирония», приводятся ее виды, а также способы и приемы ее реализаций в тексте [Ермакова, 2022]. О. П. Ермакова перечисляет различные виды иронии: ситуативную и ассоциативную, цитатную и нецитатную, явную и скрытую. Она приходит к выводу о том, что в ироническом контексте могут использоваться любые части речи. Булгаков отдает иронии структурообразующую роль в своем романе, прибегая к широкому спектру ее реализаций. В ходе работы осуществляется сплошная выборка фрагментов, содержащих иронический смысл, для дальнейшего сопоставительного анализа с вариантами перевода. В результате проведенного анализа выводятся способы достижения адекватности и эквивалентности перевода: полный перевод с незначительными лексическими и грамматическими преобразованиями, расширение исходного иронического оборота, антонимический перевод, добавление смысловых компонентов, культурно-ситуативная замена [Казакова, 2001], а также определяется степень успешности их реализации. Например, в данном отрывке: «...он [Кант] уже с лишком сто лет пребывает в местах значительно более отдаленных, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя, уверяю вас!» — используется метод полного перевода, однако, фраза «в местах значительно более отдаленных» теряет свой иронический окрас за неимением в принимающей культуре данной реалии: «in luoghi assai più remoti» [Drisdo], однако затем автор «расширяет» иронический оборот, переводя фразу «А жаль!», как «Pecato!» [ит. «рессато» можно перевести как «жаль», и как «грех»].

Таким образом, иронический дискурс видится одной из важнейших проблем художественного перевода, тем не менее, он не становится проблемой неразрешимой. Для адекватности и эквивалентности перевода иронии переводчик должен обладать не только профессиональными знаниями, но и творчески подходить к стоящей перед ним задаче. Чаще всего переводчики стараются сохранить иронию, передавая ее наиболее близким

возможным способом на своем языке, однако, иногда прибегают и к другим видам перевода, самым сложным из которых является культурно-ситуативная замена.

Литература:

Александрова А. В. Дискурс иронии в социокультурном контексте // Дискурс-Пи. 2009. №1. С. 8—10.

Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка: учебное пособие / отв. ред. Л. П. Крысин. 3-е изд., стер. М., 2022.

Казакова Т. А. Практические основы перевода. English<=>Russian. СПб., 2001.

Сравнение переводов реалий в произведениях А. П. Чехова с русского на английский и греческий язык

Деменега Афина

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Данное исследование посвящено сопоставительному анализу реалий в переводах рассказов А. П. Чехова с русского на английский язык (пер. Garnett С. Fat and Thin и Litvinov I. Vanka) и на греческий язык (пер. Ntinopoulos V. Fat and Thin и Simopoulos K. Vanka). Целью исследования является выявление особенностей передачи реалий произведений Чехова в переводах на указанные языки. Научная новизна заключается в том, что ранее сопоставительный анализ особенностей передачи реалий рассказах Чехова на материале переводов на английский и греческий языки не проводился. В ходе исследования было проанализировано 32 примера из двух произведений Чехова («Толстый и тонкий», «Ванька»), а затем был проведён сопоставительный анализ текста оригинала и переводов. Результаты анализа показывают, что транслитерация — наиболее распространённый способ передачи реалий в переводе. При этом она может сочетаться с другими способами перевода. Рассмотрим пример использования транслитерации в переводе. *Русский: Ванька свернул четверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку. Английский: Vanka folded the sheet of paper in four and put it into an envelope which he had bought the day before for a kopek. Греческий: Ο Βάνκας δίπλωσε το γράμμα στα τέσσερα και το έβαλε στο φάκελο που είχε αγοράσει την προηγούμενη μέρα ένα καλίκι. *καλίκι: ρωσικό νόμισμα.* В данном случае в задачи переводчика входит передача лексической единицы «копейка», которая является реалией и обозначает русскую монету. При переводе на английский язык используется приём транслитерации, при этом термин не объясняется, из-за чего, вероятно, реципиенту перевода непонятна данная реалия. Однако в греческом переводе слово транслитерируется, как и в английском переводе, но затем приводится объяснение данной лексической единицы в сноске, что облегчает восприятие читателя.

Еще два способа передачи реалий в переводах Чехова — заимствование и адаптация.

Русский: «Служу милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею».

Английский: «I am, dear boy! I have been a collegiate assessor for the last two years and I have the Stanislav».

Греческий: «Υπηρετώ, αγαπητέ μου! Έχω τον όγδοο βαθμό, κοντεύει δυο χρόνια τώρα. Πήρα και το παράσημο Στανισλάβα».

В данном примере переводчики используют два разных способа перевода для передачи словосочетания «коллежский ассессор». В переводе на английский язык проводится заимствование: *collegiate assessor*; т. к. оба компонента данной лексической

единицы имеют прозрачную внутреннюю форму для носителей английского языка, что облегчает понимание реалии английскими читателями. В греческом переводе проводится адаптация. Переводчик передает смысл русской реалии, используя явление, близкое к греческой культуре, чтобы он был более понятен читателям: он вводит лексическую единицу *ὄδοο βαθιό*, которая дословно переводится как 'восьмой чин'. В результате исследования удалось установить, что чаще всего в текстах Чехова встречаются реалии, которые относятся к терминам армейского дела, государственного аппарата, а также присущие русской культуре этнографические реалии. Далее было установлено, что в большинстве случаев реалии транслитерируются, при этом не всегда переводчики дают пояснения в виде сносок, хотя именно они облегчают восприятие текста реципиентом.

Лексико-стилистические средства создания образа лирического пейзажа (на материале «Путешествия по Гарцу» Г. Гейне и его перевода на русский язык)

Николаева Анна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель доклада заключается в установлении черт сходства и различия в функционировании лексико-стилистических средств создания лирического пейзажа, их комбинаторики и способов её выражения в немецком тексте «Путешествия по Гарцу» Г. Гейне и в переводе текста на русский язык, выполненном В. О. Станевич. Новизна работы заключается в том, что ранее не проводился сопоставительный анализ лирического пейзажа в прозе Гейне и ее переводах на русский язык. В ходе работы на основе фрагментов «Путешествия по Гарцу», содержащих описание лирического пейзажа, методом сплошной выборки был составлен двуязычный корпус из порядка шестидесяти примеров, далее был проведён контекстуальный и сопоставительный анализ лексико-стилистических средств создания лирического пейзажа в русско- и немецкоязычных текстах.

Теоретическую базу исследования составили учебные пособия по теории перевода И. С. Алексеевой, А. В. Федорова, В. Коллера; по стилистике — Е. А. Гончаровой, М. П. Брандес; труд А. И. Дейча о творчестве Гейне и научная работа В. А. Кухаренко, посвященная особенностям литературного пейзажа.

Гейне свойственны статичные и динамичные пейзажные описания в лирических и прозаических произведениях. Преобладает лирический пейзаж, поскольку путевые очерки весьма автобиографичны. Р. А. Воронин в своей статье указывает на то, что лирический пейзаж отличается значительной психологической нагрузкой и экспрессивностью [Воронин, 2017: 2].

Для лексико-стилистических средств образности и фигуральности была использована классификация М. П. Брандес. В основе данной классификации — деление на фигуры замещения и фигуры совмещения [Брандес, 1983: 138–147]. К основным лексико-стилистическим средствам создания образа лирического пейзажа у Гейне можно отнести сравнения, различные подвиды метафоры и метонимии — в частности персонификацию и синекдоху, эпитеты и синонимические ряды, иронию.

При анализе переводческих трансформаций была использована классификация И. С. Алексеевой, которая под трансформациями понимает «межъязыковые преобразования, требующие перестройки на лексическом, грамматическом или текстовом уровне» [Алексеева, 2004: 158]. В качестве основных типов трансформаций И. С. Алексеева выделяет добавления, опущения, замены и перестановки.

Сопоставительный анализ показывает, что сравнения достаточно часто были переведены дословно; более чем в двух третях рассмотренных случаев перевода тропов и

фигур (преимущественно при переводе эпитетов, метафор и метонимий) была произведена замена — больше всего примеров частеречной замены, либо с частичным изменением семного состава исходной лексемы — часто с повышением интенсивности стилистической окраски. Примерно в равном количестве наблюдаются случаи добавлений и опущений (при переводе гипербол и иронии).

Проза и лирика Гейне отличаются образностью, эмоциональной яркостью и разнообразием лингвистических средств, что необходимо учитывать при переводе его произведений. В. О. Станевич удалось создать адекватный художественный перевод «Путешествия по Гарцу», отражающий особенности литературного стиля Гейне.

Литература:

Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М., 2004.

Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М., 1983.

Воронин Р. А. Виды и функции пейзажных описаний в литературе // Филология и лингвистика в современном мире: материалы Международной научной конференции. М., 2017. С. 1—3.

Дискурс и текст

Синтаксические особенности автофикциональной прозы Мэгги Нельсон

Асланова Лолита Рауфовна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Неологизм autofiction был впервые употреблен писателем и литературоведом Сержем Дубровски в отношении своего романа «Fils» (1977), написание которого было не только вызовом, брошенным Филиппу Лежену, автору «Le Pacte autobiographique» (1975) и апологету прескриптивной поэтики, но и манифестацией свободы, жанровой и языковой. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению касательно того, является ли автофикшн самостоятельным литературным жанром, новым романом «о себе» XX в., существующим между вымыслом (fiction) и реальностью (réel) или же особым модусом письма на стыке мемуарно-автобиографической и романной жанровых систем, однако же сошлись на том, что автофикшн как явление характеризуют наличие как референциальных и неререференциальных элементов; ономастическое соответствие между автором и персонажем или рассказчиком; стилистические и языковые эксперименты [Lawlor, 2022: 1]. Открытым остается вопрос границы (степени) вымысла и его воплощения в автофикциональных текстах как на семантическом, так и на синтаксическом уровнях.

В нашем исследовании мы предприняли попытку выявить особенности построения автофикционального текста на материале произведений *Bluets* и *The Argonauts* современной американской писательницы Мэгги Нельсон. Объектом исследования выступили синтаксические особенности прозы Мэгги Нельсон, закономерности в использовании определенных синтаксических структур. Цель настоящего доклада — определить степень фиктивности автофикциональных текстов и идентифицировать языковые особенности, выражающие вымысел. Анализируя синтаксические конструкции, мы исходили из следующей посылки: поскольку автофикция, будучи «имитацией бессознательного дискурса» обнаруживает себя в первую очередь способом рассказывания, стилем письма, «отличается построением высказывания, свойственным устной речи или свободному/беспокойному течению мысли» [Gasparini, 2008: 352], то в тексте подобного рода пристальное внимание стоит уделить таким синтаксическим структурам, которые воплощают особенности данного вида наррации. Методом сплошной выборки мы обнаружили примеры использования асиндетона и полисиндетона, анафоры и эпифоры, параллелизма, парцелляции, градации, риторического вопроса, парентезы, анадиплозиса и других синтаксических фигур, имеющих в контексте автофикциональной прозы иной потенциал, нежели в текстах строго референциальных или неререференциальных.

Так, риторический вопрос («Does the world look bluer from blue eyes? Probably not, but I choose to think so (self-aggrandizement)») может служить катализатором мыслепорождения, что также отсылает нас к теории о том, что автофикшн как модус письма обладает (само)психоаналитическим потенциалом. Использование апосиопезиса в примере «And you — whatever you argued, you never mimed a constricted throat» как будто создает имитацию перехвата дыхания, «сжавшегося горла», о котором говорится далее.

Таким образом, настоящее исследование позволило более глубоко понять лингвостилистические особенности автофикциональной прозы Мэгги Нельсон и определить их роль в передаче фиктивности повествования.

Литература:

Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М., 1998.

Gasparini Ph. Autofiction. Une aventure du langage. Paris, 2008.

Autofiction in English / Hywel Dix (ed.). Cham, 2018.

Стилевые особенности романа Джузеппе Куликкья «Все равно тебе водить» («Tutti giù per terra»)

Лебедева Екатерина Сергеевна

студент 4 курса

Белорусский государственный университет

Роман Джузеппе Куликкья «Все равно тебе водить» («Tutti giù per terra», 1994) [Culicchia, 2018] повествует от первого лица о молодом человеке Вальтере и его попытках найти свое призвание, работу, друзей в реалиях Рима 1990-х гг. В течение повествования он сталкивается с типичными представителями разных социальных групп, видит работу университетов, государственных служб, частных магазинов. Цель исследования — выявить стилевые особенности, благодаря которым создается портрет общества массового потребления в романе «Все равно тебе водить». Методы исследования — описательный, индуктивный, целостный эстетический. Композиционно роман делится на главы и фрагменты глав, каждая из которых рассказывает о самых значимых моментах, происходящих с героем за день. Такое же немонолитное строение передается и на синтаксическом уровне: все предложения короткие, создают впечатления обрывочности, ритмичности, блуждания по «лабиринту» со множеством «тупиков».

Для стиля Куликкья характерна специфическая игра слов, проявляющаяся на разных уровнях: звуковом, буквенном, семантическом, что составляет художественный язык романа: «Язык художественного текста в своей сущности является определенной художественной моделью мира и в этом смысле всей своей структурой принадлежит "содержанию" — несет информацию. <...> Художественный язык моделирует универсум в его наиболее общих категориях» [Лотман, 2015: 28]. Важную роль в романе играют имена, которые «взаимодействуют с внетекстовой реальностью / реальностью других текстов» или значительны именно «способом выражения в конкретном тексте» [Ковалев, 2023: 20]. Само имя главного героя не только иностранное (итальянское веяние моды), но и начинается с буквы W, которая не используется в итальянском языке, т. е. обособленность героя демонстрируется даже на этом уровне.

Рим представляется в романе шумным и мрачным местом, на фоне которого героем и осуществляются безысходные поиски. Об этом сообщает в том числе лексика, семантически связанная со звуками, или графические выделения. Примечательны ругательства и вульгарные выражения, регулярно возникающие в тексте. В то же время художественная деталь появляется нечасто, но в определенные моменты сюжета играет важную роль, подчеркивая состояние героя и замедляя темп повествования. Наиболее заметной деталью становится съёмная комната Вальтера как символ безысходности и одинокой, теперь уже «взрослой» жизни. Лингвистический мир романа наполнен красноречивыми номинациями, подчеркивающими роль того или иного героя в произведении (одиноким Вальтер, распутная Беатриче, стремящийся в политику Волк) или носящими сатирический характер, графическими приемами (курсив, прописные буквы), ругательствами и сниженной лексикой (что характерно для манеры изъясняться людей возраста и среды Вальтера и что подчеркивает культурный упадок в современном Риме), резкими сравнениями из интимной сферы и употреблением слов, с нею связанных (стирание границ между литературой и приземленными, «неприличными» вещами), многочисленными описаниями звукового фона действия.

В результате описываемые события приобретают больше смысловых оттенков и итальянское общество массового потребления изображается детально и многосторонне.

Литература:

- Culicchia G.* Tutti giù per terra. Torino, 2018.
Андреев А. Н. Целостный анализ литературного произведения. Минск, 1995.
Лотман Ю. М. Структура художественного текста. СПб., 2015.
Ковалев Б. В. Имя в прозе. Очерки по номинологии. СПб., 2023.

Литературные аллюзии в современном англоязычном рекламном дискурсе

Магдалюк София Викторовна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование обосновывает тезис о том, что использование литературных аллюзий в рекламе способствует более эффективному воздействию на потребителя. Под аллюзией мы понимаем «стилистическую фигуру, выражение, намек посредством сходнозвучающего слова или упоминания общеизвестного факта» [Жеребило, 2016: 32]. **Цель исследования** заключалась в том, чтобы выявить наиболее характерные для литературной аллюзии источники, а также рассмотреть особенности функционирования аллюзивных элементов в рекламных текстах. **Научная новизна** настоящего исследования состоит в том, что в нем проводится комплексное изучение определенного вида стилистического приема аллюзии. В ходе работы было проанализировано 60 рекламных баннеров американских и британских брендов, а также рекламных видеороликов с использованием литературных аллюзий. **Источниками материала** для исследования послужили Интернет-ресурсы (YouTube) и электронные архивы газет. Работа опирается на следующие **научные методы**: методы лингвокультурологического и контекстуального анализа, дескриптивный метод, дискурсивный метод.

В ходе анализа рекламных сообщений было выявлено, что среди всего многообразия художественной литературы аллюзии на произведения У. Шекспира в рекламном тексте встречаются особенно часто в связи с их широким признанием в обществе. Образы и сюжетные линии сказок также являются частым источником аллюзий в рекламе, т. к. они знакомы большому количеству людей еще с детства. Спектр приемов, с помощью которых аллюзия может отсылать к художественному произведению, оказался весьма широким: упоминание имен персонажей («*Luckily Romeo and Juliet saved big at Amazon and tragedy was avoided*» (Amazon, 2022)), использование элементов сюжета, уподобление стилю языка определенного автора и частичное цитирование («*There's no place like home with Bulla Creamy Classics*» (Bulla, 2012)), перемещение литературных персонажей в современную действительность, использование фраз-клише из сказок («*Once upon a time, there was a car that was elegant, spacious and refined*» (Hyundai Sonata, 1997)), а также трансформация оригинального сюжета (слоган «*It's another story*» (Burger King, 2007)).

В ходе исследования было установлено, что основными функциями литературной аллюзии в рекламном тексте являются создание ассоциаций с культурным наследием, повышение конкурентоспособности товара, создание комического эффекта, придание рекламируемому товару дополнительных свойств и качеств, повышение запоминаемости рекламы и минимизация языковых средств. Так, напр., в ряде печатных рекламных сообщений представлен лишь слоган, содержащий литературную аллюзию, из чего следует, что основная смысловая нагрузка лежит именно на этом стилистическом приеме.

Полученные **результаты** подтверждают, что литературные аллюзии широко используются в современных англоязычных рекламных объявлениях, выполняя при этом ряд функций.

Литература:

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2016.

Comparative Analysis of Headlines: Representation of Aboriginal Women in Australia (based on The Daily Telegraph, The Age and Australian Financial Review)

Аксенова Диана Александровна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

The article analyzes the lexical composition, grammatical structures, and semantic roles in the headlines of media publications dedicated to Aboriginal women in Australia, based on the Australian newspapers The Daily Telegraph, The Age, and Australian Financial Review.

The relevance of the study is determined by the connection of the proposed research with the anthropocentric paradigm as well as the ever-increasing interest of modern scholars in the interrelations between gender, ethnicity, language and discourse.

The aim of the study is to explore the image of Aboriginal women via the headlines of Australian media publications and identify the key linguistic strategies involved in the media construction of Aboriginal women as a social group.

Objectives:

1) To establish the theoretical and methodological foundations for analyzing representations of social groups in media publications;

2) To present an overview of contemporary research into the representation of Aboriginal women in Australian media texts;

3) To analyze linguistic strategies involved in the representation of Aboriginal women in the headlines of newspapers.

The following research methods have been used: discourse analysis, critical discourse analysis, pragmatic analysis, structural-semantic and structural-syntactic methods, text linguistics, cognitive linguistics and gender analysis. No systematic investigation into representations of female First Australians in media headlines has been undertaken until now, which adds **novelty** to this study.

The theoretical significance of the study lies in deepening our knowledge on the mechanisms involved in the construction of the collective image of Aboriginal women through various linguistic means, such as the use of clichés, emotional and evaluative markers; syntactic constructions such as passive constructions, infinitives, predominance of verbal constructions over nominal ones.

The findings of the study can be used to develop university courses in Gender Linguistics and Linguo-cultural Studies of Australia, which yields **practical significance** to the proposed research.

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДО НЕОЭЛЛИНИСТИКИ

Классическая филология

О двух схолиях к *γυιοκόρους μελεδώνας* (Hes. Op. 66)

Колесникова Жанна Александровна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Стихи 59—68 «Трудов и дней» Гесиода представляют часть мифа о Пандоре, а именно переданный в косвенной речи приказ Зевса создать «такое зло, которому все будут радоваться от души». Зевс распределяет работу между несколькими богами. Гефест должен вылепить деву, Афина — обучить рукоделию, Гермес — «одарить» хитрым (вороватым) нравом, а Афродита — сделать так, чтобы Пандора вызывала в людях *χάριν* 'радость', *πόθον ἀργαλέον* 'болезненную страсть' и *γυιοκόρους μελεδώνας* (этому выражению посвящен доклад):

<...> καὶ χάριν ἀμφιχεῖαι κεφαλῇ χρυσεῖν Ἀφροδίτην καὶ πόθον ἀργαλέον καὶ **γυιοβόρους μελεδώνας** (Hes. Op. 65—66). «[Зевс приказал, чтобы] И золотая Афродита разлила изящество вокруг головы, // И болезненное желание, и пожирающие члены заботы».

Словосочетание *γυιοκόρους μελεδώνας* вызывает особый интерес, поскольку включает эпитет, который засвидетельствован только у Гесиода в архаической гекзаметрической поэзии. Известно два варианта анализируемого эпитета: *γυιοκόρους* и *γυιοβόρους*, и оба варианта, несомненно, восходят к ранним этапам традиции текста «Трудов и дней». О том, что два чтения существовали и обсуждались уже в античности, свидетельствует и то, что оба варианта эпитета подхватываются в эллинистическое время. Во всех случаях видно, что в той или иной мере они восходят непосредственно к обсуждаемому пассажиру из Гесиода: в число позднейших авторов, использовавших эпитет *γυιοκόρους* в своих произведениях, входят Юлиан Мисопогон, Ориген, Михаил Хониат; *γυιοβόρους* предпочитали Павел Силенциарий, Нонн Панополитанский.

Издатели Гесиода в XX в. придерживаются разных стратегий: *γυιοκόρους* принимали Мазон и Вердениус; *γυιοβόρους* принимали Виламовиц и Уэст, связывая эпитет с *κείρω* 'рубить' или *βιβρώσκω* 'пожирать'. В античной филологической традиции существовали другие интерпретации эпитета. Данный доклад не предполагает обсуждения всех версий, а сосредоточен на двух схолиях к стиху Hes. Op. 66, толковавших вариант *γυιοκόρους*.

Один из схолиастов к Гесиоду предлагает, не формулируя этого прямо, связь эпитета с существительным *κόρος* 'сытость' (schol. vet. in Hes. Op. 66b). Следовательно, эта интерпретация предполагает, что глагольная часть *γυιοκόρους* образована от *κορέννυμι*. Схолиаст (апеллируя к жизненному или читательскому опыту) поясняет, что недостойной женщине важно лишь держать тело в сытости (*γυναικὶ γὰρ ἀσέμνῳ οὐδὲν μέλει ἄλλ' ἢ μόνον τὸ σῶμα κατακόρως τρέφειν*).

Прокл указывает на связь эпитета *γυιοκόρος* с *κορέω* 'мести, чистить' (schol. vet. in Hes. Op. 65—66*). Основанием для такой интерпретации стало сопоставление эпитета с композитами *νεωκόρος*, *θεοκόρος*, *ζάκορος* (все три обозначают служителей в храме).

Прокл поясняет, что древние использовали неупотребительный в классическом греческом глагол *κορεῖν* 'мести, чистить' как синоним *κοσμεῖν* 'украшать, наводить порядок' и *καλλύνειν* 'делать красивым'. Таким образом, Прокл предлагает неожиданную интерпретацию, идущую в значительной мере вразрез с ожиданием относительно значения эпитета у Гесиода.

Символический язык Гераклита Эфесского

Наумовец Полина Александровна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

На протяжении столетий исследователи фрагментов сочинения Гераклита Эфесского сталкиваются с комплексом проблем, усложняющих выстраивание «диалога» с мыслителем, еще в античности получившим прозвище *σκοτεινός*. Подобная характеристика обусловлена спецификой его философского языка, который представляет собой образное пространство рождения и переплетения смыслов. Работа современных исследователей усложняется еще и тем, что учение Гераклита восстанавливается по сохранившимся фрагментам, достоверность которых нередко оспаривается, а также по изложению отдельных положений его учения в доксографических источниках.

Целью данного доклада является раскрытие символического характера мудрости Гераклита. Полное восстановление трактата «О природе», существование которого в виде цельного текста оспаривается, например, Джеффри Кирком, невозможно. Однако содержание дошедших до наших дней фрагментов указывает на возможность восстановления их смысла в рамках цельной космологической системы. В сочинении «Об оракулах Пифии» Плутарх цитирует следующее изречение Гераклита: «ὁ ἄναξ, οὗ τὸ μαντεῖόν ἐστι τὸ ἐν Δελφοῖς, οὔτε λέγει οὔτε κρίπτει ἀλλὰ σημαίνει» (93 DK). Упоминание Аполлона и Дельфийского оракула указывает на связь с религиозно-мифологическими представлениями ранней античности. Использование глагола *σημαίνω* — указание на то, что Гераклит представляет истину сокрытой в многозначности знака природы или слова. В «Илиаде» (14.85) и «Одиссее» (22.427) Гомера данный глагол используется в значении «указывать», «руководить», а также в значении «обозначать жребий» (II.7.175) и «обозначать границу» (II.23.358), а однокоренное существительное *σημα* указывает на «признак» (II. 23.455) и «знамение» (Od.21.413). Таким образом, можно предположить, что у Гераклита данный глагол связан как с прорицанием, так и с управлением. Само слово *λόγος* является для него принципом гармонии мироустройства, для характеристики которой он использует прилагательное *ἀφανής* (54DK) 'скрытый, незримый'. Указывая на *λόγος* с помощью артикля (50DK), Гераклит создает неопределенность в отношении того, к какому принципу он отсылает, т. к. изречение начинается с того, что это не его *λόγος*, а некий иной. Вероятно, здесь имеется в виду как раз космологический принцип, гармония, которая названа незримой.

В рамках символической интерпретации фрагментов представляется возможным понимать гераклитовский *πῦρ* как основной движущий принцип образной системы. Гераклит указывает на *πυρὸς τροπαί* в цикле взаимообращения стихий. Сам космос представляется как мерно вспыхивающий и угасающий огонь (30DK), а материальные стихии представляются как образное выражение цикличности времени. Таким образом, гипотеза о центральной роли символа в космологии Гераклита позволяет обнаружить разноплановые связи между отдельными аспектами его учения. Цикличность времени проявляет себя в обращении стихий, берущих свое начало в огне, который то вспыхивает, то угасает, а явленные во времени прорицания оракула также «ускользают» в неоднозначности символов, связь между которыми обеспечивается единством логоса, понятого как первичный космологический принцип.

Литература

Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб., 2014.

Муравьев С. Н. Гераклит Эфесский. Все наследие. М., 2012.

Antiphon Or. 1, 20 καὶ χειρουργήσασα

Золотарева Варвара Алексеевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский Государственный Университет

В речи Антифонта «Обвинение мачехи в отравлении» ключевую роль играет противопоставление, с одной стороны, автора преступного замысла и организатора убийства и, с другой стороны, непосредственного исполнителя. Обвинитель утверждает, что его мачеха замыслила убить своего мужа и для этого обманом убедила рабыню подлить яд в вино. Рабыня была казнена как убийца, однако обвинитель стремится доказать, что истинная вина лежит на мачехе, т. к. она замыслила преступление. В §20 рукописи дают слова истца в следующем виде: ἡ μὲν διακονήσασα ἔχει τὰ ἐπίχειρα ὧν ἀξία ἦν, οὐδὲν αἰτία οὖσα, <...> ἡ δ' αἰτία τε ἤδη καὶ ἐνθυμηθεῖσα καὶ χειρουργήσασα ἔξει, ἐὰν ὑμεῖς τε καὶ οἱ θεοὶ θέλωσιν («Исполнившая поручение получила наказание, которое заслужила, хотя она ничуть не виновна в умысле на убийство, виновница же, та, что всё замыслила и совершила преступление своими руками, получит, если этого захотите вы и боги»). Однако Фридрих Бласс в издании 1871 г. решился на перестановку слов καὶ χειρουργήσασα 'и совершившая своими руками', отнеся их к рабыне, которая подлила яд в вино, думая, как уверяла её обвиняемая, что это приворотное зелье. Таким образом Бласс сделал еще более чётким противопоставление замысла и его исполнения: мачеха оказывалась лишь αἰτία и ἐνθυμηθεῖσα, а рабыня становилась не только διακονήσασα, но и χειρουργήσασα. Почти все издатели приняли эту перестановку. В то же время некоторые учёные предпочитают рукописное чтение. Так, напр., Виламовиц предложил понимать χειρουργήσασα как риторическое преувеличение. Адельмо Баригацци и Эрнст Хайч понимали отнесённое в рукописях к мачехе причастие χειρουργήσασα как способ в контексте речи переложить всю ответственность за убийство, т. е. как за преступную идею, так и за её реализацию, на мачеху. Я приведу аргументы в пользу последнего варианта трактовки, который позволяет сохранить рукописное чтение.

Литература:

Blass F. Antiphontis orationes et fragmenta. Lipsiae; Teubner, 1871. Wilamowitz-Möllendorf U. von. Die Erste Rede des Antiphon // Hermes, 1887. №22(2). P. 194—210.

Antifonte. Prima orazione / A. Barigazzi (ed.). Firenze, 1955.

Heitsch E. Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden, 1984.

Концепция сглаза в античности

Батрунова Юлия Максимовна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В исследовании предпринята попытка проанализировать основные свидетельства античных авторов о сглазе. Цель исследования — описать концепцию сглаза в античности. Для этого требуется выявить, какие культурные и социальные факторы повлияли на становление этого суеверия, а также узнать, какими способами описывали сглаз в античности и при каких обстоятельствах человек считался обладателем дурного сглаза. Задача исследования состоит в попытке рассмотреть основные античные тексты, в которых

упоминается сглаз, и затем их систематизировать для прояснения конкретных деталей, связанных с практикой наложения сглаза. Исследование проводится на материале античных текстов. Сначала рассматриваются древнегреческие авторы. В эту категорию входят седьмой диалог из «Застольных бесед» Плутарха — единственное произведение античности, полностью посвященное сглазу, — и роман Гелиодора «Эфиопика». Также используются некоторые фрагменты комиков и поэтов, эпических и идиллических. На втором этапе изучаются тексты латинских авторов, а именно отрывки из латинской историографии, представленной двумя крупными произведениями — «Естественной историей» Плиния Старшего и «Аттическими ночами» Авла Геллия. Аналогичным образом рассматриваются отрывки латинских поэтов: Катулла, Горация, Овидия и Персия.

В результате было выявлено следующее. Первопричиной зарождения сглаза является зависть. Их связь настолько тесна, что иногда зависть может выступать в качестве синонима сглаза. Притянуть пагубное воздействие дурного глаза может и похвала, высказанная недоброжелательным и завистливым человеком. В этом случае происходит сближений понятий «злой язык» и «дурной глаз». Концепцию сглаза передавали *βάσκανος* и *fascinum*, однокоренные им слова или сочетания с другими словами. Примечательно, что *βάσκανος* и *fascinum*, безусловно, являясь частью магического лексикона, сами по себе вне контекста не имеют связи со сглазом. Словосочетания со словом «глаз» не содержат привычного эпитета «дурной/злой»: *ὄφθαλμὸς βάσκανος* в древнегреческом, *oculus obliquus/urens* в латинском.

Обладателями дурного глаза могли быть как отдельные личности, так и целые группы лиц. Насылать сглаз были способны не только реально существующие люди, но и мифические персонажи. При этом особым мастерством отличались ведьмы. Дурной сглаз также приписывали чужеземным племенам или людям с дефектом глаз, а именно обладателям двойного зрачка. Сила губительного взгляда могла реализовываться намеренно. Так, умышленно насылали сглаз завистливые люди. Однако были случаи, когда обладатель дурного глаза наделялся им от природы, — тогда он его не контролировал и использовал неосознанно. Разрушительная мощь сглаза главным образом была направлена против детей и сельского хозяйства. Кроме того, сглаз был опасен для влюбленных и известных людей. В качестве особенно удивительных упоминаются случаи, когда человек насылал сам на себя сглаз.

Литература:

Elliott. J. H. Beware the Evil Eye: the Evil Eye in the Bible and the ancient world. Vol. 2. Eugene, 2016.

Renate S. Zum Problem des bösen Blicks // Tradition und Translation: zum Problem der interkulturellen Übersetzarbeit religiöser Phänomene / Ed. by C. Elsas. Berlin, 1994. S. 96—112.

Tupet A.-M. La magie dans la poésie latine. Paris, 1976.

Средневековые памятники нотариальной латыни на территории современной Португалии

Раввина Юлия Станиславовна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Нотариальная латынь — термин, принятый в иберийской филологии для обозначения языка официальных документов VII—XIII вв.: с момента, когда латынь, согласно общепринятой точке зрения, перестаёт быть языком устного общения, уступая место романским говорам, и до момента перевода делопроизводства на национальные

языки. В работах исследователей понятие нотариальной латыни, как правило, вводится в противовес её «младшей современнице» — литературной латыни в самом широком смысле.

Как следует из обозначенных временных рамок, нотариальная латынь охватывает два периода истории латинского языка: позднюю латынь (VII—IX вв.) и средневековую латынь (X—XIII вв.). Приходится констатировать, что в случае Португалии тексты обоих периодов изучены историками права куда больше, чем лингвистами. Последние если и обращаются к нотариальным актам, то преимущественно — к позднелатинским. Целью нашего доклада стало установление причин и проверка обоснованности подобного пренебрежения документами на средневековой латыни. Принципиальным отличием средневековых латинских текстов от позднелатинских текстов является их сосуществование с уже вполне самостоятельным галисийско-португальским языком. Если памятники VII—IX вв. являются частью латино-романского континуума, в связи с чем иногда бывает трудно определить, на каком вообще языке пишет автор, где ошибка, а где умысел, то памятники X—XIII вв. в этом смысле не оставляют сомнений: расхождение между латынью и галисийско-португальским столь велико, что интенция автора в выборе языка видна сразу. Неприкрытый анахронизм текстов на латыни в этот период, по-видимому, сообщает им несколько маргинальный характер в глазах исследователей, что в случае литературной латыни сглаживается литературными достоинствами текстов. Нотариальная же латынь остаётся историкам права.

Кроме того, большую трудность представляет вопрос текстологии. Если литературные произведения часто доходят в нескольких списках, то нотариальные акты, не обладающие государственной важностью, обнаруживаются в архивах монастырей в единственном экземпляре. Их издание осуществлялось преимущественно в XIX в., и сетования на ненадёжность существующих изданий представляют собой общее место в работах португальских исследователей, чей подход традиционно графикоцентричен: наибольшее внимание почти всегда уделяется фонетическим процессам и их отражению в графике. Кроме того, объектом исследования часто становится пласт романской лексики в латинских текстах, но почти никогда — морфосинтаксис.

На материале завещаний XII—XIII вв., опубликованных в «*Dissertações chronologicas e criticas sobre a historia e jurisprudencia ecclesiastica e civil de Portugal*», нами был проведён анализ отклоняющихся от нормы форм, позволивший выделить две группы ошибок: ошибки «по невнимательности» наподобие пропуска буквы, которые могут быть как ошибкой автора, так и позднейшим наслоением, и «структурные» ошибки наподобие привнесения форм будущего времени сослагательного наклонения. Такие ошибки с большей вероятностью являются авторскими и указывают на принципиальность тех или иных языковых различий. К примеру, с синтетическим пассивом авторы «справляются», а вот с *coniugatio perifrastica* — нет: слишком чуждо и непонятно галисийско-португальскому сознанию. Таким образом, при определённом подходе памятники средневековой нотариальной латыни, несомненно, представляют интерес для лингвистики.

Библистика

Текст «Цилиндра Кира» в свете новых фрагментов (VI в. до н.э.)

Еранин Саиа

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

«Цилиндр Кира» — принятое в науке название цилиндра из обожженной глины, на поверхности которого нанесен клинописный текст, повествующий о мирном завоевании Вавилона персидскими войсками в 539 г. до н. э. под эгидой бога Мардука и о внутренней политике ахеменидского царя Кира II (559—530 гг. до н.э.). Цилиндр был найден в 1879 г. во время археологических раскопок на территории города Вавилона под руководством Х. Рассама и с тех пор хранится в Британском музее (BM 90920).

Текст Цилиндра впервые был издан в 1879 г. Т. Пинчесом, тогдашним хранителем Британского музея. С момента опубликования Цилиндр стал объектом большого интереса, прежде всего среди библистов, которые рассматривали его как протограф так называемого «Указа Кира», известного нам по еврейским и арамейским текстам Ветхого завета (2-я Паралипоменон 26:22—23, Ездра 1:1—4, 5:13—15, 6:3—5; см. также Исаия 45:1—6 и Иосиф Флавий, Иудейские древности, кн. XI, гл. 1) [Finkel, 2013: 25—26].

Возобновление интереса к изучению текста Цилиндра было вызвано обнаружением новых фрагментов. В 1971 г. выдающийся ассириолог П.-Р. Бергер идентифицировал глиняный фрагмент из Вавилонской коллекции Йельского университета (NBC 2504) как часть Цилиндра. В 2010 г. кураторы Британского музея, В. Ламберт и И. Финкель, нашли среди клинописной коллекции музея два небольших фрагмента глиняной таблички, содержащей копию текста (BM 47134 и BM 47179) [Schaudig, 2019]. Благодаря обнаружению новых фрагментов были восстановлены доселе неизвестные строки (начало и конец надписи на самом Цилиндре плохо сохранились), была пересмотрена история составления текста, а также стало известно имя одного из писцов, внесших свой вклад в этот процесс: Кишти-Мардук (акк. «Дар бога Мардука»); вероятно, он же — упоминающийся в других документах того времени вавилонский писец Кишти-Мардук, сын Шузубу, из рода Каник-баби [Дандамаев, 1983: 139; Yeranin, 2023].

Литература:

Дандамаев М. А. Вавилонские писцы. М, 1983.

Finkel I. The Cyrus Cylinder: The King of Persia's Proclamation from Ancient Babylon. London, 2013.

Schaudig H. The Text of the Cyrus Cylinder // Cyrus the Great: Life and Lore / M. Rahim Shayegan (ed.). Harvard, 2019. P. 16—25.

Yeranin S. Qīšti-Marduk, son of Šūzubu, descendant of Kānik-bābi: a possible identification of the scribe who made a duplicate of the Cyrus Cylinder // Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires. 2023. №3. P. 157—159.

Коннотация «блуждающих звёзд» с обманом или заблуждением в «Протрептике» Климента Александрийского (II в.)

Захарчук Евгения Сергеевна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Шестая глава «Протрептика» Климента Александрийского открывается обращением к философии, в том числе следующими словами: «Зачем ты наполняешь жизнь призраками, делая из ветров, воздуха, огня, земли, камней, дерева, железа или этой вселенной богов, рассуждая о небесных явлениях и болтая с действительно обманутыми (τοῖς ὄντως πεπλανημένοις) пресловутой астрологией (не астрономией) людьми о том, что богами являются также блуждающие звёзды (τοὺς ἀστέρας τοὺς πλανήτας)?». Цель доклада — подтвердить следующее наблюдение: несмотря на то, что сочетание *ἀστέρες πλάνητες* часто подразумевает под собой «планеты» (в случае древней астрономии, семь видимых планет), в приведённом отрывке речь идёт именно о «звёздах», для которых характеристика «блуждающие» не является типичной и потому может служить для нас маркером смыслового сдвига.

Пассивно-медиальные формы глагола *πλανᾶω* используются Климентом как в значении заблуждаться, так и в значении блуждать; в активной же — обманывать, как обманывает искусство, выдающее за настоящее — искусственное. Противопоставление *ἡ πλάνη* 'заблуждение', и *ἡ ἀλήθεια* 'истина' у Климента углубляется противопоставлением древности и новизны, а именно древности эллинского язычества и новизны христианского откровения. Первое из них изоширено в *τέχνη* 'искусстве', и творит этой обманывающей *τέχνη* призраки знания или веры, а также призраки предметов, за которыми нет истины, поскольку они только напоминают её. Таковыми являются боги, их статуи, обожествляемые люди и, наконец, вещи: стихии, космос и «блуждающие звёзды». Истина же, напротив, существует от начала мира, а христианское учение соответствует ей и на фоне многолетнего заблуждения и обмана только кажется новым, недавно возникшим.

Лексема *ὁ πλάνης* 'странник, планета' встречается в «Протрептике» дважды. В примере, цитируемом выше, она приведена в сочетании *ἀστήρ πλάνης*, а ранее — сама по себе: «Ксенократ (он был уроженцем Халкедона) говорит туманно, что планеты суть семь богов (ἐπτὰ μὲν θεοὺς τοὺς πλανήτας), восьмым же является состоящий из всего неподвижного космос». Исходя из общепринятого предположения о том, что Климент получил обширное и качественное образование, мы полагаем, что он различал планеты и звёзды, а также был знаком с современным ему мнением о том, что звёзды неподвижны. Возвращаясь к приведённой цитате, мы также полагаем, что наречие *ὄντως* 'действительно' перед «обманутыми людьми» употребляется Климентом ради сопоставления с «блуждающими звёздами» (где *πλάνης* употреблено как определение), которые «в действительности» блуждать не могут. Призрак божества в лице «блуждающих звёзд» является при этом плодом искусства убеждения и философии, поскольку люди верят (*πιστεύω*) этому искусству. Вот почему причастие *πεπλανημένοι* употреблено Климентом в значении «обманутые», а не «заблудившиеся», несмотря на то что сопоставление «заблудших» людей и «блуждающим» звёзд (с укрытым за ним вопросом, действительно ли блуждают те или другие) продолжает быть действующим стилистическим решением. Таким образом, мы наблюдаем, как *ἀστέρες πλάνητες*, а вместе с ними всё, имеющее отношение к космосу и звёздам, почитаемое за «вечность неба», приобретают у Климента новую коннотацию призрачности, недостоверности, связываются с общечеловеческим заблуждением, а также намеренным обманом (со стороны бесов), и противопоставляются недвижимому (*ἀπλάνητος*) христианскому Богу.

Книга Иова в церковнославянском переводе на материале Тырновской Библии

Чернова Наталья Васильевна

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Тема доклада обусловлена тем, что книга Иова представляет особый интерес в связи с проблемой кирилло-мефодиевских переводов ветхозаветных текстов. Ранняя славянская рукописная традиция книги Иова все еще недостаточно исследована с точки зрения истории языка и текста, и ее изучение дает возможность с помощью разработанных текстологических методов и сравнительно-исторического метода филологического анализа определить характерные черты и особенности перевода книги Иова, а также историю развития текста. В настоящем докладе мы будем опираться на теоретические положения, разработанные Д. С. Лихачевым, А. А. Алексеевым в области текстологии, и исследование южнославянского перевода книги Иова И. Христовой-Шомовой.

Целью доклада является характеристика текстологических особенностей книги Иова в Тырновской Библии, болгарском (среднеболгарском) сборнике, содержащем самый древний полный список церковнославянского перевода книги Иова, а также установление соотношения книги Иова с текстом древнегреческого перевода Ветхого Завета — Септуагинты.

Подобное исследование проведено впервые. Значимость работы состоит в возможности ее применения для дальнейшего исследования в области теории и истории древних церковнославянских переводов.

Тырновская Библия была создана в Болгарии в XIV в. [Библия Матфея Десятого, 2020: 31]. Это одна из ранних попыток создания полного библейского текста, составное своеобразие которого «среди других южнославянских списков говорит о том, что изготовление этой рукописи было результатом сознательного отбора материала, итогом индивидуального творчества» [Алексеев, 1999: 200].

Исследование показало, что текст книги Иова в составе Тырновской Библии не имеет колофона, толкований и пояснений, но в нем присутствуют интерполяции и следы экзегетической работы в виде особого рода разметки и нумерации стихов, а также фрагментов, вероятнее всего, толкового текста. Конец Книги Иова в этом списке утерян, вероятно, по причине утраты последнего (последних) листа (листов).

В результате сопоставления текста Книги Иова в Тырновской Библии с текстом Септуагинты было выявлено, что текст Книги Иова: 1) отражает редакцию по греческому тексту; 2) включает в себя практически весь объем греческого текста; 3) перевод Книги Иова следует за греческим оригиналом, сохраняя форму слова (существительное, глагол и т. д.) и порядок слов в предложениях; 4) присутствует пропуск слов, частиц и союзов (же, и), перестановка слов, разница в предлогах.

Литература:

Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Библия Матфея Десятого. В 2 т. Т. 1. Исследования и материалы / Отв. ред. А. А. Алексеев. СПб., 2020.

Балканистика. Византистика. Неоэллинистика

Понтийская лира как лингвистический феномен: музыкальная терминология в языках Понта

Лонкин Данил Андреевич

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Причерноморский регион на северо-востоке современной Турции — место, известное как Понт, где проживали и проживают народы с уникальной культурой. Культура народов понтийского побережья настолько нивелировалась, что можно утверждать, что она стала одной на всех [Кузнецов, 2008: 484]. Доклад посвящён изучению лексики, связанной с одним из важнейших элементов культуры Понта — понтийской лирой (также известной как кеманча) — национальным музыкальным инструментом понтийских греков, армян, турок, лазов.

Основной задачей является анализ наименований деталей понтийской лиры в сопоставлении с аналогичной терминологией у других народов, использующих тот же музыкальный инструмент. Лексическое поле, связанное с лирой, отражает не только технические термины, но и историю инструмента. Поэтому в рамках данного исследования изучается соответствующая лексика сразу нескольких языков и диалектов: турецкого языка, понтийского диалекта греческого языка, амшенского диалекта армянского языка, а также стандартного новогреческого и армянского. Именно благодаря последним можно до определенной степени проследить историю инструмента и лексики.

Материал исследования получен как из научной литературы [Tsayourides, 2007; Öztürk, 2005], так и от информантов (амшенская и понтийская лексика). Работа с информантами проводилась в декабре 2023 г. и в январе—феврале 2024 г.: было проведено анкетирование двух носителей и активных пользователей понтийского греческого и амшенского армянского диалектов, которые являются профессиональными музыкантами, играющими на понтийской лире.

Всего были рассмотрены названия девяти деталей понтийской лиры, это: головка грифа (понт. το κίφάλ', тур. baş 'голова'), колок (понт. το ωτίv, амш. olıqın /on'goç/, тур. kulak 'ухо'), задняя часть грифа (понт. η γούλα, амш. ɟɨɟ /dʒid/, тур. boyun 'ухо'), накладка на гриф (понт. η γλώσσα 'язык' или το σπαλέρ 'нагрудник', амш. լիզու /li'zu/ 'язык', тур. kravat, spaler 'галстук'), верхняя дека (понт. το καπάκ', амш. կապակ /ka'pax/, тур. kapak 'крышка'), кобылка (понт. ο γάιδarov, амш. էս /eş/, тур. eşik 'осёл'), душка (понт. το στυλάρ', амш. դիւրագ /di'räg/, тур. direk 'ухо'), струнодержатель (понт. το παλικάρ', тур. palikar 'богатырь') и струны (понт. τα κόρδας, амш. բլեր /b'e'ler/, тур. teller 'струны').

В результате исследования установлено, что названия деталей понтийской лиры на понтийском, амшенском и турецком тесно связаны семантически, в то же время менее половины из них имеют точные соответствия в стандартном новогреческом или армянском. Изучение лексики понтийского греческого, амшенского армянского и турецкого языков (хотя и несколько специфической — музыкальной) показало высокий процент общих элементов, что может послужить поводом для дальнейших более серьёзных сопоставительных исследований лексики, фразеологии и грамматики языков и диалектов Понтийского побережья.

Литература:

- Кузнецов И. В. Понтийско-кавказские исследования: лекции, статьи. Краснодар, 2008.
Öztürk Ö. Karadeniz Ansiklopedik Sözlük. İstanbul, 2005.

Tsahourides M. The Pontic lyra in contemporary Greece. London, 2007.

Сравнительный обзор этнокультурных традиций греков Приазовья

Гетманский Сергей Васильевич

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель данной работы заключается в попытке доказать на основе изучения материалов полевых исследований и анализа открытых источников наличие единого греческого самосознания у двух субэтнотосов греков Приазовья (Ромеев и Урумов) методом сравнения различных этнокультурных традиций и явлений. Оба эти субэтнотоса имеют самоназвание «Жители Римской империи», именно так переводятся слова Урум и Ромей. Оба субэтнотоса, независимо от языкового различия относятся к христианской церкви восточного (греческого) обряда, т. е. исповедуют православие. И Урумы, и Ромеи имеют сходный календарь храмовых праздников, основу которого составляют Пасха, Рождество, Панаир (праздник всех святых). Традиции празднования праздника Панаир поразительно совпадают и в Урумских, и в Ромейских поселках, состоят из одних и тех же церемониальных действий, различаясь лишь названиями.

В области материальной культуры рассматриваются на основе сравнительного анализа традиции исторического жилища, усадьбы, организация быта и жизни греков-ромеев, и греков-урумов. Они имеют поразительно сходные общие черты, отличаясь лишь названиями, что говорит об общих корнях этих субэтнотосов даже на бытовом уровне, также сравниваются традиционная одежда, бытовые вещи, фольклорные и семейные традиции, которые также являются поразительно схожими.

Сравнительный анализ геральдики гербов приазовских греков показывает наличие греческих элементов практически в каждом гербе (меандр, символические изображения греческих кораблей, героев греческих мифов и т. д.). Этим также подчеркивается принадлежность к единым греческим корням, к первым колонистам древнегреческих полисов, историческая память о которых составляет неотъемлемую часть греческого самосознания. Таким образом, помимо общей истории жизни в Крыму и переселения а северное Приазовье, эти два субэтнотоса имеют большое количество общих этнокультурных традиций как духовных, так и материальных, что еще раз подтверждает их общие корни и наличие единого греческого самосознания.

Персонифицированный образ смерти в греческом и болгарском песенном фольклоре (сопоставительный аспект)

Попик Алина Сергеевна

магистрант 2 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научная новизна данного исследования заключается в том, что исследований, посвященных сопоставительному анализу персонифицированного образа смерти в греческом и болгарском песенном фольклоре, практически не существует. Целью доклада является сопоставительный анализ персонифицированного образа смерти у греков и у болгар, на примере фольклорных песен, посвященных Нижнему миру (Κάτω Κόσμος) — месту, куда смерть забирает души людей. Анализ будет проводиться на примере сборников народных песен Н. Политиса, Г. Хр. Хасиотиса, А. Пассоу и сборника «Български народни песни».

Вопрос образа смерти в фольклоре рассматривали такие исследователи как Т. В. Цивьян, М. Бжинковски, Е. В. Стельник, Н. Политис, М. М. Макарец и другие. Сопоставительный анализ проводился по следующим параметрам: функции, характеристики внешнего облика, цветовые характеристики, социальные связи. По результатам анализа греческих народных песен выявляется характерное имя Харос, которое обозначает персонификацию смерти. Харос является самым распространённым именем для данного персонажа, у него есть определённые характеристики: «Ο Χάρος είναι πονηρός λιτήδειος πρωτοκλέφτης» [Passow, 1958: 302], «Εμενα μόστειλε ο θιός, νά πάρω τήν ψυχή σου» [Passow, 1958: 305]. В болгарском фольклоре встречается Архангел, который также забирает души умерших: «Арангел госпот послуша, бързо при Анка ютиде, Анки душата да земе» [Български народни песни от Средногорието, 1953: 42]. В разных регионах встречаются разные варианты написания имени: Яхрангял, Архангел, Арангел. Сопоставительный анализ позволяет сделать следующие выводы, что, несмотря на то что в фольклоре балканских стран наблюдаются схожие черты, жанры песенного фольклора, в случае с песнями о персонифицированной смерти, ситуация существенно отличается. В греческом фольклоре мы обнаруживаем специфический образ персонифицированной смерти, который выражается в виде особого мифологического персонажа с уникальным именем Харос, который имеет связь с античностью. Данный персонаж существенно трансформировался и приобрёл ряд специфических черт. В болгарском фольклоре образом смерти является совершенно другой персонаж: Архангел.

Литература:

Български народни песни от Средногорието / Под ред. Ст. Романски. София, 1953.
Passow A. Popularia carmina Graeciae recentioris. Athens, 1958.

Экфрасис охоты на журавлей Константина Манасси: язык и стиль

Пиксендеева Анастасия Геннадьевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Автор рассматриваемого в докладе произведения — Константин Манасси — был византийским писателем и поэтом XII в., а также представителем литературы Комниновского возрождения. Константин Манасси известен как автор многочисленных произведений, написанных в различных жанрах. До нас дошли его монодии, экфрасисы, речи, любовный роман в стихах, путевые заметки, стихотворная биография, а также первая в истории греческой литературы стихотворная хроника.

Произведения Манасси ранее уже становились материалом для различных исследований. Напр., обширным трудом по творчеству этого византийского автора является монография Ингелы Нильссон [Nilsson, 2020], в котором были рассмотрены более общие черты произведений, литературные и внелитературные задачи автора. Целью же данного доклада является более подробное исследование особенностей одного из риторических произведений. Внимание концентрируется на синтаксическом, морфологическом и лексическом аспектах, а также на стилистических приёмах, таких как метафора, лексический повтор, сравнение, и т. д., которые использует Манасси для достижения своих художественных целей. К основным выводам можно отнести следующие наблюдения: синтаксис экфрасиса является довольно усложнённым, что составляет стилистическую особенность византийских риторических произведений. Экфрасис изобилует различными видами сложносочинённых и сложноподчинённых предложений, а также причастными оборотами — такими, как *participium conjunctum* и *genetivus absolutus*. Также в экфрасисе часто можно встретить распространённые предложения с несколькими рядами однородных

членов. Среди лексических особенностей произведения следует отметить частое включение в текст сложных прилагательных (*πυριμάλακτος* ‘размягчённый в огне’, *βραχύσωμοι* ‘имеющие маленькие тела’), что является одной из характерных черт творчества Манасси, и употребление специальных слов, которые используются для описания охоты (*λύγους ἀλλημιμένους ἰζῶ* ‘ивовые ветви, смазанные птичьим клеем’), а также глаголов в значении, связанном с охотой (*λαγίναν ... ἀνισταμένην* ‘поднятую зайчиху’). Для создания яркого, выразительного и детализированного образа, для описания атмосферы, которая царит на охоте, и пользы, которую она приносит охотникам, Манасси прибегает к различным стилистическим приёмам и средствам выразительности. Среди них — антитеза, анафора, синтаксический параллелизм, сравнение, метафора, использование эпитетов. Интересным наблюдением является и употребление синонимов в одном ряду однородных членов. Некоторую лексическую избыточность также можно назвать характерной для произведений автора. Кроме того, следует отметить и цитирование, как явное, так и скрытое, к которому прибегает Манасси. Так, напр., автор несколько раз цитирует «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, а также комедию «Ахарняне» Аристофана, «Историю» Геродота. При этом в экфрасисе можно найти слова и выражения из других произведений Манасси, напр. из «Летописного обозрения».

Литература:

Nilsson I. Writer and Occasion in Twelfth-Century Byzantium: The Authorial Voice of Constantine Manasses. New York, 2020.

Сюрреалистические тенденции в позднем творчестве К. Кариотакиса

Мелькаева Полина Александровна

студент 4 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Данное исследование ставит перед собой задачу провести литературоведческий анализ поздних произведений Костаса Кариотакиса на предмет сюрреалистических тенденций, которые могли бы предвосхитить последующее развитие сюрреализма в греческой литературе. Подобное исследование ранее не проводилось в российском литературоведении, что придает работе научную новизну.

Греческий поэт межвоенного поколения Костас Кариотакис прошел путь от эстетики неоромантизма с последующим глубоким увлечением французским символизмом до создания греческой декадентской поэтики с сатирическим окрасом. В позднем же его творчестве наблюдаются тенденции, родственные сюрреалистической художественной направленности. Взяв за основу когда-то привлекавшие его образы с исконно романтическим наполнением, Кариотакис преобразует их с точки зрения новой, выработанной им поэтики. Так, к позднему периоду его творчества поэтика таких символических пространств, как детство, природа, любовь, смерть, получает сюрреалистический окрас. В первую очередь, в подобной метаморфозе выделяется образ поэта-творца, изначально стремившегося достичь состояние, пограничное со смертью, тем самым добываясь художественно осмысленной романтиками инициации в раннем стихотворении «Θάλασσα» («Море»). В дальнейшем развитии образа поэт оказывается обделенным, не просто непризнанным, «проклятым», как мыслилось еще в стихотворении «Μπαλάντα στους άδοξούς ποιητές των αιώνων» («Баллада бесславным поэтам веков»), но изначально лишенным творческой потенции. Тоска по миру, где поэзия состоятельна, приводит Кариотакиса к ощущению раздвоенности, к неприятию мира, в котором за всем некогда поэтически наполненным скрывается «θάνατος μέσα στους θανάτους» («смерть среди смертей») [Καρωτάκης, 1984]. Поэтическая интенция встает в один ряд с жертвой

Христа, оказываясь отвергнутой обществом, миром. Кариотакис приходит к тому, что истину, которую несет мир поэзии, отвергает и его собственный разум — «ευκέφαλοι, εργαστήρια κίβδηλοποιών» («мозги, лаборатории фальшивомонетчиков») [Καρωτάκης, 1984]. Связь с поэзией, единственным «убежищем», таким образом, оказывается безвозвратно утраченной. Как писала Франгиски Абадзопулу, есть множество поэтов, примыкающих по своей эстетике или внутренней направленности к сюрреалистическому движению, но как таковые к нему не принадлежащие [Αμπατζοπούλου, 1980: 25]. Греческие сюрреалисты при всей своей ориентированности на художественное начало (в них было куда меньше ангажированности, чем во французском течении) признавали несправедливость и абсурдизм в отношении личности со стороны общественных условностей, что тематически сильно сближает их с поэзией Кариотакиса, полной дихотомий и саркастических выражений касательно общественной морали. К тому же, область сновидений, подсознательного, по Андре Бретону, оказывается достовернее условной реальности, породившей оковы человеческого сознания. Так, в своих последних работах Кариотакис частично отходит от внутренней смысловой соотнесенности структурных частей текста, допуская смешение образов разных инстанций, что вполне соответствует художественному выражению сюрреалистических идеалов.

Литература:

Αμπατζοπούλου Φ. Δεν άνθησαν ματαίως. Ανθολογία υπερρεαλισμού. Αθήνα, 1980.
Καρωτάκης Κ. Ποιήματα και πεζά. Αθήνα, 1984.

Художественное пространство в прозе Зиранны Затели

Затолокина Арина Антоновна

студент 3 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зиранна Затели — греческая писательница, чьи произведения часто относят к ставшему популярным в XX в. жанру «магического реализма». Этот термин возник в XX в. для характеристики живописи, а позднее стал использоваться и в литературе [Гугнин, 1998: 25]. Объектом внимания авторов становится окружающий мир, не просто отображенный человеческим сознанием, но и сформированный им [Гугнин, 1998: 35].

Сам термин «магический реализм» определяет специфику пространства, свойственную литературе этого жанра. Для произведений магического реализма характерно соединение «мира реального» («monde réel») и «мира воображаемого» («monde imaginaire») [Гугнин, 1998: 26]. Создать подобное двоемирие позволяет сдвиг в субъективизацию восприятия окружающего пространства.

Целью доклада является выявление характерных особенностей пространства в первом сборнике рассказов Затели «Περσινή αρραβωνιαστική» («Прошлогодняя невеста»), опубликованном в 1984 г.

Герои рассказов Затели часто обладают способностью видеть реальность под иным углом, открывая наряду с видимой повседневной реальностью «внутреннюю» сверх-реальность. Пространство, воспринятое через взгляд героев, которые способны увидеть в нем загадку и тайну, приобретает магические черты и изменяется: «Магазин окрашивался в пурпурные и изумрудные тона, становился иным миром» [Περσινή αρραβωνιαστική, 1994: 39]. Одной из особенностей создания пространства становится перенесение сюжета в сновидения: «Хотя она и проходит часто, очень часто, через мои сны» [Περσινή αρραβωνιαστική, 1994: 65] и смешение реального пространства с онирическим: «Падал снег, его белизна и сияние делали эту ночь похожей на сон» [Περσινή αρραβωνιαστική, 1994: 11].

В рассказах Затели образам свойственна своя мифо-фольклорная основа, а определенные локусы обладают региональной мифологией. Реальному географическому пространству придаются черты максимальной неопределенности: «И она говорила не “в Австралии”, когда её спрашивали о Стефаносе, а “там, где ночь тогда, когда у нас день”» [Περσινή αρραβωνιαστική, 1994: 106]. Воображение героев позволяет изменять окружающую действительность и погружаться в фантазийный мир: «Мы оказывались в Африке — ты затеивал африканские истории, гипнотизировал меня — а после мы меняли путешествие» [Περσινή αρραβωνιαστική, 1994: 97]. У некоторых мест появляются новые, локальные названия: «и так, это место, кроме “на природе”, звалось и “прогулка”». Наименования деревень, заведений часто становятся говорящими: «Дала жила в районе “Тоска”» [Περσινή αρραβωνιαστική, 1994: 74], «ВЗДОХ ведь... ВЗДОХ снаружи, на вывеске... Вздохнула и я, пока шла за ним к цинковой скамье» [Περσινή αρραβωνιαστική, 1994: 31].

Можно заключить, что пространство в рассказах Затели часто обладает магическими чертами, смешивается со внутренним пространством воображения или снов героев. Несуществующие в действительности, воображаемые места часто становятся для персонажей ближе, чем реальные географические области, а действительность часто воспроизводится через призму мифов и регионального фольклора.

Литература:

Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления). М., 1998.

Zatéλη Ζ. Περσινή αρραβωνιαστική. Αθήνα, 1994.

Переводная литература для детей в Албании 1946—1961 гг.

Валитова Арина Руслановна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

После окончания Второй Мировой войны и прихода к власти коммунистической партии Албания установила прочные политико-культурные связи с СССР. Период тесного сотрудничества пришёлся на 40—60-е гг. XX в., когда албанские и советские лидеры стремились к налаживанию прочных культурных связей между двумя странами. В частности, одним из направлений культурного обмена стал перевод художественной литературы. Подобные процессы часто бывают политически обусловлены, литература может становиться инструментом идеологического влияния и политической мобилизации. Особенно чувствительно на историко-политический процесс отзывается детская литература, призванная воспитывать новые поколения согласно социалистическому идеалу «нового человека». Переводы с иностранных языков особенно показательны как предмет тщательного отбора и контроля со стороны институтов власти.

Область художественного перевода на албанский язык, в особенности произведений для детей, малоизучена. В этой работе мы стремимся воссоздать объективную и полную картину книгоиздания переводов детской художественной литературы с русского и других языков в годы дружественных советско-албанских отношений. Источниками материала для исследования послужили электронный архив Албанской Национальной библиотеки, партийные документы Албанской партии труда, касающиеся процесса развития литературы и искусства Албании, и исследовательские работы, посвящённые детской художественной литературе в СССР и Албании. В ходе исследования был произведён комплексный статистический анализ издававшихся книг для детей, выделены возможные критерии отбора произведений для перевода и сопоставлены количественные и качественные данные по переводам советских авторов, писавших на русском и других языках, и других

зарубежных авторов. За пятнадцать лет тесного культурного сотрудничества с СССР в Албании выпускались книги Николая Носова, Самуила Маршака, Агнии Барто, Виталия Бианки, Евгения Шварца. Большой популярностью пользовались книги Аркадия Гайдара. Албанский читатель мог ознакомиться не только с произведениями современников, но и с творчеством русских классиков XIX в. (Иван Тургенев, Лев Толстой, Александр Пушкин). Значительное число издававшихся современных авторов Западной Европы состояло в коммунистических партиях или сочувствовало идеологии «восточного блока». Однако в сфере переводов с западноевропейских языков лидирующие позиции занимают классики детской литературы — братья Гримм, Марк Твен, Джанни Родари, Ганс Христиан Андерсен и др.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Общее языкознание

Названия ягод как лексическое средство воплощения языковой картины мира (на примере русского, английского и немецкого языков)

Фомин Михаил Александрович

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Цель исследования — отметить на примере признаков, лежащих в основе наименований ягод, различия картин мира носителей русского, английского и немецкого языков. Анализируется внутренняя форма названий десяти ягод с опорой на этимологические, толковые словари. Уделяется внимание поиску эквивалентов названий ягод русского языка в английском и немецком языках с применением двуязычных и ботанических словарей. Новизна исследования заключается в том, что последовательно анализируются не только общеупотребительные названия ягод трех языков, но и менее известные: диалектные, устаревшие. Так, немецкое название черники *Schwarzbeere* ('черная ягода') употребляется в Баварии, Австрии, а *Waldbeere* ('лесная ягода') — на территории Нижнего Рейна и Вестфалии [Kluge, 1975: 297]. Рассмотрение большого числа фитонимов, относящихся к одной ягоде, позволяет точнее представить картину мира носителей разных языков.

Языковая картина мира английского языка значительно отличается от картин мира немецкого и русского, у которых, напротив, она схожая. Напр., отмечается, что земляника и в русском, и в немецком (*Erdbeere*, от *Erde* — 'земля') названа так, поскольку растет у земли [Der Duden, 2001: 185], тогда как английское *strawberry* происходит от *strew* — 'покрывать, разбрасывать, распространяться', поскольку клубника размножается с помощью усов [Skeat, 1963: 607]. Немецкий и русский языки близки по признакам, положенным в основу названия ягод (цвет, запах, внешний вид, место произрастания ягод, особенность их сбора и т. д.).

Внутренняя форма многих английских фитонимов неясна, что объясняется заимствованием названий из других языков. Напр., английское название черники *bilberry* по одной из версий имеет датскую основу *bil-*, происходящую от древнедатского *bölle* со значением 'выпуклость, опухоль' [Skeat, 1963: 60; The Oxford Dictionary of English Etymology, 1966: 94]. Другая характерная черта английских фитонимов — отражать сходство ягод с объектами действительности, напр., *cloudberry* ('морозика') происходит от *cloud* — 'облако'.

Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей, расширенной работы по сравнению языковых картин мира с использованием названий не только ягод, но и других растений, значимых в каждой из рассматриваемых культур. Разработка данной темы предполагает проведение экспериментов с носителями языков.

Литература:

Der Duden. Das Standardwerk zur dt. Sprache in 12 Bd. Bd. 7. Herkunftswörterbuch. Etymologie der dt. Sprache / Hrsg. vom Wiss. Rat der Dudenred.: Dr. Matthias Wermke (Vorsitzender) et al. Mannheim, 2001.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, New York, 1975.

Skeat W. W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1963.

The Oxford Dictionary of English Etymology / C. T. Onions, G. W. S. Friedrichsen, R. W. Burchfield (eds.). Oxford, 1966.

Особенности русской музыкальной терминологии

Цзян Сяоминь

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Термин обладает сложностью, которая заключается в семантике, номинативной функции, переводе, стандартизации термина и др. [Лейчик, 2009]. Сопоставительное изучение терминологических систем в области музыки должно опираться на анализ семантического наполнения соответствующих лексем, их места в лексической подсистеме, этимологии, структурных характеристик и иных аспектов.

Музыкальная терминология — это узкоспециальная область, достаточно скудно описанная в сопоставительном ключе. Русскоязычная музыкальная терминосистема формировалась поступательно, ее особенности, с одной стороны, обусловлены изменениями в русском языке, с другой стороны, имеется специфика, связанная с развитием непосредственной внеязыковой области, в нашем случае музыкальной сферы. В настоящем докладе мы сосредоточимся на рассмотрении лексико-грамматических характеристик музыкальной терминологии на русском языке.

1) Однозначность. Это общее требование, предъявляемое к любой терминологии вне зависимости от области ее применения, актуальное в том числе и для музыкальных терминов: «...Точность и однозначность термина — это [...] идеал, к которому должна стремиться всякая терминология» [Левковская, 1960: 296].

2) Вариативность. В лингвистических работах проблема полисемантности музыкальной терминологии обсуждается в связи с проблемой лексической семантики, изменения же в соответствующей области внеязыковой действительности приводят к преобразованиям семантической структуры соответствующих терминов, которые сопровождаются фонологическими и морфологическими изменениями, в результате чего возникают варианты.

3) Омонимия. В музыкальной терминологии омонимия довольно частотное явление, имеющее междисциплинарное значение.

4) Полисемия. В музыкальной терминосистеме полисемия наблюдается в обозначениях названий инструментов и музыки, исполняемой на них, и иногда музыкантов, играющих на таких инструментах; существуют музыкальные термины, которые называют и голос, и певца с таким голосом; полисемия встречается и в обозначениях способов и темпе исполнения.

5) Синонимия. В анализируемой области существует много групп синонимов, различных как по происхождению, так и по структурным особенностям. Этот лексический пласт характеризуется также обширной деривацией, используя богатый словообразовательный потенциал русского языка.

6) Антонимия. В музыкальной терминологии явление антонимии также очень распространено, как среди исконных терминов, так и в заимствованиях, частично сохранивших особенности выражения отрицания языка-донора.

Всё вышесказанное свидетельствует об актуальности изучения музыкальной терминологии на русскоязычном материале, как самостоятельного объекта, так и для целей дальнейшего его сопоставления с другими, слабо изученными или неполно описанными в этом сегменте языками, к каковым безусловно следует отнести китайский материал. В настоящем докладе предлагается комплексное описание и систематизированное изложение особенностей русской музыкальной терминологии.

Интерференция и переключение кодов в речи учебных билингвов: опыт анализа спонтанного взаимодействия

Насырова Екатерина Вячеславовна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Общеизвестно, что в речи людей, владеющих двумя и более языками (билингвов и мультилингвов) часто встречаются явления переключения кодов, т. е. перехода с одного языка на другой внутри высказывания. Кроме того, имеют место явления взаимного влияния языков, которыми владеют билингвы, — межъязыковая интерференция. Чаще всего в литературе о поздних билингвах, усваивающих второй язык (L2) не параллельно с первым (L1), а значительно позже, рассматриваются случаи интерференции L1 в L2. Однако есть и ряд исследований, подтверждающих наличие влияния в обратном направлении, L2 на L1 [Cook, 2003]. Такие исследования проводятся в основном на материале речи иммигрантов, которые усваивают в качестве L2 язык принимающего сообщества — исследований же речи билингвов, изучающих L2 как иностранный и не погруженных в среду L2 (учебные билингвы, в англоязычной терминологии феномен известен как *acquired bilingualism*), поразительно мало, что, как нам кажется, отражает общую тенденцию того, что они остаются по большей части незамеченными для научного сообщества.

Вследствие этого основной целью исследования является изучение использования языков билингвами в спонтанном речевом взаимодействии, с преимущественным вниманием к роли L2 как источника интерферирующего воздействия на L1 и одного из языков коммуникации; дополнительной целью является привлечение внимания к обозначенной выше проблеме. Для этого мы рассматриваем пример одного диалога между четырьмя мультилингвами и анализируем его на предмет случаев переключения кодов и языковой интерференции.

Материалом для исследования послужила запись (235 минут) дружеского разговора в неформальной обстановке между четырьмя студентами в возрасте 21–24 лет. Материал был получен методом включенного наблюдения. Все участники являются последовательными мультилингвами, для которых русский язык является родным, английский изучается с детства и на данный момент находится на продвинутом уровне (B2–C2 по шкале CEFR); кроме того, говорящие в той или иной степени владеют одним или двумя другими иностранными языками. Разговор велся в основном на русском языке, но с большим количеством вкраплений английского и, в ряде случаев, других языков. Полученная аудиозапись затем была транскрибирована и проанализирована.

В докладе представлены результаты дискурсивного анализа данного разговора, выделяются возможные причины для переключения кодов (такие как переключение кодов в предшествующей реплике собеседника, ссылка на прецедентный текст, цитирование, юмор) — в частности, обсуждается статус зафиксированных однословных включений L2 в L1 — и описываются встреченные случаи языковой интерференции [Pavlenko, 2003]. Результаты проведенного анализа показывают, что, несмотря на распространенное до сих пор мнение о том, что билингвом можно стать только с рождения, для заметного проявления языковой интерференции вовсе не обязательно жить в другой языковой среде.

Литература:

Cook V. Introduction: The Changing L1 in the L2 User's Mind // Effects of the Second Language on the First / V. Cook (ed.). Bristol, 2003.

Pavlenko A. 'I Feel Clumsy Speaking Russian': L2 Influence on L1 in Narratives of Russian L2 Users of English // Effects of the Second Language on the First / V. Cook. (ed.). Bristol, 2003.

Функции жестов в диалоге: анализ интервью

Петровская Мария Александровна

студент 2 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Невербальные средства коммуникации являются индивидуальными, их применение меняется, поэтому актуально изучить их функции и соотнести с нормативными функциями, закрепленными в Мультимедийном корпусе НКРЯ. Настоящее исследование посвящено изучению функций жестов в диалоге на материале интервью YouTube канала «Надежда Стрелец». Задачами являются сравнение частотности употребления жестов среди людей разного возраста и гендера, а также сопоставление жестов с классификацией функций, предложенной в разметке Мультимедийного корпуса Национального корпуса русского языка. В качестве материала для исследования функции жестов в диалоге были выбраны интервью на канале «Надежда Стрелец». К анализу были привлечены 6 выпусков: 3 интервью с женщинами и 3 с мужчинами в возрасте от 20 до 80 лет. Был выбран жанр классического портретного интервью о судьбе и профессиональной деятельности героя, поскольку он направлен на раскрытие собеседника и его личности. Длительность интервью варьируется от 40 минут до 2 часов. Анализ проводился с помощью ручной разметки жестов в соответствии с классификацией МУРКО по следующим категориям: активный орган, название жеста, значение жеста и тип жеста. Также фиксировались время использования жеста, возраст (молодой, средний, пожилой) и гендер говорящего (интервьюера или собеседника). Для каждого интервью была составлена таблица и выделены все функционирующие в диалоге жесты, отмечены основные типы жестов для всех интервьюируемых. Далее жесты были сопоставлены между противоположными по гендеру и возрасту группами. В начале работы удалось выяснить, что в набор типов жестов интервьюируемых входят дейктические, риторические, этикетные, поисковые, пейоративные жесты, особенно часто употребляются иллюстративные и речевые действия. По наблюдению, в течение выпуска самым активным органом является рука (кисть, ладонь, пальцы), которая выполняет главную роль во многих жестикуляциях, в том числе, напр., в аргументах, высокой оценке, материализации речи и других наиболее часто употребляемых жестах.

Семантика послелого *rehe* в гуарани

Клоченко Максим Андреевич

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Язык гуарани является одним из самых распространённых языков в Парагвае. Согласно результатам переписи населения 2013 г., на нём говорит, около 80% населения страны — для сравнения, на испанском около 60%. Это означает, что абсолютное большинство населения страны, в особенности городского населения, билингвально — что естественным образом отражается в их речи [Palacios, 2019: 238].

На данный момент гуарани недостаточно описан с точки зрения языковых контактов [Palacios, 2017: 7]. Тем не менее, многими исследователями отмечается, что одной из самых характерных черт взаимного контактного влияния является диахроническое изменение систем предложного управления глаголов: билингвальные носители, говоря на одном из

языков, используют в речи стратегии маркирования глагольных актантов, свойственные соответствующим предикатам в другом языке. Характерным примером является использование инструментальных адлогов *por* в испанском языке и *rehe* в гуарани.

Для исследования такого влияния необходимо уточнить контексты употребления послелога *rehe* в гуарани. Здесь выделяются два класса употреблений:

1. локативное употребление,
2. употребление для маркирования глагольных актантов.

С учётом того, что достаточно подробную характеристику локативных значений *rehe* — в частности, в контексте контактных явлений — дала в своих работах А. Паласиос [Palacios, 2019: 246—251], в нашем докладе фокус делается на использовании послелога для маркирования глагольных актантов.

Автор одной из традиционных грамматик гуарани А. Гуаск приводит следующую классификацию значений предикатов, которые используют послелог *rehe* для маркирования своих актантов (перевод авторский, по [Guasch, 1956: 240—243]):

1. глаголы сенсорного восприятия,
2. глаголы духовного или умственного восприятия,
3. глаголы, обозначающие телесные действия,
4. глаголы с моральным значением,
5. глаголы с неопределённым значением, как то: поверхность, часть тела, тема или материал, о котором идёт речь, перемена или изменение и т. п.

В этой работе была предпринята попытка уточнить семантику предикатов, чьи актанты кодируются послелогом *rehe* с учётом результатов типологических исследований. Было показано, что для этого послелога типично маркирование актантов с семантическими ролями стимула, пациенса, и бенефактива и малефактива — однако он не является для них безальтернативным. В работе приводится полученный в результате корпусного исследования список предикатов, актанты которых маркируются только послелогом *rehe*.

Также сделана попытка расположения *rehe* на семантической карте инструментально-комитативных значений — в частности, интересно то, что типологически распространённое сочетание инструментальной и комитативной семантики у *rehe* не наблюдается. При этом упоминания заслуживает то, что *rehe* употребляется в сочетании с привативным показателем -'ũ, образуя формы со значением отсутствия: напр. *nde* 'ты', *nderehe* 'ũ' 'без тебя'.

Литература:

- Guasch A. El idioma guaraní: gramática y antología de prosa y verso. Asunción, 1956.
- Palacios A. Sobre los cambios lingüísticos en situaciones de contacto // Variación y cambio lingüístico en situaciones de contacto / A. Palacios (ed.). Madrid, 2017. P. 7—20.
- Palacios A. La reorganización de las preposiciones locativas a, en y por en el español en contacto con guaraní // Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación. Vol. 78. Madrid, 2019. P. 233—254.

Эвиденциальные стратегии в научных текстах

Гузалова Анастасия Павловна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Наше исследование направлено на изучение эвиденциальных стратегий как семантического явления в русскоязычном научном дискурсе.

В широком смысле эвиденциальность — это указание говорящим на источник сообщаемой информации. Это определение было дано американским этнолингвистом

Францом Боасом еще в 1911 г. и с тех пор несколько раз перерабатывалось и расширялось другими учеными [Aikhenvald, 2004]. В XX в. наибольшее внимание уделялось кодированию эвиденциальности на уровне морфологии, и многие исследователи считали, что эвиденциальность — это исключительно грамматическая категория, которой не существует в русском языке [Плунгян, 2011]. В более поздних исследованиях было показано, что эвиденциальность может быть в т. ч. и семантической категорией.

Целью настоящей работы является выявление, описание и классификация лексических маркеров эвиденциальности на основе корпуса лингвистических и медицинских научных текстов, сопоставление употребления данных маркеров по частотности и анализ контекстов, содержащих данные маркеры.

Предварительные результаты на материале лингвистических статей показывают, что наиболее распространенными являются маркеры инференциальной эвиденциальности (1), далее — маркеры репортивной эвиденциальности (2), а маркеры прямой эвиденциальности используются реже остальных (3). Также встретились примеры маркеров т. н. репортивной-инференциальной эвиденциальности, когда автор делает вывод на основании чужих высказываний (4) [Добровольский, Зализняк, 2022]. Таким образом, классификация [Плунгян, 2011] для изучаемого материала может быть расширена.

(1) Это говорит о том, что в русском в такой ситуации напрашивается нет.

(2) Так, [Абаев, 1959: 705–706] отмечается, что при собирательных именах глагол «обычно» употребляется во множественном числе.

(3) Как видно из этого примера, «посул» воспринимался в то время в Новгороде как легальная практика денежного вознаграждения официальных лиц, участвовавших в разрешении конфликта.

(4) Анкетирование носителей осетинского языка показывает, что рассогласование по числу с синтаксически и морфологически переходными глаголами является неграмматичным.

Ранее проводились подробные корпусные исследования эвиденциальных стратегий в научной литературе на английском языке [Yang, 2014], но русскоязычный научный дискурс в этом аспекте менее изучен, поэтому настоящая работа позволит получить новые сведения в данной области знаний.

Грамотное использование лексических эвиденциальных стратегий в научных работах внесет значительный вклад в создание удобного для чтения, более связного и убедительного текста.

Литература:

- Добровольский Д. О., Зализняк А. А.* Эвиденциальность и эпистемическая оценка в значении немецких глаголов *sollen* и *wollen* (по данным немецко-русского параллельного корпуса) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Выпуск 21 (28). М., 2022. С. 132—140.
- Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. С. 349—381.
- Aikhenvald A.* Evidentiality. Oxford, 2004. Yang L. Evidentiality in English research articles of applied linguistics: from the perspective of metadiscourse // *Journal of Language Teaching and Research*. 2014. Vol. 5 (3). P. 581—591.

Особенности употребления двойственного числа в кораническом арабском языке на примере 55 суры Корана («Милостивый»)

Сидики Сабрина Шарифовна
студент 4 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Цель доклада — проиллюстрировать на примере 55 суры Корана некоторые наиболее интересные особенности функционирования дуалиса в кораническом арабском языке. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- 1) Проанализировать центральные образы суры, а также ее композиционные особенности;
- 2) Рассмотреть ее рифмо-ритмическое строение;
- 3) Сопоставить контексты с двойственным числом из 55 суры с подобными контекстами из других частей Корана.

Дуалис в кораническом арабском языке функционирует как полноценная грамматическая категория. В каждом контексте, где идет речь о двух объектах или субъектах, в кораническом тексте используются дуальные формы, хотя есть некоторые отклонения, в первую очередь обусловленные семантическими особенностями арабского дуалиса. Главная причина замены двойственного числа на множественное здесь — наличие счетной семантики. Если в контексте антецедент стоит в двойственном числе и при этом подразумевает два множества (напр., две группы людей) с большой вероятностью в анафорическом местоимении или в глагольной форме в постпозиции будет использован плюралис, как, напр., в данном фрагменте: *ʔan taqu:lu: ʔinnama: ʔunzila al-kita:bu ʕala: tʕa:ʔifatayni min qablina: waʔin kunna: ʕan dira:satihim laya:fili:na* ‘Они говорят: «Было ниспослано Писание **двум общинам (двойственное число)** до нас, и мы не знали об **их (множественное число)** учении»’.

Однако описанная тенденция нерегулярна, и в подобных контекстах может употребляться дуалис, однако таких примеров немного. Нам кажется, одним из определяющих факторов здесь может быть композиционное строение текста, а в некоторых случаях даже его ритмические особенности. Наиболее ярким примером такой обусловленности, на наш взгляд, является сура 55 Корана «ar-raḥma:n» («Милостивый»). Вначале рассматриваются особенности рифмы, которые могли повлиять на частое употребление дуальных форм (каждый аят в ней оканчивается сочетанием долгого гласного [a] и сонанта, характерным для флексии прямого падежа двойственного числа в паузальном прочтении).

Далее анализируются центральные образы этой суры (джинны и люди), которые обуславливают ее композицию. Обращение к ним повторяется на протяжении всей суры 31 раз (всего в ней 78 аятов): *fabiʔayyi ʔa:la:ʔi rabbikuma: tukaḏḏiba:ni* ‘Какую же из милостей Господа вашего **вы (два рода)** отрицаете?’. Важно, что здесь нарушается тенденция, отмеченная выше.

Мы проанализируем и сопоставим другие появляющиеся в этой суре образы, для которых важно значение двойственности, а также приведем контексты из разных частей Корана, интересные для сравнения с точки зрения употребления в них дуальных форм.

Рассмотренные нами особенности 55 суры могут говорить о том, что композиционное строение и рифма в некоторых случаях способствуют частотности употребления дуальных форм. Обилие двойственных образов показывает, насколько идейно важно для этой суры двойственное число (со значениями парности и дуальности как целого) как основополагающий компонент ее построения.

Фонетика

Распознавание акцентов и оценка произношения с помощью нейронного анализа спектрограмм

Андрианов Михаил Андреевич

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Существует множество способов оценки произношения в иностранном языке. Однако большая часть из них основана на человеческой оценке, которая зависит от личных ожиданий и стандартов экзаменаторов, что может приводить к непоследовательным и ненадежным оценкам. Вследствие этого возникает спрос на использование альтернативных методов оценки произношения, в частности — на автоматическую оценку с использованием современных технологий машинного обучения.

Из множества существующих моделей машинного обучения наибольшее распространение для решения схожих задач получили архитектуры, основанные на извлечении абстрактных признаков из изображений, — CNN, RNN, а также их многочисленные вариации.

В данной работе используется инструмент под названием phonet [Vásquez-Correa et al., 2019], состоящий из множества RNN с двунаправленными управляемыми рекуррентными блоками (GRU). Изначально данный инструмент был обучен для распознавания фонологических классов испанского языка. Однако в рамках данной работы он был переобучен для распознавания фонологических классов английского языка. Для обучения модели был использован корпус TIMIT, состоящий из 2342 предложений, произнесенных 630 носителями английского языка. В качестве целевого корпуса был использован корпус Speech Accent Archive, состоящий из 2140 образцов речи, каждый из которых принадлежит разным говорящим, читающим один и тот же отрывок на английском языке. Говорящие имеют 214 родных языков. Для целей исследования были собраны высказывания носителей русского языка, которым в равной пропорции были сопоставлены носители английского языка. В докладе представлены результаты использования предложенного инструмента для анализа уровня произношения иностранного языка, а также его использование для классификации акцента.

Литература:

Vásquez-Correa J. C., Klumpp P., Orozco-Arroyave J. R., Nöth E. Phonet: A Tool Based on Gated Recurrent Neural Networks to Extract Phonological Posteriors from Speech // Proc. Interspeech 2019. P. 549—553.

Фоносемантический анализ глаголов медленной и быстрой ходьбы русского и английского языка: сравнение

Мандреско ДANELIA Александровна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Одна из наиболее интересных для изучения с т.з. иконичности лексико-семантических групп в языке — глаголы движения, и особый интерес представляет

сравнение таковых в русском и английском языках. Целью данной работы является сравнительный анализ глаголов движения русского и английского языков, описывающих медленную и быструю ходьбу. Материалом исследования послужил двуязычный корпус глаголов ходьбы, созданный на основе лексикографических данных следующих словарей: Oxford Dictionary of English, Oxford Dictionary of Slang, Cambridge Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Большой толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова, «Толковый словарь русских глаголов: английские эквиваленты, синонимы, антонимы» Л. Г. Бабенко. Лексические единицы были отобраны методом сплошной выборки, согласно специально выработанным автором критериям, и всего в корпус вошло 119 английских и 78 русских глаголов ходьбы. Затем была предложена единая лексическая классификация по четырем наиболее значимым компонентам значения: скорость движения, устойчивость, затрудненность, размер шага. Для более детального изучения были выбраны глаголы, содержащие указание на скорость движения: глаголы медленной (13 русских и 36 английских) и быстрой ходьбы (23 русских и 18 английских). В результате анализа и сравнения лексического значения и фонемного состава основ данных глаголов было выявлено, что в английском языке преобладают глаголы медленной ходьбы, в то время как в русском — глаголы быстрой. Представляется, что для английского языка более репрезентативны в иконическом смысле гласные: передние гласные, иконически передающие быстроту действия, были обнаружены в корне 56% глаголов быстрого движения и лишь в 33% медленного. В русском языке наблюдается схожая закономерность, пусть и не столь явная: 65% глаголов быстрой ходьбы содержат в корне передний гласный, в то время как для медленного движения доля составляет 46%. Более разнообразной выглядит распределение согласных в глаголах обоих языков: среди глаголов быстрой ходьбы английского языка была отмечена явная частотность свистящих (50% слов), концептуально передающих стремительное движение, а в той же группе русских слов показательно наличие дрожащего согласного (35% быстрых глаголов против 15% медленных). Кроме того, анализ групп согласных показал, что русские глаголы медленной ходьбы по своему составу более «щелевые» (25% согласных фонем), а английские — более «сонорные» (30% согласных фонем), чем глаголы быстрой ходьбы. Безусловно, вышеуказанные тенденции не могут служить показателем иконичности абсолютно всех глаголов движения русского и английского языка и не подвергают сомнению важную роль вторичной мотивировки, однако все же позволяют отметить некие регулярные закономерности между внешней формой глаголов движения обоих языков и идеей скорости, вписанной в их лексическое значение. В дальнейшем материал данного исследования может стать фундаментом для масштабного изучения иконичности глагола как такового и роли первичной мотивировки слов в целом, что может быть полезно как в сфере преподавания иностранных языков, так и для совершенствования техник художественного перевода.

Корейско-русская фонетическая интерференция

Пахомова Марина Алексеевна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

С развитием российско-корейских отношений, преподавание русского языка носителям корейского становится все более востребовано. Немаловажной частью преподавания иностранного языка является, безусловно, фонетика. Фонетический аспект особенно важен при преподавании языка, фонетическая система которого сильно отличается от системы родного языка, — это напрямую относится к русскому и корейскому

языкам, которые, будучи языками из разных языковых семей, имеют значимые различия на уровне фонетики. Это обеспечивает актуальность данного исследования.

На данный момент число работ, посвященных корейско-русской интерференции, ограничено. Более того, не все работы охватывают как консонантные проявления интерференции, так и вокалические [Ким, 1998]. В данном исследовании была совершена попытка рассмотрения интерференции на сегментном уровне в целом, не ограничиваясь лишь некоторыми фонемами.

Целью работы стало определение существенных различий на сегментном уровне фонетических систем русского и корейского языков, а также определение сегментных единиц, их сочетаний и положений, при реализации которых наиболее ярко проявляется интерференция.

В ходе теоретической части исследования был проведен сопоставительный анализ фонетических систем русского и корейского языков, после чего были спрогнозированы возможные фонетические ошибки — проявления корейской интерференции.

Практическая часть исследования проводилась на материале записей речи пяти дикторов-корейцев: во-первых, было записано чтение фонетически представительного текста «Был тихий серый вечер», а во-вторых, была записана спонтанная речь — диалог на несложные темы. Аудиозапись проводилась в студии звукозаписи кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков. Далее был проведен слуховой, акустический и статистический анализ проявлений межъязыковой интерференции. Акустический анализ проводился с использованием программы обработки и анализа звукового сигнала Praat.

По предварительным результатам, наиболее частыми «ошибками» стали, в частности, следующие явления: аффрикатизация мягких согласных (как щелевых s' , z' , так и смычных t' , d'); реализация мягкого свистящего s' как шипящего ϵ ; наличие гласных вставок между согласными и в позиции на конце слова после согласного (ы-образная гласная вставка наблюдалась после твердых, и-образная — после мягких); замена l на r или g , и наоборот, а также недостаточная веляризация l ; реализация щелевых губных согласных вместо смычных, и наоборот.

Литература:

Ким Е. Ч. Особенности фонетической реализации согласных в русской речи корейцев: дис. канд. филол. наук. СПб., 1998.

Влияние пола на восприятие темпа речи

Ананьева Анастасия Денисовна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Восприятие речи — сложный процесс, который происходит на различных уровнях. На него влияют лингвистические, паралингвистические и экстралингвистические факторы [Trouvain, 2003]. Большинство исследователей утверждает, что такой социальный фактор как пол, в отличие от возраста, не влияет на то, с какой скоростью говорит человек. Однако гендерная принадлежность может оказывать влияние на восприятие, создавая более четкое разграничение между тем, как мужчина или женщина воспринимает людей того же или противоположного пола.

Цель работы — выяснить, влияет ли пол говорящего и слушающего на то, как человек воспринимает темп.

Для исследования были использованы 53 звуковых файла, содержащие записанный на кафедре фонетики СПбГУ фонетически представительный текст «Был тихий серый вечер». В них были подсчитаны полный и артикуляторный темп речи дикторов. Для

исследования был проведен ряд перцептивных экспериментов в форме опросов. В первых двух опросах были выбраны 4 пары дикторов, имеющих близкие полные темпы речи. Разница в парах не превышала 1%, что меньше 5%, соответствующих порогу различения по Кене [Quené, 2007]. Из записей были выбраны по две фразы, одинаковые для каждой пары дикторов. Участникам эксперимента было предложено прослушать пару записей и определить, какая из них кажется более быстрой. В первом опросе участники могли видеть длительность каждой аудиозаписи. Для третьего опроса были выбраны дикторы, имеющие близкий артикуляционный темп речи (разница не превысила 3,5%). Для того чтобы свести к минимуму влияние пауз, записи были модифицированы: длительность всех пауз внутри выбранных фрагментов уравнивалась. Все аудиозаписи были приведены к одинаковой длительности.

Анализ полученных ответов проводился с использованием статистических методов. Результаты применения критерия хи-квадрат показали, что в первом опросе длительность аудиозаписей была решающим фактором ($p=0,000000008$).

Результаты второго опроса показали, что пол участника никак не влияет на сделанный им выбор ($p=0,31$). Использование t-критерия показало, что пол диктора также не оказывал никакого влияния на ответы ($p=0,32$).

Третий опрос, в котором темпы дикторов были максимально приближены, показал, что мужчины и женщины ничем не отличаются в своем выборе ($p=0,36$). Тем не менее было установлено, что пол диктора оказывает влияние на то, как воспринимается его темп ($p=0,0046$). В большем количестве случаев именно мужской голос оценивается как более быстрый.

Литература:

Quené H. On the just noticeable difference for tempo in speech // *Journal of Phonetics*. 2007. Vol. 35(3). P. 353–362.

Trouvain J. Tempo Variation in Speech Production. Implications for Speech Synthesis. PhD Dissertation. Saarbrücken, 2003.

Восприятие интонации в синтезированной речи

Гинева Дарья Сергеевна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Просодическое оформление речевого сигнала является важной задачей синтеза речи. Однако в настоящее время интонация синтезированной речи ещё не может считаться совершенно естественной.

Целью данного доклада является выявление особенностей интонационного оформления синтезированной речи и наиболее частотных ошибок в просодике, допускаемых синтезаторами, а также изучение восприятия синтезированной речи и перцептивная оценка естественности её звучания.

Исследование построено на материале синтезированной речи. Была проанализирована речь синтезаторов «Sber Salut Speech», «Yandex Cloud SpeechKit» и «Звукограм», использующих технологию Text-To-Speech. В качестве материала были использованы фонетически представительный текст «Был тихий серый вечер», 25 скороговорок, 5 стихотворений, а также набор фраз, потенциально соответствующих каждой из 7 интонационных конструкций по классификации Е. А. Брызгуновой [Брызгунова, 1980]. Общая длительность речевого материала составила 133 минуты.

С помощью программы Praat был произведён анализ мелодических контуров всего материала с целью поиска ошибок в интонационном оформлении. Наиболее часто ошибки

встречались в синтагмах с ИК-4; в то же время в собранном материале ни разу не встретилась ИК-7 и практически не встречались ИК-5 и ИК-6. В результате сравнения мелодических контуров и акустического анализа исходного материала было обнаружено наличие нескольких существенных черт, отличающих мужские синтезированные голоса от женских. В высказываниях, произнесённых мужским голосом, наблюдалось сужение мелодического диапазона (в среднем 6.2 полутонов). Из отобранного материала были выбраны фразы, состоящие из одной или нескольких синтагм, для проведения перцептивного эксперимента. Опрашиваемым было предложено оценить естественность звучания синтезированной речи по десятибалльной шкале. По результатам опроса было обнаружено, что мужские синтезированные голоса воспринимаются как более естественные, нежели женские (средняя оценка мужской речи составила 6.67, а женской — 5.26; медианные значения — 7.0 и 5.0 соответственно). Наиболее высокие оценки (в среднем 8.52) получил мужской голос пожилого человека, характеризующийся хриплым тембром и ещё более суженным мелодическим диапазоном по сравнению с другими мужскими голосами (в среднем 5.7 пт). Голос пожилой женщины также считался участниками опроса более естественным, чем прочие женские голоса (средняя оценка — 6.42). Таким образом, полученный результат свидетельствует о более естественном звучании синтезированной мужской речи по сравнению с женской.

Полученные результаты могут быть учтены для улучшения качества синтеза речи, а также при обучении голосовых помощников, антропоморфных роботов или роботизированных интерфейсов.

Литература:

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. С. 96—122.

Акустические проявления в голосе признаков заболевания голосового аппарата

Курякова Софья Ильинична

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Особенность данной работы состоит в сравнении значений акустических параметров в речевом и певческом профилях. Кроме того, анализу подвергаются как гласные звуки, реализованные изолированно, так и извлеченные из речевой цепи. Цель настоящего доклада заключается в анализе специфических голосовых характеристик при наличии патологии и в норме. В задачи входит определение наиболее показательных акустических параметров, нахождение общих тенденций для различных манер реализации гласных звуков и клинических картин. В данном докладе будут представлены результаты анализа речевых сигналов в речи и пении у пациентов в здоровом и патологическом состоянии голосового аппарата.

Материалом для исследования послужил корпус аудиозаписей чтения фонетического текста, изолированного произнесения шести монотонных русских гласных в речи и пении в трёх регистрах (в среднем, низком и высоком регистрах). Перед записями врачом-фониатром были проведены осмотр органов голосового аппарата и поставлен диагноз. Запись проводилась с использованием записывающего устройства Roland R-09HR и петличного микрофона Audio-Technica. Сигнал был записан в формате .wav с частотой дискретизации 44100 Гц на 16 бит (качество CD диска). В эксперименте участвовали дикторы обоих полов в разных возрастных группах с различными состояниями голосового

аппарата. Основную часть участников составили профессиональные вокалисты и дети-солисты. Общая длительность аудиозаписи для каждого участника эксперимента составила 4—5 минут. Акустический анализ был реализован с помощью программ для фонетического анализа речи Praat и Wave Assistant. Основными параметрами для анализа послужили средняя ЧОТ (частота основного тона, в Гц), джиттер и шиммер, NHR (Noise-to-Harmonic Ratio).

Нарушения работы голосовых складок проявляются в невозможности сохранения стабильных периодов звука. Случайные колебания по частоте или амплитуде возможно отслеживать с помощью джиттера и шиммера. Повышение названных показателей, как правило, связано с присутствием фрикативных шумов, придыхания. В результате сравнения значений джиттера и шиммера в разных манерах реализации гласных наблюдалась корреляция между увеличением ЧОТ и уменьшением акустических показателей джиттера и шиммера, что может быть принято во внимание для оценки голоса вокалистов. По результатам исследования, для оценки певческого голоса в высоком регистре наиболее информативным является NHR, т. к. показатели джиттера и шиммера в данной манере реализации существенно снижаются. Данный параметр позволяет оценить наличие турбулентного шума, возникающего из-за неполного смыкания голосовых складок при патологии. В настоящем исследовании для каждого гласного были произведены расчеты данного параметра. Следует отметить, что гласный *и* отличался особо высоким показателем NHR. Наиболее низкие значения NHR наблюдались при анализе гласных, пропетых в низком регистре. Кроме того, наличие голосовых заболеваний влияет на ЧОТ, амплитуду, формантную структуру. Такие изменения возможно отследить при анализе звуковых сегментов внутри речевой цепи, напр., при анализе гласных в записях чтения фонетического текста.

«Меньше человекочасов — больше корпус»: автоматическое транскрибирование русской устной речи при помощи инструмента Kaldi

Скоробагатько Лада Леонидовна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

«Корпус русской устной речи» является материалом для исследований в области порождения и восприятия речи. Аннотирование корпуса включает в себя орфографическую расшифровку и акустико-фонетическую транскрипцию, которая осуществляется экспертами вручную, из-за чего пополнение корпуса требует большого количества времени и человеческих ресурсов. Это делает необходимым разработку алгоритма, который автоматизировал бы данные процессы.

Целью исследования было найти оптимальный способ автоматизации процессов, связанных с транскрибированием русской устной речи.

Для подобных задач может использоваться инструмент Kaldi. Он доступен бесплатно, в ходе работы с ним возможно обучить модель на собственном материале, а также он уже показал хорошие результаты на материале других языков [Bu et al., 2017; Kew et al., 2020]. В связи с этим мы решили использовать его для создания акустико-фонетической транскрипции русской устной речи.

Материалом для обучения моделей в Kaldi послужило 3083 межпаузальных интервала, взятых из трех аудиофайлов общей продолжительностью звучания 81 мин. 40 с., с их транскрипциями, взятыми из Корпуса русской устной речи. Межпаузальные интервалы были разделены на обучающую и тестовую выборки в соотношении 8 к 2. Первая нужна

была непосредственно для обучения моделей на собранном материале, вторая служила для оценки качества работы модели.

Было обучено в общей сложности 16 моделей. Обучение модели №1 производилось на словаре с токенами в виде целых слов. Словарь — это совокупность всех слов (под словами понимается промежуток между пробелами), которые потенциально могут встретиться в ходе работы алгоритма; алгоритм в момент распознавания речи выбирает из словаря наиболее вероятный токен, который произносится в межпаузальном интервале. Результаты работы оказались неудовлетворительными: Word Error Rate (далее — WER) и Sentence Error Rate (далее — SER) для разных способов обучения в среднем составляли 89,4% и 92,2% соответственно.

Было решено обучить модель №2 с очень маленьким словарем, в котором содержались бы не слова, а аллофоны. Такая конфигурация больше отвечала цели исследования, поскольку важно было обучить алгоритм таким образом, чтобы он распознавал конкретно аллофоны. Результаты работы модели №2 стали значительно лучше: значение метрики WER составило всего 42,27%. Метрику SER было решено не воспринимать как маркер улучшения работы, поскольку она указывает на процент верно распознанных межпаузальных интервалов, а не аллофонов.

Также было отмечено, что при изменении некоторых параметров лингвистической модели улучшаются результаты транскрибирования. В частности, это касалось длины N-грамм: при длине от 4 до 5 WER опускается до 38%, т. е. снижается на 4%. Мы предполагаем, что это связано с тем, что значение моды длины межпаузальных интервалов в тестовой выборке равняется 6.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 103923108.

Литература:

Bu H., Du J., Na X., Wu B., Zheng H. AISHELL-1: An Open-Source Mandarin Speech Corpus and A Speech Recognition Baseline // URL: <https://arxiv.org/abs/1709.05522> (дата обращения: 29.02.2024)

Kew T., Nigmatulina I., Samardzic T. UZH TILT: A Kaldi recipe for Swiss German Speech to Standard German Text // Proceedings of the 7th Workshop on NLP for Similar Languages, Varieties and Dialects. Zurich, Switzerland, 2020. P. 15—24.

Анимационные фильмы на занятиях по английской фонетике

Филимонова Надежда Александровна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель данного исследования — разработка учебного курса по американскому варианту английского языка, основанного на использовании в качестве обучающих материалов фрагментов из мультипликационных фильмов студии Disney. Курс рассчитан на обучающихся, достигших уровня B1, и включает в себя несколько аспектов, в том числе фонетический.

Преимуществами предлагаемого метода являются одновременное задействование двух каналов обработки информации, погружение в языковую среду, интерактивность учебного процесса, возможность самостоятельной работы. Мотивация обучающихся повышается благодаря взаимодействиям с любимыми героями и созданию сказочной атмосферы.

Материалом исследования послужили анимационные фильмы студии Disney, а также сценарии к ним. При поиске примеров, иллюстрирующих ту или иную особенность английской фонетики, применялся метод контролируемого отбора. Критериями отбора явились такие факторы, как громкость и отчётливость звука, демонстрация артикуляции, мимики и жесты персонажей, простота и краткость высказывания (относительно уровня В1), значимость фрагмента с точки зрения сюжета мультфильма, его способность оказать на обучающихся эмоциональное воздействие и повысить их мотивацию. В числе лингводидактических методов, на применении которых основан курс, — работа с произносительной моделью, опознание, имитация, анализ тех или иных фонетических явлений, содержащихся в просматриваемых учениками видеофрагментах. Благодаря наличию видеоряда обучающиеся смогут не только слышать произношение звуков, но и видеть артикуляцию, мимику и жесты героев. Некоторые задания курса также включают в себя транскрибирование или использование изучаемой модели в контексте — напр., при разыгрывании сцен из мультфильма.

Среди фонетических тем, которые затронуты в курсе, — произношение гласных, слабые формы служебных слов, словесное ударение, интонация. Представляется, что эти темы требуют наибольшего внимания, потому как различия между русскими и английскими фонемами, понимание на слух и употребление в речи слабых форм служебных слов, произношение слов, содержащих более одного ударения, часто вызывает трудности у русскоговорящих. Размещение подобного курса после его апробации на носителях русского языка, изучающих английский, в сети «Интернет» может расширить возможности как самостоятельного изучения американского варианта английского языка, так и овладения им под контролем преподавателя.

Просодические и паралингвистические признаки эмоциональной окраски, сопутствующей иронии

Васильева Полина Евгеньевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Ирония — комплексное явление, проявляющееся на всех языковых уровнях. В его основе лежит некоторое несоответствие или противоречие, распознавание которого необходимо для корректной интерпретации сообщения. В ситуации, когда опора на контекст или лексические маркеры невозможна, важную роль для распознавания иронии играют паралингвистические средства (жесты и мимика) и просодические ключи. На данный момент признаки иронии описаны достаточно полно, однако эмоциональный компонент модальности практически не изучен. Главной целью данного исследования является выявление просодических и паралингвистических признаков эмоциональной окраски, сопутствующей иронии. Материалом для исследования послужил корпус иронической речи, разработанный на кафедре фонетики СПбГУ. В корпус вошли аудио- и видеозаписи омонимичных высказываний, включенных в иронические и нейтральные контексты, прочитанные носителями русского языка в лабораторных условиях. Для определения просодических и паралингвистических признаков эмоциональной окраски, сопутствующей иронии-отрицанию в лабораторной речи, был осуществлен акустический анализ целевых фрагментов высказываний в программе Wave Assistant, а также анализ мимики и жестов в программе ELAN. Затем были составлены три опроса на платформе SoSci Survey для проведения перцептивного эксперимента. В первом опросе участникам были предъявлены аудиофрагменты, во втором — видеофрагменты без звука, в третьем — видеофрагменты со звуком. Каждый опрос включал в себя 12 фрагментов из фраз, содержащих иронию, и 12 фрагментов из нейронических фраз. Для эксперимента были

отобраны записи 6 дикторов: 3 мужчин и 3 женщины. Аудитору было необходимо прослушать или посмотреть фрагмент и ответить, является ли он частью иронического или неиронического высказывания, а также выделить, какие эмоции выражаются в данном фрагменте (радость, злость, удивление, страх, отвращение, грусть, вариант аудитора). Все аудиторы являлись носителями русского языка, каждый из опросов прошло более 30 аудиторов. Результаты исследования показали, что просодические и паралингвистические признаки эмоциональной окраски, сопутствующей иронии, контрастны: в эксперименте с аудиофрагментами аудиторами наиболее часто отмечались отвращение (34%) и злость (27%), в эксперименте с видео без звука — радость (28%), в эксперименте с видеофрагментами со звуком — отвращение (28%) и злость (27%), однако эмоциональное значение, сопровождающее просодические признаки, превалирует, на что указывают данные по эксперименту с аудио- и видеорядом. Процент корректного распознавания иронических высказываний на основе аудиофрагментов — 59%, на основе видеозаписей без звука — 42%, на основе видеозаписей со звуком — 83%. Также по результатам эксперимента можно сделать вывод о том, что в них также отражается противоречие, закладываемое говорящим в речевой акт, поскольку аудиторы приписывают просодическим и паралингвистическим ключам контрастные эмоциональные значения, которые сопровождают иронию-отрицание.

Фонетические характеристики речи при когнитивной нагрузке

Макимова Мария Романовна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Когнитивная система человека включает в себя долговременную память и кратковременную рабочую память. Когнитивная нагрузка отражает объем ресурсов, затрачиваемых рабочей памятью. Т. к. объем и возможности рабочей памяти человека ограничены, для эффективного выполнения когнитивных задач необходимо контролировать нагрузку на рабочую память [Sweller, 1988]. Распознавание когнитивной нагрузки в речи позволяет повысить эффективность образовательных методик [Sweller, 1988] и удобство использования диалоговых систем. При распознавании признаков когнитивной нагрузки в речи пользователя система может адаптироваться под его состояние [Yap, 2012]. Маркерами когнитивной нагрузки в речи могут быть повышение частоты основного тона (ЧОТ) и интенсивности, сужение диапазона ЧОТ, ларингализация, изменение темпа речи и скорости артикуляции [Yap, 2012]. Целью данной работы является сравнение фонетических характеристик речи в трех ситуациях: при наличии повышенной когнитивной нагрузки, ее отсутствии и предпаузальном удлинении. Материалом для исследования послужили аудиозаписи речи семи студентов кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ. В качестве задачи, вызывающей когнитивную нагрузку, информантам было предъявлено 20 названий цветов, где цвет шрифта отличался от значения слова (тест Струпа [Scarpina, Tagini, 2017]). Испытуемые должны были назвать цвет шрифта каждого слова. Дополнительной задачей были вопросы, связанные с фонетикой английского языка. Речь в случае отсутствия повышенной когнитивной нагрузки была реализована информантами при чтении фонетически представительного текста «Был тихий серый вечер» [Степанова, 1988]. Было проведено сравнение длительности гласных, щелевых согласных и сонантов в процессе размышления над заданием, в случае отсутствия затруднений при выполнении задачи и при предпаузальном удлинении. Также было проведено исследование ларингализации, динамики ЧОТ и интенсивности голоса. Результаты показали, что длительность безударных гласных, щелевых согласных и сонантов в случае затруднения при выполнении задачи превышает длительность безударных гласных, щелевых согласных и сонантов при отсутствии глубоких

размышлений и при предпаузальном удлинении. Чаще всего в случае затруднений при выполнении задания дикторы реализовали восходящий и нисходяще-восходящий интонационные контуры. Диапазон значений ЧОТ в восходящих контурах при когнитивной нагрузке был шире, чем при чтении неконечных синтагм в фонетически представительном тексте. Длительность ларингализованных участков при когнитивной нагрузке была больше, чем в случае предпаузального удлинения. Затруднения при выполнении задачи также маркировались понижением интенсивности голоса.

Литература:

Степанова С. Б. Фонетические свойства русской речи: реализация и транскрипция: дис. канд. филол. наук. Л., 1988.

Scarpina F., Tagini S. The stroop color and word test // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. P. 1—8.

Sweller J. Cognitive load during problem solving: Effects on learning // *Cognitive Sciences*. 1988. Vol. 12. P. 257—285.

Yap T. F. Speech Production Under Cognitive Load: Effects and Classification: PhD thesis. Sydney, 2012.

Practical English Phonetics through the Lens of Cambridge Exams: A Preliminary Study

Зверев Михаил Эдуардович

студент 4 курса

Ивановский государственный университет

The present work is concerned with a phonetic facet of the speaking paper of Cambridge high-level qualifications, such as FCE (the First Certificate in English), CAE (the Certificate in Advanced English) and CPE (the Certificate of Proficiency in English). The phonetic skills that are assessed in these examinations are comprehensibility and intelligibility of speech, the appropriate articulation of individual vowels and consonants, word stress, sentence stress and prosody, that is, main intonational patterns, for instance, falling and non-falling tones, sequence of tones in complex sentences, the usage of tones, depending on the speaker's attitude and communicative patterns of a sentence [C2 Proficiency...: 68—69]. The key objective of the research is, therefore, to look into the phonetics areas in which advanced learners of English may well demonstrate a lack of knowledge. With this in mind, a survey was conducted in December 2023 at the Polina Kordik School of English. The survey in question encompassed three excerpts that the participants of the study (n=51) had to read out, and using one of the following voice recording services (<https://vocaroo.com/> or <https://www.speakpipe.com/voice-recorder>), had to record their answers and insert three links to the Google form.

The main preliminary results of the survey reveal that B2, C1 and C2 learners of English lack skills both on segmental and suprasegmental levels of the spoken language. By way of illustration, most participants did not have a good command of vowel contrasts (e. g., TRAP — DRESS; FOOT — GOOSE). They additionally did not take serious heed of individual consonants, such as h and ŋ, as well as p, t, k and their aspirated / non-aspirated allophones. On the level of suprasegmentals, the participants of the survey disregarded such phenomena as tone usage in sentences consisting of more than one intonational group, and the impact of speech rhythm on word stress (e.g., the word *interactive* has primary and secondary stresses *ɪntər'æktɪv*, yet in the word combination *an interactive programme*, the stress is shifted). Moreover, most research subjects failed to pay attention to commas; however, these punctuation marks are deemed to be of help in reading passages and texts, with providing a clue when making a pause or about

choosing an appropriate tone. Other findings and features of English speech employed by the research subjects will be explored at length during the presentation of our report.

To conclude, while it is of immense importance to develop vocabulary and grammar skills, we ought to keep in mind the phonetic aspect of English sound speech, as L. V. Bondarko [Bondarko, 1981: 4] once stated that «any linguistic system (and any of its levels) cannot be delineated (and taught, it seems — M. Zverev) without looking into substantial characteristics of the phonetic units belonging to the linguistic code». Furthermore, paying attention to the phonetic facet of oral discourse will lead to better results in any Cambridge exams under consideration.

Literature:

Bondarko L. V. Phonetic Description of Language and Phonological Description of Speech. Leningrad, 1981.

C2 Proficiency: Handbook for Teachers for Exams from 2023. Cambridge University Press and Assessment, 2023. URL:

<https://www.cambridgeenglish.org/Images/168194-c2-proficiency-teachers-handbook.pdf> (accessed: 25.02.2024).

Перцептивный анализ просодических коррелятов вежливости в устной русской речи

Ложкина Виктория Александровна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящем докладе описываются результаты пилотного перцептивного эксперимента, посвященного выявлению акустических ключей вежливой/невежливой речи. Развитие возможностей и каналов для коммуникации, появление всё более усовершенствованных систем искусственных голосовых ассистентов заставляет обратиться к проблеме просодических механизмов, организующих вежливое высказывание. Вежливость — механизм контроля «потенциальной агрессии социума» [Brown, Levinson, 1987], залог успешной коммуникации.

Материалом для анализа послужили результаты пилотного перцептивного эксперимента, проведенного в декабре 2023 г. Носителям русского языка было предложено прослушать изолированные аудиозаписи (длительностью от 2 до 11 секунд; в разных коммуникативных ситуациях — публичное интервью, диалог; и с разными установками для диктора) и определить, насколько: 1) вежливо и эмпатично высказывание звучало, 2) хочется продолжить общение с говорящим, 3) велика социальная дистанция между говорящим и адресатом.

Записи представляли собой фразы: а) с лексическим маркером вежливости (Пожалуйста, расскажите, что это за премия), б) без лексического маркера (Остановка — прямо за углом). Анализ проводился вручную при помощи программ Praat и Wave Assistant. Кроме того, полученные первичные акустические ключи были проверены и дополнены при помощи сопоставительного анализа с другим контекстом, не предложенным респондентам и представляющим собой речь персонажа кинофильма «Москва слезам не верит» (реж. В. Меньшов, 1979): 1) две вежливые фразы с установкой на продолжение общения (Что у вас?, Очень хорошо), 2) невежливая, грубая фраза (С бумагой в стране напряженка).

В результате удалось обнаружить корреляцию между уменьшением степени вежливости высказывания и выраженностью мелодических перепадов основного тона и в целом «изломанностью» мелодического контура (на примере сильного акцентного выделения ИЦ в интонационной конструкции [03] по системе Н. Б. Вольской [Вольская,

Скрелин, 2009]). Помимо этого, сделаны выводы об общем темпе речи в связи с прагматикой высказывания, дистантностью собеседников и настроенностью на продолжение контакта. Наконец, выявлена корреляция между повышением общего регистра высказывания в невежливых контекстах по сравнению с вежливыми в речи одного и того же диктора. Данные выводы — первые опорные точки для будущего более масштабного исследования автором просодического оформления вежливости и установки на продолжение коммуникации.

Литература:

- Вольская Н. Б., Скрелин П. А.* Система интонационных моделей для автоматической интерпретации интонационного оформления высказывания: функциональные и перцептивные характеристики // Третий междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» АРЗ. 2009. СПб., 2009. С. 28—40.
- Brown P., Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987.

Аудиовизуальное оформление прагматического маркера «в общем»

Радионова Евгения Алексеевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование посвящено прагматическому маркеру (далее: ПМ) в общем, а именно анализу его просодических характеристик и жестикюляции, реализующейся при произнесении этого ПМ.

На современном этапе развития лингвистики всё больше внимания уделяется устной речи. ПМ также входят в сферу внимания исследователей, но несмотря на это вопрос об аудиовизуальном оформлении ПМ до сих пор мало освещен. Таким образом, актуальность исследования заключается в том, что впервые совершается попытка рассмотреть не только вербальную, но и невербальную составляющую этой единицы.

Материалом для исследования служат 35 контекстов, в которых содержится ПМ в общем, взятый из мультимедийного подкорпуса национального корпуса русского языка (НКРЯ). В исследовании используются различные методы: описательный (анализ мелодического оформления ПМ); сравнительно-сопоставительный (позволяет обнаружить корреляцию между просодическими характеристиками и жестами), инструментальный (обработка материала осуществляется при помощи программ Wave Assistant и ELAN).

В ходе анализа были получены следующие результаты:

1. В общем реализуется в двух интонационных конструкциях: ИК-6 (57 %) и ИК-2 (43 %), на ударном слоге всегда происходит повышение тона.
2. В большинстве случаев (97 %) данная единица сопровождается каким-либо жестом: движением головы, плеч, рук, глаз.
3. Чаще всего (69 %) при произнесении ПМ в общем говорящие совершают движение вверх (поднимают голову, плечи, глаза, брови), дублируя тем самым движение тона.
4. В остальных случаях говорящие либо опускают голову (17 %), либо сначала кивают, а затем поднимают голову (14 %), что, вероятно, связано с тем, что они маркируют таким образом переход к новой синтагме, выделяя исследуемый ПМ как с помощью интонации, так и благодаря жестам. Интересным наблюдением является то, что почти в половине случаев (16 случаев из 35) говорящие моргают в момент произнесения единицы в общем. Стоит предположить, что этот жест может также указывать на момент начала синтагмы.

Таким образом, исследование показало, что прагматический маркер в общем, как правило, сопровождается жестом, а также в большинстве случаев восходящее движение тона в этой единице соотносится с тем, что говорящие, употребляя данный маркер, совершают движение вверх головой (17 случаев из 35), плечами (4 случая из 35), руками (1 случай), глазами или бровями (2 случая).

Полученные результаты позволяют предположить особое соотношение жестов и интонационного оформления на ПМ, будут использованы на дальнейших этапах анализа, и в будущем могут быть применены при разработке роботов-помощников (напр., при обучении детей), а также в преподавании русского языка как иностранного.

Система и норма в русской речи китайцев (на материале предложно-падежных конструкций)

Ранцан Анастасия Юрьевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель настоящего доклада — анализ интерферентных нарушений в русской речи китайцев с учетом соотношения нормы и узуса в системе русского языка. Исследуемый материал включает 1125 реализаций чтения фонетических слов с проклитиками, представленных предложно-падежными конструкциями с существительными и числительными. Особенностью отобранных фонетических слов является возможность переноса ударения со знаменательного слова на предлог (напр., *развелись по ветру, подвернулся под руку*). 720 реализаций принадлежат контрольной группе респондентов — русским дикторам, владеющим литературной нормой русского языка. 405 реализаций принадлежат китайцам, владеющим русским языком на уровне субординативного двуязычия. Представленные выводы основаны на результатах слухового анализа, а также акустического анализа с помощью программы Praat 6.1.16.

Просодическое оформление фонетического слова в речи носителей русского языка зависит от грамматической характеристики знаменательного слова; ритмической модели и акцентуационной парадигмы; семантики клитики и грамматической формы знаменательного слова; позиции фонетического слова в предложении; контекста и идеи контекста. Выбор места ударения производится носителями литературной нормы языка сознательно, с опорой на образцы и с учетом собственного языкового вкуса. На основании данных контрольной группы респондентов был определен актуальный узусальный выбор акцентной единицы (напр., обязательный перенос ударения на клитику в фонетических словах в составе фразеологизмов: *положа руку на сердце*). Просодическое оформление фонетического слова в русской речи китайцев на этапе субординативного двуязычия происходит в соответствии с теми возможностями, которые обеспечивает промежуточная языковая система на конкретном этапе ее развития. В русской речи китайцев существует несколько вариантов оформления фонетического слова.

1. Оформление, полностью соответствующее норме русского языка (*варенье растеклось по столу*).

2. Оформление, соответствующее норме русского языка, но не учитывающее семантики и контекста высказывания, т. е. не соответствующее узусу (*положа руку на сердце*).

3. Оформление, просодические характеристики которого соответствуют системе русского языка, но не соответствуют его норме (*поиск работы на зиму*). Неверный выбор места ударения обусловлен индивидуальными особенностями промежуточной системы в сознании говорящего; незнанием ритмической модели данной единицы и ее акцентуационной парадигмы; действием механизмов внутриязыковой интерференции.

4. Оформление, нарушающее систему русского языка: неверная комбинация просодических средств для обозначения акцентной единицы. Подобные реализации воспринимаются на русский слух как такие, в которых отсутствует ударный слог или, напротив, имеется больше одного ударного слога. При этом под влиянием графического образа фонетического слова (наличия пробела между знаменательным словом и клитикой) предлог в предложно-падежных конструкциях может также оформляться китайцами как акцентная единица. Ритмико-просодические ошибки в русской речи китайцев свидетельствуют о том, что фонетическая база русского языка в их сознании находится в процессе формирования, содержит элементы, принадлежащие русскому языку, китайскому языку, а также диалектным и просторечным вариантам одного или обоих языков.

Просодические характеристики начала лекции и их восприятие

Титова Рената Руслановна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Интонацию определяют как комплекс характеристик, которые формируют целостную систему звуковых средств, взаимодействуя с синтаксическим строением и лексическим составом высказывания [Брызгунова, 1980]. Целью исследования является определение значимости определенных просодических средств в разных структурах лекционных и практических занятий в высших учебных заведениях.

Выявление влияния интонационных характеристик на их восприятие обучающимися может помочь при составлении методических рекомендаций для преподавателей, голосовых помощников, при использовании системы искусственного интеллекта в образовательных целях. Поскольку перцептивная релевантность отдельных просодических параметров речи преподавателя до сих пор изучена недостаточно, в данном исследовании проводится перцептивный анализ просодических характеристик лекции до и после внесения модификаций в звуковой сигнал.

Материалом данного исследования послужили две записи лекций в высших учебных заведениях (мужской и женский голоса). Аудиозаписи лекций были разделены на структурные элементы (начало, середина, конец), для первых элементов (начало) в программе WaveAssistant был проведен анализ просодических характеристик: темпа речи, диапазона основного тона, интонационных конструкций, типов пауз, тональных акцентов. Анализ показал использование лекторами значительного количества смысловых пауз (пауз молчания) и заполненных пауз хезитации. В большинстве случаев в начале лекции преобладали неконечные синтагмы, разделенные данными видами пауз, лекторы использовали ИК-3, по типологии Брызгуновой [Брызгунова, 1981], характеризующуюся восходящим тоном с последующим падением. Для выявления значимости просодических характеристик был проведен пилотный перцептивный эксперимент. Респонденты отвечали на следующие вопросы: нравится ли им звучание голоса лектора, интересно ли им было (были отобраны вводные части лекции, что позволило избежать влияния семантической информации), хотели бы они обучаться у лектора с таким голосом, а также указать, какие эмоции они слышат в речи лектора. Был проведен акустический анализ предъявленных отрывков. Результаты эксперимента выявили отсутствие разницы между восприятием обращения к аудитории «Друзья, ...» как отдельной синтагмы и обращением внутри синтагмы (вырезанного слова «друзья» из высказывания «Так друзья, давайте, я думаю, мы с вами потихоньку начнем...»). При модификации вступительной части лекции (удаление всех пауз из сигнала) 55% участников отметили отсутствие изменений восприятия, 28% — улучшение восприятия при прослушивании. Оба голоса большинством были оценены как «приятные», несмотря на различие акустических характеристик. При этом, суммируя все результаты опроса, более высокие показатели (голос оценивался как более приятный/было

интересно/хотели бы обучаться у данного лектора) получил лектор 2, чья речь характеризовалась более высокой частотой основного тона, более широким мелодическим диапазоном, менее длительными незаполненными паузами, членением фразы на короткие интонационные группы, как правило, равные одной словоформе, и более медленным темпом по сравнению с лектором 1. Эти наблюдения подчеркивают важность интонационного оформления в лекциях, которые могут влиять на эффективность обучения и восприятие аудиторией.

Литература:

Брызгунова Е. А. Русская грамматика. М. Наука, 1980.
Брызгунова Е. А. Звуки и интонации русской речи. М., 1981.

Эмоциональная классификация текстов методами машинного обучения с использованием лингвистических признаков

Гурков Иван Евгеньевич

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Стремительное развитие больших языковых моделей (LLMs), создаваемых на основе современных нейросетевых архитектур, заставляет исследователей по-новому взглянуть на соотношение алгоритмов классического и глубинного обучения при решении задач компьютерной лингвистики. Одной из таких задач является определение эмоциональной и тональной окраски текста.

В широком смысле, анализ тональности текста (sentiment analysis), заключается в выявлении мнения его автора по поводу предмета, обсуждаемого в тексте. Анализ тональности подразумевает классификацию текста по двум или трём категориям: положительная, отрицательная и нейтральная. Эмоциональная классификация предполагает более узкую классификацию по заранее определённым эмоциональным категориям, например, радость, гнев и т. д. Для обучения моделей классификации текстов по эмоциональным категориям потребовалось решить вопрос о выборе значимых лингвистических признаков текстов. Отбор признаков производился с учётом современных работ в области автоматической обработки текста, в частности [Blinova, 2022]. В данной статье авторы рассматривают несколько групп типичных лингвостатистических признаков, проверяют внутригрупповую корреляцию для уменьшения размерности признакового пространства, и обучают на оставшихся признаках классификационную модель сложности текста. Поскольку эти признаки являются универсальными и используются в других задачах, например, в определении авторства текста и его жанрово-стилевой принадлежности, мы предполагаем, что и применительно к исследованию эмоциональности они сохраняют свою релевантность. Некоторые метрики были исключены из анализа в рамках данной работы, к примеру, признак количества знаков, важный в анализе сложности текста, но не столь существенный для анализа тональности разговорной речи. Эксперименты проводились на основе набора данных, включающего записи звонков в экстренные службы, нарезанные на относительно короткие отрывки от 1 до 12 секунд, а также сделанные вручную транскрипты. Общее количество отрывков: 3572. Эмоциональная разметка проводится по следующим категориям: грусть, злость, радость, удивление, волнение, раздражение, недовольство, обида, обречённость, страх.

Были проверены следующие модели: дерево решений, случайный лес, наивный байесовский классификатор, k-ближайших соседей, ридж-классификатор, классификация гауссовских процессов, машина опорных векторов и CatBoost. Проводилась оценка

результатов классификации с помощью метрик точности, полноты, аккуратности и F-меры. Лучшие результаты показала модель CatBoost. Значение ROC-AUC 0.625 говорит о том, что модель показывает способность обнаруживать закономерности в данных и хорошо справляется с задачей классификации по сравнению с другими исследованными моделями. Данное исследование демонстрирует, что модели машинного обучения на классических лингвистических признаках показывают умеренную эффективность на задаче эмоциональной классификации текстов и должны быть дополнены информацией из векторных эмбедингов моделей.

Литература:

Blinova O. Complexity metrics of Russian legal texts: selection, use, initial efficiency evaluation // Computational Linguistics and Intellectual Technologies Dialogue. Moscow, 2022. P. 1017—1028.

Устный и письменный текст сквозь призму выделения ключевых выражений

Гусева Дарья Дмитриевна

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе обсуждается проблема восприятия ключевых выражений в письменном и устном текстах. Процесс передачи информации может происходить посредством устной и письменной речи, которые не считаются равноправными. Устная речь первична по отношению к письменной и представляет собой более естественную реализацию языка в процессе общения.

Существует целый ряд работ, исследующих проблемы, связанные с производством и восприятием как устной, так и письменной речи. Различия восприятия содержания письменного и устного текста проявляются на разных уровнях компонентов коммуникации и понимания текста, в т. ч. на уровне выделения ключевых выражений. Под ключевыми выражениями понимаются самостоятельные языковые единицы, которые представляют наиболее важную информацию о тексте в компактном формате, тем самым способствуя структурированию текстов, их классификации, кластеризации, суммаризации и конспектированию. Цель данного исследования заключается в сопоставлении различий, возникающих при восприятии одного и того же текста, представленного в письменной и устной формах. В качестве материала исследования использованы аудиозаписи лекций русскоязычных дикторов, опубликованных в открытом доступе в рамках проекта «Постнаука». В докладе представлены результаты перцептивных экспериментов.

Был проведён эксперимент с определением фонетически (просодически) выделенных слов по методике Н. Д. Светозаровой и А. С. Штерн [Светозарова, Штерн, 1989]. Процедура обработки результатов заключалась в сопоставлении полученного набора фонетически (просодически) выделенных слов, для получения которого были привлечены эксперты-фонетисты, с набором выделенных из текстов ключевых выражений.

Из письменного текста ключевые выражения были извлечены как автоматически, так и вручную. Для автоматического выделения были применены следующие методы: 1) статистические (Chi-квadrat, Log-Likelihood, PMI-test, T-test); 2) гибридные (RAKE, RuTermExtract, SpaCy); 3) с использованием машинного обучения (KeyBERT); 4) ChatGPT, языковая модель на базе искусственного интеллекта. Из устного текста ключевые выражения выделялись только с помощью ручной разметки, полученной в результате серии перцептивных экспериментов.

В экспериментах с извлечением ключевых выражений аудиторы должны были после прочтения или прослушивания текста выделить 10 ключевых выражений, ранжируя их от самого важного к менее важному. В эксперименте с привлечением экспертов-фонетистов необходимо было во время прослушивания записи отметить в тексте фонетически (просодически) выделенные слова. Под просодически выделенными словами подразумеваются слова, имеющие акцентное выделение, которое является «обозначением активной для восприятия выделенности просодическими средствами какого-либо слова во фразе» [Николаева, 1982: 3].

Результаты показали неоднозначность связи между наборами ключевых выражений и фонетически (просодически) выделенных слов. В работе также представлен анализ различий в восприятии текстов информантами, относящимися к разным возрастным группам: 1) лица младше 18 лет включительно; 2) лица старше 18 лет.

Литература:

Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Светозарова Н. Д., Штерн А. С. Ключевые и фонетически выделенные слова текста // Экспериментальная фонетика. Автоматический анализ и синтез речи. М. 1989. С. 157—170.

Распознавание речи людей, переживших сильное эмоциональное потрясение

Долгушин Михаил Дмитриевич

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Распознавание высокоэмоциональной акцентной речи остается слабоизученной частью области речевых технологий. Часто для обучения моделей распознавания речи и проверки их качества используются корпуса начитанной речи. В последние годы, высокое качество распознавания достигнуто и на корпусах спонтанной речи [Baevski, 2020], но число работ по распознаванию речи, затрудненной спектром речевых особенностей, остается ограниченным, несмотря на значимость исследований по оцифровке архивных аудиоматериалов с пожилыми людьми, пережившими значимые исторические события. В данном докладе ставится цель по распознаванию русской речи свидетелей Холокоста, на материале видеоподкастов, представленных фондом Яд Вашем [Bukreeva, 2023].

Материал содержит 24 интервью. Приблизительная длительность материала составляет 26 часов. Возраст интервьюируемых варьируется от 82 до 98 лет. Для 44% выборки русский не является первым языком. Отмечается интерференция с такими языками как: идиш, украинский и др. Встречаются речевые особенности, вызванные возрастными изменениями.

Материал был предварительно обработан, интервью были сегментированы в соответствии с субтитрами. Удалялись записи короче 1 секунды и длинее 10 секунд, а также записи с пустыми субтитрами. Разработан корпус акцентной высокоэмоциональной речи свидетелей Холокоста. Корпус поделен на 3 выборки: обучающую — 70%, валидационную — 15% и тестовую — 15%. Интервьюируемые в выборках не пересекаются и сбалансированы по полу. Для распознавания решено использовать нейросетевую модель Wav2Vec 2.0 предварительно обученную на русском языке [Bondarenko, 2022]. Данная модель выбрана, поскольку она показывает высокие результаты точности на слитной спонтанной речи и может быть дообучена на меньших объемах данных для получения более высоких результатов точности.

Проведены эксперименты по распознаванию высокоэмоциональной и акцентированной речи с помощью нейросетевой модели Wav2vec 2.0. Получены достойные результаты. Наряду с общепринятой метрикой для систем распознавания речи WER (Word Error Rate), мы также оценили CER (Character Error Rate), чтобы получить более четкое представление о производительности нашей модели. Полученные оценки WER и CER — 35 % и 21 % соответственно для модели, прошедшей настройку на нашем материале.

В результате были представлены модель распознавания речи людей, переживших сильное эмоциональное потрясение, и демонстрационный набор данных. В написанных текстах иногда встречаются неточности, а также в некоторых случаях возникает не только речь респондента, но и интервьюера. Далее планируется проверить влияние на качество распознавания паралингвистических характеристик интервьюируемых.

Литература:

Baevski A. wav2vec 2.0: A Framework for Self-Supervised Learning of Speech Representation / A. Baevski, H. Zhou, A. Mohamed, M. Auli. (eds.). 2020. URL: <https://arxiv.org/pdf/2006.11477.pdf> (date of application: 28.02.2024).

Bukreeva L. Emotional Speech Recognition of Holocaust Survivors with Deep Neural Network Models for Russian Language // Speech and Computer. SPECOM 2023. Lecture Notes in Computer Science. V. 14338. Springer; Cham, 2023. P. 68—76.

Автоматическое распознавание английских заимствований в русской речи (на примере сферы IT)

Силков Сергей Владимирович

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Данное исследование направлено на анализ и улучшение систем автоматического распознавания речи (ASR), с фокусом на интеграцию англицизмов, которые широко используются в IT-сфере. В начале работы был проведен глубокий анализ существующих научных исследований для определения ключевых аспектов автоматического распознавания речи и его эволюции, что позволило выявить существующие проблемы и определить направления для дальнейшего развития. Особое внимание было уделено жаргону и английским заимствованиям как значительному лингвистическому явлению, которое играет важную роль в профессиональной коммуникации в IT-секторе. Создание аудиокорпуса англицизмов, включающего сбор и систематизацию примеров из русской речи в контексте IT, стало ключевой задачей для обеспечения материала для дообучения и интеграции в системы ASR.

В исследовании использовались современные технические инструменты и методологии обработки естественного языка для анализа и обработки собранных данных. Это позволило не только качественно подготовить аудиокорпус, но и обеспечить его максимальную релевантность и представительность в контексте задачи. Завершающий этап работы охватывает интеграцию собранного корпуса в систему ASR на базе модели wav2vec, нацеленную на адаптацию к особенностям русской речи с англицизмами. Существенной частью исследования стало дообучение модели wav2vec, используя корпус англицизмов для увеличения точности распознавания. Процесс включал тестирование и оценку эффективности модели после интеграции корпуса и дообучения, что позволило оценить достигнутые улучшения и определить дальнейшие направления развития.

Исследование подчеркивает важность адаптации систем автоматического распознавания речи к многоязычной и профессиональной речи, открывая новые

перспективы для их применения в специализированных областях. Выводы исследования могут быть использованы для улучшения существующих систем ASR, а также служить основой для разработки новых решений, нацеленных на эффективную работу в условиях современного многоязычного информационного пространства.

Психолингвистика

Моделирование тематической группы «Сезоны» в ментальном лексиконе русско-испанского учебного билингва при межъязыковом ассоциировании

Шистерова Алина Андреевна

магистрант 1 курса

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В современном обществе высокий интерес к мультикультурализму вызван увеличением межкультурных контактов, которое прямо пропорционально востребованности изучения языков. В аспекте активного распространения мультилингвизма необходимо уделить особое внимание перестройке ментального лексикона при усвоении второго языка в учебной ситуации. Настоящее исследование посвящено экспериментальному моделированию ментального лексикона русско-испанских учебных билингвов, находящихся на начальном уровне владения вторым языком, и осуществляется с целью выявления межъязыкового прайминг-эффекта. В данном контексте важно определить понятие «прайминг-эффект». Так, прайминг-эффект — это результат прайминга, представляющий собой изменения качественно-количественных характеристик реакции информанта при столкновении с уже известным объектом как в условиях эксперимента, так и за его пределами [Фаликман, Койфман, 2005: 87—88]. Научная новизна исследования — впервые на материале речи русскоязычных информантов, изучающих испанский язык, описаны связи между разными тематическими группами слов, а также создана модель элемента структуры их ментального лексикона. Выявлены связующие элементы, объединяющие ассоциативно-вербальные пары в единую ассоциативно-вербальную сеть, продемонстрировано существование прайминг-эффекта внутри данной сети. Целью исследования — изучение формирования системы межъязыковых ассоциативных связей, устанавливающихся в ментальном лексиконе начинающих русско-испанских учебных билингвов. Для достижения поставленной цели проведено психолингвистическое исследование с применением метода свободного ассоциативного эксперимента. Материал исследования — 20 анкет студентов с разных факультетов ПГНИУ, изучающих испанский язык на уровне А1. В результате экспериментального исследования были получены 674 ассоциативно-вербальные пары, которые подверглись последующему анализу. Обобщая результаты проведенного экспериментального психолингвистического исследования, можно сделать следующие выводы:

1. В ментальном лексиконе носителя русского языка, начинающего изучать второй (испанский) язык в учебной ситуации, языковые единицы L1 и L2 связываются между собой, образуя тем самым межъязыковые тематические группы, которые чаще всего базируются на семантической близости, а не на единстве языкового кода.

2. В рассматриваемой модели были выявлены три вида прайминг-эффекта: семантический (межсезонье → verano ‘лето’); перцептивный (*soleado* ‘солнечно’ → фамилия); экстралингвистический (май → праздник); последний появляется в результате влияния социального опыта индивида.

3. На начальном этапе формирования русско-испанского учебного билингвизма обнаруживается множество типов ассоциативных связей: гипо-гиперонимических (межсезонье → primavera ‘весна’); антонимических (*invierno* ‘зима’ ↔ verano ‘лето’); ситуативно-тематических (*marzo* ‘март’ → шоколад); фонетико-графических (*soleado* ‘солнечно’ → сольдадо).

4. Межъязыковые тематические группы в ментальном лексиконе русско-испанских билингвов, начинающих овладевать вторым языком в учебных условиях, наблюдается тенденция к формированию мини-групп реакций, связываемых посредством формального подобия: солнце → *soleado* ‘солнечно’ ← соль.

Литература:

Фаликман М. В., Койфман А. Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Психология. 2005. № 3. С. 86—97.

Время в движении: восприятие пространственно-временных характеристик жестикуляции роботов детьми 4—5 лет

Подлесная Полина Андреевна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Интерпретация времени через призму пространства является широко распространенным феноменом, отраженным как в вербальной, так и в невербальной коммуникации. Данное исследование посвящено анализу влияния жестикуляции роботов на восприятие пространственно-временных характеристик событий русскоязычными детьми 4—5 лет. Особый интерес представляет вопрос о том, как дети усваивают концепцию времени и какие механизмы лежат в основе этого процесса.

Недавние исследования [McNeil, Evans, Alibali, 2000; Goldin-Meadow, 2000; Macoun, Sweller, 2016] подчеркивают значимость невербальной коммуникации и её положительное воздействие на способность детей усваивать новую информацию. Более того, с увеличением интереса к интеграции робототехники в образовательный процесс возникает необходимость в глубоком понимании того, как русскоязычные дети взаимодействуют с роботами, особенно в младшем возрасте.

В рамках данного исследования мы стремимся понять, насколько эффективно дети воспринимают информацию, представленную рассказчиком-роботом, и какие факторы играют ключевую роль в этом процессе. Для этого проводится эксперимент, в ходе которого робот Ф-2 [Malkina, Kotov, Zinina, 2022] рассказывает две истории, а дети должны определить последовательность событий. Текст историй состоит из предложений, основанных на двух типах конструкций: «перед тем как» и «после того как» (которые, в свою очередь, можно разделить ещё на две группы: иконическую / не иконическую (X, перед тем как Y / перед тем как Y, X) и логическую / произвольную (Мальчик надел носки, перед тем как надеть ботинки / Девочка прыгнула, перед тем как хлопнуть)), а также различных положений жестов робота, представляющих пространственно-временные отношения. Ожидается, что лучше с заданием справятся дети, прослушавшие вариант истории, где жесты робота, относящиеся к предшествующему действию, были левонаправленными, а относящиеся к последующему действию — правонаправленными.

Роботы являются уникальным инструментом для исследования этого вопроса, поскольку они обладают способностью имитировать человеческие движения и выражения, а также могут быть использованы для представления информации в интересной и доступной для детей форме. Результаты исследования будут интересны с практической точки зрения, поскольку могут быть применены для оптимизации образовательных методик с использованием роботов.

Литература:

Goldin-Meadow S. Learning with and without a helping hand. B. Landau, J. Sabini, J. Jonides, E. L. Newport (eds.). Massachusetts, 2000. P. 121—137.

Macoun A., Sweller N. Listening and watching: The effects of observing gesture on preschoolers' narrative comprehension. *Cognitive Development*. 2016. №40. P. 68—81.

Malkina M., Kotov A., Zinina A. Perception of Multimodal Hedges in Communicative Behavior of a Companion Robot // *Proceedings of the 10th International Conference on Affective Computing and Intelligent Interaction Workshops and Demos (ACIIW)*. Nara, 2022. P. 1—3.

McNeil N. M., Alibali M. W., Evans J. L. The role of gesture in children's comprehension of spoken language: Now they need it, now they don't. *Journal of Nonverbal Behavior*. 2000. №24(2). P. 131—150.

Заполнение пауз хезитаций в монологе-описании пожилых людей

Мегре Мария Сергеевна

студент 2 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Актуальность настоящего исследования заключена в предмете изучения — речи пожилых людей. Большинство работ по геронтолингвистике на данный момент основывается на изучении языковых патологий. Цель данного эксперимента — рассмотреть особенности устной речи информантов пожилого возраста в рамках естественного старения. Паузы хезитации (ПХ) являются ярким маркером устной речи, поэтому их изучение может послужить дальнейшему составлению речевого портрета данной социальной группы.

Исследование проводилось на основе анализа 16 монологов описаний сюжетной картинки среди информантов пожилого возраста (от 65 лет), собранных экспериментальным путем. В качестве стимула использовался комикс Херлуфа Бидструпа «Скамейка». Кроме записи речи информантов, собирались также дополнительные данные об участниках эксперимента: возраст, образование, социальная активность, состояние здоровья и когнитивная активность в изучении чего-либо нового. Среди группы участвующих половину составляют мужчины, другую половину — женщины, что позволяет рассмотреть корреляцию использования ПХ с возрастом и гендером информанта.

В исследовании анализировались различные типы ПХ: незаполненные (перерыв в звучании); заполненные речеподобным звуком (м-м-м, э-э-э); удлинение звука; хезитационный повтор; заполненные словами-паразитами; невербальные (вздых, смех, кашель). Также важно было рассмотреть позиции употребления ПХ. В данном исследовании их встречается три типа: внутрисинтагменные; межсинтагменные; внутрисловные. Считается, что по способу заполнения ПХ можно судить об общем уровне речевой компетенции человека. Так, Н. В. Богданова пишет, что звуковое заполнение ПХ свидетельствует о более высоком уровне речевой компетенции говорящего, когда лексическое — о низком [Богданова, 1993: 99]. В ходе исследования были проанализированы все случаи употребления ПХ и их позиции в речи пожилых людей. Самым частотным типом ПХ у всех информантов является перерыв в звучании, который встречается во всех ответах. Удалось также выяснить, что мужчины чаще женщин заполняют ПХ речеподобным звуком: Вот () лежит мужик / похоже он ээ с похмелья или устал / но я думаю что он ээ с похмелья / потому что он () лег на скамейку и некоторое время не шевелился (мужчина, 73 года). Невербальные ПХ, заполняемые паралингвистическими средствами (смех, кашель, вздох), чаще встречались в речи женщин, когда информанты-мужчины их практически не использовали. При этом невербальные ПХ занимали в основном межсинтагменные позиции или, реже, внутрисинтагменные, когда были следствием самоперебива, коррекции: и решили они (...) *С самостоятельные () остались (женщина, 75 лет). Частотность употребления невербальных ПХ у информантов

женщин вероятно связана с частым использованием среди этой группы вставных конструкций, элементами которых выступают невербальные ПХ, как показателя эмоциональной реакции: ну () очень привлекательный мужчина надо сказать *С (женщина, 85 лет).

Так, определение особенностей заполнения ПХ в речи пожилых людей позволит составить общее представление об устной речи этой социальной группы, а также станет основой для дальнейших исследований в области геронтолингвистики.

Литература:

Богданова Н. В. О синтаксических коррелятах дифференциации уровней речевой культуры // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1993. С. 92—100.

Каждый имеет право на ошибку: самоисправления в речи учителей

Судакова Ульяна Андреевна

стажер-исследователь Филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

Самоисправления (самокоррекции) — это один из видов речевых сбоев, возникающих в устной спонтанной речи, когда говорящий решает, что «определенный фрагмент порожденного им текста не соответствует изначальной программе» [Подлеская, Кибрик, 2007: 3]. В этой работе впервые будут рассмотрены самоисправления в речи учителей, являющихся носителями русского языка. Материал исследования — записи речи более и менее результативных педагогов, сделанные во время проведения ими школьных уроков. Все записи предоставлены нашими партнерами из ООО «СберОбразование». В. И. Подлеская и А. А. Кибрик [Подлеская, Кибрик, 2007] выделяют два основных вида самоисправлений: 1) онлайн-коррекция, или собственно коррекция: поток речи прерывается сразу, когда говорящий замечает проблему (в т. ч. это может быть в середине слова); 2) ретроспективная коррекция, или редактирование (оффлайн-коррекция): фрагмент речи (элементарная дискурсивная единица) уточняется или исправляется уже после завершения. Цель этого исследования — определить, какие самоисправления и какие типы реакций на речевой сбой чаще встречаются у учителей, каким будет расстояние между забракованным фрагментом и откорректированным коррелятом и объем забракованного фрагмента.

Чтобы это проверить, в программе Praat (<https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>) мы отмечаем репарандум (забракованный фрагмент) и его исправление, опираясь при этом на классификации коррекций, предложенные в [Подлеская, Кибрик, 2007; Bogdanova-Beglarian et al., 2022; Levelt, 1983]. Мы рассмотрели по 8 уроков более и менее результативных учителей русского языка и литературы. В них были зафиксированы самоисправления упомянутых выше видов (онлайн и офлайн). Примеры онлайн-коррекций: *сфор... аргументировать свой ответ...; почему автор... рассказчик не может простить себе того...; Как вы думаете, скольк... будут они из скольк... из скóльких слов состоять, Катя?* Примеры офлайн-коррекций: *В чем состояла обязанность деда?.. Обязанность мастера Григория?; Задание, которое мы сейчас с вами обсуждали. Посмотрим, как оно выглядит в ЕГЭ. Ой, извините, пожалуйста. Рано нам ещё про ЕГЭ. ВПР.*

Предварительными результатами работы можно считать следующее:

1) онлайн-коррекции у учителей встречаются чаще, чем офлайн-коррекции, причем среди коррекций первого типа встречаются как обрывы слов, так и самоисправления после полностью произнесенного слова;

2) контактные самоисправления в речи учителей преобладают над дистантными.

В докладе будут приведены количественные данные, подтверждающие эти и некоторые другие наблюдения.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 103923108.

Литература:

- Подлеская В. И., Кибрик А. А.* Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2007. №2. С. 2—23.
- Bogdanova-Beglarian N., Zaides K., Verkhovtceva T., Beradze M., Meir N.* Self-Repair in Elicited Narrative Production in Speakers of Russian as the First (L1), Second (L2), and Heritage (HL) Language // Languages. 2022. Vol. 7(3). 229. URL: <https://www.mdpi.com/2226-471X/7/3/229> (дата обращения: 16.04.2024).
- Levelt W. J. M.* Monitoring and self-repair in speech // Cognition. 1983. Vol. 14(1). P. 41—103.

Разработка материала для речевой аудиометрии у детей 7—9 лет

Рехкайнен Александра Алексеевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель доклада — описать принципы, которые используются при отборе материала для речевой аудиометрии у взрослых, и оценить их применимость к детской речевой аудиометрии.

Речевая аудиометрия — исследование, позволяющее диагностировать заболевания слуховой системы, выбрать способ и оценить эффективность слухопротезирования [Бобошко, Риехакайнен, 2019]. Она может применяться для обследования как взрослых, так и детей, при этом последней долгое время уделялось меньше внимания: детская аудиометрия не описана в ГОСТе, поэтому остается актуальным вопрос разработки принципов отбора речевого материала для детской аудиометрии.

Существующие тесты для детей рассчитаны на слишком большие возрастные группы (напр., 3—7 лет, 7—14 лет), в них преобладают слова из 4—5 фонем, что значительно облегчает их распознавание. Нашей целевой группой станут дети 7—9 лет. Чтобы усложнить тесты, материалом будут односложные слова, состоящие из 3 фонем (лис, сыр), организованные в 10 списков по 10 слов (данные характеристики определены в ходе консультаций с коллегами из Лаборатория слуха и речи Научно-исследовательского центра Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И. П. Павлова, которые будут проводить апробацию разработанных нами таблиц).

За основу мы взяли критерии для взрослой речевой аудиометрии, перечисленные в ГОСТ Р ИСО 8253-3-2014 и в описаниях российских и зарубежных аудиометрических тестов, напр. [Fant, Lidén, 1954; Jerger, Speaks, Trammell, 1968; Бобошко, Риехакайнен, 2019 и др.]. Были выявлены три основных принципа, которые упоминаются в большинстве источников: 1) частотность слов, 2) фонетическая сбалансированность, 3) перцептивная сбалансированность.

Для детской речевой аудиометрии мы предлагаем изменить и дополнить эти принципы с учетом возрастных особенностей участников исследования. Во-первых, высокая частотность слова, определенная по частотным словарям русского языка, не гарантирует, что слово известно ребенку. Во-вторых, равная репрезентация всех фонем русского языка приводит к тому, что списки слов становятся слишком длинными для удержания внимания ребенка. Вместо частотных словарей мы предлагаем использовать лексические минимумы и опросы учителей на предмет лексики, актуальной для детей 7—9 лет. Фонетическую сбалансированность мы предлагаем определять не по всем фонемам, а по классам фонем (соотношение гласных/согласных, глухих/звонких, твердых/мягких и т.

п.). Оценить перцептивную сбалансированность списков будет возможно только с помощью эксперимента, но на этот параметр можно предварительно повлиять, если учесть плотность соседств каждого слова. Соседи — слова, отличающиеся прибавлением, заменой или опущением одного звука [Magnuson, Crinnion, 2022: 468].

В докладе будут представлены примеры разработанных нами таблиц и будут обсуждаться сложности, которые возникают при подборе материала.

Литература:

Бобошко М. Ю., Риехакайнен Е. И. Речевая аудиометрия в клинической практике. СПб., 2019.

Jerger J., Speaks C., Trammell J. L. A new approach to speech audiometry // Journal of speech and hearing disorders. 1968. Vol. 33 (4). P. 318—328.

Magnuson J., Crinnion A. M. Spoken Word Recognition // The Oxford Handbook of the Mental Lexicon. Oxford, 2022. P. 461—490.

Достаем... эээ... двойные листочки! Паузы хезитации в речи школьных учителей

Осадчая Мария Алексеевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Долгое время паузы в речи рассматривались как речевые сбои — считались проявлением непрофессионализма, мешающим восприятию информации [Voelker, 1944]. Позднее была разработана классификация пауз, в которой синтагматические паузы (на границах относительно законченных речевых единств) были отделены от пауз хезитации [Lounsbury, 1954]. Паузы хезитации — это паузы «обдумывания», которые нужны говорящему, чтобы подобрать языковую единицу, а слушающему — чтобы подготовиться к восприятию речи [Виноградова и др., 2023]. Это неотъемлемая составляющая естественной речи, в том числе речи учителей, вопреки мнению о том, что учителя должны говорить не только грамотно, но и «гладко».

На материале английского языка получены экспериментальные данные о том, что паузы хезитации в речи преподавателя влияют на восприятие материала учащимися [Johnson et al., 2009]. В этой работе паузами хезитации считались все несинтаксические (разрывающие сильные синтаксические связи) паузы. Лучше всего воспринимался фрагмент без хезитаций, хуже всего — содержащий много пауз хезитации. Фрагмент со средним числом хезитаций воспринимался заметно лучше, чем фрагмент, в котором пауз мало. На основе этих результатов оптимальным в речи учителя можно считать число пауз хезитации, которое было во фрагменте со средним количеством хезитаций (33 паузы на 7 мин. = 0,08 паузы на 1 с.).

Наше исследование посвящено влиянию пауз хезитации в речи учителей — носителей русского языка на восприятие информации школьниками. Цель доклада — описать принципы подготовки стимульного материала для проведения эксперимента на восприятие пауз в речи учителей и охарактеризовать паузы в стимульных текстах. Из записей уроков двух т. н. результативных учителей истории мы выбрали 5 фрагментов (от 52 с. до 130 с.), в которых учитель объясняет новый материал, и проанализировали паузы в них. Содержание пауз хезитации в этих фрагментах в пересчете на секунду превышает принятое нами за оптимальное примерно в 2 раза. Общее количество пауз — от 45 до 67, при этом пауз хезитации — от 11 до 22, т. е. около 30% от общего числа. В среднем в материале на каждые 33 слова приходится 1 пауза хезитации. Все эти паузы являются несинтаксическими. Для определения того, действительно ли результативные учителя

делают больше пауз, чем представляется оптимальным, мы планируем предъявлять участникам в перцептивном эксперименте исходные фрагменты и фрагменты, в которых количество пауз приближено к оптимальному посредством удаления ряда пауз хезитации.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 103923108.

Литература:

Виноградова Ю. С., Прокаева В. О., Риехакайнен Е. И. Корпусный анализ паузации в речи школьных учителей: первые результаты // *Terra Linguistica*. 2023. №14(4). С. 25—38.

Johnson C. et al. The effects of an instructor's use of hesitation forms on student ratings of quality, recommendations to hire, and lecture listening // *International Journal of Listening*. 1989. №3(1). P. 32—43.

Lounsbury F. G. Transitional probability, linguistic structure, and systems of habit-family hierarchies // *Psycholinguistics: A survey of theory and research problems* / С. Е. Osgood, Т. А. Sebeok (eds.). Baltimore, 1954. P. 93—101.

Voelker C. H. A preliminary investigation for a normative study of fluency: A clinical index to the severity of stuttering // *American journal of Orthopsychiatry*. 1944. №14(2). P. 285—294.

История одного чека: восприятие частотных редуцированных реализаций носителями русского языка

Белова Анастасия Романовна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель работы — определить, как русскоязычные дети дошкольного возраста распознают высокочастотные редуцированные словоформы, что позволит получить новые данные о формировании механизма распознавания устной речи в онтогенезе. Ранее подобных перцептивных исследований с участием детей дошкольного возраста не проводилось, поэтому на первом этапе нужно было разработать методику эксперимента. В докладе будет описан созданный нами дизайн эксперимента и представлены результаты его тестирования на взрослых носителях русского языка (которые рассматриваются как контрольная группа).

На основе предыдущих исследований по теме [Риехакайнен, 2016; Стойка, Богданова-Бегларян, 2019 и др.] было выбрано 12 частотных редуцированных словоформ: *будет* ['buit], *говорит* [gɪt], *когда* [ka'də], *очень* [otɕ:], *сегодня* ['sʲədɲʲə], *сейчас* [ɕ:æɕ], *сколько* ['skokə], *тебя* [tʲæ], *тогда* [tə'da], *только* ['tokə], *тысяча* ['tʲɕ:ə], *человек* [tɕ:ek]. При наличии двух и более частотных вариантов произношения выбирался наиболее редуцированный. С этими словами были составлены предложения, каждое из которых состояло из пяти фонетических слов, редуцированное слово всегда было третьим (напр., *Ты знаешь, сколько весит корова?*). Кроме того, было подготовлено два тренировочных стимула аналогичной структуры, которые не содержали редуцированных единиц.

В ходе первой части эксперимента участникам предъявлялись стимульные фразы с вырезанным последним словом и картинка. Участникам предлагалось повторить исходную фразу и дополнить ее словом с картинки. Контексты предъявлялись в соответствии с пятью протоколами, которые различались порядком следования стимулов. Во второй части эксперимента редуцированные словоформы предъявлялись участникам изолированно, порядок представления словоформ был произвольным. Участникам необходимо было привести определение услышанного слова и придумать с ним пример.

В пилотном эксперименте приняли участие 14 носителей русского языка от 18 до 27 лет (10 девушек). Было выявлено, что взрослые носители русского языка практически во всех случаях верно распознали редуцированные единицы в стимулах (95,8% — в контексте и 95,2% — при изолированном предъявлении). Чаще всего не распознавались словоформы человек (в контексте — 5 раз, изолированно — 2) и говорит (в контексте — 2 раза, изолированно — 3), также два раза участники не распознали словоформу тебя, предъявленную изолированно. Только в одном случае участник не распознал одну и ту же словоформу (человек) при предъявлении как в контексте, так и изолированно. В первой части эксперимента в 118 случаях (70,2%) участники при повторении восстанавливали редуцированную реализацию до полной; чаще всего в редуцированном виде повторяли словоформы сейчас (11 раз) и тысяча (10 раз). На основе полученных данных можно говорить о том, что у взрослых носителей языка восприятие предъявляемых редуцированных реализаций и соотнесение их с полными вариантами в основном не вызывает затруднений. Сопоставление этих результатов с результатами детей 4—5 лет позволит ответить на вопрос, владеют ли уже дети в этом возрасте механизмом распознавания редуцированных единиц, которым пользуются взрослые.

Литература:

- Риехакайнен Е. И.* Восприятие русской устной речи: контекст + частотность. СПб., 2016.
Стойка Д. А., Богданова-Бегларян Н. В. Словарь редуцированных форм русской речи. СПб., 2019.

Компьютерная и прикладная лингвистика

Определение сходства текстов научно-популярных статей на русском языке

Сафонова Наталья Александровна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Тематическая кластеризация — это процесс группировки объектов на основе их сходства по темам. Применение методов машинного обучения для анализа тематической структуры текстов позволяет кластеризовать информацию, объединить близкие по содержанию тексты. Автоматический анализ тем может служить удобным инструментом при информационном поиске, анализе структуры текстов, автоматическом извлечении информации, а также упростить анализ большого объема данных и внести вклад в совершенствование моделей искусственного интеллекта. Целью доклада является сравнение различных алгоритмов тематической кластеризации. Были поставлены следующие задачи: изучить принципы работы тематических моделей, собрать корпус статей на основе новостей научно-популярных порталов, применить методы автоматического определения тем, сравнить результаты, полученные разными алгоритмами. Был проведен эксперимент по тематическому анализу корпуса научно-популярных текстов для сравнения эффективности различных моделей. Полученные результаты мы сопоставляли с темами, которые были приписаны авторами статей вручную. В состав корпуса вошли 800 новостных материалов на русском языке за 2016—2024 гг., размещенных на портале «Наука и жизнь», объем корпуса составил более 1 миллиона словоупотреблений. Корпус был сбалансирован тематически, поскольку мы использовали текстовые материалы из нескольких рубрик издания: «новости», «события», «факт дня». В ходе работы потребовалось провести предобработку корпуса, которая включала токенизацию, лемматизацию и исключение стоп-слов. Это было необходимо по причине того, что классические алгоритмы выделения тем работают по принципу bag-of-words («мешок слов»), который подразумевает, что модель не учитывает грамматический и синтаксический критерии, но опирается на частотность вхождения слова в документ. Результаты проведенного эксперимента показали, что классические модели тематической кластеризации уступают по эффективности и качеству более современным инструментам.

Суммаризация медицинских текстов с учетом автоматической разметки именованных сущностей

Бойцова Дарья Валерьевна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Целью исследования является разработка эффективного алгоритма суммаризации медицинских текстов на русском языке и оценка степени влияния разметки именованных сущностей (Named Entity Recognition, NER) на качество результатов суммаризации.

Актуальность исследования заключается в необходимости разработки гибридных алгоритмов суммаризации медицинских текстов с учетом именованных сущностей и в разработке специализированных корпусов для обучения и тонкой настройки нейросетевых моделей для нужд BioNLP.

Суммаризация относится к процедурам семантической свертки и предполагает построение сокращенной версии текста с сохранением важнейших компонентов его содержания. Поскольку медицинские тексты насыщены именованными сущностями, которые зачастую представлены словосочетаниями, важно обеспечить их сохранение при генерации реферата. Научные и прикладные разработки в области компьютерной лингвистики, предлагающие решение этой проблемы, на сегодняшний день отсутствуют. Извлечение именованных сущностей — это задача распознавания в тексте лексем или конструкций, обозначающих имена людей, названия организаций, географических названий, единиц измерения и т. д. В медицинских текстах встречаются типы именованных сущностей, специфичные для данной области знаний: это названия диагнозов, симптомов, лекарственных препаратов, медицинских процедур и т. д. Типология именованных сущностей в медицинских текстах еще до конца не разработана, в связи с этим наша работа призвана восполнить существующие лакуны в этой области.

В качестве материала исследования были использованы два корпуса: корпус RuDReC для разметки NER и корпус статей, собранных автором на основе Русского Медицинского Журнала (РМЖ).

RuDREC (the Russian Drug Reaction Corpus [Tutubalina et al., 2021]) — корпус отзывов на русском языке о фармацевтических препаратах, предназначенный для выявления именованных сущностей, связанных со здоровьем и эффективностью лекарственных препаратов. Размеченная часть содержит 500 отзывов и 68036 токенов. Данный корпус был сделан специально для задачи NER.

Корпус статей Русского Медицинского Журнала был разработан для задачи суммаризации. Он содержит тексты 123 статей на тему COVID-19 и их аннотации, объем которых составляет 343356 токенов. Корпус был размечен при помощи модели RuDR-BERT.

В ходе экспериментов для решения задачи NER использовались модель RuDR-BERT и фреймворк SpaCy; для суммаризации — модели mBART, T5, RuBERT.

В результате проведенного исследования применительно к медицинским текстам были протестированы модели суммаризации с неразмеченными и размеченными данными, получены количественные оценки результатов суммаризации в различных режимах. Итоги экспериментов и перспективы их практического применения будут представлены в докладе.

Литература:

Tutubalina E., Alimova I. The Russian Drug Reaction Corpus and neural models for drug reactions and effectiveness detection in user reviews // Bioinformatics. 2021. Vol. 37. P. 243—249.

Сочетаемость лексики вкуса и запаха в описаниях свойств вина (методами дистрибутивно-кластерного анализа)

Клеванова Алина Олеговна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В последнее время исследования в области энологического дискурса становятся всё более востребованными вследствие активного развития виноделия на территории России и повышения спроса на продукцию отечественного производства. Это также оказывает воздействие на формирование русского «винного» подязыка, который всё время наполняется лексическим материалом, обретает собственную структуру и постепенно освобождается от влияния других языков.

Основной интерес с данной точки зрения представляет дегустационный дискурс, направленный на передачу базовых характеристик вина, прежде всего вкуса и запаха.

Содержание этого дискурса основывается на категориях обонятельного и вкусового восприятия и напрямую зависит от дегустатора, порождающего текст. По этой причине тексты винных описаний отличаются метафоричностью, красочностью и нацелены на пробуждение определенных ассоциаций у потребителя. В то же время существует некоторая шаблонность при выборе лексических единиц, связанная с необходимостью следовать общепринятым языковым стандартам.

Исследование направлено на изучение лексической сочетаемости в описаниях «носа» и «рта» вина методами дистрибутивно-кластерного анализа. Цель состоит в выявлении тенденций и закономерностей, связанных с выбором тех или иных слов и выражений. В качестве материала были взяты дегустационные заметки, собранные с официальных сайтов винных магазинов Санкт-Петербурга.

В ходе исследования данные были подвергнуты первичной обработке для создания репрезентативного корпуса: отдельно были сформированы подкорпусы, относящиеся к описаниям белых, розовых и красных вин. После этого были проведены дистрибутивный и кластерный анализы, позволившие выделить конкретные группы лексических сочетаний, использующихся в определенных контекстах. Полученные результаты также сравнивались с теоретическими данными, представленными в пособиях по винной дегустации.

Интересным результатом стало выявление большого числа пересечений в категориях аромата и вкуса, которые проявлялись, в основном, в ассоциациях (фруктовый вкус и фруктовый аромат, цветочные и медовые нюансы (и во вкусе, и в запахе), пряный аромат и вкус с нотками пряностей). Кроме того, было отмечено довольно скудное использование глагольных групп, а также однообразие в выборе самих глаголов (обладать, сочетаться, раскрываться, демонстрировать, наполняться); число существительных, напротив, оказалось больше ожидаемого количества. Также было обнаружено, что наиболее богатыми описаниями с точки зрения лексической наполненности обладают красные сорта вин.

Результаты данной работы могут предоставить некоторые примеры анализа необычных для специализированного языка лексических сочетаний и послужить основой для дальнейших исследований, в том числе и в области генерации текстов. Кроме того, они могут способствовать созданию образовательных программ и материалов, направленных на развитие восприятия и аналитических навыков при дегустации вина, а также помочь в разработке более понятного и точного словаря для эффективной передачи дегустационного опыта.

Генерация текста по изображению на основе русскоязычных моделей

Горова Светлана Павловна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В условиях экспоненциального роста объемов визуальной информации, автоматическое описание изображений на русском языке представляет собой значимую исследовательскую задачу. В нашем исследовании мы фокусируемся на разработке алгоритмов обработки естественного языка, интегрированных с готовыми моделями компьютерного зрения, с целью создания точных и понятных текстовых описаний изображений. Такой подход позволяет осуществить глубокий анализ визуального контента и его последующую интерпретацию в естественном языке. Описание изображения является мультимодальным преобразованием реальности, т. к. переводит визуальную информацию в текстовую. Были проведены исследования по изучению грамматики описаний изображений в русском языке [Кобозева, 2000]. В работе активно используются принципы

дистрибутивной семантики для анализа смысловых связей между словами. Применение генеративных языковых моделей, в частности GPT и BERT, которые обучаются на обширных текстовых корпусах, позволяет создавать связные и грамматически правильные тексты, соответствующие заданному контексту и стилю. Особенное внимание было уделено иерархическому подходу для создания развёрнутого описания изображения, включающего все детали [A Hierarchical Approach for Generating Descriptive Image Paragraphs, 2017]. Важным аспектом описания изображения является вычленение пространственных отношений между объектами на изображении и их точное отражение в генерируемом тексте. Для приближения результатов генерации к естественному языку был использован банк предложных конструкций [Банк предложных конструкций] и количественная грамматика русского языка [Количественная грамматика русских предложных конструкций]. Создание корпуса описаний изображений стало ключевым этапом разработки, требующим тщательного отбора и аннотирования изображений. Сбор данных из различных источников обеспечил модель широким спектром визуального контента для обучения, что существенно улучшило качество генерируемых описаний.

Наше исследование вносит вклад в развитие методов автоматического описания изображений на русском языке, предлагая новые подходы к интеграции компьютерного зрения и обработки естественного языка. Результаты исследования не только способствуют улучшению взаимодействия между человеком и машиной, но и открывают новые направления для дальнейшего изучения мультимодального понимания и интерпретации информации.

Литература:

- Кобозева И. М.* Грамматика описания пространства // Языки пространств. Логический анализ языка. М., 2000.
- Krause J, Johnson J., Krishna R., Fei-Fei L.* A Hierarchical Approach for Generating Descriptive Image Paragraphs, Stanford University, 2017.
- Банк предложных конструкций.* URL: <https://predlogy.streamlit.app/> (дата обращения: 29.02.2024).
- Количественная грамматика русских предложных конструкций.* URL: https://vintagenteleman.github.io/qt_prep_gram/ (дата обращения: 29.02.2024).

Финно-угорская филология

Экологические термины-компози́ты в финском языке: пути формирования

Матвеева Кристина Владимировна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Экологическая тема находит большой отклик в международном сотрудничестве: специалисты ежегодно организывают форумы, встречи, конференции и круглые столы для обсуждения актуальных вопросов. В докладе рассматриваются термины, используемые в обсуждении экологических проблем и путей их решения на финском языке. На данный момент отсутствуют доступные специальные словари по этой теме, что свидетельствует о недостаточной изученности вопроса. Материалом исследования послужили тексты докладов на экологическом семинаре «Ympäristö 2000. Окружающая среда».

Нами было собрано 68 терминов-компози́тов. Привлеченный для анализа материал позволяет утверждать, что в большинстве случаев термины являются заимствованиями: интернациональными словами или калькированными переводами с английского языка (*biomassareservi* ‘резерв биомассы’, *bioindikaattori* ‘биоиндикатор’). Сложение двух компонентов оказалось наиболее продуктивным способом образования терминов (47 примеров). Максимальное количество компонентов в терминах — четыре: *ympäristönsuojelulautakunta* ‘комиссия коммун по охране окружающей среды’. Выявлено, что самая частотная модель имеет сочинительную связь компонентов (46 терминов), при которой первый компонент (а также второй и третий в терминах, состоящих из трех-четырех компонентов) совпадает с формой единственного числа номинатива. Генитивное сложение используется реже (18 примеров). Компонент, форма которого совпадает с генитивом, может быть выражен как формой единственного числа (*luonnonvara* ‘природный ресурс’), так и формой множественного числа (*vesientutkimuslaitos* ‘институт исследования вод’). При сложении встречаются и случаи, когда происходит усечение основы: *ympäristöyhteistyö* ‘сотрудничество в области охраны окружающей среды’, *petrokemia* ‘нефтехимия’. Компоненты сложного слова, соотносимые с прилагательными, встречаются реже (9 примеров), это можно объяснить стремлением в терминологической лексике избегать качественных характеристик, эмоциональных коннотаций. В состав экологического термина может входить также компонент, соотносимый с наречием: *uudelleentyöstäminen* ‘повторная обработка’, *uudelleenkäyttäminen*, *uudelleenkäyttö* ‘повторное использование’. Особый интерес представляют семантические роли первого компонента. Это может быть выражение объекта (*ympäristöhaitta* ‘отрицательное воздействие на окружающую среду’), места / пространства (*kaukokartoitus* ‘дистанционное зондирование’), качественная характеристика (*elinympäristö* ‘окружающая природная среда’), характеристика образа действия (*uudelleenkäyttö* ‘повторное использование’).

Таким образом, анализ компози́тов позволил выяснить источники пополнения терминологии в финском языке, а также структурные и семантические модели образования новых терминов.

Сравнительный анализ коммуникативных стратегий в финноязычных новостных медиатекстах о природных и экологических катастрофах

Похилец Анна Александровна

студент 4 курса

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Целью настоящего доклада является сравнительная характеристика использования коммуникативных стратегий в новостном экологическом финском медиадискурсе на примере текстов о природных и экологических катастрофах. Новизна доклада заключается в недостаточной изученности языковых механизмов новостного текста, оказывающих влияние на экологическое поведение реципиента. Повышенное внимание к экологическим вопросам в Финляндии и высокий уровень экологического сознания населения страны усиливают интерес к исследованию финноязычных медиатекстов. Сравнение коммуникативных стратегий в текстах, освещающих разные типы катастроф, позволяет определить преобладающие цели их использования и результаты их воздействия.

Основным методом исследования выступает контент-анализ финноязычных новостных медиатекстов, освещающих природную катастрофу в Турции и Сирии февраля 2023 г. и экологические катастрофы: разлив дизельного топлива в Норильске в мае 2020 г.; загрязнение акватории Халактырского пляжа осенью 2020 г. Всего было проанализировано 33 новостных сетевых текста краткой и длинной формы общей протяженностью 6063 слова. В ходе исследования коммуникативные стратегии классифицировались на основе типологии О. С. Иссерс с функциональной точки зрения, т. е. на основе иерархии целей и мотивов их использования [Иссерс, 2008: 108]. Таким образом, в текстах о природной катастрофе были выделены: основные — стратегии информирования и формирования эмоционального настроения; вспомогательные — стратегии стимулирования к рассуждению, дискредитации. В текстах об экологических катастрофах основными стратегиями также являются стратегии информирования и формирования эмоционального настроения, список вспомогательных стратегий дополняется стратегией антидискредитации.

Количественный анализ показал, что осведомленность читателя и формирования эмоционального отношения к катастрофе являются ключевыми целями воздействия в текстах обоих типов. В текстах о природной катастрофе было выявлено 174 единицы подсчета стратегии информирования, что составило 63% от всех используемых стратегий, аналогично в текстах об экологических катастрофах 153 единицы подсчета (57%). Данная стратегия в обоих типах текстов реализуется тактиками иллюстрирования (47 000 *ihmistä* '47 000 человек'), которая заключается в демонстрации количественных данных и фактологической информации, и сдвига (*Yhtiön mukaan* 'По данным компании'), характеризующаяся изложением информации от третьего лица. Единиц подсчета стратегии формирования эмоционального настроения было выделено 92 (33%) в текстах о природной катастрофе и 70 (26%) в текстах об экологических соответственно. Данная стратегия представлена тактиками нагнетания отрицательных эмоций (*kauhun hetket* 'секунды ужаса'), усиления (*verenpunaiseksi* 'кроваво-красный') и нейтрализации шокового состояния (*Pelastustyöt ovat käynnissä* 'Ведутся спасательные работы').

Таким образом, основные коммуникативные стратегии нацелены на представление обособленной информации, трансляцию мнения автора и подкрепление его числовыми данными, авторитетными источниками и на создание образа произошедшей природной катастрофы в описываемом автором психологическом ключе.

Литература:

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.

Финский рекламный текст в музее: неутомимый автор или законы жанра

Проворова Кристина Сергеевна

студент 4 курса

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Материалом исследования послужили анонсы культурных мероприятий, взятые с официальных сайтов финских музеев Ateneum, Kiasma, NAM. Целью исследования является проследить, как текст анонса адаптируется под общие задачи, которые включают установки автора, язык музейного текста и язык рекламы. С каждого музейного сайта было отобрано по 10—11 анонсов. Анализу было подвергнуто 32 новостных анонса, в 12 из которых были обнаружены изменения, внесенные в текст анонса после его первого опубликования. Замечено, что наибольшее количество текстов анонсов были подвержены изменениям в музее Ateneum, из 10 отобранных текстов, в 8 были внесены изменения. Изменения также были замечены в 2 анонсах музея Kiasma. Единственным музеем, где не было обнаружено изменений в текстах анонсов, оказался музей NAM. Примечательно, что изменения вносят не сразу же после публикации, а через определенный промежуток времени, составляющий примерно месяц. Хронологические рамки исследуемого материала датируются январем 2022 г. по январь 2024 г.

Анализ материала позволил выделить характерные изменения в новых версиях анонсов:

1. В новых версиях анонсов наиболее заметными изменениями являются те, что направлены на сохранение самобытности языка, к ним относятся: а) замена заимствованных слов на собственные финские лексемы-соответствия, б) перевод англоязычных названий на финский язык, как в заголовке, так и в основном тексте самих анонсов.

2. Также в анонсах подчеркивается принадлежность авторов, их произведений к собственной культуре, путем добавления слова *maa* ‘страна’ с притяжательным суффиксом первого лица множественного числа *-mme* (*maamme* ‘наша страна’).

3. Также в новых версиях анонсов встречаются случаи замены: а) отдельных глаголов мышления, б) отдельных глаголов движения, в) существительных и прилагательных на существительные и прилагательные (соответственно) с синонимичным значением.

4. Замечено упрощение структуры предложений, посредством разделения предложений на несколько, а также исключением использования т. н. эквивалентов придаточных предложений.

Замена заимствованного слова на собственно финское соответствие встречается, напр., в заголовке анонса музея Ateneum: *Dialogi — Elina Brotherus ja Hannele Rantala* ‘Диалог — Элина Бразерус и Ханнеле Рантала’, где слово *dialogi* ‘диалог’ представляет собой заимствование из английского языка и было заменено в новой версии анонса на финский аналог слова *vuoropuhelu* ‘диалог’.

Другая особенность, которая встретилась в текстах музейного сайта Ateneum, является замена глаголов мышления одной группы на глаголы мышления другой группы, напр., *Moderni nainen pohtii suomalaisten naistaiteilijoiden roolia ja asemaa 1900-luvun modernismin vuosikymmeninä* ‘Современная женщина размышляет о роли и статусе финских художниц модернизма первого десятилетия XX века’, где глагол *pohtia* ‘размышлять’, относящийся к группе глаголов процесса мышления и состояния знания, был заменен на глагол оценки *tarkastella* ‘проверять, рассматривать’.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, возникшие изменения могут являться причиной желая авторов упростить анонсы для понимания текста представителями всех социальных групп, что позволит их сделать более привлекательными с точки зрения рекламы, с другой стороны, данные изменения могут быть вызваны необходимостью привести тексты анонсов к определенному единому стандарту рекламного текста.

Формы объектного / безобъектного спряжения в венгерском языке как дейктический маркер

Афиногенов Максим Константинович

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В финно-угорском языкознании широкое освещение получил вопрос категории определённости. В частности, во многих грамматиках описывалась парадигма венгерского глагола, включающая в себя формы т. н. объектного и безобъектного спряжения.

Зависимость формы глагола от определённости объекта зачастую рассматривается с практической точки зрения, как правило — в контексте вопросов методики преподавания языка. Теоретические описания категории спряжения различны, однако в доступной нам литературе не удалось найти примеров, где спряжение рассматривалось как способ выражения дейктических отношений.

Цель настоящего исследования заключается в обобщении грамматического и речевого материала и выдвижении на его основе новой трактовки функционирования спрягаемых форм венгерского глагола в речи. Наша трактовка спряжения как дейктического средства основывается на том, что аффиксы личных форм глаголов, ввиду их соотносённости с объектом высказывания, способны также служить для указания на объект в эллиптических и анафорических конструкциях, а также актуализировать в высказывании элементы внеязыковой действительности. Материалом исследования послужили теоретические сведения о категории спряжения венгерского глагола, а также речевые примеры на венгерском языке.

В докладе освещаются различные способы выражения дейктических отношений с помощью форм спряжения глагола, имеющие место в венгерском языке. Также рассматриваются и комментируются ситуации из разговорной речи, в которых дейктическое значение считается благодаря форме спряжения глагола: это может быть указание на участников коммуникативного акта (ролевой / социальный дейксис), на объекты окружающей действительности (пространственный дейксис) или же на условную точку в коммуникативном акте (дискурсивный дейксис).

Также в докладе приводятся примеры, где противопоставление глагольных форм по их спряжению позволяет определить предмет указания, отношение говорящего к собеседнику и др. Напр.: *Hogy hívnak?* ‘Как тебя/вас зовут?’; *Hogy hívják?* ‘Как Вас/его/её зовут?’. Приведенные примеры представляют собой характерные для венгерского языка эллиптические конструкции — в них объект опущен, поскольку на него не падает смысловой акцент (ср. *És téged hogy hívnak?* ‘А тебя как зовут?’). В первом примере подразумевается неопределённый объект, во втором — определённый. Эти представления об определённости объекта также необходимо соотносить с принятым в венгерской грамматике разделением на определённые и неопределённые объекты, выраженные местоимениями.

Подобный анализ грамматической формы позволяет восстановить объект высказывания из контекста. Таким образом выявляется ситуативная указательная сущность той или иной формы спряжения. Заметим, что при анализе коммуникативного акта

трактовка подобных эллиптических конструкций зависит также от фактов внеязыковой действительности (социальный статус участников акта, степень доверительности в общении, указательные жесты и т. п.).

Результатом исследования является обобщение основных способов выражения дейктических отношений с помощью глагольной формы в венгерском языке. Различные коммуникативные ситуации рассматриваются в аспекте объектного / безобъектного спряжения как дифференциального признака, характеризующего субъектно-объектные отношения в венгерском языке.

Персонификация в русско-финском переводе на примере перевода повести А. П. Чехова «Степь»

Айхенвальд Павел Романович

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В работе исследуется понятие персонификации в художественном переводе на примере перевода повести А. П. Чехова «Степь» на финский язык, который был выполнен У.-Л. Хейно в 1970 г. Данная повесть Чехова выделяется из его творчества обилием описаний внешнего мира (в частности, природных явлений), которые сопровождаются сложными метафорами.

Сохранение выстроенной автором художественной системы является одной из сложнейших задач в переводе, о чём писали такие отечественные и зарубежные исследователи, как Л. С. Бархударов [Бархударов, 1975], М. Янис [Jänis, 2004] и М. Вильямс [Williams, 2004]. В исследованиях, посвящённых поиску возможных переводческих решений в художественном переводе, отмечается, что различия в языковых картинах мира могут препятствовать полноценной передаче авторского замысла на иностранный язык. Наше исследование является попыткой выявить сильные и слабые места в русско-финском переводе, что может быть принято во внимание не только будущими переводчиками повести «Степь», но и переводчиками, работающими с другими текстами художественной литературы.

В результате исследования было установлено, что Хейно повсеместно сохраняет чеховскую образность, в первую очередь, при переводе развёрнутых метафор. Также персонификация сохраняется при переводе эмоционального содержания действий, связанных с неживой природой, напр. кресты весело выглядывали — *ristit kurkistelivat iloisesti*. При передаче образов, связанных с погодным, животным и растительным миром, могут допускаться замены, ведущие к утрате олицетворённого образа в переводе (напр. *пшеница... спряталась* — *vehnävainio kaarsi näkyvistä* ‘пшеница исчезла из виду’).

Литература:

Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.

Jänis M. Venäjältä suomeksi ja suomesta venäjäksi. Vaajakoski, 2006.

Williams M. Translation Quality Assessment: An Argumentation-Centred Approach. Ottawa, 2004.

Изображение крестьянской культуры и традиций финнов в романе А. Киви «Семеро братьев»

Нельга Анна Александровна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Объектом исследования является роман А. Киви «Семеро братьев». В качестве предмета исследования выступает изображение крестьянской культуры и традиций финского народа в романе «Семеро братьев».

В ходе исследования были проанализированы конкретные эпизоды романа, символы и образы, отражающие взгляд Киви на национальные традиции, обычаи и характер финнов, и при помощи сравнительно-исторического метода выявлены особенности изображения финской крестьянской культуры в «Семерых братьях».

В основе многих произведений Киви лежит народное начало: в них часто упоминаются народные песни, народный юмор, игры, празднества, обычаи. Также следует отметить, что Киви писал по-фински, а это означало, что он адресовал свои произведения читателям из народа, т. к. в образованной среде финский язык был мало распространен [Карху, 1979: 296—305]. Роман Киви «Семеро братьев» является ценным источником информации о финской крестьянской культуре XIX в. Описание традиций, ритуалов, верований и образа жизни героев позволяет читателю лучше понять и оценить культурное наследие финских крестьян. Роман овеян атмосферой легенд, которые отражают богатую культуру финского народа. Братья живут под впечатлением от народных поверий, и принимают реальные события за их продолжение [Киви, 1961: 17]. Центральное место в жизни финских крестьян занимает стремление к свободе, независимости и справедливости. Герои романа, в свою очередь, являются символом национального пробуждения финнов. В романе «Семеро братьев» отражены традиции и ценности финских крестьян XIX в. через описание и символику охоты. Охота для финских крестьян является не только способом прокормить себя, но и представляет собой образ жизни, связанный со свободой и природой, которая символизирует их самостоятельность, самобытность и стремление к независимости. Более того, значительную роль в жизни героев, а также в финской крестьянской культуре в целом играет христианство.

Вера влияет на нравственные принципы финских крестьян, их мотивацию и помогает им находить путь и смысл жизни. Описанные в романе традиции и обычаи приносят в жизнь героев гармонию и дают им возможность прикоснуться к прошлому. Определенные обряды, традиции, символы (к примеру, сауна) служат у финнов основой для создания сплоченности и чувства принадлежности к культуре и народу. Таким образом, роман «Семеро братьев» позволяет читателю познакомиться с богатой культурой финских крестьян, полной различных традиций и верований. Произведение воссоздает атмосферу повседневной жизни финских простолюдинов XIX в., а также напоминает о значимости сохранения традиций, любви к природе и национального культурного наследия.

Литература:

Карху Э. Г. История литературы Финляндии. От истоков до конца XIX века. Л., 1979.

Киви А. Семеро братьев. М.; Л., 1961.

Лексико-семантическое поле «высшее образование» в финском языке

Петрова Мария Сергеевна

студент 4 курса

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

«Лексико-семантическое поле представляет собой совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда также

общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева, 2000: 99]. Именно это определение, включающее в себя все необходимые аспекты, легло в основу нашего доклада и позволило достигнуть основную цель исследования — построение лексико-семантического поля (ЛСП) и выявление особенностей языковых единиц тематики «высшее образование» в финском языке. Мы стремились совместить своеобразие лингвистических и культурологических ценностей высшего образования как одного из компонентов социального института.

В ходе работы мы определили следующие основополагающие методы исследования:

1. Метод контент-анализа позволил проанализировать тематическую отнесенность и лексическую сочетаемость лексических единиц с первых страниц сайтов ведущих университетов Финляндии.

2. Метод классификации и анализа позволил сконструировать ЛСП и определить его компоненты.

Основные характеристики полевой системы были выделены с учетом теоретических положений З. Н. Вердиевой и Г. С. Щура [Вердиева, 1986; Щур, 1974]. Кроме того, особое внимание было уделено компонентам ЛСП. В нашем исследовании ими стали: ядро, ближняя и дальняя периферии.

На основании текстовой информации, представленной на первых страницах сайтов шести университетов Финляндии, мы отобрали элементы (всего 103 единицы), которые можно отнести к ЛСП «высшее образование» в финском языке. В ядро поля вошли наиболее частотные лексемы, фразы и словосочетания, которые по своему значению напрямую связаны с высшим образованием (*koulutus* ‘образование’, *oppiminen* ‘учеба’, *tutkija* ‘исследователь’, *yliopisto* ‘университет’, *lukea opetuksesta* ‘читать об образовании’ и др.). Кроме того, нами были предложены следующие лексико-семантические группы (ЛСГ) для ближней и дальней периферий:

1) характеристика университетов и процесса обучения в нем (*korkeatasoinen* ‘высококачественный’, *monipuolinen* ‘разносторонний’);

2) действия, совершаемые в процессе обучения (*tutkia* ‘исследовать’, *tarkastaa* ‘проверять’);

3) деятельность после окончания высшего учебного заведения (*ura* ‘карьера’, *työskennellä* ‘работать’);

4) процесс получения высшего образования (*kurssi* ‘курс’, *tieteenala* ‘раздел науки’);

5) человек по роли в учебном заведении (*opas* ‘наставник’, *professori* ‘профессор’);

6) система образования (*koulutusohjelma* ‘образовательная программа’, *oppilaitos* ‘образовательное учреждение’).

В результате исследования была определена структура построенного ЛСП «высшее образование», выделено 6 ЛСГ, которые формируются из отдельных лексем, словосочетаний, специализированной лексики и аббревиатур. В ходе работы было отмечено, что характерной особенностью репрезентации высшего образования на начальных страницах сайтов финских университетов является информирование не только о процессе обучения и его характеристике, но и о карьерных возможностях для студентов и выпускников. В совокупности это формирует своеобразное представление о языковой среде в сфере высшего образования Финляндии.

Литература:

- Вердиева З. Н. Семантические поля в современном английском языке. М., 1986.
Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.

Перевод русского инфинитива в функции побуждения на финский язык

Киселева Ксения Олеговна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В процессе перевода текстов с одного языка на другой часто возникают сложности, связанные не только с лексическими и грамматическими различиями, но и с различиями в выражении определенных семантических функций. Одной из таких специфических задач является перевод инфинитивных конструкций с русского языка на финский. Этот аспект перевода интересен тем, что инфинитив в русском языке имеет широкий спектр функций и может использоваться для выражения различных намерений, в том числе побуждения к действию. В то же время финский язык предлагает иные средства для реализации подобных семантических функций, что делает этот аспект интересным для исследования.

Цель настоящего доклада заключается в выявлении и анализе стратегий перевода инфинитивных конструкций, выполняющих функцию побуждения, с русского языка на финский. Материалом для исследования послужил параллельных корпус художественных текстов Национального корпуса русского языка. Исследование актуально в свете значительных структурных и семантических различий между русским и финским языками, а также ввиду отсутствия работ, посвященных проблеме перевода форм побуждения с русского на финский язык. Методика исследования основывается на комплексном анализе параллельных текстов, что позволяет выявить разнообразие стратегий перевода и оценить их эффективность в контексте сохранения функции побуждения.

Инфинитив в русском языке используется для выражения побуждения, при этом инфинитивная форма может сопровождаться модальными словами. В финском языке отсутствуют прямые аналоги русских инфинитивных конструкций с побудительной функцией, что требует от переводчика выбора альтернативных средств для передачи соответствующего значения. Анализ показывает, что финский язык предлагает ряд возможностей для выражения побуждения, включая, в частности, использование императива, индикатива, третьего инфинитива в форме иллатива, конструкций с модальными глаголами и др.

В результате исследования было установлено, что в русском языке инфинитивом наиболее часто выражаются приказы, строгие повеления. Этот оттенок наиболее точно передается в финском при помощи формы императива 2 лица, которую и использовали переводчики: *Älkää häiritkö!* для *Не мешайте!* Когда же приказ в русском языке не имеет прямого обращения к собеседнику, в финском языке это выражается с помощью конструкции долженствования *on tehtävä*: *Tyttö on otettava pinteihin* для *Девку взять в тиски...* Менее прямые и более вежливые призывы, просьбы на финский, как правило, переводятся с помощью пассивной формы глагола или третьего инфинитива в форме иллатива. Благодаря такому переводу переводчик может передать обращение субъекта к равным ему (субъекту), а не подчиненным: *Mutta nyt — nukkumaan!* для *А сейчас — спать!* и *Pitäkää huolta, veljet, ei anneta perään!* для *Смотрите же, братья, не отставать!* Степень необходимости выполнения побуждаемого действия была передана на финский язык переводчиками с помощью различных модальных глаголов: *Ei ketään saa säästää!* для *Никого не жалеть!* Таким образом, переводчики учли лингвистические и культурные особенности обоих языков и особенности контекста коммуникации для выбора наиболее подходящих соответствий.

КИНО|ТЕКСТ|ТЕАТР

Кино|Текст

«Книжная трилогия» Р. Полански: соблазнение человеком, тайной, властью

Федоренко Иванны Андреевна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Широкому зрителю Роман Полански известен как автор т. н. «квартирной трилогии», включающей в себя фильмы «Отвращение» (1965), «Ребёнок Розмари» (1968), «Жилец» (1976). Действие всех трёх фильмов происходит в мегаполисах, а главные герои проводят большую часть экранного времени внутри собственной квартиры. Сквозной темой «квартирной трилогии» является одиночество и его влияние на состояние и поведение человека.

Фильмы были объединены в трилогию не самим режиссёром, а критиками и теоретиками кино на основе сюжетного и тематического сходства. Подобный прецедент ретроспективного объединения кинокартин позволяет задуматься о возможности выделения новых смысловых групп в фильмографии Полански. Так, Д. Капуто выдвигал идею о «трилогии расследования», включающей «Китайский квартал» (1976), «Неистового» (1988), «Девятые врата» (1999) [Caputo, 2012], а Ф. Фини писал о «дьявольской трилогии», включающей «Бал вампиров» (1967), «Ребёнка Розмари» и «Девятые врата» [Feeneu, 2006]. Автор доклада предлагает рассмотреть возможность выделения «книжной трилогии», состоящей из «Девятых врат», «Призрака» (2010) и «Основано на реальных событиях» (2017). Изначально фильмы были отобраны на основе сюжетного сходства, т. к. в указанных кинокартинах книги становятся объектами, определяющими цели и мотивы героев на протяжении фильма, но при дальнейшем анализе была выявлена идейная и тематическая общность.

Цель доклада — обосновать возможность формирования новой идейной группы фильмов в творчестве Р. Полански по аналогии с «квартирной трилогией». В ходе исследования было сделано несколько выводов. В указанных фильмах книга используется как центральный объект повествования, в зависимости от ситуации выступая как ворота к эзотерическим знаниям, инструмент политических интриг или катализатор экзистенциального кризиса.

«Книжная трилогия» отличается стилистическим разнообразием. Вышеназванные фильмы являются триллерами с детективной составляющей, но каждый из них имеет собственную направленность: «Девятые врата» — мистический триллер, «Призрак» — политический триллер, «Основано на реальных событиях» — психологический триллер. Несмотря на различия в композиционных и изобразительных решениях, все три фильма сосредоточены вокруг темы соблазнения. В данном случае трактовка этой темы не всегда ограничивается межличностным взаимодействием («Основано на реальных событиях»), а расширяется до более глобальных вопросов, как соблазнение тайной («Девятые врата») или властью («Призрак»).

По нашему мнению, подобное сюжетное, жанровое и тематическое сходство фильмов позволяет в перспективе исследовать их не только как отдельные составляющие фильмографии Р. Полански, но и как части трилогии, дополняющие друг друга на разных уровнях.

Литература:

Caputo D. Polanski and Perception: The Psychology of Seeing and the Cinema of Roman Polanski. Bristol, 2012.

Feeney F. X. Roman Polanski. Köln, 2006.

Зелёный цвет в фильме Д. Лоури «Легенда о Зелёном рыцаре» («The Green Knight»)

Уланова Александра Вячеславовна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Фильм «Легенда о Зелёном рыцаре» («The Green Knight») Д. Лоури интересен не только как предмет исследования для киноведов, но и как адаптация средневековой поэмы «Сэр Гавейн и Зелёный рыцарь» — рыцарского романа об испытаниях сэра Гавейна, племянника короля Артура. Несмотря на то, что экранизация является вольной артхаусной интерпретацией поэмы, включающей в себя элементы других сюжетов о сэре Гавейне, фильм сохраняет опору на сложную, двойственную символику зелёного цвета в средневековом памятнике [Goldhurst, 1958: 63]. В современном восприятии зелёный цвет обладает положительными коннотациями: «Чётко выделяется триада, которая вместила в себя истинный символический потенциал зелёного в современных западных обществах: здоровье, свобода, надежда» [Пастуро, 2018: 193]. При этом в фильме витальности зелёного противопоставлена его же способность обозначать нездоровье, являясь признаком болезни героев. Зелёный цвет в контексте произведения приобретает ассоциацию с угрозой, опасностью: противником главного героя является Зелёный рыцарь, а также безличная и враждебная в своей необъятности природа. Зелёный цвет в одежде персонажей, связанных с испытаниями Гавейна, символизирует обман. В видениях Гавейна он представляется себе истлевшими костями, покрытыми зелёным мхом: символ смерти и тления. Общая трансформация героя, его духовный рост отражён в образе зелёного пояса: изначально он символизирует ложь и трусость героя, но превращается в знак его благородства [Besserman, 1986: 225]. Соединяя разные варианты этого сюжета и подчёркивая это с помощью разнообразной символики зелёного цвета Лоури в фильме показывает более противоречивый и глубокий образ главного героя, а также место героя в мире и конфликт с окружающей его средой.

Литература:

Пастуро М. Зелёный. История цвета. М., 2018.

Besserman L. The Idea of the Green Knight // ELH. 1986. P. 219—239.

Goldhurst W. The Green and the Gold: The Major Theme of Gawain and the Green Knight // College English. 1958. P. 61—65.

Дэвид Боуи. Образы в кино

Джелядин Александр Тимурович

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

О личности и творчестве Дэвида Боуи написано немало количество исследовательских работ, в основном англоязычных. Однако большинство авторов обращает внимание только на музыкальное творчество Боуи [Брукер, 2021], в то время как его карьера была очень многогранна, и немаловажной ее частью является работа Боуи в качестве актера кинематографа. Кажется важным взглянуть на личность Боуи через призму тех образов, которые он воплощал в кино, а также проследить изменение, эволюцию этих образов. Целью доклада является анализ наиболее значительных ролей Боуи, выявление взаимосвязей между его актерскими работами и амплуа, которые он воплощал на музыкальной сцене. В качестве визуальных материалов исследования следует выделить кинокартины «Человек, который упал на Землю» (1976), «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс» (1983), «Лабиринт» (1986) и «Последнее искушение Христа» (1988) [Кино Европы, 2011: 64]. Также в качестве источника был привлечен документальный фильм «Cracked Actor» (1974). Ценным материалом для исследования являются интервью, комментарии и воспоминания самого Боуи и тех, кто работал вместе с ним над фильмами, напр., актрисы Кэнди Кларк, которая играла вместе с Боуи в фильме «Человек, который упал на Землю», или продюсера фильма «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс» Джереми Томаса [Jones, 2018]. Аналитический метод исследования применен к актерским работам Боуи в вышеуказанных фильмах, соотнесения кинообразов и образов сценических. Можно сделать итоговый вывод о том, что влияние актерской деятельности находило отражение и в сценических музыкальных выступлениях Боуи, особенно в первое десятилетие его творчества, напр., образ инопланетянина Томаса Джерома Ньютона из фильма «Человек, который упал на Землю» оказал значительное влияние на формирование сценического персонажа Боуи — Изможденного Белого Герцога. Вместе с тем, сценические амплуа, которые примерял на себя исполнитель, находили продолжение даже после своего исчезновения с музыкальной сцены в его работах в кино.

Литература:

Брукер У. Почему Боуи важен. М., 2021.

Кино Европы. Актерская энциклопедия / Отв. ред. Л. А. Алова. М., 2011.

Jones D. David Bowie. A Life. London, 2018.

Виды конформного поведения в фильме Р. В. Фассбиндера «Страх съедает душу» (1974)

Авдошина Елизавета Сергеевна

студент 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Конформное поведение характерно для ФРГ 1970-х. Поколение, выросшее под влиянием Гитлера, бессознательно переносит идеи диктатора в будущее. Взгляды на послевоенное общество Германии отразились и в «Страх съедает душу» (1974, реж. Р. В. Фассбиндер).

Описанные в книге Д. Майерса «Социальная психология» [Майерс, 2002] виды конформности можно соотнести с действиями героев фильма. Согласно представленной им классификации, их поступки в большей степени соответствует внешнему конформизму, чем внутреннему. Цель работы — сравнить различные проявления этого явления и проанализировать изменения поведения героев в зависимости от влияния конформизма. В исследовании фильм рассматривается под другим, новым углом: относительно конформности героев.

Предрассудки — одна из составляющих конформизма — то, из-за чего он способен возникнуть. Б. Спиноза говорил, что люди «...по своим свойствам (...) судят о свойствах другого» [Спиноза, 2001: 45—46]. Обществу присуще стереотипное мышление, заставляющее придерживаться субъективной т. з.

Люди, подверженные внешнему конформизму, оказываются под влиянием социума, устоев, авторитета: они находятся в плену у ситуации. Навязывая собственные взгляды, общество ощущает власть. Фассбиндер говорил: «Всегда есть класс, который хочет воспитывать других: муж — жену, мужчина — другого мужчину. Эта ситуация воспитания, отношений господина и раба, толпы и гуру — всегда фашистская» [Фассбиндер, 2016: 8].

Фильм можно условно поделить на две части: до отпуска и после — противостояние и смирение. Человек меняется в зависимости от давления на него общества, становится подвержен конформизму. Одни и те же герои ведут себя по-разному, исходя из ситуации и окружения.

Окно, через которое снят обеденный перерыв, создает эффект преломления: подобно лучу, проходящему через стекло, в главной героине (Эмми) происходит слом. По возвращении после отпуска ее образ мысли меняется, она поддается давлению: не сопротивляется конформизму, становится частью его. Как и пучок света, проходящий через второе (параллельное) стекло, героиня возвращается к своим взглядам в переломный момент.

Исходя из классификации А. В. Озеровой [Озерова, 2017: 71—72], выделены факторы, влияющие на уровень конформности героев фильма «Страх съедает душу»:

1) пол: женщины больше предрасположены к конформизму, в случае, когда тема является актуальной для них (официантку не устраивает внимание главного героя (Али) к пожилой женщине, при этом она спокойно относится к его связям с проституткой);

2) численность группы: герои ведут себя по-другому под воздействием нескольких человек (Али смеется над шуткой, в окружении коллег, но наедине не позволяет себе оскорблять Эмми);

3) авторитет членов группы: человек следует чужому мнению, осознавая влияние оппонента (Эмми, стремясь уйти от осуждения, перестает противодействовать конформизму).

Придерживаясь данных характеристик, можно сделать вывод, что уровень конформного поведения в фильме Фассбиндера «Страх съедает душу» высокий за счет воздействия извне (окружения, авторитетов, утвердившегося образа жизни). Позиции героев меняются не из-за близкой им т. з., а под давлением внешнего конформизма.

Литература:

Алфавит RWF // Сеанс. 2016. №64. С. 8.

Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2002.

Озерова А. В. Конформизм и конформность как социально-психологическая категория // Территория науки. 2017. №1. С. 71—72.

Спиноза Б. Этика. М., 2001. С. 45—46.

О поэтике фильма Джима Джармуша «Мертвец»

Морозикова Ярослава Сергеевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе представлен анализ фильма «Мертвец» (1995) независимого американского режиссера Джима Джармуша. В исследованиях, посвященных «Мертвецу», обычно обращают внимание на «притчевость» фильма, комментируют культурный и

исторический контекст, политический подтекст, приводят различные трактовки неоднозначных эпизодов. В докладе же предметом анализа стала специфика киноповествования: крупность и длительность монтажных планов, композиционные решения, ракурсы, монтаж и другие элементы киноязыка. Некоторые особенности поэтики выделяют фильм на фоне других произведений эпохи: перед нами черно-белый фильм, в котором используются устаревшие переходы через затемнение, а также часто контрастно сочетаются короткие и сверхдлинные монтажные планы. Отдельные черты визуального ряда в самом фильме возникают редко и функционируют как сознательный прием: наезды камеры, верхние ракурсы, сверхкрупные планы. Демонстрируется, что для художественной стратегии Джармуша характерно парадоксальное сочетание приемов, направленных на дистанцирование зрителя от происходящего в кадре (например, некоторые сцены перестрелок сняты дальним планом без монтажных склеек) и на вовлечение в эмоциональное состояние героя (сверхкрупные планы лица в эмоционально насыщенных эпизодах; переосмысленные режиссером переходы через затемнение, которые воспринимаются не столько как дань устаревшей норме киноповествования, сколько как попытка подчеркнуть полубомбочное состояние главного героя). Как отмечается в докладе, важное место в авторском замысле занимает игра с жанром вестерна. Исследователи считают, что «Мертвец» — так называемый ревизионистский вестерн, т. е. жанр, подрывающий традицию вестерна [Hall, 2001]. Игра с жанром заключается как в самом сюжете и характере героев (что уже было отмечено в научной литературе), так и в элементах киноповествования. Демонстрируется, что Джармуш переносит акцент с событийного ряда на другие уровни текста — в т. ч. за счет нарушения привычных норм съемки «напряженных» эпизодов, характерных для вестерна. Это (вместе с другими особенностями повествования, напр., долгими монтажными планами, некоторые из которых длятся до минуты) влияет на восприятие фильма: неслучайно, судя по отзывам зрителей на ряде популярных порталов, «Мертвец» часто характеризуется как «скучный», «вялый», «бессюжетный». Однако неторопливое повествование важно для художественного замысла режиссера. Важнее, чем событийный ряд, оказывается постепенное изменение состояния главного героя и его отношения к миру. Джармуш говорил, что в основе фильма лежит «простая метафора: жизнь — это путешествие» [Искусство кино, 1997]. Изменение героя отражаются в том числе в особенностях повествования: напр., в том, что по мере развития сюжета все чаще используется пространственная и перцептивная точка зрения персонажа.

Литература:

Розенбаум Дж. Джим Джармуш: «Сквозь зеркало воды» // Искусство кино. 1997. №1. С. 20—27.

Hall M. Now you are a killer of white men: Jim Jarmusch's «Dead man» and traditions of revisionism in the western // Journal of film and video. 2001. Vol. 52. №4. P. 3—14.

Роман И. Немировски «Французская сюита» и его экранизация С. Дибба

Маленкович Мария Романовна

студент 4 курса

*Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им.
Д. Ф. Устинова*

Черных Валентина Герасьевна

студент 4 курса

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова

Исследования, посвященные отличиям природы аудиовизуального произведения от литературного оригинала, очень актуальны в наше время, поскольку режиссеры часто вдохновляются художественной литературой, к которой публика уже проявила интерес. Аудиовизуальное произведение является основной единицей аудиовизуальной коммуникации. Согласно определению зарубежных авторов, оно представляет собой «коммуникативный акт, задействующий звуки и изображения» [Zabalbeascoa, 2008: 21]. Существует мнение, что экранизация должна точно передавать сюжет и характер книги используя кинематографические средства. Однако существует и представление о том, что экранизация — это самостоятельное произведение, которое основывается на сюжете книги, но может отличаться от нее. Культуролог Е. И. Григорьянц считает: «Экранизация — это своеобразный вариант интерпретации книжного текста, образное воплощение понимания его режиссером» [Григорьянц, 2004: 54—55]. Существуют три основных типа экранизации литературных произведений: прямая экранизация, фильм по мотивам книги и киноадаптация. Любой фильм, созданный на основе литературного произведения, представляет собой творческое переосмысление оригинального текста. Вслед за многими отечественными учеными, для сопоставления экранизации и книги были выбраны следующие аспекты:

- 1) Сюжет,
- 2) Время и место действия,
- 3) Образы героев,
- 4) Тема и идея фильма.

Экранизация Дибба воплощает события «Дольче», второй части романа Немировски «Французская сюита», однако сюжет фильма не полностью соответствует сюжету художественного произведения. События и герои, описанные в «Июньской грозе», первой части произведения, не представлены в экранизации. Место действия фильма ограничивается одним городом, тогда как в романе описываются события Второй мировой войны, происходящие в разных городах Франции. Центральной в фильме оказывается любовная линия, в романе представлено несколько сюжетных линий, связанных между собой. Таким образом, экранизация романа Немировски «Французская сюита» является его киноадаптацией, поскольку лишь вторая часть художественного произведения используется в качестве основы сюжета фильма. Сравнительно-сопоставительный анализ фильма и романа позволяет выявить значительные различия между ними. Экранизация не является полным воплощением произведения, но визуализирует замысел романа, создает на его основе новое произведение, которое связано с первоисточником и дополняет его.

Литература:

- Григорьянц Е. И.* Книга в контексте современной культурной коммуникации // Книга: исследования и материалы. Вып. 82. М., 2004. С. 51—59.
- Zabalbeascoa P.* The Nature of the Audiovisual Text and its Parameters // The Didactics of Audiovisual Translation. Amsterdam; Philadelphia, 2008. P. 21—39.

Крупный план как маркер чужеродных жанровых конвенций в многокамерном ситкоме

Веревкина Дарья Михайловна

магистрант 2 курса

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Ситком, будучи комедийным жанром, в большой степени условен, имеет не очень жесткие жанровые границы и довольно терпимо относится к жанровому смешению. Эта тенденция характерна и для второго сезона ситкома «Друзья» (1995—1996; авторы идеи — Дэвид Крейн и Марта Кауффман). В разных сериях сезона появляются маркеры чужеродных жанров, и на их несоответствии контексту, ситуации, репликам персонажей часто строится комический эффект. Одним из таких маркеров в сериале становится крупный план.

Визуальной нормой сериала являются средние планы, что объясняется техническими ограничениями: многокамерный ситком снимается посценно, а не покрупно; в съемках участвует несколько камер, снимающих планы одной крупности с разных т. з.; кадр выставляется быстро, потому что съемки классического ситкома проходят в присутствии живой аудитории; павильонные локации ограничивают операторов в выборе точек съемки. В связи с этими ограничениями съемка крупных планов представляется затруднительной.

Нехарактерный для многокамерного ситкома в целом, крупный план все же изредка появляется в сериале. Крупные планы резко контрастируют с визуальной нормой и используются в ситуации жанрового сдвига. В ряде случаев сцены с использованием крупного плана строятся по определенной схеме: сначала с помощью жанровых маркеров (в т. ч. крупного плана) выстраивается ситуация, характерная для вестерна, романтического фильма, драмы, хоррора, затем эта ситуация нарушается комическим несоответствием. Кроме того, в некоторых эпизодах крупный план оказывается также связан с повествовательной ситуацией «фильма в фильме»: он используется в мыльной опере, клипе и рекламе, которые смотрят герои сериала. Крупный план не выступает как самостоятельный прием, но вместе с прочими маркерами (музыка, монтаж, свет) позволяет зафиксировать смену повествовательных условностей. Выявленные закономерности открывают новые перспективы в исследованиях жанра и показывают, что крупный план в ситкоме может стать эффективным средством художественной выразительности.

Специфика создания визуальных образов на примере работы художницы Б. Маневич-Каплан в фильме И. Хейфица «Дама с собачкой»

Ховренкова Екатерина Андреевна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Фильм Иосифа Хейфица «Дама с собачкой» (1960) является экранизацией одноимённого произведения А. П. Чехова. Анализируемая картина стала первым опытом обращения к классической русской литературе в творческой биографии режиссёра. Чеховские рассказы многогранны и из-за этого особо кинематографичны. Фильм получил мировое признание, был удостоен множества наград, в т. ч. — награды Британской киноакадемии «за изобразительное решение». Несмотря на общую значимость картины, работа художницы Б. Маневич-Каплан, на наш взгляд, недостаточно изучена. Цель исследования заключается в определении художественных средств, применяемых при создании визуальных образов в кинофильме «Дама с собачкой».

Чеховское произведение начинается с описания типичного курортного романа. Однако адюльтер оборачивается глубоким чувством главных героев — Гурьева и Анны Сергеевны. Экранизация довольно точно воспроизводит литературный сюжет. Впоследствии режиссёр отмечал, что столкнулся с определенными трудностями при написании сценария [Хейфиц, 1996]. Это связано с тем, что Чехов отказался от подробного

описания, стремясь заключить всю важную информацию о героях и месте действия в нескольких деталях. Художница Б. Маневич-Каплан при разработке художественного концепта в основном опиралась на исторический контекст произведения. Костюмы Гурьева (А. Баталов) и Анны Сергеевны (И. Саввина) можно встретить не только в журналах мод конца XIX в., но и на фотографиях Чехова и Ольги Книппер в Ялте. Следует также отметить сходство костюмов в фильме с нарядами на эскизах Кукрыниксов 1945—1946 гг. Художники-графики создали иллюстрации, которые сохранили достоверность исторической эпохи. При этом работа художницы по костюмам не сводилась только к точному копированию актуальных модных тенденций и фасонов прошедшей эпохи. Б. Маневич-Каплан удалось разработать продуманные образы, которые не противоречили сюжетной линии. Включив в наряды главных героев яркие и запоминающиеся детали, она сделала визуальные образы не только более выразительными, но и смогла передать мысли и чувства, скрытые в литературном произведении в подтекстах и полутонах.

В результате анализа фильма «Дама с собачкой» были определены основные средства формирования костюмных образов. В ходе сравнения фильма и литературного текста очевидны отличающиеся сцены и детали. Они не противоречат литературному первоисточнику, а наоборот усиливают глубокие впечатления и переживания героев [Хейфиц, 2001]. В чеховском произведении нет подробного описания костюмов, быта Москвы и города С. При этом Б. Маневич-Каплан удалось создать костюмные образы, наделенные глубоким психологизмом. Для художницы, как и для самого Чехова, предметы обихода, одежда и аксессуары отражают изменения, происходящие во внутреннем мире героев. С их помощью передаются тонкие нюансы отношений между Гурьевым и Анной Сергеевной.

Литература:

Хейфиц И. Е. Пойдем в кино!: Жизнь. Труд. Опыт. СПб., 1996.

Хейфиц И. Мой автор — Чехов // Искусство кино. Архив. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2001/12/n12-article7> (дата обращения: 10.02.2024).

Советская антирелигиозная пропаганда в кинематографе: методы и особенности киноязыка

Аникина Евгения Олеговна

студент 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В работе исследуется советская антирелигиозная пропаганда в послевоенном кинематографе. Проблематика связана с художественно-выразительными и текстуальными методами создания образной системы, соотносящейся с культурной политикой советского государства. Больше внимание уделено историческому периоду хрущевской антирелигиозной кампании (1958—1964 гг.), т. к. именно на это время приходится пик выхода кинолент с очевидным антирелигиозным посылом. Но также в докладе будет затронуты несколько фильмов брежневской эпохи с целью анализа различий и выявления изменений в культурной политике государства.

Антирелигиозная пропаганда в советском кино находила два пути воплощения: комический и драматический. Авторы, придерживавшиеся первого пути, часто прибегали к использованию персонажа недобросовестного и не исполнявшего религиозные предписания священнослужителя («Королева бензоколонки», 1962). Также встречается персонаж-бог, зачастую лишенный всемогущества и являющийся перед зрителем в виде слабого старика («Золотые яблочки», 1973). В драматическом же представлении религия

берет на себя роль механизма эксплуатации человека, принимающего вид либо одного человека, либо общества.

Одним из текстуальных методов антирелигиозной пропаганды в советском кинематографе являлось использование эмоционально окрашенных терминов, напр., слово «секта» («Тучи над Борском», 1960). Другим важным моментом является конфессиональное разнообразие критикуемых в кинолентах религиозных сообществ: от католицизма («Обманутые», 1961) до Свидетелей Иеговы («Армагеддон», 1962; «Люблю тебя, жизнь!», 1961)

С момента ухода Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС антирелигиозная кампания, развернутая в годы его нахождения во главе государства, сворачивается, но в брежневский период продолжали выходить киноленты с антирелигиозными мотивами, хотя количество подобных фильмов и общий уровень их «агрессивности» к религии стали стремительно снижаться. В прокат смогли выйти киноленты прямо или косвенно затрагивающие темы религии и религиозности без создания авторами их негативного образа («Андрей Рублев», 1966; «Возвращение», 1976).

Еще раз к вопросу о сопоставлении пьесы Е. Шварца «Дракон» и фильма М. Захарова «Убить дракона»

Охрименко Евгения Сергеевна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Как правило, сопоставляя пьесу Е. Шварца «Дракон» и созданный по ее мотивам фильм М. Захарова «Убить дракона», исследователи и критики фокусируются на сходствах и расхождениях на уровне сюжета, содержания реплик героев, или же сопоставляют тексты как интерпретируемые тем или иным образом идеологические высказывания. Непроясненным остается вопрос о том, как соотносятся произведения с точки зрения поэтики: пытается ли Захаров сохранить особенности мотивной системы Шварца, пытается ли он средствами киноязыка передать смыслы, заложенные в особенностях языка пьесы, — или же режиссер, отталкиваясь от текста предшественника, создает самостоятельное художественное высказывание, по отношению к которому «Дракон» Шварца можно рассматривать лишь как один из подтекстов, но не более того. Анализ мотивной системы, особенностей юмора, а также элементов поэтики текстов, связанных с особенностями того или иного вида искусства (ракурсы, крупности планов, цветовое решение, композиция кадра и т. д. в случае с фильмом; пространственная неопределенность изображенного мира, каламбурность, элементы абсурда и в целом стилистика речи героев в пьесе) позволяет прийти к выводу, что более верна вторая точка зрения: особенности поэтики фильма Захарова в первую очередь направлены на решение художественных задач, отличающихся от тех, что стояли перед Шварцем. Авторы создают произведения, очень разные по своей атмосфере, и неудивительно, что используемые ими приемы должны эмоционально очень по-разному воздействовать на реципиента. И в то же время внимательный анализ позволяет обнаружить и некоторые мотивные и другие переклички между пьесой и фильмом, которые не были отмечены ранее. Это позволяет уточнить характер диалога между фильмом Захарова и пьесой Шварца и обнаружить, с чем режиссер полемизирует, а какие элементы художественной структуры, кроме общей идеи и элементов сюжета, он пытается сохранить, т. к. они вписываются в его собственную художественную концепцию. Не считая сходства на уровне отдельных мотивов, больше всего пересечений между художественной манерой Шварца и Захарова обнаруживается на уровне особенностей юмора и включения абсурдистских элементов в повествование.

Музыкальная структура полимодального текста и её влияние на образ персонажа: три версии «Вестсайдской истории»

Орлова Елизавета Алексеевна

магистрант 2 курса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Специфика киноадаптации мюзикла в значительной степени связана с тем, что театр и кинематограф предъявляют к нарративу и персонажу создаваемого текста разные требования «реалистичности». В то время как первый уделяет большое внимание вокально-танцевальным номерам спектакля, поскольку «ощущение "реалистичности" мюзикла связано именно с песнями, входящими в него» [Knapp, 2019: 55], второй делает акцент на диалогах, обрамляющих песни. Подобный конфликт музыкальной и драматической составляющей адаптированного киномюзикла может привести к возникновению эффекта ревю, что, в свою очередь, создает ощущение раздробленности, дискретности персонажа. Целью настоящего исследования является анализ стратегий адаптации мюзикла для большого экрана, предлагающих более или менее цельный вариант музыкальной структуры текста, а также тех изменений в образе персонажа, которые он претерпевает в результате трансформации этой структуры. Одним из ключевых методов исследования для нас является подход Р. Нэппа, который обращает внимание на то, как медийная специфика влияет на создание эффекта «реалистичности» мира мюзикла. Кроме того, для нас важна авторская аналитическая схема «персонажных часов» Й. Эдера, один из уровней которой (персонаж как артефакт) предполагает рассмотрение того, как «физическая осязаемость» [Eder, 2010: 26] персонажа конструируется музыкальными и звуковыми средствами кино. Наконец, третий интересующий нас подход — предложенный К. Уилкинс метод анализа персонажа как адаптации, воплощённой телесно, — поскольку одной из ключевых характеристик персонажа мюзикла является его голос, принадлежащий исполняющему роль актёру. В качестве материала используется мюзикл «Вестсайдская история», поставленный на Бродвее в 1957 г. и затем дважды вышедший на экраны в виде киноадаптации (в 1961 и 2021 гг.). Обе эти экранизации изменяют музыкальную структуру оригинального текста, подстраивая ее под требования нового медиума, за счёт чего происходят перестановки в системе персонажей, а также смещение смысловых акцентов в их образах. Как показывает исследование, за счёт трансформаций музыкальной структуры текста на первый план выходит не ансамбль, а один центральный герой, который поёт свою песню и становится «королём» всего действия.

Литература:

Eder J. Understanding characters // *Projections*. 2010. Vol. 4. №.1. P. 16—40.

Knapp R. Getting Real: Stage Musical versus Filmic Realism in Film Adaptations from Camelot to Cabaret // *The Oxford Handbook of Musical Theatre Screen Adaptations* / Ed. D. Broomfield-Mchugh. New York: Oxford Handbooks, 2019. P. 55—83.

Театр

Образы монархов в пьесе XVII в. «Темир-Аксаково действо»

Уланова Александра Вячеславовна

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

«Темир-Аксаково действо» — одна из первых пьес придворного театра царя Алексея Михайловича, посвящённая историческим событиям. В основе пьесы — борьба среднеазиатского завоевателя Тамерлана с турецким султаном Баязидом I (к. XIV — н. XV вв.). Пьеса представляет интерес для исследователей древнерусской литературы и становления русского театра как текст, относящийся к раннему периоду русской драматургии в контексте её формирования. Способ описания правителей в пьесе позволяет сделать наблюдения над придворным церемониалом и традицией изображения монархов. В «Темир-Аксаковом действе» мы видим образы трёх правителей: Тамерлана и турецкого султана Баязета в самом действии [Парфёнов, 1969: 13—16], а также царя Алексея Михайловича в эпизодах, предваряющих и завершающих текст пьесы. Составить представление об особенностях изображения царской власти в пьесе можно по титулам и обращениям других персонажей к Тамерлану и Баязету. Для раскрытия образов персонажей важны их автохарактеристики в тексте пьесы, а также относящиеся к ним поэтическая символика, напр., метафоры, связанные с солнцем [Каплун, 2018: 169]. Вне уровня сюжета репрезентация власти монарха появляется в обращениях к царю Алексею Михайловичу: его подданные противопоставляют свою незначительность царскому величию. Анализ поэтики пьесы «Темир-Аксаково действо» продолжит исследование типологического сходства изображения Тамерлана и Баязета в западной и русской драматургических традициях и политических реалиях своего времени [Дёмин, 1972: 275] и позволит сделать выводы об особенностях изображения царской власти в пьесах русского придворного театра.

Литература:

Дёмин А. С. Русские пьесы 1670-х годов и придворная культура // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. История жанров в русской литературе X—XVII вв. Л., 1972. С. 273—283.

Каплун М. В. Символика солнца в пьесах Иоганна Готфрида Грегори // Вестник славянских культур. 2018. №1. С. 169—175.

Парфёнов А. Т. К вопросу о первоисточниках «Темир-Аксакова действа» // Вестник Московского государственного университета. Серия X. Филология. 1969. №2. С. 16—30.

Система персонажей как основной принцип адаптации литературного произведения под жанр мюзикла на примере трагедии «Ромео и Джульетта» Уильяма Шекспира

Лень София Сергеевна

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Когда речь заходит об основных принципах адаптации литературного произведения под жанр мюзикла, в поле зрения, в первую очередь, попадает система персонажей. Стоит

сделать небольшую оговорку и сказать о том, что адаптации подвергаются разные аспекты, но именно в этой работе будут рассматриваться образы персонажей. Для жанра мюзикла свойственны изменения в изображении характеров персонажей, более детальное раскрытие второстепенных героев, а также нередко режиссерским решением становится включение в сюжет новых персонажей. Такой подход к изображению персонажного состава на сцене порождает новые смыслы, но не искажает авторский замысел, а дает ему новую интерпретацию.

Основная задача режиссера при постановке мюзикла — знакомство массового слушателя с произведением литературы. Причем для «удачного знакомства» мюзикл должен быть понятен людям разных возрастов и людям, в разной степени знакомым с мировой историей, культурой и литературой. Под «понятен» с точки зрения зрителя я подразумеваю заинтересованность в просмотре, а с точки зрения режиссера — постановку, не искажающую авторский замысел и отвечающую эстетическим запросам зрителей. Режиссер мюзикла «Ромео и Джульетта» справляется с этой задачей, потому что он прибегает не к упрощению, а к усложнению и к более детальному раскрытию определенных уровней текста, например, как было показано в докладе, уровню персонажей. Это позволяет зрителям ближе познакомиться с текстом Шекспира и узнать лучше не только главных героев, но и второстепенных персонажей.

В докладе рассматривается адаптация системы персонажей на примере французского мюзикла «Ромео и Джульетта» 2001 г. Ж. Пресгурвика, а также проводятся параллели героев с действующими лицами трагедии Уильяма Шекспира. Цель нашего доклада — выявление особенностей изображения персонажей на сцене и осмысление следующих моментов: как раскрываются характеры второстепенных героев и почему на сцене им уделено больше внимания, чем в шекспировской трагедии, и для чего вводятся новые персонажи, которых не было в авторском тексте. Результатом исследования, представленного в докладе, стало выявление особенностей адаптации персонажного состава под жанр мюзикла.

История французской драмы через призму цифровых гуманитарных наук

Шаблыкина Ольга Сергеевна

студент 4 курса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Цель исследования — проанализировать количественные данные пьес французской драмы 1600—1900 гг. Новизна заключается в использовании подходов, предложенных предыдущими исследователями [Ушакова, 2019; Trilcke, 2016] на ином корпусе драмы. Материал исследования — таблица метаданных французских драматических пьес, а также таблицы с метриками персонажей, выгруженные по DataCorg API. Выбран период 1600—1900 гг., т. к. в этот временной отрезок практически нет пропусков между элементами. Таким образом в список вошло 1506 произведений.

Количественный анализ показал снижение количества доли трагедий к началу XIX в., что соответствует выводам исследований истории французского театра [Allain, 1965]. Общее количество пьес также существенно снижается в 1800—1820 гг., что обусловлено историческими факторами. Анализ количества персонажей пьес показал тренд на снижение к концу рассматриваемого периода. При этом доля женских персонажей сначала возрастает к середине XVIII в., затем сокращается к XIX в. Проанализирована доля главных героев среди персонажей пьес по методике Е. Ушаковой [Ушакова, 2019]. Для каждой пьесы подкорпуса выгружена таблица сетевых метрик персонажей, выявлена разница между наибольшим и наименьшим значением для метрики «степень» (количество связей героя с

другими персонажами), получено четыре числовых интервала. С помощью функции cut в pandas персонажи были разбиты на четыре группы согласно интервалу, к которому относятся их степени. Для каждой пьесы подсчитано количество персонажей первой группы, с наибольшими значениями степени. Затем подсчитаны средние и медианные значения по десятилетиям и по жанрам.

Выяснено, что 1880—1890 гг. в среднем 80% персонажей относилось к первой группе по сравнению с 41% в середине XVII в. Похожие результаты для 1880—1890 гг. наблюдались в русскоязычном корпусе драмы, где пик объяснялся особенностями пьес А. П. Чехова, их плотными сетями персонажей [Ушакова, 2019]. Однако в случае с франкоязычным корпусом это значение объясняется значительной долей пьес с небольшим количеством персонажей (3—6) в это десятилетие. Относительно жанра различий в доле персонажей первой группы не выявлено.

Литература:

Ушакова Е. Соцсети русской драмы, часть II Ревизор vs. Городничий: кто же главный герой? // Системный Блокъ. 2019. URL: <https://sysblok.ru/philology/socseti-russkoj-dramy-chast-ii-revizor-vs-gorodnichij-kto-zhe-glavnyj-geroj/> (дата обращения: 28.02.2024).

Allain M. Voltaire et la fin de la tragédie classique française // French Review. Carbondale, 1965. P. 384—395.

Trilcke P., Fischer F., Göbel M., Kampkaspar D., Kittel C. Theatre Plays as Small Worlds? Network Data on the History and Typology of German Drama, 1730—1930 // Digital Humanities 2016, Conference Abstracts. Kraków, 2016. P. 385—387.

Роль авторского текста в современном театре

Железняк Анастасия Юрьевна

студент 2 курса

Российский государственный институт сценических искусств

Современный театр использует различные формы художественной выразительности, являясь порождением эпохи постмодерна: современные технологии смешиваются с классическими формами, образуя новый театральный язык. Роль авторского текста напрямую связана с этапом развития общества. Ю. Н. Чирва в одном из своих эссе писал: «успех театральных прочтений и проницательности исследовательской мысли зависит от того, до какого уровня понимания пьесы дорастет общество, в каких открытиях оно нуждается» [Чирва, 2022: 236]. Возникновение режиссерского театра в первой половине XX в. изменило роль текста в театральных постановках: режиссер стал заниматься анализом авторского текста, а не его трансляцией. Театр развивался вместе с возникающими художественными направлениями, которые менялись параллельно с развитием истории. Торжество идеи индивидуализма сформировало потребность в слове как форме индивидуалистского протеста. Рубеж XIX—XX вв. породил «подтекст» — дуализм слова и смысла. Родоначальником дуалистического начала в тексте становится А. П. Чехов. Стремительное развитие всех форм искусства в начале XX в., технологический прогресс, Вагнер с его мечтой о единстве театра, музыки и живописи привели к рождению нового стиля «модерн», наделившего визуальный образ решающей ролью в восприятии произведения. Реципиент театрального действия, теперь осознающий вымысел на сцене, нуждался в чувственной подпитке и подчинении своего сознания. Театр Мейерхольда является примером первого в театральной истории случая доминирования визуальных образов над авторским текстом. Появляется дуализм условного и реального — текст перестает транслировать истину, все больше превращаясь в форму смысла. Режиссерский

театр выражается в способности вызывать образы и воплощать действительность через художественные символы. Две мировые войны окончательно перекроили сознание человека. В эпоху расчеловечивания, когда возможно все, духовный мир опускается на уровень бессознательного, где слово теряет свои значимость и вес. Глобализация и мировые потрясения порождают постмодерн с его отказом от реальности «один в один». Абсурдисты и «Смерть автора» Ролана Барта выступают манифестом современного театра. Там, где писатель рождается «здесь и сейчас вместе с текстом» и где каждая книга «создается заново при каждом новом прочтении», слово становится многомерным пространством, отражающим лишь то, что конкретная личность под ним понимает. Технологический прогресс и конец определенности времени и пространства диктуют законы, где театр — отражение действительности, реальной лишь для того, кто ее создает, что позволяет создавать тот язык театральных постановок, который отвечает чувственному и духовному развитию создателей.

Литература:

Чирва Ю. Н. О литературе, театре и кино: Сборник статей. СПб., 2022.

БУДЕТЛЯНЕ

Будетляне. Гипотеза в филологии: научные бои

Происхождение и метаморфозы трикстера: от мифа к массовой культуре

Черявко Евгений Джонович

студент 3 курса

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В данном исследовании ставится цель проанализировать основные тенденции эволюции фигуры трикстера от фольклорного персонажа до эксплуатируемого в современной массовой культуре образа на примере популярных литературных и кинематографических персонажей XX—XXI вв.

Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении феномена трикстера сквозь призму современной массовой культуры с акцентом на образы из кино, комиксов и молодёжной литературы. Обращение к массовой культуре позволяет комплексно изучить метаморфозы трикстера на пересечении архаичных традиций и современных тенденций.

В качестве теоретической базы были использованы труды П. Радина, Д. А. Гаврилова, Н. В. Ковтун и других исследователей феномена трикстера. В качестве материала для анализа выбран ряд популярных персонажей массовой культуры XX—XXI вв. с явными чертами трикстера: Джокер, Харли Квинн, доктор Грегори Хаус и Перси Джексон. Методом исследования является сравнительный анализ данных персонажей для выявления основных векторов трансформации трикстера.

Базовые характеристики классического трикстера включают тип (чаще всего антропоморфное животное), его функции (нарушение устоев, пародирование) и роль в сюжете (олицетворение многомерности мира). Мы рассмотрим, как эти аспекты раскрываются на материале массовой культуры.

Образ Джокера во вселенной DC первоначально задумывался как комичный трикстер-антагонист Бэтмена, однако уже в комиксах 1980-х гг. наметилась тенденция придания ему всё более мрачных, социопатических черт.

Схожую эволюцию, но с иным вектором, демонстрирует персонаж Харли Квинн. Первоначально она была легкомысленной комедийной пособницей Джокера, однако впоследствии, особенно в отдельной серии комиксов 2000-х гг., Харли обрела реалистичную психологическую предысторию и мотивацию.

Образ главного героя популярного телесериала «Доктор Хаус» Грегори Хауса демонстрирует ещё одну грань трансформации трикстера. С одной стороны, доктор Хаус является бунтарём, постоянно вступающим в конфликт с медицинской бюрократией и подвергающим сомнению её догмы. Однако за внешней циничностью скрывается стремление спасти больных там, где традиционные методы бессильны.

Похожее направление демонстрирует герой популярной юношеской франшизы Р. Риордана о Перси Джексоне. Изначально Перси — типичный подросток-бунтарь с синдромом дефицита внимания и гиперактивности, попадающий в неприятности. Однако со временем выясняется его сверхъестественное происхождение как сына бога Посейдона. Перси обладает уникальными способностями, позволяющими ему противостоять хаотичным силам и спасать мир.

В результате проделанной работы были обозначены следующие ключевые тенденции:

1. Происходит радикализация трикстера как олицетворения иррационального зла и сил хаоса (Джокер).
2. В противовес этому, наблюдается очеловечивание образа трикстера, приобретение им психологической глубины и мотивации, вызывающей сочувствие (Харли Квинн).
3. Актуализируется просветительский, рациональный потенциал трикстера — выполняется функция циничного, но гениального бунтаря (Доктор Грегори Хаус).
4. Предпринимаются попытки примирить бунтарство трикстера с гуманистическими ценностями через образ «положительного бунтаря» (Перси Джексон).

Таким образом, мы можем сделать вывод о многовекторности трактовок трикстера в современной массовой культуре, что отражает противоречивые тенденции эпохи постмодернизма.

Субкультуры и язык научно-популярной литературы

Ясюкевич Вероника Алексеевна

студент 3 курса

Петрозаводский государственный университет

Феномен пацанской культуры, зародившийся в 90-х гг. XX в., оказал влияние не только на российский кинематограф и художественную литературу, но и на научно-популярный дискурс. В докладе отражены результаты лингвостилистического анализа следующих научно-популярных произведений: «Хулиномика: хулиганская экономика» А. Маркова [Марков, 2019], «Латынь по-пацански. Прохладные римские истории» Н. Самохина [Самохин, 2020], «Искусство для пацанчиков. По полочкам» Н. Четвериковой [Четверикова, 2021], а также «Матерные основы логики для гопников, хипстеров и журналистеров» Поли Глотт [Глотт, 2023].

Проанализированные тексты отличаются большим количеством обценной, скатологической и сниженной лексики, которая необходима для создания и поддержания образа автора-пацана. Кроме того, с представителями указанной субкультуры отождествляются читатели и герои повествования, что также нашло отражение в лексике произведений.

Неразличение авторами понятий «гопник» и «пацанчик», строго противопоставленных внутри данных групп, вероятно, свидетельствует о том, что образы представителей этих субкультур сохраняются в общественном сознании лишь как романтизированные мифологемы, лишённые исходной криминальной основы. В ходе анализа установлена роль основных маркеров пацанской субкультуры (чёткое разделение общества на своих и чужих, отрицание доминирующей культуры, нетолерантность, наличие своего «морального кодекса») в языковой структуре научно-популярных произведений. Сделан вывод об эффективности использования реактуализированного, лишённого криминальной основы образа пацана в качестве инструмента контактоустановления и самоидентификации.

Литература:

- Глотт П.* Матерные основы логики для гопников, хипстеров и журналистеров. М., 2023.
Марков А. Хулиномика. Хулиганская экономика: финансовые рынки для тех, кто их в гробу видал. М., 2019.
Самохин Н. Латынь по-пацански: прохладные римские истории. М., 2020.
Четверикова А. В. Искусство для пацанчиков. По полочкам. М., 2021.

Владимир Набоков: сны романские и реальные

Шаикова Полина Максимовна

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В 1927 г. впервые было опубликовано исследование ирландского философа Дж. У. Данна «Эксперимент со временем», в котором была высказана идея о том, что время можно изучать как пространственно-подобное измерение. Доказательство теории философ находил в способности человека видеть «вещие» сновидения, которые могут быть основаны на опыте будущих событий. Данн предлагает эксперимент, в ходе которого человек подробно записывает воспоминания о сновидениях по пробуждении. Этот опыт провел В. В. Набоков. В результате он заполнил 118 карточек, на которых осталось 64 записи.

В 2021 г. вышла переведенная на русский язык книга Г. Барабтарло «Я/сновидения Набокова», где был представлен дневник сновидений писателя. Экспериментальные сны пока остаются малоизученными, несмотря на то что при сравнении их с набоковским изображением художественных сновидений можно заметить некоторые типологические сходства.

Был проведен сопоставительный анализ произведений с записями реальных сновидений. Анализируя собственные записи, писатель подчеркивает «довольно логический (в известных границах) мыслительный процесс» [Барабтарло, 2021: 46]. Нарративная структура дневниковых записей часто выстраивается в рациональную последовательность событий. Большинство сновидений имеют развернутый сюжет. Напр., одно из первых дневниковых сновидений напоминает рассказ «Посещение музея». Схожими оказываются описания зрителей: «...музейный сторож, — банальный инвалид с пустым рукавом» [Набоков, 2001: 352] и «бесцветный администратор, неприметные черты, стрижен бобриком...» [Барабтарло, 2021: 51]. Примитивный внешний вид в обоих случаях подчеркивается эпитетами «банальный» и «бесцветный», «неприметный».

В докладе также разобрана нарративная структура, описание положения сновидца, комментарии, включенные в текст сновидений. Записывая реальные сновидения, Набоков испытывал теорию Данна о вещих снах. Однако он не столько пытается распознать будущее, сколько обращается к использованным ранее писательским приемам.

Литература:

Набоков В. В. Я/сновидения Набокова. Сост., публ. и коммент. Геннадия Барабтарло. СПб., 2021.

Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. СПб., 2004.

Плакат как знак советской идентичности в игре Atomic Heart

Ильина Наталья Дмитриевна

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

В игре Atomic Heart Плакаты игры представляют собой оригинальные креолизованные тексты с тенденцией к аллюзии на плакаты советской эпохи. Выделяются три типа постеров по коммуникативной задаче: 1) рекламные, 2) просветительские, 3) агитационные. Идентичность «советскости» в них возникает за счет взаимодействия

вербального и визуального кодов. В частности, отличительными чертами являются обращения товарищ, гражданин в составе номинативного восклицательного предложения, которые в Советском Союзе и других социалистических странах были общепризнанными и широко используемыми в искусстве и масс-медиа. Также используются лозунги и слоганы, посвященные научному прогрессу, как паттерн, отражающий культуру СССР: «Слава советским инженерам!»; «Долой эксплуатацию человека человеком!»; «Советским гражданам служит наука!»; «Много работы, забот — не беда верный друг — робот поможет всегда!» и т. д. Интересная языковая особенность Советского Союза в игре — нейминг (naming), т. е. разработка названий товаров. Например, портативное устройство для записи голосовых сообщений «Щебетарь», название которого является калькой слова *tweet* (с англ. «чирикать, щебетать, болтать»), отражает стремление разработчиков игры создать подчеркнуто «русский мир», причем с характерной установкой на «шишковизм». В этот же ряд можно включить названия других устройств, рекламируемых плакатами во вселенной игры. Данный языковой факт можно рассматривать как основу языковой политики создаваемого образа СССР. Рассматривая плакаты из Atomic Heart, замечаешь более явные знаки, создающие интертекстуальное, диалогическое поле между вымышленным и реальным СССР. Разработчики игры берут за основу плакат В. В. Сурьянинова «Свети как путеводная звезда, живой союз науки и труда! Слава советской науке!» 1979 г. и изменяют очертание города на заднем фоне, в руках главного героя не серп и молот, а лабораторная колба, меняется расположение текста, но образ героя и цветовое решение не изменяются и легко считываются, таким образом плакат воспринимается как индекс «советскости». Подобным образом работает слоган «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» 1937 г., взятый с постера П. Я. Караченцова.

От советского плаката в игре остается лишь вербальная составляющая, а визуальная — полностью изменяется. Вместо пионерки на фоне дирижабля игрок увидит статую, похожую на «Работника и колхозницу» вида 2/3, но и тут есть «подмена» — вместо серпа и молота в руках у статуи расположена сфера. Художественная аллюзия на советский монумент и истинный лозунг хорошо считываются игроками, знакомым с визуальной культурой СССР. Единственный настоящий советский плакат, использованный в игре, — «Мой руки после работы и перед едой» С. Семенова 1931 г., который предстает в неизменном виде, что является ярким элементом диалогичности настоящего и вымышленного «союза» и установки на создание близкого к истинной визуальной культуре СССР ландшафта игры. Плакат как знак советской идентичности в Atomic Heart представляет собой отражение лозунга и слогана, свойственных всем плакатам СССР. В постерах игры использованы общеизвестные обращения к советскому человеку, знакомые вербальные и визуальные коды, а также есть место для оригинальных названий, графических изображений. Сумма этих факторов создает интертекстуальное поле между плакатами реального и вымышленного СССР, делая культурный ландшафт Советского Союза в игре правдоподобным и не застывшим во времени.